NATURA CUPIDITATEM INGENUIT HOMINI VERI VIDENDI
Marcus Tullius Cicero
(Природа наделила человека стремлением к познанию истины)

Мысли Об Истине

Альманах «МОИ»
Электронное издание, **ISBN 9984-688-57-7**

Альманах «Мысли об Истине» издается для борьбы с лженаукой во всех ее проявлениях и в поддержку идей, положенных в основу деятельности Комиссии РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований. В альманахе публикуются различные материалы, способствующие установлению научной истины и отвержению псевдонаучных заблуждений в человеческом обществе.

Альманах издается с 8 августа 2013 года
Настоящая версия тома выпущена **2017-11-03**

© 2017 Марина Ипатьева (оформление и комментарии)

Матрена Распутина. Распутин

VEcordia
Извлечение R-RASPUT

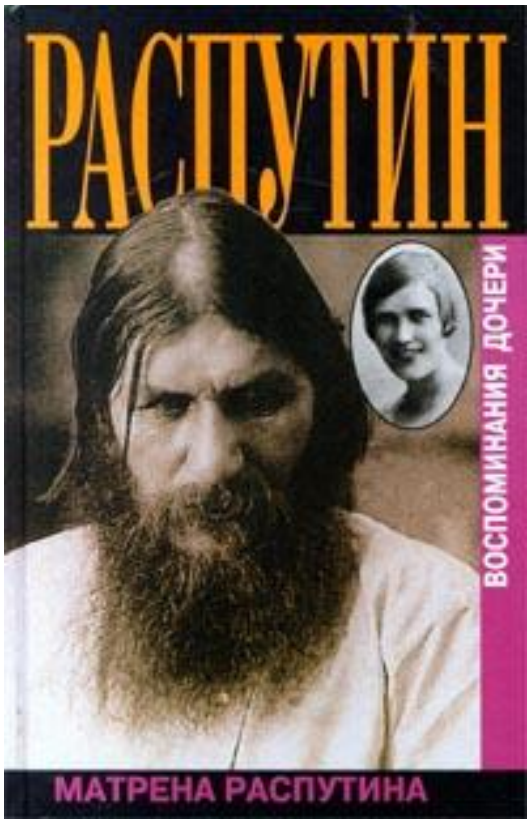
Открыто: 2007.02.25 14:19
Закрыто: 2014.04.19 16:33
Версия: 2017.04.16 16:52

Дневник «VECORDIA»
ISBN 9984-9395-5-3
© Valdis Egle, 2017

Матрена Распутина. «Распутин»
ISBN не установлен
© И.В. Захаров 2000

Матрена Распутина
РАСПУТИН
С комментариями Вайры Элсы и Валдиса Эгле

Impositum
Grīziņkalns 2017



Обложка издания 2002 года

Предисловие редактора

Ниже публикуются воспоминания и размышления Матрены Распутиной – дочери Григория Распутина –, взятые мною из Интернетовской библиотеки Максима Мошкова. Текст, находившийся в этой библиотеке, был чрезвычайно низкого качества: повсюду почему-то были вставлены ненужные буквы «н» (видимо, какой-то дефект считывающей засканированный текст программы и отсутствие последующего прочтения человеком и поправок). Я исправила тысячи таких ошибок, но не могу гарантировать, что они нигде не сохранились.

Всё необходимое собственно об этом сочинении рассказывает ниже издатель.

Вайра Элса

24 марта 2004 года

Предисловие в Векордии

Я взял этот текст из журнала LOVE,[1] издаваемого Вайрой Элсой в 2003–2004 годах. Ее комментарии отмечены как «*В.Э.*» и относятся к марту 2004 года, а мои как «**В.Э.:**» и относятся к апрелю 2014 года.

Взял я этот текст еще в феврале 2007 года, но он 7 лет и 2 месяца пролежал у меня нетронутым на диске, пока наконец теперь я его не перечитал заново и не оформил в виде завершенного тома Векордии.

Валдис Эгле

19 апреля 2014 года

[1] Library Of Vaira Elsa.

От издателя

© И.В. Захаров 2000
Москва – 2001
И.В. Захаров, правовладелец и издатель 2000
OCR: Сергей Сдвижников

Матрена Распутина – старшая дочь Григория Распутина – родилась в 1898 году.[2] 5 октября 1917 года вышла замуж за офицера Бориса Соловьева. Вскоре после революции Матрене с мужем удалось выехать из России. Семья обосновалась в Париже.[3] В 1924 году муж умер.[4] Матрена осталась с двумя дочерьми на руках, практически без средств. К тому времени относится начало ее карьеры (довольно удачной) танцовщицы.[5] Позже, уже в Америке, Матрена освоила профессию, возможно, больше отвечавшую ее темпераменту – укротительницы тигров.

Умерла она в Лос-Анджелесе (Калифорния, США) в 1977 году от сердечного приступа.

Свои записки об отце – она назвала их на иностранный лад «Распутин. Почему?» – Матрена Григорьевна (впрочем, в Америке она была известна как Мария) писала с 1946 по 1960 год. По неизвестным причинам сама она их не опубликовала, хотя и стремилась – даже согласилась на их использование своей американской соседкой по дому престарелых (см. ниже).

Я приобрел эту рукопись в 1999 году у ее последней владелицы, которая почему-то не разрешила мне объявить ее имя. Назову ее госпожой Х.

Сама г-жа Х. родилась и живет в Парагвае. Ее дед по матери был одним из тех казаков, которые, бежав из Крыма в 1920 году, решили попытать счастья в Южной Америке – их тогда целыми сотнями сманивали плодородными землями и возможностью быстро встать на ноги.

Тетка г-жи Х. вышла замуж и уехала в Америку в 1957 году. По каким-то соображениям она почти не поддерживала связи с родными, так что сообщение о наследстве от бездетной малознакомой родственницы стало для г-жи Х. неожиданным. Кроме довольно значительной суммы денег она привезла из Америки деловые бумаги и коробку с рукописью, в которую, разумеется, заглянула, но не более. По-моему, из-за недостаточного знания русского языка г-жа Х. толком даже не представляла, чем заполнены три толстые тетради с массой вклеек, доставшиеся ей от тетки. Как рукопись Распутиной попала к ее тетке, она не знает.

---

[2] **В.Э.:** Жила 1898.03.29 – 1977.09.27.

[3] **В.Э.:** Сначала в Бухаресте в Румынии, потом в Париже. Когда в Париже вышли воспоминания князя Юсупова об убийстве Распутина, Матрена подала иск во французский суд на 800˙000 долларов (так в английской статье) к Юсупову и вел.кн. Дмитрию Павловичу «за причиненный ущерб», но иск был отклонен с мотивацией, что «французский суд не обладает юрисдикцией над политическим убийством, имевшим место в России».

[4] **В.Э.:** Согласно Википедии он работал на автозаводе и умер от туберкулеза в 1926 году.

[5] **В.Э.:** Википедия говорит, что она была танцовщицей уже в Бухаресте, потом гувернанткой в Париже и присоединилась к цирку «Братья Ринглинги и Барнум & Бэйли» (наиболее знаменитый американский цирк, образованный в 1907 году объединением цирка Братьев Ринглинглв с цирком Барнум & Бэйли), гастролировавшему по Европе и Америке; в городке Перу в штате Индиана («зимняя квартира» ее цирка и других цирков, именуемая поэтому «мировой столицей цирков») – в городке Перу ее порвал медведь, но она осталась с цирком; вышла из него в Майами во Флориде и поступила на военную фабрику; в 1940 г. вышла замуж за Григория Бернадского и в 1945 г. стала гражданкой США. В 1955 ушла из фабрики, работала в больницах и нянькой, преподавала русский, получала социальные пособия. В 1968 году объявила себя экстрасенсом, «распознала» в Анне Андерсон вел.кн. Анастасию; свою собаку назвала Юсуповым. Ее мать Прасковья Фёдоровна (ур. Дубровина, вдова Распутина), ее старший брат Дмитрий (1895–1937) и младшая сестра Варвара (1900–1925) остались в Советской России, были в 1920 году лишены дома и всего имущества, в 1922 году лишены «избирательных прав» (будто у других таковые имелись!), в 1930-х арестованы и уничтожены.

Осенью 1998 года г-же Х. показали изданные мною книги «Романовы. Императорский дом в изгнании» и «Мемуары» князя Юсупова, убийцы Распутина. «Тогда я и решила, что, может, вы захотите издать записи его дочери», – объясняла мне позже г-жа Х.

Полгода ушло у нас на переговоры (ведь всё только по почте, никаких факсов у нее нет), еще несколько месяцев рукопись морем добиралась до Москвы...

Что же представляют собой записки Матрены Распутиной?

Это, если попытаться определить одной фразой, – объяснение с теми, кто считает Григория Распутина виновником едва ли не всех бед, обрушившихся на Россию.

И тут надо сказать, что, приобретая вслепую записки дочери Распутина (на мое предварительное знакомство с рукописью г-жа Х. не соглашалась), я действовал с некоторым опасением. Оправданным было ждать от Матрены Распутиной вариаций на тему ее же записок об отце, выпущенных еще до войны, – книги очень наивной и совершенно апологетической. (Отдельно надо сказать о книге, вышедшей по-английски в США в 1977 году под двумя фамилиями – Пэт Бархэм и Марии Распутиной – «Распутин по ту сторону мифа». Я даже заказал ее перевод, но издавать не стал – в ней доля участия дочери Распутина свелась к передаче эпизодов жизни отца, и они, к сожалению, совершенно потонули в клюкве и патоке. Однако перекличка с записками, которые перед вами, бесспорна).

Матрена Распутина в цирке

На сей раз меня ждал приятный сюрприз. Теперь он ждет вас. Три тетради, исписанные почерком не слишком усердной ученицы, оказались весьма занятным чтением. Чтением увлекательным и познавательным как широкому читателю, так и узкому специалисту.

Книга построена как толкование жизни отца – от рождения в селе Покровском до смерти в водах Невы в Петрограде. И именно в неожиданном (но всегда абсолютно логичном психологически) толковании поступков Григория Распутина заключается прелесть записок Матрены. При этом естественно, что, отвечая на вопрос «почему?», Матрена передает массу подробностей, ускользавших от других, как она пишет, «воспоминателей».

Какая связь между смертями братьев – Михаила и Григория Распутиных, случившимися с почти сорокалетним разрывом; между Елизаветой Английской и Анной Вырубовой; между тягой великого князя Николая Николаевича к охоте и вступлением России в войну в 14-м году; между религиозностью и эротизмом в самом Распутине и т.д.? Матрена Распутина обо всем этом знает.

Насколько точно ее знание? Ровно настолько, чтобы то, о чем она говорит, «было вполне возможным». Прелесть записок Матрены Распутиной и в том, что каждый читающий сам сможет, если захочет, определить дистанцию от возможного до действительного. Кстати, Матрена Распутина намекает на это – вот, дескать и Жевахов об этом говорит, и Коковцов, только они так и не поняли, о чем говорили...

Чтению абсолютно не мешает не всегда точное следование автором хронологии – сохранена лишь временная канва, а некоторые события «положены не на свое место». «Почему?» побеждает в борьбе с «когда?».

Степень внутренней вовлеченности Матрены в описываемые ею события видна и из того, как она отражает бытовые подробности. Они для нее – далеко не главное, но она из того времени и никак не может ими пренебречь. Так милые детали будто проступают сквозь первый план.

Особое дело – тон записок. Никакого придыхания, сантиментов ровно столько, сколько положено, чтобы они не раздражали. Но никаких сомнений – Матрена обожает своего отца. Но обожает, так сказать, достойно, оставляя за другими право на нелюбовь к нему (не любите, но хоть поймите, не отмахивайтесь). И право, отмахнуться трудно. Временами на страницы записок просто-таки врывается темперамент, явно унаследованный дочерью от отца.

Наверное, именно темперамент вынуждал Матрену Распутину пренебрегать в самых напряженных местах правилами орфографии (разумеется, старой), не говоря уже о пунктуации. Она словно торопится высказаться, иногда не дописывая слова или сокращая их самым причудливым образом.

Собственно, работа издателя и свелась к расшифровке некоторых слов, очень незначительной правке стиля (исключительно из-за того, что по мере продвижения к концу русский язык Матрены становился всё более американизированным), сверке цитат и приведению их к виду, в каком они воспроизводятся в современных изданиях.

Для облегчения чтения я разбил текст на главы и подглавки и дал им названия. Приложения также добавлены мною.

И, наконец, я завершаю это затянувшееся объяснение с читателем краткой справкой «Кто есть кто в воспоминаниях М.Г. Распутиной». Даю только имена и род занятий (во время описываемых событий) основных упоминаемых ею персон.

Александр Михайлович (Сандро) – великий князь, дядя Николая II, женатый на его сестре Ксении.

Анастасия Николаевна (Стана) – великая княгиня, дочь черногорского князя Негоша, жена великого князя Николая Николаевича.

Бадмаев Петр Александрович – сын богатого бурятского скотопромышленника, врач, пользовался приемами восточной медицины.

Белецкий Степан Петрович – и.о. директора Департамента полиции, товарищ министра внутренних дел.

Боткин Евгений Сергеевич – домашний врач царской семьи.

Боткина-Мельник – его дочь.

Бьюкенен Джордж – посол Великобритании в России.

Витте Сергей Юльевич – граф, государственный деятель.

Воейков Владимир Николаевич – дворцовый комендант.

Вырубова Анна Александровна – фрейлина императрицы Александры Федоровны и доверенное лицо царской семьи.

Гермоген (Долганев Георгий Ефремович) – епископ Саратовский и Царицынский, уволен на покой.

Головина Мария Евгеньевна (Муня) – невеста Николая, брата Феликса Юсупова, поклонница Распутина.

Гурко Владимир Иосифович – камергер, товарищ министра внутренних дел, отправлен в отставку после скандала, связанного с денежными махинациями.

Дмитрий Павлович – великий князь, двоюродный брат Николая II, любовник Феликса Юсупова.

Евреинов Николай Николаевич – театральный деятель, литератор.

Елизавета Федоровна (Элла) – великая княгиня, старшая сестра императрицы Александры Федоровны.

Жевахов Николай Давидович – князь, камер-юнкер, и.о. товарища обер-прокурора Св. Синода.

Илиодор – см. Труфанов.

Иоанн Кронштадтский (Сергеев Иоанн Ильич) – настоятель Андреевского собора в Кронштадте, церковный проповедник и писатель.

Ковалевский П. – публицист.

Ковыль-Бобыль Иван – публицист.

Коковцов Владимир Николаевич – граф, министр финансов, после убийства П.А. Столыпина был назначен премьер-министром (до 1914 года).

Лахтина Ольга Владимировна – жена действительного статского советника, поклонница Распутина.

Мария Федоровна – жена Александра III, мать Николая II, вдовствующая императрица.

Милнца Николаевна – великая княгиня, дочь черногорского князя Негоша, жена великого князя Петра Николаевича.

Николай Николаевич – великий князь, дядя Николая Второго.

Палеолог Морис – посол Франции в России.

Протопопов Александр Дмитриевич – последний министр внутренних дел царской России.

Пуришкевич Владимир Митрофанович – крупный землевладелец, депутат II, III и IV Государственной Думы, основатель Союза русского народа и «Палаты Михаила Архангела».

Родзянко Михаил Владимирович – крупный землевладелец, председатель III и IV Государственной Думы. Был одним из тех, кто объяснял Николаю II необходимость дарования конституции во имя сохранения монархии.

Руднев Владимир Михайлович – товарищ прокурора Екатеринославского окружного суда, в марте 1917-го включен в Чрезвычайную следственную комиссию с поручением «обследовать источник безответственного влияния при дворе».

Симанович Арон Семенович – купец первой гильдии, ювелир, личный секретарь Распутина.

Труфанов Сергей Михайлович (иеромонах Илиодор) – начинал как многообещающий проповедник и ревнитель веры. В 1912 году публично отрекся от «Бога, Веры и Церкви».

Феофан (Василий Быстров) – епископ, ректор Петербургской духовной академии и одно время духовник императрицы Александры Федоровны.

Филипп – французский авантюрист.

Юсупов-Сумароков-Эльстон Феликс Феликсович – князь, наследник богатейшего состояния в России, муж Ирины Александровны, дочери великого князя Александра Михайловича, племянницы Николая II.

Имеющиеся в тексте неправильности в написании автором имен, фамилий и должностей не оговариваются.

Село Покровское в 1912 году[6] – родина Распутина и его дочери

[6] **В.Э.:** Несколько смущает качество цветной фотографии 1912 года. Википедия, откуда это изображение взято, не дает пояснений по этому вопросу.

Матрена Распутина. «Распутин. Почему?»

Воспоминания дочери

Григорий Ефимович **Распутин** (Новых)
1869.01.21 – 1916.12.30[7]

Я – дочь Григория Ефимовича Распутина.

Крещена Матреной, домашние звали меня Марией.

Отец – Марочкой. Сейчас мне 48 лет.[8]

Почти столько же, сколько было отцу, когда его увел из дома страшный человек – Феликс Юсупов.

Я помню всё и никогда не пыталась забыть ничего из происходившего со мной или моей семьей (как бы ни рассчитывали на это недруги).

Я не цепляюсь за воспоминания, как это делают те, кто склонен смаковать свои несчастья.

Я просто живу ими.

Я очень люблю своего отца.

Так же сильно, как другие его ненавидят.

Мне не под силу заставить других любить его.

Я к этому и не стремлюсь, как не стремился отец.

Как и он, хочу только понимания. Но, боюсь, – и это чрезмерно, когда речь идет о Распутине.

Предисловие автора

Однажды я уже принималась писать об отце, полагая, совершенно искренне, в этом свой долг перед его памятью и даже своей совестью.

К сожалению, я тогда не вполне еще отстранилась от происшедшего с моей семьей, чтобы противостоять желаниям советчиков, вдруг объявившихся рядом со мной. Записки, давно уже вышедшие под моим именем, меньше всего похожи на те, которые хотелось бы написать. Тогда был взят чужой тон. И сейчас мне если и не стыдно, то грустно от этого.

И всё равно я ни за что не хотела приниматься за обреченный труд – новые записки.

Но кто скажет заранее, как сложится, наверное ошибется.

Отец говорил (и это часто откликалось в моей жизни): «Нет никакой напрасности».

Четырнадцать лет назад ко мне в дом пришла (по рекомендации) одна русская дама. Правда, в отношении ее надо было бы сказать – одна бывшая советская дама. Тогда часто можно было встретить русских-советских, из перемещенных лиц. В сущности, беженцев, как и я. Она пришла посмотреть на дочь Распутина. И не скрывала своего любопытства, которое другой на моем месте принял бы за неприличность.

Я никогда не делала тайны из обстоятельств своей частной жизни. Все знают, к примеру, – чтобы прокормиться после смерти мужа, я была какое-то время танцовщицей. Словом, меня смутить трудно.

---

[7] **В.Э.:** С датой рождения Распутина в литературе большая неразбериха. БСЭ-3 указывает: «в 1864 или в 1865 году», современная русская Википедия называет дату «9(21) января 1869» – что всё равно не совпадает с датой, названной дочерью Распутина чуть ниже. Но данные Википедии, видимо, верны, так как основываются на записях церковных книг села Покровского Тюменского уезда Тобольской губернии.

[8] В 1946 году – *В.Э.*

Пришедшая не была мне неприятна, и я охотно отвечала на вопросы. Боже мой, какая же у нее в голове была каша!

Так бы и остался этот вечер обычным в своем роде, если бы под конец его гостья не протянула мне тонюсенькую книжицу без обложки, по виду – зачитанную.

Я приняла подарок, не ожидая подвоха. И что же я увидела – «Сказка наших дней о старце Григории и русской истории», начальными строками которой были: «*Мы расскажем эту сказку и про Гришку, и про Сашку*».

От негодования я чуть не задохнулась. У меня в доме – и такое! Я было собралась указать на дверь, но гостья опередила меня словами, перевернувшими всё:

– Вы хотите, чтобы от вашего отца осталось только это? – Дама выразительно посмотрела на книжицу.

Я тут же, разумеется, расплакалась, понимая, как она права, что судит обо мне так, и понимая свое бессилие что-либо изменить.

Так мне казалось в ту минуту.

Кое-как проводив гостью, я отправилась спать. В голове крутилась одна фраза: «Не хочу!». Так бывает, когда в полузабытьи пытаешься ухватиться за обрывок какого-то смысла, ускользавшего раньше. Что – «не хочу»? Чтобы от жизни отца остался пасквиль, или не хочу сделать так, чтобы остался не только он?

Не в силах заснуть, я встала. Я поняла, чего хотела.

Для начала дочитала до конца принесенную мне с таким явным умыслом книжицу.

Приведу только один, не самый гнусный отрывок.

Между тем почтенный Гриша
Забирался выше, выше,
Был он малый крепких правил,
Уважать себя заставил,
От девиц не знал отбою
И доволен был собою.
С Гришкой спорят иерархи,
Рассуждают о монархе,
И вещает Джиоконда
Из столичного бомонда:
«*Vous savez*, простой мужик,
А такой приятный лик».
Так его открыла Анна,
Дама фрейлинского сана,
А открыв, к царице скок –
«Объявляется пророк:
В нем одном такая сила,
Что на многих нас хватила,
Эта поступь, этот взгляд,
С ним не страшен целый ад».
Словом, лезет Гриша выше,
Красны дни пришли для
Гриши: И в столицу Петроград
Прибыл он, как на парад.
Едет он в почете, в славе,
Приближается к заставе,
Бьет поклон, и наконец
Попадает во дворец.
По палатам Гриша ходит,
Всех собой в восторг приводит,
Гриша старец хоть куда –
И взошла его звезда.
Изрекает он словечки,
Дамы ходят как овечки,
А потом, наедине,
Изнывают, как в огне...
Велика у Гриши сила,
До того вещает мило,
Что кругом бросает в жар:

«Вот так старец – а не стар».
А достойная Алиса,
Без любого компромисса,
С ним сидит и день, и ночь,
День да ночь и сутки прочь.
Завелась деньга у Гриши,
Дом в селе с узорной крышей,
Перевез детей и женку,
Пьет в салоне ром и жженку;
У самой графини И...
У него всегда свои.
Свет потушит, порадеет,
Тихой лаской обогреет.
А когда Григорий зол,
Изорвет в клочки подол.

И так далее.

Почему эта поделка так расстроила (впрочем, не то слово) меня? Ведь за довольно длинную к тому времени жизнь я прочитала и выслушала немало. Но «сказка» была сделана под народный говор, она хотела уязвить моего отца голосом его слоя, голосом тех, ради кого отец в конце концов и предпринимал все доступные ему усилия.

Это было гадко так же, как описанное Пуришкевичем ликование народа при известии об убийстве отца. Да что они, люди, о нем знали? То, что им сказал Пуришкевич. А не он, так другой...

В общем, я села писать.

О том, что знают все, и о том, чего не знает никто. О том, почему всё сложилось так, а не иначе.

Вполне осознавая, что упрекнуть меня в пристрастном отношении к отцу всякому будет приятно, я взяла за правило опираться (там, где это возможно) на известных людей, чьи записки, касающиеся моего отца и сопутствующих его жизни обстоятельств, читаны уже многими, но не поняты правильно почти никем.

6 июля 1960 года.

Глава 1. Падучая звезда

Мальчик – Ветеринар-чудотворец – Смерть в пруду – Где Бог? – Чужой в своей семье – Половой вопрос по-деревенски – Любовный морок – Вдовий грех

Мальчик

В Покровском, большой деревне в Западной Сибири, была одна церковь – Покрова Богоматери. Богомольные крестьяне, ставившие ее давным-давно, еще до всякого поселения, надеялись призвать таким образом ее защиту. И Богородица не отвернулась от них.

Небо над деревней ночью 23 января 1871 года[9] осветила падучая звезда – предвестница великого события.

В ту же минуту жена Ефима Алексеевича Распутина – Анна Егоровна – родила второго сына. Его крестили Григорием.

Двор Распутиных ко времени рождения Григория можно было отнести к богатым. Дом на восемь комнат, хозяйство. Как и все в Покровском, Распутины делали обычную крестьянскую работу, занимались извозом и рыболовством.

«Бог помогал»... Так часто говорила бабушка. В этой фразе не было ничего нарочитого. Произносилась она просто, между делом.

Я множество раз перечитывала «Житие опытного странника», написанное отцом, и всякий раз, доходя до фразы «Очень трудно было всё это пережить, а делать нужно было, но все-таки Господь помогал...», останавливалась. Однажды поняла: если другим Он помогал, то отца – вел.

Кстати скажу, что «публика» не смогла простить моему отцу, – кроме всего прочего, разумеется, – написания им «Жития опытного странника» и «Мыслей и размышлений». Тут же

[9] **В.Э.:** По церковным книгам – 21 января 1869 года.

заговорили о ловкой подделке, даже о краже рукописи. Предполагая, что многие не сочтут возможным положиться на мое слово, прибегу к ссылке на Владимира Иосифовича Гурко, в своих записках отметившего по этому поводу:

> «В период молитвенного углубления были им написаны и его духовные размышления, составленные, вопреки распространенному мнению о подделке, им самим, как это установила, по словам А.Ф. Романова, специальная экспертиза».

Отцу было отказано в самой возможности написания им чего-либо возвышенно-духовного, того, что выказывало ум глубокий и оригинальный, только лишь потому, что отец – мужик, из среды чуждой, во многом непонятной. То, что писал отец, было так непохоже на косноязычие прирученных юродивых. Но, как часто повторял отец, «дух Божий витает, где хочет». Эти слова из Писания знали, безусловно, все. Но поверить в них...

Об отце почти никто ничего достоверно не знал. Многие думали, что он из бедной семьи. И этим объясняли его стремление к богатой жизни, странничеству, смешивая его с попрошайничеством. О представлениях отца по этому поводу я еще скажу. Тут же замечу, что мой дед был старостой, а нищего и нерадивого хозяина главным в деревне не поставят.

По моему малолетству, когда отец говорил: «У Бога дорог много», а он часто это повторял, представлялись причудливо переплетавшиеся тропинки. Куда захочешь, туда и пойдешь. Со временем и я поняла – «Дух Божий витает, где хочет».

Что я знаю о детстве отца? Как и многие, – гораздо меньше, чем хотелось бы.

Знаю, что родился он семифунтовым (этим почему-то очень гордилась, представьте, свекровь, а не его мать), но крепким здоровьем не отличался.

Метался в люльке, не желая мириться с пеленками. К шести месяцам уже мог подтянуться и встать, а в восемь начал ходить по избе.

Долго не мог заговорить, а когда все-таки стал разговаривать, то произносил слова нечетко. Хотя косноязычным не был.

Чувствую, что те, кто готовится читать «Четьи-Минеи», думают, что я таким образом готовлю разговор как бы о Моисее (косноязычном пророке). Ничего такого не ждите. Я пишу о человеке. Жития святого Распутина – не было. Распутин был по преимуществу человеком.

Отец никогда не стеснялся себя самого и написал в своем «Житии» то, чего не написали бы о себе другие: «*Вся жизнь моя была болезни. Медицина мне не помогала, со мной ночами бывало, как с маленьким: мочился в постели*».

Еще о том, что отец не играл в кого-то и не придумывал себя. Симанович оставил свидетельство, относящееся к петербургской жизни отца: «*Распутин не старался перенять манеры и привычки благовоспитанного петербургского общества. Он вел себя в аристократических салонах с невозможным хамством*». «С невозможным хамством» – здесь значит «по-мужицки», то есть так, как «невозможно», «нельзя», с точки зрения аристократа, вести себя.

Почти с младенчества его взгляд (глаза были ярко-синими, глубоко посаженными) отличался от мутного, несфокусированного взгляда обычного ребенка. Как сказали бы сейчас – глаза делали лицо.

Читая у бесчисленных мемуаристов описания внешности отца, я всякий раз отмечала, что почти никто из них не мог верно передать их цвет. Чаще всего называли серый, голубой. Иногда серо-стальной. Надо сказать, что в Покровском вся порода такая была – светлоглазые. Даже и брюнеты.

Был костляв и нескладен.

Однажды, еще не оправившись от болезни, отец уверял бабушку, что у его постели сидела красивая городская женщина и успокаивала, пока жар не прошел. Никто ему не поверил. И не обратил внимание на то, что ребенок выздоровел внезапно.

Я бы поверила. Но это потому, что знаю о нем всё, что знаю. Я просила бабушку рассказывать мне эту историю, когда мы оставались в Покровском без отца. Мне казалось, что так я могу призвать ту женщину на помощь к нему. Не женщину – Богородицу.

У отца не было в детстве друзей. (Как и позже). Нуждался ли он в них? Вряд ли. Слишком хорошо всё видел. Буквально. Рассказывали, что с детства, если пропадала какая-то вещь, он видел, кто ее украл. Говорили, что он и мысли читает.

Ветеринар-чудотворец

От деда я знаю о необыкновенной способности отца обращаться с домашними животными. Стоя рядом с норовистым конем, он мог, положив ему на шею ладонь, тихо произнести несколько слов, и животное тут же успокаивалось. А когда он смотрел, как доят, корова становилась совершенно смирной.

Как-то за обедом дед сказал, что захромала лошадь, возможно, растянула сухожилие под коленом. Услыхав это, отец молча встал из-за стола и отправился на конюшню. Дед пошел следом и увидел, как сын несколько секунд постоял возле лошади в сосредоточении, потом подошел к задней ноге и положил ладонь прямо на подколенное сухожилие, хотя прежде никогда даже не слышал этого слова. Он стоял, слегка откинув назад голову, потом, словно решив, что исцеление совершилось, отступил на шаг, погладил лошадь и сказал: «Теперь тебе лучше».

После того случая отец стал вроде ветеринара-чудотворца и лечил всех животных в хозяйстве. Вскоре его «практика» распространилась на всех животных Покровского. Потом он начал лечить и людей. «Бог помогал».

В Петербурге отец привлечет к себе внимание великого князя Николая Николаевича как раз тем, что вылечит его любимую собаку, казалось, безнадежно больную.

В «Житии» есть такая фраза: «*Всё меня интересовало. И хорошее, и худое, а спросить не у кого было, что это значит? Много путешествовал и вешал, то есть проверял всё в жизни*». Из рассказов бабушки и деда я поняла, что таким он был с ранних лет – «опытным странником». «*В природе находил утешение и нередко помышлял о Самом Спасителе*».

Он мог уставиться на небо, скорее, в небо. (Мне он говорил: «Вера – это небо на земле, тут и спасайся»). Или на долгие часы погрузиться в созерцание обыкновенной травинки, да так увлеченно, что мать иногда пугалась, в своем ли он уме.

Но самыми странными и не понятными для окружающих были его способности предсказателя и ясновидящего.

Он мог сидеть возле печки и вдруг заявить: «Идет незнакомый человек». И действительно, незнакомец стучал в дверь в поисках работы или куска хлеба. Гостя сажали за стол рядом с собой. Отец мне рассказывал, что почти каждый ужин они делили с чужими.

Обладал он и даром, без которого был бы гораздо счастливее, – способностью предсказывать смерть. Его никто не тянул за язык, а он не лез в душу, но иногда слова сами вылетали. Помню, что дедушка истово крестился, когда рассказывал о том, какой плач стоял тогда в деревне.

В присутствии отца было зряшным делом врать.

Как-то торговец лошадьми, пытаясь взвинтить цену, нахваливал свой товар. Отец отвел деда в сторонку и предупредил:

– Он врет.

Дед, разумеется, отмахнулся. Через некоторое время лошадь ни с того ни с сего, как казалось деду, околела.

Смерть в пруду

В те годы единственным товарищем моего отца был старший брат Миша. Отец, большую часть времени проводивший в одиночестве, иногда, под настроение, любил погулять с братом в лесу или порыбачить, искупаться в реке Туре неподалеку от Покровского.

В тот день мальчики отправились на свое любимое место на реке. Оттуда почему-то перебрались на пруд. Миша нырнул первым. Как там что – не знаю, но он стал тонуть. Миша уже исчез из виду, когда отец подбежал к воде. Протянул руку, пытаясь нащупать брата под водой. Миша схватился за его руку и попытался выбраться, но лишь утащил за собой под воду и отца. Мальчики цеплялись друг за друга, пытаясь встать на ноги. К счастью, их увидел проходящий мимо крестьянин, бросился к пруду, дотянулся до них и схватил одного из мальчиков за руку. Они так вцепились друг в друга, что стали одним клубком. Только потому их и вытянули.

К вечеру оба слегли с воспалением в груди. До ближайшего доктора, в Тюмени, – примерно 120 верст. Помощи можно было ждать только от местной повитухи. А толк от такой помощи известно какой. Добрая женщина сделала всё, что могла, но ее скудных познаний не хватило, чтобы помочь Мише.

Отец, чей организм, к удивлению, оказался крепче, чем у брата, выкарабкался.

Но исцелился он только физически. Тоска поселилась в его душе.

Отец очень любил брата, Мише было в ту пору всего 10 лет. Отцу – 8. Обычно детям удается преодолеть тяжелое уныние, вызванное подобным горем, довольно быстро. Но отец никак не отходил. И мне кажется, что смерть Миши – не единственная причина тоски, «черной немочи», как говорили в то время.

Когда отца затягивала черная стоячая вода пруда и гнилая жижа, поднимавшаяся со дна, заливала нос, рот и уши, проникая, казалось, в самый мозг, он детским еще сознанием прозрел свой конец. Черная обжигающая невская вода, веревки, обвившие его – и никакой надежды на спасение. Ужасная репетиция. Со страшным знанием о своей смерти он и жил.

Он называл Петербург смердящей бездной (яма, куда затянуло их с братом в пруду?). Говорил, что там «воздух пахнет гнилью» (как жижа со дна пруда, где он едва не утонул?).

Французский посланник Морис Палеолог, как почти весь великосветский Петербург, не любил отца. Но передавал приметы событий часто верно. Он вел дневник, сейчас доступный всякому любопытствующему.

> «Среда, 26 апреля 1916 г. Обедню служил отец Васильев в раззолоченной нижней церкви Федоровского собора. Царица присутствовала с тремя старшими дочерьми; Григорий стоял позади нее вместе с Вырубовой и Турович. Когда Александра Федоровна подошла к причастию, она взглядом подозвала «старца», который приблизился и причастился непосредственно после нее. Затем перед алтарем они обменялись братским поцелуем. Распутин поцеловал императрицу в лоб, а она его в руку».

Перед тем «старец» подолгу молился в Казанском соборе, где он исповедался в среду вечером у отца Николая. Его преданные друзья, г-жа Г. и г-жа Т., не оставлявшие его ни на минуту, были поражены его грустным настроением. Он несколько раз говорил им о своей близкой смерти. Так, он сказал г-же Т.: «Знаешь ли, что я вскоре умру в ужаснейших страданиях. Но что же делать? Бог предназначил мне высокий подвиг погибнуть для спасения моих дорогих государей и святой Руси. Хотя грехи мои и ужасны, но всё же я маленький Христос...» В другой раз, проезжая с теми же своими поклонницами мимо Петропавловской крепости, он так пророчествовал: «Я вижу много замученных; не отдельных людей, а толпы; я вижу тучи трупов, среди них несколько великих князей и сотни графов. Нева будет красна от крови».

Поразительно, спасти Россию, как брата... «Маленький Христос» («Дух Божий витает, где хочет») отдал Себя на заклание. И этой жертвы оказалось мало. Нева стала красна от крови. Уверена – в Казанском соборе он молился о том, чтобы чаша миновала его и Россию, хотя знал, что неизбежное – рядом.

Он то погружался в мрачное молчание, то становился чересчур резвым. Его непредсказуемость изводила бабушку.

В семье Ефима Распутина родилось пятеро детей. В живых остался только Григорий.[10] Еще и так ему самой судьбой давался знак – на нем лежит какой-то долг. Не случайно же именно ему суждено было остаться жить. Отец часто говорил:

– Никакой напрасности нет на земле, – а потом непременно добавлял – как и на Небе.

Бабушка рассказывала мне, что никогда не знала, чего ждать от сына. Сегодня он бежит в лес, надрывая сердце плачем и криком; а завтра крутится под ногами домашних или в непонятном страхе забивается в угол.

Где Бог?

В четырнадцать лет отца захватило Святое Писание.

Отца не учили читать и писать, как почти всех деревенских детей. Грамоту он не без труда освоил только взрослым, в Петербурге. Но у него была необыкновенная память, он мог цитировать огромные куски из Писания, всего один раз услышав их.

Отец рассказывал мне, что первыми поразившими его словами из Писания были: «*Не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, оно там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть*».

Слова священника так поразили отца, что он бросился в лес, опасаясь, как бы окружающие не увидели, что с ним происходит нечто невообразимое.

Он рассказывал, что именно тогда почувствовал Бога.

---

[10] **В.Э.:** Согласно английской Википедии Григорий был пятым из девяти детей.

Он рассуждал: «Если Царство Божие, а, стало быть, и сам Бог, находится внутри каждого существа, то и звери не лишены его? И если Царство Божие есть рай, то этот рай – внутри нас? Почему же отец Павел говорит о рае так, словно тот где-то на небе?»

Слова эти означали – и не могли означать ничего иного – Бог – в нем, Григории Распутине. И чтобы найти его, следует обратиться внутрь себя. И правда, если Царство Божие – в человеке, то разве грешно рассуждать о нем, рассуждая о Боге? И если в церкви об этом не говорят, – что ж, надо искать истину и за ее пределами.

Отец рассказывал, что как только он понял это, покой снизошел на него. Он увидел свет. Кто-то написал бы в этом месте: «Ему показалось, что он увидел свет». Но только не я. Я твердо знаю, что свет был. По словам отца, он молился в ту минуту с таким пылом, как никогда в жизни.

Несколько лет назад я познакомилась с одной женщиной. Не буду называть ее имени, да это и неважно. Узнав, что я русская и православная, она, истовая католичка, принялась обращать меня. Когда она в очередной раз приступила к урокам веры и начала говорить о Франциске Ассизском, как тот обращался к птицам и деревьям: «Мои братики», – я замерла. Отец тоже говорил: «Братик, хлебушек, небушко, милой, маленькой». Для него всё было равно одушевленным, равно заслуживавшим любви. Моей новой знакомой и проповеднице не удалось увлечь меня. Но она дала толчок мыслям. Отец был православным и только православным. И никогда никто, даже желая доказать обратное, не смог этого сделать. Но в его вере было то, чего не доставало «книжникам» – знание о необходимости спасения в самой жизни. Он говорил мне: «Вера – это небо на земле, тут и спасайся». Я, насколько хватит сил, скажу об этом.

Отец рассказывал, что когда он возвращался домой из леса, его не оставляло чувство светлой печали, но не тягостной тоски. Ему представлялось, что он чуть было не увидел Бога.

Отцу надо было поделиться с кем-то. Его мать пришла в ужас – это же святотатство, только святым дано видеть Бога. Она наказала сыну никому ничего не рассказывать и повела есть.

Я слышу бабушкин голос:

– Иди поешь, всё как рукой снимет!

Бедная бабушка, она всегда считала, будто хорошая еда может избавить от всех недугов – и душевных, и физических.

Как ни странно, подходящие слова я нашла у Арона Симановича, человека, совершенно чуждого православию.

> «Распутин был верующим, но не притворялся, молился мало и неохотно, любил, однако, говорить о Боге, вести длинные беседы на религиозные темы и, несмотря на свою необразованность, любил философствовать. Его сильно интересовала духовная жизнь человека. Он был знаток человеческой психики, что оказывало ему большую помощь».

Вот – «любил философствовать, интересовала духовная жизнь человека». Философствовать, зная только крестьянскую науку, постигать духовную жизнь человека, зная только один слой – крестьянство. Это надо помнить всё время, говоря об отце.

Относительно замечания о «неохотности», то есть неусердии в молитве. Здесь тоже надо делать скидку на то, что это – слова не христианина, имеющего свои представления о том, как следует отправлять обряды. К тому же есть огромное число свидетельств совершенно другой направленности. Некоторые я приведу позже. Зато непритворство отца отмечено верно. При некоторой склонности к позе, отцу было совершенно чуждо дурное актерство, так отличавшее многих «известных молитвенников».

Чужой в своей семье

Бабушка говорила – она потеряла сына. Да в сущности, так и было. Он совершенно ушел в себя. Всё валилось у него из рук.

Дед был, разумеется, недоволен. Он думал, что сын просто увиливает от работы. За то и получал частенько тычки и подзатыльники.

Дед, слывя человеком религиозным, считал, что религия не должна мешать крестьянскому труду. Сын же его, если и принимался за работу, то как-то через силу, не переставая бормотать что-то о Боге в человеке и о другом непонятном. И потянулась за отцом слава бездельника, ледащего человека.

Особой близости между отцом и сыном не было. (Правда, увидев внимание и даже преклонение, с какими относилась к моему отцу петербургская знать, дед нехотя признал, что, как он говорил, «парню, может быть, и дано...»)

Дед хотел только одного – чтобы сын усердно гнул спину. Семье надо кормиться. А для этого – много и тяжело работать, даже надрываться, бабушка говорила: «Жилы рвать».

И отец со временем стал работать прилежнее, хотя, случалось, и замирал посреди борозды. Беда, если дед заставал его в такую минуту.

Вообще отношения между отцом и сыном напоминали, в лучшем случае, вооруженное перемирие.

Как бы там ни было, хозяйство в то время процветало. По меркам русской деревни, конечно.

Отец рассказывал нам, детям, о том, как бабушка, напуганная его замкнутостью, даже отрешенностью, пыталась подтолкнуть сына к сверстникам. Она называла это «развеяться». Совершенно напрасно. Отец ни за что на свете не хотел бы «развеяться», перестать быть «странным». К ужасу родителей он твердил: «Не надо мне никаких друзей. У меня есть Бог».

Но всё же приходилось иногда уступать уговорам и идти на улицу. Отец рассказывал, что самое трудное для него было – подойти к ребятам. Он представления не имел, как вести себя, что сказать, как им понравиться. Он был слишком другим. И соседские дети это чувствовали.[11]

Одним словом, идиллии не получалось.

К четырнадцати годам отец выровнялся и не выглядел уже хилым и слабым. Но драться по-прежнему не хотел. Именно не хотел! «Нельзя поганить образ», – говорил он.

Подростки жестоки, они воспринимали постыдное в их глазах миролюбие как порок, достойный наказания. Иначе как слабаком отца на улице не дразнили. А при первой возможности и били.

Однажды, устав от издевательств, отец, под гиканье и свист, вступил-таки в драку. Его соперник, уверенный в своем превосходстве, ткнул в него кулаком, но отец отбил удар. Да так, что нападавший упал. Пока тот лежал, другие навалились на отца скопом. Но он справился с ними. И оставался при этом абсолютно спокойным.

На улице воцарился мир. А вот в душе отца мира не было. Раскаявшись в том, что полез в драку, отец долго не мог придти в себя. Молился, ища успокоения.

Половой вопрос по-деревенски

Тем не менее, эта драка принесла ему одно преимущество: деревенские перестали дразнить его и начали уважать. Но это мало заботило отца.

Еще меньше его волновала растущая популярность у деревенских девушек.

Среди них ходили шуточки насчет любовной темноты отца. Всерьез они не считали его ухажером. Но каждой было лестно «оказаться» первой любкой.

Замечу здесь, что полового вопроса в русских деревнях не существовало. Добавьте к этому картины, свидетелями которых деревенские жители всех возрастов становились, наблюдая за любовными играми животных.

Все деревенские жители рано приобретают познания о физической стороне отношений между мужчинами и женщинами. Покровское не составляло исключения. Достаточно сказать об обычае устраивать общие купания в Туре. При этом в воду погружались в первозданном виде, а потом так же обсыхали. Хотя глазение считалось серьезным проступком, все всё видели. Остальное представить было не так уж трудно.

Тем, кто не сталкивался с этим обычаем, он может показаться безнравственным, но я могу засвидетельствовать, что в нем нет ничего, что способно было бы вызвать смущение. И он никогда не становился причиной непристойного поведения.

Так что и для отца особых тайн в этом отношении не было. Но тогда его совершенно не трогало всё это.

В его мозгу роились вопросы, ответы на которые, казалось, вот-вот откроются ему. Но ответы в последний момент ускользали.

---

[11] **В.Э.:** Здесь нарисован типичный портрет шизоида.

Любовный морок

Хозяйственные дела Распутиных шли всё лучше. Ржи собрали много. Вдоволь осталось и после того, как сторговались с местной мукомольней. Дед вошел в азарт. Решил подзаработать на остатках. Куда податься? В город, ясное дело. Ближе всего – Тюмень. Она казалась немыслимо большой: в то время там жило пятьдесят–шестьдесят тысяч человек.

Единственным членом семьи, которого дед с наименьшими потерями мог оторвать от хозяйственных работ, был мой отец. Ему и поручили ехать в город.

Отцу тогда исполнилось шестнадцать.[12] Это был первый его выезд так далеко. Думаю, именно тогда он почувствовал вкус к странствованию, к смене впечатлений, к возможности сравнивать. «Вешать, проверять всё в жизни».

Отец благополучно добрался до Тюмени и с выгодой продал товар. Он обескуражил деда, привезя денег гораздо больше, чем тот рассчитывал.

Когда спрашивали, каким образом удалось приворожить удачу, отец отшучивался:

– А ты торгуйся, она и не устоит...

Его стали посылать в город часто.

Однажды на главной улице Тюмени отец увидел выходящую из мастерской с вывеской «Модистка» «невиданную красоту»: стройная фигура, белокурые волосы выбиваются из-под вуали, одета в лиловое шелковое платье с маленьким турнюром.

Объектом обожания оказалась госпожа Кубасова – скучающая жена старого богатого мужа. Кокетка, которой польстило восхищение мужика. И это при том, что она его и за человека-то не считала.

С ним можно поиграть, решила она.

Ирина Даниловна специально стала приезжать к городским воротам, ища встречи с парнем.

И вот как-то, когда коляска барыни поравнялась с возом отца, из экипажа высунулась служанка и сказала:

– Госпожа велела передать: через час ты должен сидеть на ограде имения Кубасовых напротив черного хода.

Бедный, бедный отец! Если бы он знал, что было ему уготовано.

Ясно, что через час он сидел на ограде поместья, на одной из лужаек которого могло поместиться всё хозяйство Распутиных. В дверях появилась уже знакомая ему служанка, и по ее знаку отец перебрался во двор. Оттуда – в летний домик.

Увидев предмет своего обожания так близко, он остолбенел. По представлениям деревенского парня, она была голая. Не считать же платьем нечто, почти полностью открывающее грудь и плечи. Голова пошла кругом.

Она улыбалась ему ободряющей улыбкой. Хотя каждой каплей крови он рвался вперед, все мышцы сковал благоговейный страх. Быстро догадавшись о его состоянии, она с видимой готовностью распахнула объятия. Повинуясь, он с трудом двигался. Очутившись в объятиях почти божества, отец погрузился в самое настоящее блаженство. Он не имел представления о духах и ароматических притираниях.

Что делать дальше, он не знал. Просто стоял, неуклюже сжимая ее в объятиях. Ирина Даниловна велела ему раздеться, а сама быстрыми шагами вышла из комнаты.

В лихорадочном волнении отец сорвал с себя одежду и, оставшись в чем мать родила, последовал за ней, как он полагал в ту минуту, в райские кущи. В полумраке комнаты он едва различал возлюбленную, лежащую на диване. Она всё еще оставалась одетой. Думая, что она поступает согласно какому-то странному обычаю высшего общества, он внезапно застеснялся собственной наготы, но горящий в нем огонь сжег остатки разума.

Он ринулся вперед. И тут Ирина Даниловна произнесла одно-единственное слово:

– Теперь!

Тяжелые шторы, скрывавшие четыре окна комнаты, были одновременно раздвинуты четырьмя служанками, прятавшимися за ними. Яркий свет и вид четырех одетых женщин там, где он ожидал увидеть одну обнаженную, привел его в ужас.

Появилась пятая служанка с ведром в руках. Она окатила его с головы до ног. Обожженный ледяной водой, он отпрянул, споткнулся и упал на шестую девушку, которая стояла за его спиной на четвереньках.

---

[12] **В.Э.:** Значит, 1885 год.

Как только он рухнул, все девушки, за исключением госпожи, которая хлопала в ладоши, хохотала и подбадривала остальных, накинулись на него.

Самая младшая из девушек, четырнадцатилетняя, только недавно поступившая в услужение к Кубасовым, Дуня Бекешова, быстро убежала, увидев искаженное ужасом лицо жертвы.

Натешившись, несчастного выволокли из летнего домика и бросили на траву. Как долго он там пролежал, и сам не знал.

Я рассказала об этой истории, знакомой мне со слов одной из участниц событий, Дуни, служанки Кубасовой, которой суждено будет тесно сойтись с нашей семьей. И сделала это потому, что всё, произошедшее тогда, способно многое объяснить в поведении отца гораздо позже – уже в Петербурге.[13] Прежде чем продолжить интригу, передам один эпизод, описанный тем же Симановичем.

> «Были у Распутина почитательницы, которые навещали его по праздникам, чтобы поздравить, и при этом обнимали его пропитанные дегтем сапоги. Распутин, смеясь, рассказывал, что в такие дни он особенно обильно мажет свои сапоги дегтем, чтобы валяющиеся у его ног элегантные дамы побольше бы испачкали свои шелковые платья. По малейшему поводу он ругал аристократических дам».

Уверена, многие упрекнут меня в том, что я, приводя эти примеры, оказываю плохую услугу отцу. Однако я повторю, что намерена показать человека, а не героя «Четьих-Миней». Кто-то назовет подобное поведение отца местью, предметом которой становились вместо Ирины Даниловны аристократки вообще, а кто-то – уроком смирения.

Для меня важнее другое. Тогда отцу хотели внушить: «любовь» – слишком хорошее слово для мужика. С этим он не согласится никогда.

Отец был опытным странником, много чего видел, еще больше чего понял. Надо отшелушить лишнее, и останется: «Любовь – большая цифра. Пророчества прекратятся и знания умолкнут, а любовь никогда»; «А добиваться любви до крайности нельзя! А какую Бог дал, такая пусть и будет!»; «Все мы беседуем о любви, но только слыхали о ней, сами же далеко отстоим от любви»; «О любви даже трудно беседовать, нужно с опытным. А кто на опыте не бывал, тот перевернет ее всячески»; «Любовь живет в изгнанниках, которые пережили всё, всяческое, а жалость у всех есть»; «Любовь – миллионщик духовной жизни, даже сметы нет»; «Нужны только унижение и любовь – в том и радость заключается». Из приведенного видно, что для отца физическая и духовная любовь сочетается и так становится силой.

Отец был на грани отчаяния. Жить не хотелось. И сам не помнит как, добрался до дому. Там уже ждали. Оказалось, он неизвестно где проездил почти сутки. Словно в мороке.

Анна Егоровна видела, что сын вернулся сам не свой. («Хоть не ограбили и не прибили – и то ладно»). Но разговорить его было невозможно.

У нас в семье притчей стало бабушкино (Анны Егоровны) упрямство, особенно там, где дело касалось близких. Но мой отец – был ее сыном во всех отношениях, а значит, не менее упрямым, чем мать.

Бабушка чувствовала, что причина его тревоги кроется в душе гораздо глубже, чем она может проникнуть.

Вдовий грех

В тех местах, откуда я родом, не считалось зазорным для молодых людей вступать в половую связь до свадьбы. Но эти отношения регулировались строгими, хотя и неписаными, правилами. Неразборчивую в связях девицу зачисляли в разряд гулящих, а парня, отказавшегося жениться на девице, которую он «обрюхатил», подвергали суровому наказанию, в некоторых деревнях могли даже оскопить.

Прежде же всего требовалось соблюдение приличий. «Делать – делай, а честь блюди».

---

[13] **В.Э.:** Если эта история правда, то это несомненно глубокая психотравма, многое способная объяснить. В наши дни (при отсутствии религиозности) ТАК травмированный юноша, скорее всего, стал бы серийным убийцей. Некоторые сомнения всё же вызывают вопросы: как Дуня попала в семью Распутиных и можно ли гарантировать, что рассказанная ею история действительно происходила и происходила именно с Распутиным, а не с кем-нибудь другим.

В Покровском жила молодая вдова. Среди парней постарше ходили слухи, будто она охотно соглашается поразвлечься. Доподлинно никто ничего не знал, но так говорили. А для деревни и этого достаточно.

Женщина, о которой пойдет речь, – Наталья Петровна Степанова, хотя и не считалась распутной, естеству не противилась.

Когда однажды ночью в дверь постучал бродяга и попросил поесть, она пустила его не только к столу, но и в свою постель. К ее несчастью, свидетельницей (вернее, слушательницей, потому что расположилась она под окном) страстных воркований стала местная блюстительница нравственности.

Она со всех ног бросилась к старосте – моему деду – и выложила всё, что видела, и, наверное, о чем представления не имела.

Старосте оставить без последствий такой донос нельзя было никак. По дороге к избе Степановой он зашел за подмогой, для мирского суда нужны были свидетели.

Не спрашивая, естественно, разрешения войти, дед распахнул дверь и увидел вдовушку, развлекавшую гостя самым интимным образом. Дед с товарищами, подстрекаемые жужжанием старухи, вытащили несчастную женщину из постели – бродяга под шумок убежал, – и доставили в дом священника – отца Павла, где и посадили под замок.

Скоро вся деревня собралась у церкви, горячо обсуждая, каким именно способом наказать виновную.

И вот Наталья Петровна, под руки выведенная из дома двумя дюжими мужиками, стоит у церкви, на позоре.

Решать надлежало священнику – отцу Павлу.

Приговор был таким: грешницу раздеть донага и выпороть всей деревней. А потом изгнать из общины.

Привели оседланную лошадь, руки женщины связали веревкой, другой конец которой привязали к седлу. Все собравшиеся, и мужчины и женщины, встали в два ряда. Староста хлопнул лошадь ладонью по крупу. Животное пустилось медленным шагом между рядами сельчан, вооружившихся кольями и плетьми.

Мой отец присутствовал при этом, хоть и не принимал участия в кровавой драме. Его приводило в ужас, что палачами стали друзья-соседи, даже его собственный отец. Я помню его лицо, когда он говорил: «И мой отец!..» Я уже замечала, что между ними не было особой близости. Так вот, этот случай перевернул взгляд сына на отца. Дело не в том, что бьют женщину. В русских деревнях это бывает очень часто и не считается преступным. Кто бьет – вот что поразило отца. Они выстроились, чтобы избить бедную женщину, чьим единственным грехом было то, что ее поймали за тем же, что делали и ее судьи. Чей грех был тяжелее? И кто первым должен ударить, кто без греха?

Жертва потеряла сознание после первых ударов, и в конце концов лошадь потащила впавшую в беспамятство жертву прочь из деревни. Ряды палачей распались.

Прервусь, потому что именно до этого места я слышала историю от отца. (Незадолго до его смерти). О том, что сталось с Натальей несколько позже, мне, со слов отца же, рассказала Дуня, но спустя время.

Мне было неловко и даже стыдно слушать историю молодой вдовы от отца, ведь эта сторона жизни была от меня тогда совершенно скрыта. И я не понимала, почему вдруг он вспомнил об этом. Какая появилась в этом надобность? Картина, обрисованная рассказчиком, так ярко запечатлелась в моем мозгу, что не шла прочь, хотя я и гнала ее. Она стала кошмаром моих снов.

И вот отец умер. Потоки грязи, выливаемые на него, не только не умерились, но стали еще зловоннее. В какой-то из дней, когда я была доведена почти до отчаяния сплетнями, надо сказать, старательно доносимыми до меня и вообще домашних, в голове у меня абсолютно четко прозвучал голос отца:

– Кто без греха, пусть бросит первый камень.

Я словно очнулась. Пока отец был жив, он, как мог, защищал нас от сплетен, опутавших его всего. Предвидя смерть и зная, что недоброжелатели не оставят его душу в покое, он хотел так предупредить меня и даже утешить. Бедная Наталья прошла сквозь строй, приняла побои и некому оказалось защитить ее, пусть и не безгрешную. Но в чьих руках были плети? Кто судил ее?..

Когда все разошлись, отец пошел по следу, оставленному телом Натальи Петровны, пока не вышел в поле. Он шел на ржание лошади, и в конце концов нашел бесчувственную вдову. Освободив ее, опустился рядом на колени, осмотрел ссадины и синяки. Тело превратилось в кровавое месиво. Отцу удалось унять кровь очень быстро. Под его прикосновениями боль исчезала.

Они оставались в поле до вечера, а после благополучно добрались до какого-то убежища в лесу.

Наталья Петровна, сама еще не вполне поверившая в чудесное избавление, хотела было отблагодарить отца единственным понятным ей способом, но тот уклонился.

Отец приходил к ней каждую ночь всю неделю, приносил еду, и к концу недели женщина почти оправилась.

Тайком она пробралась в свой дом, достала из подпола золотой империал, припасенный на черный день, чтобы сесть на пароход, идущий в Тобольск, – «начинать новую жизнь».

Проводив Наталью Петровну до середины дороги, отец вернулся в деревню. А там играли свадьбу.

Тогда-то отец впервые напился.

Слово за слово, пьяные парни и мужики начали оглядываться вокруг в поисках женщин. Кто-то подсказал, что видел за деревней Наталью Петровну. Решили ее догнать. Кинулись к лошадям. И отец тоже.

Наталью Петровну догнали быстро. Женщина пришла в ужас. Кошмар неминуемо должен был повториться, но с еще более ужасными последствиями.

Увидев отца среди преследователей, Наталья Петровна совсем пала духом – она решила, что это он надоумил их погнаться за ней.

Отец говорил Дуне, что взгляда Натальи Петровны, каким она на него тогда посмотрела, он никогда не забудет. Этот взгляд и заставил его действовать. Он загородил Наталью Петровну собой.

От неожиданности все опешили. Почему-то никак не протестуя, повернули коней.

Наталья Петровна, ни слова не говоря, пошла дальше. Отец остался один. Какое-то время не мог сдвинуться с места, потом сорвался и побежал, не разбирая дороги. Так же внезапно остановился, разрыдался, упал на колени и начал молиться, прося Господа о прощении за грех, который едва не совершил.

Потом всё как-то начало налаживаться.

Надо сказать, что вся жизнь отца протекала именно так – сначала поиски покоя, потом короткий миг равновесия, следом – снова словно толчки, заставляющие, кажется, круто менять дорогу.

Глава 2. Ночь души и женитьба

Дорога в кабак – Ученость не в счет – Новая тварь – Монастырские распри

Дорога в кабак

Отцу исполнилось восемнадцать. Он говорил нам, детям, что именно тогда почувствовал в себе присутствие какой-то силы. Не помню, какими точно словами он выражался, но помню с абсолютной ясностью, что именно хотел выразить. Он стал осознавать присутствие в себе того, чье существование согревало и дарило ощущение благополучия.

У отца никогда не было духовного наставника. Всё, что он понял, он понял самостоятельно.

Я никогда не питала слабости к мистике. Но, ища ответы на вопросы, связанные с судьбой отца, по мере возможности читала об этом предмете и обнаружила: хотя многие мужчины и женщины пришли к осознанию и просветлению, очень немногие добились этого без руководства другого человека, более умудренного знанием. Просвещенный наставник знает все ловушки, подстерегающие ученика. Отцом же руководил только его разум и жажда познать истину.

Однажды отец пахал и вдруг почувствовал, что всегда присутствовавший в нем свет разрастается. Он упал на колени. Перед ним было видение: образ Казанской Божьей Матери.

Только когда видение исчезло, отца пронзила боль. Оказалось, колени его упирались в острые камни, и кровь от порезов текла прямо на землю.

Пережитое моим отцом духовное потрясение было сильным, но по сути своей не особенно глубоким.

Он жил в миру, а значит, как написано в «Житии»:

> «был с миром, то есть любил мир и то, что в мире. И был справедлив, и искал утешения с мирской точки зрения. Много в обозах ходил, много ямшичил и рыбу ловил, и пашню пахал. Действительно это всё хорошо для крестьянина! Много скорбей было мне: где бы какая сделалась ошибка, будто как я, а я вовсе ни при чем. В артелях переносил разные насмешки. Пахал усердно и мало спал, а всё же таки в сердце помышлял как бы чего найти, как люди спасаются».

Отец говорил, что жизнь его с того дня превратилась в сплошное ожидание какого-нибудь знака свыше.

Но знака не было. Ему всё труднее становилось молиться. Казалось, весь запас его духовной энергии был растрачен в одной вспышке, и ничего не осталось.

«Ночь души», как он говорил, всё не кончалась. Ничего не помогало. Он терял веру.

Дорога в кабак проторилась как-то сама собой. А там дым коромыслом. Отец плясал до изнеможения, будто хотел уморить себя.

Позже, когда уже начнется для него другая жизнь, отец, как бы искушаемый и подталкиваемый кем-то, вдруг впадал в буйство:

> «К музыке и танцам он питал неодолимую слабость. Во время кутежей музыка должна была играть беспрерывно. Часто Распутин вставал из-за стола и пускался в пляс. В плясках он обнаруживал изумительную неутомимость. Он плясал по 3–4 часа».

Так пишет Ковыль-Бобыль.

Тогда-то он стал непременным участником всех деревенских гуляний. А в деревне – где гуляют, там и безобразничают. То есть, выхваляясь перед девицами, доходят и до драки с поножовщиной.

На гуляниях отец и встретил свою суженую.

Она была высокой и статной, любила плясать не меньше, чем он. Наблюдавшие за ними односельчане решили, что они – красивая пара. Ее русые волосы резко контрастировали с его каштановой непокорной шевелюрой, она была почти такого же высокого роста, как и он. Ее звали Прасковья Федоровна Дубровина, Параша. Моя мама.

Начались ухаживания и всё, что им сопутствует. Женихались они месяца три, после чего отец заявил своим родителям, что хочет жениться.

Те особенно не противились. Разузнав всё хорошенько о семье Дубровиных (а она появились в деревне незадолго до этого), убедившись, что дело чистое, решили – пирком да и за свадебку.

Может быть, они были бы более привередливыми и настаивали на том, чтобы их сын взял кого-нибудь побогаче, но уж очень хотелось родителям поскорее образумить сына. А что способно заставить выбросить из головы всякие глупости, если не женитьба?

Дождались нужного времени, когда полагалось справлять свадьбу.

Мама была доброй, основательной, сейчас бы сказали, уравновешенной. На три года старше отца.[14]

Начало семейной жизни было счастливым. Отец с усердием, какое раньше замечалось за ним не всегда, работал по хозяйству.

Потом пришла беда – первенец прожил всего несколько месяцев.

Смерть мальчика подействовала на отца даже сильнее, чем на мать. Он воспринял потерю сына как знак, которого так долго ждал. Но не мог и предположить, что этот знак будет таким страшным.

Его преследовала одна мысль: смерть ребенка – наказание за то, что он так безоглядно «тешил плоть» и так мало думал о Боге.

Он молился. И молитвы утишали боль.

Прасковья Федоровна сделала всё, что могла, чтобы смягчить горечь от смерти сына.

---

[14] **В.Э.:** Согласно русской Википедии они поженились в 1890 году, значит, Григорию было тогда 21 год, а Прасковье 24 года. Согласно английской Википедии они поженились 2 февраля 1887 года (когда Григорию было 18 лет, а Прасковье 21 год. В любом случае интервал между женитьбой родителей и рождением Матрены выходит гораздо больше, чем в ее рассказе.

Через год родился второй сын, Дмитрий,[15] а потом – с промежутком в два года – дочери Матрена, или Мария, как я люблю, чтоб меня называли, и Варя.

Отец затеял строительство нового дома, большего по размерам, чем дом деда, на одном дворе. Это был двухэтажный дом, самый большой в Покровском.

Работа, заботы о детях облегчили душу, а время, известный врачеватель, доделало остальное.

Но когда в доме воцарился покой, отцу начали сниться странные сны. То ли сны, то ли видения – Казанская Божья Матерь. Образы мелькали слишком быстро, и отец не мог понять их смысла и значения.

Беспокойство нарастало. Отец мрачнел, избегал разговоров даже с близкими.

Душа терзалась.

Ученость не в счет

Князь Жевахов, как и многие, встречавшиеся с отцом, но не знавшие его близко или просто достаточно, написал о нем. Рядом с по преимуществу предвзятыми мнениями относительно личности отца, у Жевахова есть близкие моему пониманию заметки. Кажется, сейчас они как нельзя более кстати.

> «Есть люди, для которых недостаточно найти себя: они стремятся найти Бога. Они успокаиваются только тогда, когда найдут Бога, когда будут жить и растворяться в Нем. Они постигают уже слова апостола Павла: «*кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь всё новое*»».

Жаль только, что никто из писавших об отце (и обер-прокурор Синода Жевахов в их числе) не смог приложить подобное понимание к нему в положительном смысле.

Опять прав оказался отец, говоря про таких: «Буква запутала ему голову и свила ноги, и не может он по стопам Спасителя ходить».

Так и получилось – «Он идет вперед, а они остаются сзади».

Как-то раз, возвращаясь с мельницы, куда отвозил зерно, отец подвез молодого человека. Разговорившись с ним, узнал, что попутчик – студент-богослов Милетий Заборовский. Спросил у него совета, что делать, рассказал о видениях. Тот просто ответил:

– Тебя Господь позвал.

Господь позвал – ослушаться грех.

Милетий посоветовал идти в монастырь в Верхотурье:

– Тамошние монахи помогут.

Отец стал сокрушаться, что не знает грамоты. Милетий сказал:

– Ученость не в счет. Была бы вера тверда.

В «Житии...» читаем:

> «Вот ученость для благочестия – ничего! То есть я не критикую букву – учиться надо, но к Богу взывать ученому не приходится. Он всё на букве прошел». «Кто в миру не ученый, а жизнь толкнула на спасение, тот, по всей вероятности, больше получит дарования: что ни делает, да успеет!»

– Как же семья? – спросил отец.

– Решай, – ответил Милетий.

Доехали до деревни.

Дома – родители, жена, трое маленьких детей.[16] Что делать? Мука мученическая, да и только.

Отец говорил, что он тогда явственно услышал слова из Евангелия от св. Луки:

> «Еще другой сказал: я пойду за Тобою, Господи! но прежде позволь мне проститься с домашними моими.

---

[15] **В.Э.:** Согласно английской Википедии Дмитрий (1895–1937) был уже третьим сыном, ДВА первых умерли в младенчестве; Матрена родилась в 1898, Варвара в 1900 году.

[16] **В.Э.:** Согласно английской Википедии Распутин отправился в Верхотурский монастырь в 1892 году, а согласно русской Википедии в 1893 году он странствовал по России, отправился в Грецию и Иерусалим (первый раз). Дома детей у него не было, т.к. Дмитрий еще не родился, а два первых сына, видимо, уже умерли.

Но Иисус сказал ему: никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия».[17]

Решение оставить дом далось отцу нелегко. Но ослушаться – еще тяжелее.

Простояв ночь на коленях перед иконой Казанской Божьей Матери, отец сказал себе:

– Иду.

Моя бедная мама видела, что с отцом что-то творится. Но понять ничего не могла. Первое, что пришло в голову – отец разлюбил ее.

Отец не делился с женой мыслями. Да и не принято было говорить с женщинами о чем-то, кроме хозяйства и детей. Поэтому когда он все-таки заговорил с ней о том, что намерен идти в монастырь, она от неожиданности онемела. Она ждала каких угодно слов, только не этих.

Сказала:

– Поторопись.

Об этом мне рассказала сама мама в один из приездов в Петербург к нам с отцом. Я, совсем девочка, тогда была уверена, что мама рассказывает мне об этом, чтобы показать – она разделяла стремления отца.

Мама была доброй женщиной, очень терпеливой. Она всегда уважала отца, сносила все тяготы, связанные как с жизнью вместе с ним, так и с разлукой.

Когда я стала взрослой настолько, чтобы видеть кроме своих представлений и всё в действительности происходящее вокруг, поняла – мама хотела сказать, как ей было трудно отпускать отца. Наверное, она не поверила ему, не могла поверить. Она сказала: «Поторопись», чтобы не тянуть объяснение, от которого не ждала ничего хорошего. Никаких сантиментов. Она оставалась одна с тремя детьми на руках, а здоровый мужчина, ее муж, уходил. Какая разница, куда?

Новая тварь

Как к месту у князя Жевахова пришлись слова апостола Павла: «*Древнее прошло, теперь всё новое*»... Но когда речь заходит о моем отце, предметом обсуждений становилось непременно старое, а новое будто теряется или не имеет значения.

В заметках об отце, ставших теперь известными, да и в тех, которые передаются устно, обрастая попутно небылицами, это особенно видно.

Вот Ковалевский. Беру его, потому что он все-таки сдержаннее других:

> «Прежде его обычным занятием были пьянство, дебош, драки, отборная ругань. Бывало, едет он за хлебом или за сеном в Тюмень, возвращается домой без денег, пьяный, избитый и часто без лошадей. Такая жизнь продолжалась до тридцати лет.[18] Всё это время среди односельчан он слыл за пьяного, развратного человека.
>
> Перемена с ним произошла внезапно. Он вдруг резко изменил свое поведение. Сделался набожным, кротким, перестал пить, курить, начал бродить по монастырям и святым местам».

Не спорю – и пьянки, и ругань, и драки. Но только одно слово – «обычно» – и картина вырисовывается мерзостная. А что было рядом с этим? Да и плохое – было ли оно совершенно таким, каким его изображают?

Отец написал в «Житии...»: «*Все следят за тем, кто ищет спасения, как за каким-нибудь разбойником, и все стремятся его осмеять*».

Дьявол таится за левым плечом каждого. Ему оскорбителен образ Божий в лице человека. Охаять его – радость. Сделать хоть в глазах других дурным, дурнее, чем на самом деле – вечная цель.

У Ковыля-Бобыля читаем:

> «Начался новый период Распутинской жизни, который можно бы назвать переходным и подготовительным к будущим его успехам. Григорий мало-помалу стал отставать от пьянства и сквернословия. Как определяют это состояние его близкие, он «остепенился» и «задумался». Вместе с тем он стал заботиться о некотором благообразии: начал умываться, носить более приличную одежду и пр. Во время молотьбы, когда домашние смеялись над ним за его святость, он воткнул вилы в ворох сена и, как был, пошел по святым местам. С этим временем совпадают его хождения с

---

[17] **В.Э.:** Луки, 9,61–62.

[18] **В.Э.:** Распутину было 23 года, когда он отправился в Верхотурский монастырь.

кружкой для сбора пожертвований для построения храма и усиленные посещения монастырей и всяческих святых мест. Односельчане изумлялись и не верили в искренность его, в это время в самые отдаленные монастыри он ходил пешком и босой. Питался скудно, часто голодал, по прибытии в монастыри постился и всячески изнурял себя. Вполне точные сведения говорят, что он в то время носил тяжелые вериги, оставившие на его теле заметные рубцы.

Он водится с юродивыми, блаженненькими, всякими Божьими людьми, слушает их беседы, вникает во вкус духовных подвигов.

Особенно долго живет Григорий в Верхотурском монастыре Екатеринбургской епархии. Здесь он вошел в близкие отношения со старцами и, по его словам, многому научился».

Здесь замечу только относительно вериг, которые отец носил какое-то время, а потом прекратил, хотя иногда и прибегал к действиям такого рода. Отец говорил: «С Богом никак не сговоришься». Ношение вериг и другие подобные способы умерщвления плоти он как раз и называл «сговором с Богом». Но повторял: «Конечно, кому как дано, тот так и спасается».

Монастырские распри

Монастырь в Верхотурье представлял собой нагромождение камней, окруженное массивной каменной же стеной. На монастырских землях работали монахи-трудники.

Отца после недолгих расспросов приняли послушником. Отец оказался упорным и в поле, и в учении.

Его набожность обратила на себя внимание старших братьев-монахов. Один из них, видя старание послушника, рассказал ему о старце Макарии, живущем в лесу неподалеку от монастыря. Подсказал отправиться к нему «за умом», но отец чувствовал, что пока не готов к встрече.

В самом же монастыре единства и стройности в мыслях не было. Одни придерживались жесткого традиционного взгляда на православные догмы. В большинстве своем это были старые монахи, их за глаза называли староверами. Другие были настроены, как им казалось, свободнее. Правыми себя считали, разумеется, и те, и другие. Споры между враждующими лагерями начинались, как правило, вполне благостно, а заканчивались, тоже как правило, рукоприкладством.

Кроме того, и в вопросах нравственности не все монахи соответствовали своему положению. Порок, гуляющий по мужским монастырям, не обошел и Верхотурье.

Но даже не это всё повергало отца в отчаяние. И уж, конечно, не холодная и сырая келья с маленьким окошком под самым сводом, которое пропускает больше холода, чем солнечного света, не узкая деревянная лежанка без матраца, не шаткий стул и не менее шаткий стол и не холодный каменный пол.

Он не находил в монастыре главного, ради чего и пришел туда.

Только когда понял, что помощи ждать в монастыре не от кого, отправился к старцу Макарию.

Сам старец – интереснейший тип. В молодости был мотом, спустил отцовское наследство. А в один прекрасный день проснулся, преисполненный отвращения к земным радостям.

Следуя завету Христа: «*Если хочешь быть совершенным, пойди и продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною*», Макарий так и поступил. Когда желания плоти слишком донимали его, умерщвлял ее жестокими самоистязаниями.

Наконец он пришел к полной душевной безмятежности. Жил в лесу и наставлял тех, кто приходил к нему.

Отец множество раз передавал свой разговор со старцем. Раз от раза дополняя его какими-то деталями, кажущимися ему особенно важными в настоящий момент.

Перескажу так, как мне запомнилось.

Отец спросил у Макария, как ему узнать волю Господа.

Старец ответил:

– Ты должен молиться Ему.

Отец:

– Что делать, если падаешь с высокой стены? Пытаться спастись или отдаться в руки Господа?

Макарий:

– Сын мой, твое тело – храм Божий, зачем же позволять ему разрушиться?

Отец:

– А как быть с видениями Казанской Божьей Матери? Я хочу следовать за ней. Как мне узнать, чего требует от меня Господь?

Макарий:

– Ты должен неустанно молиться о том, чтобы тебе было даровано понимание и руководство. Утром после пробуждения, ты должен посвятить свой день Богу. Должен выполнять всякую работу как слуга Божий. Не ставь себе в заслугу добрые дела, а считай их жертвой Господу. Молись о прощении, повторяй «Господи помилуй» по крайней мере пять тысяч раз за день. Когда почувствуешь, что получил прощение, Он придет к тебе.

Отец:

– Я сделаю, как ты велишь. Остаться мне в Верхотурье?

Макарий:

– Господь обитает не только в монастыре. Весь мир – Его обитель. Он всегда с тобой.

Монастырские ворота не запирались. Можно было уходить и приходить, когда и кому заблагорассудится. Отцу заблагорассудилось вернуться в мир.

Для чего?

Некоторый ответ дает Белецкий:

> «Распутин обладал недюжинным природным умом практически смотрящего на жизнь сибирского крестьянина, который помог ему наметить свой жизненный идеал. Поэтому Распутин пошел по пути своих склонностей, которые в нем развились под влиянием общения его во время странствований с миром странников и с монашеской средой. Общение это дало Распутину зачатки грамотности и своеобразное богословское образование, приноровленное к умению применять его к жизненному обиходу, расширило его взгляд на жизнь, развило в нем любознательность и критику, выработало в нем чутье физиономиста, умевшего распознавать слабости и особенности человеческой натуры и играть на них, и само по себе повело его по тому пути, который растворил перед ним страдающую женскую душу.
>
> Распутин ясно отдавал себе отчет в том, что узкая сфера монастырской жизни, в случае поступления его в монастырь, вскорости выбросила бы его из своей среды.
>
> В сознательную уже пору своей жизни Распутин, игнорируя насмешки и осуждения односельчан, явился уже как «Гриша-провидец» ярким и страстным представителем этого типа, в настоящем народном стиле, возбуждая к себе любопытство и в то же время приобретая несомненное влияние и громадный успех, выработавши в себе ту пытливость и тонкую психологию, которая граничит почти с прозорливостью».

Глава 3. Странник

Хитрый враг – Единство молитвенного и эротического – В хлыстовском корабле – Был ли Распутин хлыстом

Хитрый враг

Прошел почти год с того времени, как отец оставил Покровское. Он был похож на бродягу. Истощен, оборван. Его не смогла бы узнать и жена.

Отец говорил, что тогда он «не видел себя», то есть ему было совершенно всё равно, как он одет, даже голод не слишком донимал его, хотя есть удавалось не каждый день.

Он постоянно молился. «Но и враг не дремал», – говорил отец, рассказывая о том времени. Вместо Казанской Божьей Матери ему являлись образы женщин-соблазнительниц.

Интересно, как отец писал в «Житии...»:

> «Видению не нужно верить, это недоступно нам. Хотя бы оно на самом-то деле было, за это Господь простит, за неверие даже маленьким подвигом простит, но как от врага в прелесть впадешь, то это спрашивается как всё равно, как у какого-нибудь злого помещика потерял какие-нибудь вещи. Очень, очень осторожно нужно с этими видениями, до такой доведут низкоты, то есть до забвения, что не будешь помнить ни дни, ни часы, и в такую впадешь гордость, и будешь настоящий фарисей. Трудно странничкам бороться со врагом. Когда я шел странничать в Киев, то уходил утром без обеда, это был мой устав. Злодей враг завидовал всему моему доброму делу; то он являлся в виде нищего, а все-таки знатно, что не нищий, а враг в тумане. Я успевал в то время крестным знамением себя осенять, и вдруг исчезал, как прах. То мне казал, что деревня еще более как 30 верст, смотришь из-за леску и вышел на долинку – тут и село. Экой сатана! То являются помыслы нечестивые, усталость неописанная, голод невысказанный, жажда питья неопределенная, я догадывался, что это

опять от врага, нередко падал на дороге, как будто по кочкам иногда, – всё это искушение! Приблизишься к селу, звон раздается, я своими прыткими ногами и частой походкой, уже в храм. Вот мне первую мысль враг задает: то стань на паперти, собирай жертвы – дорога далекая, денег много надо, где возьмешь; то помолись, чтобы тебя взяли обедать и накормили послаще. Хвать безумной головой, уже херувимский стих поют, а я еще не был, не предстоял, не соединялся с Господом! Дай я не буду больше! Так мне пришлось с этими помыслами бороться целые года».

И там же: «*Не будем верить сновидениям, кроме Божией Матери и Креста*».

Он клал бессчетные поклоны, бил себя палкой, стегал ремнем. Боль вытесняла похоть и заполняла стыдом.

Чем сильнее он старался изгнать прельстительниц из сознания, тем, казалось, настойчивее они возвращались, пока он не падал на землю в изнеможении. Он терпел поражение в одной битве за другой, не находя покоя.

Не желая признать поражение, он боролся, каждый день заново начиная свою битву на рассвете и оплакивая поражение на закате.

В «Житии...» отец пишет: «*Ах, враг хитрый ловит вообще спасающихся...*»

Единство молитвенного и эротического

В глазах всего мира отец был грешником, и, с точки зрения церковных законов, он, несомненно, грешил, но я предпочитаю думать, что милосердный Господь в сердце своем может найти оправдание грешнику, уступавшему силам, противиться которым не во власти человека.

Отец пытался сделать то, что удавалось лишь немногим. Я думаю о нем не как о грешнике, а как о человеке, который предпринял попытку и потерпел неудачу. А кто может осудить человека за попытку? Разве лучше вообще не прилагать никаких усилий? Откуда человеку знать, что такое карабкаться в гору, если он никогда и не пытался?

В «Житии...» читаем:

«Как дыроватый мешок не сохранит в себе жито, так и мы, ежели не будем друг друга прощать, а будем замечать в другом ошибки, сами же находиться к нему в злобе, то есть судить».

А у Гурко нашла я следующее определение:

«Смолоду обнаружил он бурный темперамент, проявлявшийся то в повышенной религиозности и столь присущем русскому человеку богоискательстве, то в чрезвычайной физической страстности, переходящей в эротоманию. Впрочем, медицина давно установила сочетание у людей экзальтированных религиозного фанатизма с повышенной половой страстностью.

Как бы то ни было, у Распутина уже в молодые годы чередовались периоды крайнего разгула с приступами покаяния, молитвенного экстаза и влечения к паломничеству по святым местам.

В Распутине совмещались две крайности – явление, свойственное русской природе и имеющее основой бурную страстность. По меткому выражению Достоевского, про таких лиц «никогда вперед не знаешь, в монастырь ли они поступят, или деревню сожгут»».

Интересное место есть и у Евреинова, немало потрудившегося для развенчания отца, но вынужденного все-таки признать:

«Возбуждение полового инстинкта в связи с религиозной экзальтацией и вообще с молитвенным подвигом – общеизвестный факт. «*Художественное делание молитвы Иисусовой,* – говорит епископ Феофан Затворник, – *иного ввергает в прелесть мечтательную, а иного, дивно сказать, в постоянное похотное состояние*». По его же словам, теплота («теплое чувство»), сопровождающая сосредоточенную в сердце молитву, нередко соединяется «со сладостью похотною». «*Какое странное явление,* – говорит епископ Игнатий (Брянчанинов), – *по-видимому, подвижник занимается молитвою, а занятие порождает похотение, которое должно бы умерщвляться занятием*». Связь полового чувства с религиозным вскрыл, еще задолго до фрейдовского учения о сублимации первого из них во второе, проф. Р. Краффт-Эбинг, полагавший, на основании ряда исследований, что «*религиозное и половое состояние аффекта обнаруживают на высоте своего развития единогласие в качестве и количестве возбуждения*». О «склонности человека связывать свою эротику с религией, приписывая первой божественные источники и выдавая ее за продукт веления свыше», говорит определенно проф. Фонрель во втором томе своего исследования «Половой вопрос». Распутин являл крайне красноречивый пример подобной «склонности». Не свободна от половых представлений и жизнь святых».

Я раньше не говорила об этом прямо, теперь скажу. Меня упрекали и продолжают упрекать в безоглядной вере в отца, в его святость. Да, я верю в него и верю ему. Кто способен различать смыслы, тот поймет. Он стремился к святости и иногда бывал близок к ней (например, когда исцелял и предсказывал). Но путь его был прерван. На той же части пути, которую ему дали пройти, он подвергался испытаниям. И преодолевал их всякий раз. Не его вина, что недоброжелатели громоздили перед ним всё новые и новые препоны.

Среди недоброжелателей отца особенно Труфанов усердствовал в описании «прелюбодеяний». Но он же передает и такое:

> «Распутин рассказал мне следующее. «Я бесстрастен. Бог мне за подвиги дал такой дар. Мне прикоснуться к женщине али к чурбану, всё равно. Хочешь знать, как я этого достиг? Вот как! Я хотение направляю отсюда, из чрева, в голову, в мозги; и тогда я неуязвим. И баба, прикоснувшись меня, освобождается от блудных страстей. Поэтому-то бабы и лезут ко мне: им хочется с мужиком побаловаться, но нельзя; оне боятся лишиться девства или вообще греха, вот и обращаются ко мне с просьбой снять с них страсти, чтобы они были такие же бесстрастные, как и я»».

Кто из ругателей отца сможет повторить это о себе?

В хлыстовском корабле

Теперь легко перейти к рассказу о том, как отец в странствиях попал к хлыстам.

История этой секты необычна. Пожалуй, ни одна другая духовная организация не окружена таким количеством легенд и прямой лжи, как эта. Ее основал в семнадцатом веке Данила Филиппов, человек, безусловно, выдающийся. Куда бы он ни шел, к нему льнули новые ученики и последователи, еще более рьяные, чем он сам. Фанатизм часто оборачивался приступами истерии.

Хлысты соблюдали жесткую дисциплину. Их обряды отличались от канонических церковных, поэтому они подвергались гонениям со стороны правительства. Спасал секту обет молчания. Никто не мог ничего рассказывать посторонним о том, что делается в корабле (так называли хлысты свою общину). Но как бы они ни таились, тайное становилось явным.

Надо заметить, что хлысты не сумели сохранить чистоту веры. После смерти Филиппова кормщиком (главой общины) стал некий Радаев, который, будучи по натуре развратником, изменил всё направление развития секты. Он заявил, что им правит Божья воля, что через него говорит Святой Дух и что поэтому его учение истинно и безусловно. Он ввел новые обряды, не многим отличающиеся от оргий, и сам был непременным их участником.

Собрания обычно проходили в особом молельном доме, в большой комнате. Это – непременное условие. Потому что главный обряд хлыстов – радения – напоминает общий танец вокруг главного лица. Считается, что во время этого танца на таким образом молящихся снисходит благодать и они прозревают. Радеющие, и даже мужчины, доходят до исступления. Многие полагают, что заканчивается эта своеобразная служба свальным грехом. Подстрекаемые кормщиком, хлысты совершенно не помнят себя и не пытаются справиться с чувственным напором.

Новые бдения, к разочарованию слишком хорошо думающих о роде человеческом, стали приманкой для многих нетвердых в канонической вере. Царящая в секте хлыстов распущенность оказалась приманкой.

Многие из последователей хлыстовства в изображении Радаева обосновались в Сибири. Некоторые из них были высланы туда правительством, с усердием преследовавшим секту, другие добровольно перебрались в эти места, чтобы избежать гонений.

Отец и раньше слышал о хлыстах. Сначала в Покровском, недалеко от которого в глубине леса скрывались приверженцы этой секты, попавшие в Сибирь откуда-то из Центральной России.

В Верхотурском монастыре он имел возможность наблюдать за причудливым соединением православных обрядов и хлыстовских радений, практиковавшимся монахами, изнемогавшими от тяжести воздержания.

Теперь ему предстояло столкнуться с ними близко.

Однажды отец после дня, проведенного в дороге, попросил в одной избе ночлега и хлеба. Хозяйка, чем-то удрученная, впустила его. Тут же стала понятна причина озабоченности женщины. На лавке под кучей одеял лежала девочка. Похоже было, что она умирает.

Отец подошел к ней. Ребенок был без сознания, единственным признаком жизни оставалось еле слышное дыхание и иногда – стон.

Отец попросил оставить его наедине с больной.

Родители девочки вышли.

Отец упал на колени возле лавки, положил ладонь на пышущий жаром лоб ребенка, закрыл глаза и начал молиться.

Он рассказывал, что совершенно не ощущал течения времени.

Обеспокоенные родители то и дело приоткрывали дверь и с изумлением смотрели на застывшего в молитве человека.

Наконец девочка шевельнулась, открыла глаза и спросила:

– Я жива?

Через минуту она ничем не напоминала умирающую.

В мыслях простившиеся со своим ребенком родители, обезумевшие от неожиданного счастья, без конца благодарили отца и усадили ужинать.

Мать девочки, которую еще не вполне покинуло беспокойство, извиняясь, спрашивала отца, что он такое сделал.

Отец отвечал:

– Молился. Господь помог.

Выпили, как полагается, за здоровье. Разговор пошел живее.

Хозяйка раскраснелась. Ее очень интересовал вопрос, какую жизнь ведет отец – за что ему дан такой дар:

– Ты, должно быть, ведешь очень чистую, целомудренную жизнь?

Отец ответил, что не верит в необходимость целомудрия.

Женщина оживилась. Спросила, не из хлыстов ли он.

Отец сказал, что он не из хлыстов, что слышал о них и что они ему не интересны. Без всякого перехода добавил:

– А вот вы-то – из хлыстов.

Хозяйка ойкнула, зажала ладонью рот, осознав, что чем-то выдала тайну.

Так отец познакомился с хлыстами.

Весть об исцелении девочки быстро облетела хутор. Кормщик упросил отца познакомиться.

Рассуждения кормщика сводились к тому, что без радений по хлыстовскому обряду нет никакой возможности приблизиться к истине. И что поэтому члены секты удовлетворены и счастливы, и, безусловно, ближе к Богу, чем православные.

Был ли Распутин хлыстом

Отец никогда не скрывал, что бывал на радениях хлыстов, но точно так же он никогда не говорил, что разделяет их взгляды.

Английский посланник Бьюкенен утверждал, что отец

> «большую часть времени вел двойную жизнь. Он руководствовался правилом, что только раскаяние приносит спасение, и всем его проповедовал, причем добавлял, что без греха нет спасения. Поэтому первый шаг по пути спасения – это поддаться искушению. Секта, которую он основал, была сколком с секты хлыстов, или бичевальщиков. Члены ее стремились к непосредственному сношению с Богом, хотя несколько странным образом. Их служба, которую они совершали ночью, была более похожа на вакханалии древнего Рима, чем на обряд христианской церкви. С пением и криками они вели хоровод, ускоряя шаг при каждом круге, до тех пор, пока, завертевшись в безумной пляске, не падали обессиленные на землю. Далее следовала сцена, которую мы из скромности не будем описывать. Распутин был вполне подходящим первосвященником для такой секты, потому что он пользовался необыкновенным вниманием женщин. Несмотря на его ужасное обращение с ними, они готовы были терпеть от него всякие унижения, лишь бы не покидать его».

Правда здесь в том, что отец, как и любой другой христианин, полагал раскаяние и искупление грехов важной частью духовной жизни, что он действительно особенно сильно воздействовал на женщин, благодаря чему и исцелял их успешнее мужчин. Но причина кроется не в особенностях хлыстовства, а в особенностях энергии отца. Что же до того, что он организовал секту, то по этому вопросу даже была учреждена целая комиссия.

У Гурко находим:

«По вопросу о принадлежности Распутина к какой-либо определенной секте можно прийти к определенному выводу. Дело в том, что вопрос этот весьма интересовал группу членов Государственной Думы еще в 1912 году в связи с распространившимися тогда сведениями о возраставшем влиянии Распутина при дворе, а в особенности об его систематическом вмешательстве в дела православной церкви. А.И. Гучков решил этот вопрос вынести на трибуну Государственной Думы. Надо было, однако, найти для этого какой-нибудь законный повод. Таким поводом явилась наложенная администрацией кара на газету «Голос Москвы» за напечатание ею открытого письма некоего Новоселова, образовавшего в Москве особый духовно-религиозный кружок. В письме этом говорилось о той опасности, которой подвергается православная церковь от вмешательства в ее действия и распоряжения отдельных лиц, с православием имеющих мало общего. Таким образом, дабы связать запрос по поводу административной кары, наложенной на «Голос Москвы», с Распутиным, надо было выяснить, поскольку он в православном смысле является еретиком, принадлежит ли он к недозволенной законом религиозной секте. Подозревался же Распутин в принадлежности к хлыстовству.

Обратились с этой целью к известному знатоку русского сектантства Бонч-Бруевичу, тому самому, который впоследствии объявился убежденным большевиком и стал управляющим делами Совета народных комиссаров.

Бонч-Бруевич, через посредство баронессы В.И. Икскуль, охотно познакомился с Распутиным, вел с ним продолжительные беседы на различные темы, причем выказал к нему некоторую симпатию. Результат своего знакомства с Распутиным и его религиозными воззрениями Бонч-Бруевич доложил в собрании членов октябристской партии.

Пришел он к тому выводу, что ни к какой секте Распутин не принадлежит и в состав ее не входит.

Доклад Бонч-Бруевича был в общем для Распутина благоприятным.

К такому же выводу пришла в 1917 году и Чрезвычайная следственная комиссия».

Некоторые же в ненависти к отцу заходили так далеко, что причисляли его к хлыстам на том основании, что отец часто называл себя «Божьим человеком». Ряд выстраивали при этом такой – хлысты не называют себя хлыстами, считая это обидным прозвищем, а обозначают себя как «Божьи люди». Так, стало быть и отец – хлыст.

Но только ли отец называл себя Божьим человеком, и только ли его так называли? И можно ли про них даже подумать, что они хлысты?

Другие уличали отца в хлыстовстве, видя сходное с хлыстовством в том, какие коленца он выделывал во время плясок. При этом они ссылались на описание хлыстовских радений:

«В 1812 году был в этой секте... мещанин Евграфов. Этот Евграфов впоследствии попался в руки правительства и сообщил на формальных допросах о секте «московской хлыстовщины» весьма любопытные подробности. По его словам, по окончании пения хлыстовских песен... пророчествующий становился среди моленной и начинал радеть, то есть кружиться, приседая, сильно ударял в пол ногами и т.п.».

Но посмотрите, как пляшут вошедшие в раж мужики на праздниках, разве не так? Что ж, и они все хлысты?

Вот именно – сходное выдается за сущее.

Они говорят:

«По учению хлыстов, тому, в ком живет «дух Божий», как праведнику, закон не лежит; он может творить чудеса и предсказывать будущее».

И на этом не успокаиваются, идут всё дальше и говорят всё больше.

Лишенные благодати рады корить тех, на ком она есть, чем угодно.

Только ведь «правда поругаема не бывает».

Отец не отказался присутствовать на радениях хлыстов. Интерес всегда брал в нем верх. Он смотрел, запоминал, говоря его словами, «вешал».

И это поставят потом ему в вину ревнители благочестия.

Он хотел всего лишь понять, какие есть пути к Богу, убедиться, что то знание, которое находилось у него внутри, – правильное. Начетничеством этого не достигнешь.

Прочтите «Житие опытного странника»:

«Посмотрю по поводу примеров на священников – нет, всё что-то не то; поет и читает резко, громко, как мужик дрова рубит топором. Вот мне и пришлось подумать много: хоть худой да

батюшка. Вот я и пошел паломничать, а так был быстрый вглядываться в жизнь; всё меня интересовало, хорошее и худое, я и вешал, а спросить не у кого было что значит? Много путешествовал и вешал, то есть проверял всё в жизни. Ходил берегами, в природе находил утешение и нередко помышлял о Самом Спасителе, как Он ходил берегами. Природа научила меня любить Бога и беседовать с Ним. Я воображал в очах своих картину Самого Спасителя, ходившего с учениками своими».

Там же отец написал: «*Нужно всегда себя проверять, только в середину точки зрения, а не до крайностей*».

Он прекрасно понимал, что истина находится между двух крайних точек, о чем бы речь ни шла. И в вопросах следования духовному уставу.

Не доводите сами до полного конца того, кто не может и не собирался до него доходить...

Лестно додумать за другого, полагая, что «проник вглубь». Но, поступая так, вы неизбежно ставите себя на его место. И он уже – не он, а – вы. Что ж, вам и отвечать.

Глава 4. Опять дома

Запретная любовь – Соломенная вдова – О чем граф Витте просил Распутина – Дом ходит ходуном – За кого бес? – Отец Петр против Распутина – Как добраться до царей

Запретная любовь

В «Житии...»:

«Странничать, нужно только по времени а чтобы многие годы, то я много обошел странноприимен – тут я нашел странников, которые не только года, а целые века всё ходят, ходят и до того они, бедняжки, доходили, что враг в них посеял ересь – самое главное осуждение, и такие стали ленивые, нерадивые, из них мало я находил, только из сотни одного, по стопам Самого Христа. Мы – странники, все плохо можем бороться с врагом. От усталости является зло. Вот по этому поводу и не нужно странничать годами, а если странничать, то нужно иметь крепость и силу на волю и быть глухим, а иногда и немым, то есть смиренным, наипаче простячком. Если всё это сохранить, то неисчерпаемый тебе колодезь – источник живой воды. А в настоящее время сохранить источник этот трудненько. Всё же-таки Бог не старее и не моложе, только время другое. Но на это время Он имеет Свою благодать и время восторжествует. Страннику нужно причащаться тем более во всяком монастыре, потому что у него большие скорби и всякие нужды. Святые тайны обрадуют странника, как май месяц свою землю».

Все годы скитаний (так сказали бы, а для отца они были временем опытного странствования) мать ждала весточки. Но не дождалась.

Она оказалась хорошей хозяйкой. Хозяйство процветало, дети, порученные заботам работниц, которых она наняла, были здоровы.

Первой из двух работниц в доме появилась Катя Иванова, сухощавая краснолицая женщина, смешливая и скорая на руку. А второй была та самая Дуня Бекешова, о которой я уже немного рассказала.

Само собой разумеется – в то время ни мать, ни тем более я ничего не знали о событиях рокового для отца дня в имении Кубасовых (а мать так никогда и не узнала).

Дуня родилась в Тюмени, то есть была городская. В некотором смысле это весомая характеристика в глазах деревенского жителя. Но в ней не было ничего такого. Она несколько лет была в услужении у Кубасовых, вернее, у Ирины Даниловны Кубасовой. Следовала за ней по всем местам, где та путешествовала с мужем.

Случай с отцом, невольной участницей которого она стала, изменил ее судьбу. Она влюбилась в моего отца. Дуня рассказывала, что первым порывом ее была не любовь (в плотском смысле), а стыд и жалость.

Оставаться в доме Кубасовых Дуня больше не могла. Ее словно тянуло прочь. Как-то выспросила у торговцев на базаре, откуда был отец (имя его она знала). Но уйти всё не решалась.

Время шло, а желание увидеть отца не становилось глуше.

Так она бросила хлебное место и отправилась в Покровское. Но отца там уже не было.

Нанялась в работницы (Дуня, рассказывая об этом, качала головой: «Наплела невесть что...»)[19]. И ждала появления отца. Именно ждала, потому что была убеждена – он вернется.

Предупрежу тех, кто приготовился к новой любовной интриге. Ничего похожего. Такой человек, как Дуня, не мог бы обманывать хозяйку, ставшую ей подругой.

Я сразу и навсегда полюбила Дуню. В ней было что-то теплое, очень домашнее, родное.

Мать, оставшись одна, не могла уделять нам столько времени, сколько ей, наверное, хотелось бы. Да в деревнях, где на счету каждая минута и хозяйка должна выбирать, посидеть с детьми или присмотреть за скотом – выбор чаще всего делался в пользу последних. Дети были предоставлены сами себе. У стариков (в этот разряд родители моих родителей перешли, по обычаю, тотчас же после рождения первенца у молодых) дел тоже хватало. Достаточным был присмотр.

К тому же появление в нашей семье работниц вовсе не означало, что мать решила уделить внимание детям. Просто работы по хозяйству становилось больше. Мама работала наравне с Катей и Дуней. Хватало работы и нам.[20] Сложа руки сидеть считалось зазорным, да никому и в голову не приходило.

Соломенная вдова

Мама была нежна с нами. Часто плакала вечерами. Тогда я ловила на себе ее тоскливый взгляд. Так смотрят на сирот.

Целый день мама буквально не присаживалась. Не помню, чтобы она и за столом сидела дольше нескольких минут. Все боялась чего-нибудь не успеть. Тем более, что после ухода отца свекр и свекровь начали косо смотреть на нее. Думали, что в поступке сына (а, они, разумеется, видели в нем только внешнюю сторону, так же, правда, как и мама) виновата жена. Так что ей пришлось очень нелегко.

Добавьте к этому косые взгляды соседей. Не каждый день хозяин уходил из дому так надолго, не давая о себе знать.

Мама действительно не получала никаких известий непосредственно от отца, но до Покровского доходило что-то о каком-то страннике, исцеляющем больных и проповедующем Слово Божье.

Мама никогда не говорила с нами об этом, но, хорошо зная ее и образ ее мыслей, могу предположить, что она не прикладывала появлявшиеся вести к мужу.

Как и любая крестьянка, она была человеком практическим в первую очередь.

Соломенная вдова, она хотела, чтобы в дом вернулся муж, отец ее детей, хозяин в доме, наконец.

О чем граф Витте просил Распутина

В конце девятнадцатого века в Сибири новости распространялись медленно. «Железка» – железная дорога, Транссибирская магистраль – в тех краях только строилась. Дорога была проложена в 1905 году.

Инициатором строительства стал граф Сергей Юльевич Витте, один из самых способных людей из служивших Николаю Второму. Позже Витте стал добрым другом отца.

Отношения Витте и отца представляют собой пример того, как образованнейший человек, сановник может точно понять душу простого крестьянина. Граф Витте писал: «*Нет ничего более талантливого, чем талантливый русский мужик. Распутин абсолютно честный и добрый человек, всегда желающий творить добро*».

Ковыль-Бобыль пишет:

> «Покойный граф С.Ю. Витте нередко пользовался советами Распутина. Граф Витте считал старца умным человеком и нередко совещался с ним. В начале войны, когда поднят был вопрос о воспрещении продажи спирта и водочных изделий, Распутин принимал деятельное участие в частных совещаниях, происходящих в квартире покойного графа. Гр. Витте считал, что Распутиным нужно уметь пользоваться и тогда он принесет большую пользу».

---

[19] **В.Э.:** Так это же она признается, что сочинила всё это! (Скорее всего, так и было: никакой истории с раздеванием у Кубасовой на самом деле не было – это просто девичья фантазия – и заодно легенда о том, почему она ушла – или ее ушли – от службы у Кубасовой – если она там вообще служила).

[20] **В.Э.:** Это вопиющий анахронизм – Матрена рассказывает о странствовании отца в 1892–1894 годах – за 4 года до ее рождения в 1898 году, но в этом рассказе уже и сама является действующим лицом!

Симанович описывает только один, по понятным причинам близкий ему эпизод встреч графа Витте и отца:

> «Однажды позвонил ко мне граф Витте и просил приехать к нему по одному доверительному делу.
>
> В осторожной форме граф спросил меня, может ли он мне довериться и быть спокойным, что разговор останется в секрете. У него имеется план, который может оказаться весьма интересным для еврейского народа, а ему известно, что еврейский вопрос очень близок мне.
>
> – Я считаю необходимым, – сказал Витте, – чтобы вы свели меня с Распутиным.
>
> Я уже привык, что высокопоставленные особы старались использовать для себя влияние Распутина, поэтому предложение Витте меня нисколько не удивило. Я согласился свести его с Распутиным.
>
> Сознаюсь, что мысль свести Витте с Распутиным и помочь первому опять занять руководящий пост была для меня очень заманчивой. Во всяком случае, при проведении еврейского равноправия Витте мог оказать нам огромные услуги. При этом Витте должен был обещать мне, что, если нам удастся опять провести его к управлению государственным кораблем, он будет сотрудничать с нами в уничтожении еврейских ограничений. Он согласился еврейский вопрос поставить на первый план, и договор между нами был заключен.
>
> Распутин был рад, что для Витте потребовалась его поддержка.
>
> Первая встреча между Витте и Распутиным состоялась весною. Результатами этой встречи оба были довольны. Распутин рассказывал потом мне, что он сперва спросил Витте, как ему величать его, и они условились: «Графчик».
>
> Витте пояснил, что он в немилости, потому что он против войны. Но он не может увлечься войной.
>
> – Дай тебя поцеловать! – воскликнул восторженно Распутин. – Я также не хочу войны. В этом я вполне согласен с тобой. Но, что делать? Папа (Николай Второй) против тебя, он боится тебя. Я, во всяком случае, в ближайшие дни переговорю с ним и посоветую ему поручить тебе окончание войны. Я верю тебе.
>
> Спустя двенадцать дней Распутин сообщил Витте, что он имел относительно его разговор с царем, но тот не мог решиться на новый призыв Витте к власти.
>
> Отношения между Распутиным и Витте продолжались до смерти последнего. Они часто встречались, и Витте, по-видимому, не оставлял мысли при помощи Распутина вновь забрать в свои руки власть. Однако, обладая хорошей шпионской организацией, старый двор вскоре разузнал о дружбе Витте с Распутиным.
>
> Шпионили не только за царем, царицей и царскими детьми, но следили за всеми лицами, имевшими доступ ко двору. Я, например, не мог шагнуть в Петербурге, чтобы за мной не следили. Бывали случаи, что за мной одновременно следило несколько агентов. Известие, что Витте при помощи Распутина ищет сближения с молодым двором, привело противников Николая Второго в сильное волнение, а также произвело возбуждение в кругах старого двора. Там против Витте боролись очень энергично. Предполагали, что этот замечательный государственный муж мог предпринять такие шаги, которые могли бы сильно повредить старому двору. Когда Витте умер, то по Петербургу ходили слухи, что враги его отравили».

Ясно, что именно интересно Симановичу в приведенных страницах. И об этом я несколько позже тоже собираюсь рассказать то, что знаю.

Сейчас же обращу внимание на некоторые слова, способные стать ключом для объяснения многого в событиях из петербургской жизни отца.

«*Высокопоставленные особы старались использовать для себя влияние Распутина*», – пишет Симанович.

Замечу, что отец далеко не всем подряд составлял протекцию, как может показаться из намека Симановича, старавшегося, говоря подобное, усилить и свой вес. Отец всегда по-своему показывал отношение к просителю. Сошлюсь на слова Жевахова, верно отражающие одну деталь в манере отца:

> «К стыду глумившихся над Распутиным, нужно сказать, что он распоясывался в их обществе только потому, что не питал к ним ни малейшего уважения и мнением их о себе нисколько не был заинтересован. Ко всем же прочим людям, не говоря уже о царском дворце, отношение Распутина было иное. Он боялся уронить себя в их мнении и держался всегда безупречно. Я несколько раз встречался с Распутиным в 1910 году, то в Петербургской духовной академии, то в частных домах, и он производил на меня, хорошо знакомого с монастырским бытом и со старцами, такое впечатление,

что я даже проверял его у более духовно сведущих людей и сейчас еще помню отзыв епископа Гермогена, сказавшего мне: «Это раб Божий: Вы согрешите, если даже мысленно его осудите».

О графе Витте. Случай с ним отличается от тех, на которые ссылается Симанович. Граф, пожалуй, если не единственный, то один из считанных вельмож, искавших помощи отца не для себя лично, а для блага всех.

Витте провел денежную реформу, оздоровившую Россию, поддерживал развитие промышленности и добывал для нее кредиты у иностранного капитала. Он проявил себя слишком талантливым. Это-то и стало причиной удаления его от государственных дел.

Из слов Симановича же видно, что за атмосфера царила тогда в столице. Она вполне соответствовала настроению умов. Клубок змей, готовых жалить любого, в ком только заподозрят покушение на свой покой. Шпионство, заговоры, полное непонимание или нежелание понимать выгоды государства.

Что же касается графа Витте, то взгляды его и отца во многом совпадали, хотя и выражались, разумеется, по-разному. Это можно проследить и по приведенному рассказу. Этим случаем отношения отца и графа Витте не ограничивались.

Я поспешила забежать вперед, и даже увлеклась, говоря о графе Витте, что, учитывая все обстоятельства, простительно.

Дом ходит ходуном

Итак, как-то вечером, только мы собрались сесть за ужин, без стука вошел незнакомец. Спутанная борода, длинные рыжевато-каштановые волосы. Мама закричала:[21]

– Гриша!

Всё в доме пошло ходуном, из погреба достали лакомые припасы – всё на стол. Хозяин вернулся! Мы, дети, как бросились к нему, так и не отходили. У меня потом вся щека была в царапинах от его колючей бороды, – так сильно он прижимал меня к себе. Перецеловал всех нас бессчетное количество раз.

Сейчас злюсь на себя – не спросила отца, о чем он в тот вечер рассказывал. Я-то от восхищения не запомнила ничего. Да и могла ли вообще что-либо запомнить и понять – слишком мала была.

Помню, говорили все сразу, перебивая друг друга, пытаясь первыми рассказать и о корове, и о занозе, и о том, что скучали без него.

Помню чувство довольства и умиротворения, которое буквально разлилось по дому.

На огонек пришли соседи, вскоре дом наполнился народом.

Мы, дети, носились по всему дому, шумели, сколько хотели, и никто не пытался нас утихомирить, потому что взрослые шумели еще больше. Кто-то притащил гармошку. Начались пляски, сначала со сложными коленцами, а потом, когда все уже изрядно подпили, с немыслимыми ужимками и дикими прыжками...

Мама совершенно забыла о том, что нам пора спать, и мы не ложились до тех пор, пока ноги нас носили. Дуня рассказывала, что я упала на стул совершенно без сил, а вокруг меня продолжалось веселье. Она отнесла меня наверх и уложила в постель, но я очень гордилась тем, что сдалась последней, – Митя и Варя свалились раньше.

За кого бес?

Один человек точно не радовался возвращению отца – новый деревенский священник.

Отца Павла, много лет служившего в церкви Покрова Богородицы в Покровском, перевели в другой приход. На его место прислали нового батюшку – отца Петра. Вот он-то и почувствовал в возвратившемся страннике соперника.

В «Житии...» читаем:

---

[21] **В.Э.:** Итак, из первого своего странствования (1892–1894), начавшегося с Верхотурского монастыря, Распутин вернулся до рождения Матрены, потом он дома наделал троих детей (Дмитрия, Матрену и Варвару) и в 1900 году отправился во второе странствование в Киев, потом Казань. Вернулся он в 1903 году. Видимо, для Матрены оба странствования слились в одно, и теперь она описывает возвращение 1903 года (когда ей было 5 лет) или даже возвращение 1909 года (когда ей 11 лет), поскольку она выше описывала свое участие в домашних работах в отсутствие отца (что вряд ли имело место в возрасте до 5 лет).

> «Когда в храме священник, то нужно его почитать; если же с барышнями танцует, то напоминай себе, что это не он, а бес за него, а он где-то у Престола сам служит. А видишь, что он сладкие обеды собрал и кумушек-голубушек созвал, то это потому, что у него свояченица барышня и шурин кавалер, а жене-то батюшковой и жалко их. Он же, Христовый, всё же батюшка, и не сам, а пожалел их. Так и представляй в очах картину».

И еще: «*Ему бы надо в исправники, а он пошел в батюшки*».

Это просто списано с отца Петра.

Вообще священникам жалованье платила епархия. Но по сути кормились семьи священников за счет прихожан. Кое-где и сами батюшки не гнушались крестьянской работой. Но не отец Петр. Он брал, что называется, двумя руками. И не по-божески. Обычных приношений за требы – службы за упокой на похоронах, за здравие на крестинах, за венчание – ему было мало.

Отец Петр возомнил себя чуть ли не святым Петром, стоящим с ключами у врат рая. Собственно, он сам сотворил для себя маленький рай, «где нет ни бед, ни воздыханий»...

А тут появился человек, окруженный такой славой!

Ковалевский свидетельствует:

> «Распутин побывал на богомолье в Абалакском монастыре, Саровской пустыни, Одессе, Киеве, Москве, Казани. Возвратившись, он стал еще более богомолен, являлся на клирос раньше священника, истово крестился, бился лбом о землю до крови».

Обращу внимание на слова – «стал еще богомольнее». Значит, и был богомольным. Это расходится с характеристикой, которую дают отцу другие.

Из того же:

> «Говорить он стал загадочно, отрывочными фразами, стал претендовать на пророчество и предсказание. Когда его о чем-нибудь спрашивали, он подолгу не отвечал, а потом точно спросонья произносил несколько отрывочных бессмысленных фраз.
>
> Это юродство стало мало-помалу привлекать к нему внимание односельчан. Мужики, впрочем, больше смеялись над ним и презирали его, но бабы начинали верить, захаживали за советами.
>
> Вскоре, однако, по селу разнеслась весть, что зародился новый пророк-исцелитель, чтец мыслей, разгадыватель душевных тайн.
>
> Слава Распутина стала распространяться далеко за пределами села Покровского и соседних деревень. Приходили бабы, водя за собой кликуш, хромых, слепых, больных ребят».

Священник увидел в отце врага, способного лишить его, по крайней мере, части доходов. Теперь больные шли за исцелением к отцу, а не в церковь. Те же, кто искал духовного руководства, предпочитали получать хлеб из рук отца, а не камни из рук священника.

И без того разгневанный соперничеством «выскочки», священник пришел в ярость, узнав, что отец намерен соорудить на своем подворье подземную часовню.

Отец Петр против Распутина

Насколько я знаю, отец никогда открыто не выказывал своего отношения к покровскому батюшке. Но тот был достаточно опытен и не нуждался в непосредственных объяснениях.

С точки зрения сугубо церковной, затея, подобная затее отца, не несла в себе ничего оскорбительного. От покровского служителя Господнего потребовалось бы только освятить новую часовню. Или заявить, почему он этого делать не намерен.

Имея представление об отцовском характере, батюшка не мог отважиться на такой шаг. Отец молчать бы не стал, последовало бы разбирательство с привлечением деревенской общины (мира), многое могло бы тогда явиться на свет Божий.

Отец Петр решил – не мытьем, так катаньем – допечь неугодного.

А тем временем строительство продвигалось. Отец работал не переставая. Нашлись и помощники.

Когда уже всё было закончено, и собранные в странствиях моим отцом иконы расположили в нишах земляных стен, батюшка решил, что настал час действовать. И настрочил донос.[22]

---

[22] **В.Э.:** Донесение покровского священника Петра Остроумова в Тобольскую консисторию поступило в 1903 году (когда Матрене 5 лет; стало быть, Распутин тогда был дома). Там говорилось, что

В ожидании (и даже – в предвкушении) своей победы он строго-настрого запретил ходить в отцовскую часовню, предрекая кары небесные тем, кто будет продолжать потакать «пособнику дьявола». Это не помогало. Прихожан в церкви не становилось больше. Наоборот.

Ответа от церковного начальства всё не было, и батюшка направился в Тюмень сам.

Там его принял епископ. Батюшка вылил на отца не один ушат грязи. Вплетая в уже устный донос всё, что мог припомнить из сплетен, сопровождавших отца.

Картина получилась страшная.

Богобоязненный епископ пришел в ужас от творящихся в подведомственном ему приходе непотребствах, и тут же отправился вместе с отцом Петром в Покровское положить конец безобразиям. За ними последовали ученые монахи и полицейские.

Учинили целое следствие.

Полицейские, переодетые крестьянами, несколько раз побывали на службе в часовне, монахи с суровыми лицами ходили по деревне и расспрашивали тех, кто бывал на отцовских собраниях. Через несколько дней тщательного расследования они доложили епископу, остановившемуся в доме батюшки, – не замечено ничего, что могло бы хоть в какой-то степени подтвердить обвинения.

Епископ оказался человеком трезвомыслящим. К тому же за несколько дней жизни под одной крышей с батюшкой он рассмотрел его поближе и понял, с кем имеет дело.

Священник, который был уверен, что ненавистного соперника уберут с его дороги, был поражен. Всё обернулось против него самого. Деваться некуда – батюшка был вынужден признать, что оговорил отца.

Священник оправдывался тем, что слухи передавали ему верные люди.

Но епископ не скрывал неудовольствия. С одной стороны, на подведомственной ему территории ереси нет – и это хорошо. Но, с другой стороны, епископ понимал, что покровский батюшка не остановится и пойдет жаловаться дальше по начальству – а это уже плохо.

Так и вышло.

Как добраться до царей

Мы, дети, просто купались в счастье – в доме опять воцарился покой. Это был один из редких периодов жизни отца, когда он жил в полном согласии с собой, близкими, односельчанами, за исключением, разумеется, местного священника.

Но отец не был бы тем, кем был, если бы успокоился, застыл.

Он опять заметался.

И отец опять отправился странствовать. Он говорил, что поступил так по слову св. Симеона Верхотурского. Тот явился во сне и сказал: «Григорий! Иди, странствуй и спасай людей». Вот отец и пошел. На пути в одном доме он повстречал чудотворную икону Абалакской Божьей матери, которую монахи носили по селениям. Заночевал в той комнате, где была икона. Ночью проснулся, смотрит, а икона плачет, и он слышит слова:

– Григорий! Я плачу о грехах людских; иди странствуй, очищай людей от грехов их и снимай с них страсти.

Отец исходил почти всю Россию.

Ковыль-Бобыль передает это так:

> «В девятисотых годах он прибыл в Казань. Здесь он, как человек опытный уже в духовной жизни, вошел в общение с местным духовенством и в особенности с неким архимандритом Хрисанфом, постником, молитвенником, мистиком, впоследствии епископом. Любитель божьих людей, Хрисанф уделил Григорию чрезвычайное внимание. Передал ему многое из своего духовного опыта, как равно и сам дивился духовным способностям своего ученика, его необычайной склонности к восприятию самых трудных достижений и духовной зрячести.
>
> С письмами, полными похвал ему, он направляет его в Петроград к гремевшему уже тогда в столичном обществе славою аскета и глубокого мистика архим. Феофанну, инспектору здешней Духовной академии, пользовавшемуся к тому же необычайным авторитетом в «высшем свете»».

Следуя этим путем, отец «добрался до царей».

Распутин женщин «избавляет от страстей в бане» и что на заводах Пермской губернии он знакомился с «Учением ереси хлыстовой» (т.е. говорилась правда).

Глава 5. Новый Содом

Петербургские непотребства – Мнимые пророки – Последние времена

Петербургские непотребства

Санкт-Петербургу тогда только перевалило за две сотни лет. Город был основан 16 мая 1703 года, и о строительстве его возвестил залп из множества артиллерийских орудий, расставленных по берегам Невы. Для начала работ потребовалось около двадцати тысяч человек. Петру Великому суждено было сделать этот город памятником Богу и самому себе.

Тридцать один болотистый остров предстояло соединить мостами, возвести чудно изукрашенные великолепные дворцы и правительственные здания, разбить парки и бульвары. И сделать всё это на европейскую ногу.

Только Петр, с его самолюбием, мог задумать подобное. Ему не давали покоя красоты Стокгольма, виденные в пору ученичества.

В который уже раз Россия отспоривала у мира то, что, как ей казалось, вернее, как она знала, по праву принадлежало ей.

Рим («Москва – Третий Рим, а Четвертому не бывать!») – отспорила.

И Венецию – отспорила. (Первая Венеция – итальнянская, вторая – Стокгольм, называемый в допетровские времена Северной Венецией, третья – и есть Петербург). Кроме Петра вряд ли кто решится на такое дело.

Царь Петр строил город Святого Петра. Но, видно, не хватило праведников, и город не устоял.

Как, впрочем, и сама Россия. Представлявшаяся глыбой, она расползлась по ниточкам за несколько дней.

«Дурак спорить горазд», – говорил отец. Правда. За Рим спорили, за Венецию спорили... Да как... А Россию проспорили ни за что.

После моего отъезда из России прошло уже достаточно времени. В моем положении не странно, что за эти годы я узнала о русской жизни гораздо больше, чем знала, живя в Петербурге. В первые годы особенно, и понятно почему, разговоры среди эмигрантов велись исключительно о прошлом в России. Кто что сказал, кто чего не сказал, кто как поступил, кто как не поступил. Чем заслужили мы и Россия то, что с нами и с ней произошло.

К началу века Петербург впору было называть не Новой Венецией, а Новым Содомом.

Хлыстовские радения могли показаться шалостями в сравнении с тем, чем наполняли свой досуг (то есть дни напролет) столичные искатели удовольствий.

Несметные толпы веселых девиц ночами прогуливались по Невскому проспекту.

Полиция сбивалась с ног, следя за порядком в бесчисленных домах терпимости. Девушек для них привозили из Азии, Южной Америки и Африки, в том числе десятилетних, спрос на которых был весьма велик.

Зрители Порная покраснели бы, покажи им зрелища, которыми наслаждались завсегдатаи аристократических закрытых клубов.

Пределом могли служить лишь границы воображения.

Одним из самых популярных представлений подобного рода были сценки, изображающие совращения. От совращения малолетних до скотоложества.

Интересно заметить при этом, что члены столичных клубов никогда бы не признались в том, что стали развратниками. Происходящему они придавали роль какой-то эстетической игры. Явно полагая (когда дело касалось их самих), что наблюдать – не значит участвовать.

Публика, и дамы в том числе, еще вчера приходившая в негодование от откровений Мопассана, с патологической жадностью набрасывалась на литературу самого низкого сорта, не гнушавшуюся передачей грязнейших деталей.

Более того, в этом даже стали находить шик, уверяя, что просто необходимо открывать все низкие стороны человеческого существования.

Большие города всегда были средоточием порока, но никогда раньше порок так усердно не окружали флером респектабельности. Никогда пороком так не гордились.

Кокаинисты-декаденты задавали тон. И их принимали в аристократических домах.

Самым невинным из времяпрепровождений, пользовавшихся тогда огромным успехом у праздной публики, было «столоверчение». Приглашение на спиритические сеансы считалось хорошим тоном. Почти во всех модных салонах столицы собирались те, кто желал испытать судьбу.

Даже видные материалисты (ученые) не были чужды этому занятию. Химик Менделеев, чья слава тогда находилась в зените, давал пример. Он написал целый труд, который так и назывался – «О столоверчении».

Надо заметить, что светские люди из тех, кто принимал участие в этом предосудительном, с точки зрения церкви, занятии, не переставали полагать себя истинными христианами и не усматривали никакого греха в призывании духов. Не укоряю их нисколько, а только говорю, что собственная нетвердость в вере всегда кажется простительной или даже не заслуживающей внимания.

В обществе широко распространилось учение Елены Петровны Блаватской, основательницы теософии. Одни только и говорили о карме, реинкарнации, об Учителях. Другие посещали лекции мистиков... Третьи искали смысла жизни в дыхательной гимнастике и медитации по методу йогов.

Мнимые пророки

О тех же самых днях обер-прокурор Синода князь Жевахов писал, что

«с духовной стороны столица была и лучше, и чище провинции. Религиозная атмосфера столицы резко отличалась от провинциальной. Жизнь столицы представляла исключительно благодарную почву для духовных посевов. Петербургская аристократия не только чутко отзывалась на религиозные вопросы, но искренно и глубоко искала в разных местах удовлетворения своих духовных запросов. Салоны столичной знати точно соревновались между собою в учреждении всевозможных обществ и содружеств, преследовавших высокие религиозные цели. Во главе каждого из этих обществ стояли представители высшего столичного общества, объединявшие вокруг себя лучших людей столицы. В притонах нищеты, среди чернорабочих Петербургской гавани, в подвалах и трущобах, в тюрьмах и больницах, всегда, и я это подчеркиваю не как случайное явление, можно было встретить представителей столичной знати, с Евангелием в руках и всякого рода приношениями... Нужно ли говорить о том, что при этих условиях ни одно явление церковной жизни не проходило мимо без того, чтобы не найти своей оценки и отражения в этих салонах! Излишне добавлять и то, что такое отражение было часто уродливым и свидетельствовало об изумительном незнакомстве столичного общества с церковной областью и о религиозном невежестве.

Вопросы христианского социализма привлекали в то время особое внимание петербургского общества, и имя доцента Духовной академии, архимандрита Михаила (Семенова), выпускавшего серии своих брошюр, под общим заглавием «Свобода и христианство», пользовалось чрезвычайной популярностью. Эти брошюры ходили по рукам, читались нарасхват и производили сильнейшее впечатление на тех, кто не прозревал их сущности и не догадывался о намерениях автора, еврея, принявшего православие, впоследствии перешедшего в старообрядчество, с возведением в сан старообрядческого епископа, и убитого при крайне загадочной обстановке...

На смену ему явился священник Григорий Петров. Трудно передать то впечатление, какое он произвел своим появлением. Залы, где он читал свои убогие лекции, ломились от публики; многотысячная толпа молодежи сопровождала каждый его шаг; знакомства с ним искало как высшее общество, так и широкая публика; газеты были переполнены описаниями его лекций; издательство Сытина не жалело ни денег, ни бумаги для распространения его «сочинений» в народе; фотографические карточки и портреты его красовались в витринах магазинов на Невском, и «общественная» мысль была погружена в созерцание его облика, создавая ему небывалую славу. Даже такие авторитеты, как незабвенный, великий пастырь земли русской, отец Иоанн Кронштадтский, не могли поколебать той почвы, на которой утвердился бездарный Григорий Петров, человек неумный, необразованный, этот типичный «оратор», умевший трескучими фразами прикрывать свое скудоумие.

В чем же была причина такого успеха Григория Петрова? Она очень несложна. Он пел в унисон с теми, кто был хозяином общественного мнения, кто, сидя за кулисами, создавал его и управлял им.

После его развенчания религиозный Петербург стал искать ответов на свои сомнения и духовные запросы в иной плоскости и вступил на почву народной веры, не знающей никаких религиозных проблем, не сталкивающейся ни с какими противоречиями, не связанной ни с какою наукою... Сделать это было тем легче, что в представителях такой веры не ощущалось недостатка... Наиболее почетное место среди них занял косноязычный Митя. Это был совершенно неграмотный крестьянин Калужской губернии, и притом лишенный дара речи, издававший только нечленораз-

дельные звуки. Тем не менее, народная молва наделила его необычайными свойствами, видела в нем святого, и этого факта было достаточно для того, чтобы перед ним раскрылись двери самых фешенебельных салонов. В тех звуках, какие он издавал, безуспешно стараясь выговорить слово, в мимике, мычании и жестикуляциях окружающие силились угадывать откровение Божие, внимательно всматривались в выражение его лица, следили за его движениями и делали всевозможные выводы. Увлечение высшего общества «Митей» было так велико, что, в порыве религиозного экстаза, одна из воспитанниц Смольного института благородных девиц предложила ему свою руку и сердце, какие «Митя», к ужасу своих почитателей, и принял».

Последние времена

В этот бурлящий водоворот и попал мой отец, когда приехал в столицу.

Всюду только и говорили о «последних временах».

Здесь необходимо сделать небольшое отступление.

В записках великого князя Александра Михайловича мне бросилось в глаза следующее. Он описывает разговор с тогда еще великим князем Николаем Александровичем, наследником Александра Третьего. Тот только что узнал о смерти отца и, значит, о близости своего коронования.

«Сандро, что я буду делать?! – патетически воскликнул он. – Что будет теперь с Россией? Я еще не подготовлен быть царем! Я не могу управлять империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами. Помоги мне, Сандро!

Помочь ему? Мне, который в вопросах государственного управления знал еще меньше, чем он! Я мог дать ему совет в области дел военного флота, но в остальном... Я старался успокоить его и перечислял имена людей, на которых Николай мог положиться, хотя и сознавал в глубине души, что его отчаяние имело полное основание и что все мы стояли пред неизбежной катастрофой».

Ощущение надвигающейся катастрофы было общим.

Потом слишком многие из участников событий времени появления в Петербурге отца утверждали, что это он принес несчастье двору и России. Но всякому непредвзятому человеку видно, что это совершенно не так.

Он стремился помочь, но болото оказалось слишком топким.

«*По грехам нашим и кара*».

Глава 6. Новоявленный

«Мы его ждем» – Тысяча лиц – Первобытный человек – «Меня держит здесь» – Новые знакомства – Житейский ключ – Опытное применение – Украсть червонец и сбежать – Кто терся, а кого звали

«Мы его ждем»

Труфанов:

«В конце 1902 года, в ноябре или декабре месяце, среди студентов Санкт-Петербургской духовной академии пошли слухи о том, что где-то в Сибири, в Томской и Тобольской губерниях, объявился великий пророк, прозорливый муж, чудотворец и подвижник по имени Григорий.

В религиозных кружках студенческой молодежи, группировавшихся вокруг истинного аскета, тогдашнего инспектора академии – архимандрита Феофана, рассуждения о новоявленном пророке велись на разные лады.

– И вот теперь такого мужа великого Бог воздвигает для России из далекой Сибири. Недавно оттуда был один почтенный архимандрит и говорил, что есть в Тобольской губернии, в селе Покровском, три благочестивых брата: Илья, Николай и Григорий. Старший из них – Григорий, а два первых – его ученики, еще не достигшие высокой ступени нравственного усовершенствования. Сидели как-то эти три брата в одной избе, горько печаловались о том, что Господь не посылает людям благословенного дождя на землю; потом Григорий встал из-за стола, помолился и твердо произнес: «Три месяца, до самого покрова, не будет дождя...» Так и случилось. Дождя не было, и люди плакали от неурожая... Вот вам и Илья-пророк, заключивший небо на три года с месяцами! Господи! Господи! – глубоко вздохнувши, заключил о. Феофан.

– А не приедет ли сюда тот старец?

– Приедет, приедет! Один архимандрит обещал его привезти. Мы его ждем...»

Тысяча лиц

Весь облик отца, его поведение, манера говорить, сам ход его мыслей мало вязались с традиционными представлениями о старцах – благостных, спокойных (прежде всего – спокойных!). Он был новый тип, рожденный самим временем. Новый – это очень важное объяснение. Однако оно нуждается в дополнении, которое никто до сих пор так и не сумел или не осмелился сделать. Мой отец действительно был старцем, но только старцем, которому не был чужд мир, старцем, помыслами живущим на земле. Он был мирской со всех точек зрения. Он знал секрет – как спастись в этой жизни.

Симанович:

> «В петербургском обществе Распутин нашел хорошо подготовленную почву. Он отличался от других сомнительных личностей, ясновидящих, предсказателей и тому подобных людей своей изумительной силой воли. Кроме того, он никогда не преследовал личных мелочных интересов.
>
> Распутин прибыл в Петербург не по железной дороге, а пешком и при этом босиком. Он остановился в монастырской гостинице как гость архимандрита Феофана».

Интересный опыт может представлять собой сравнение описаний внешнего вида отца.
Так видит Труфанов:

> «Григорий был одет в простой, дешевый, серого цвета пиджак, засаленные и оттянувшиеся полы которого висели спереди, как две старые кожаные рукавицы; карманы были вздутые; брюки такого же достоинства. Особенно безобразно, как старый истрепанный гамак, мотался зад брюк; волосы на голове «старца» были грубо причесаны в скобку; борода мало походила вообще на бороду, а казалась клочком свалявшейся овчины, приклеенным к его лицу, чтобы дополнить всё его безобразие и отталкивающий вид; руки у «старца» были корявы и нечисты, под длинными и даже немного загнутыми внутрь ногтями было много грязи; от всей фигуры «старца» несло неопределенным нехорошим духом».

Так видит Юсупов:

> «В этом мужицком лице было действительно что-то необыкновенное. Меня всё больше и больше поражали его глаза, и поражающее в них было отвратительным. Не только никакого признака высокой одухотворенности не было в физиономии Распутина, но она скорее напоминала лицо сатира: лукавое и похотливое. Особенность же его глаз заключалась в том, что они были малы, бесцветны, слишком близко сидели один от другого в больших и чрезвычайно глубоких впадинах, так что издали самих глаз даже и не было заметно, – они как-то терялись в глубине орбит. Благодаря этому иногда даже трудно было заметить, открыты у него глаза или нет, и только чувство, что будто иглы пронизывают вас насквозь, говорило о том, что Распутин на вас смотрит, за вами следит. Взгляд его был острый, тяжелый и проницательный. В нем действительно чувствовалась скрытая нечеловеческая сила.
>
> Кроме ужасного взгляда, поражала еще его улыбка, слащавая и вместе с тем злая и плотоядная; да и во всем его существе было что-то невыразимо гадкое, скрытое под маской лицемерия и фальшивой святости.
>
> Его внешность мне не понравилась с первого взгляда; в ней было что-то отталкивающее. Он был среднего роста, коренастый и худощавый, с длинными руками; на большой его голове, покрытой взъерошенными спутанными волосами, выше лба виднелась небольшая плешь, которая, как я впоследствии узнал, образовалась от удара. На вид ему было лет сорок.[23] Он носил поддевку, шаровары и высокие сапоги. Лицо его, обросшее неопрятной бородой, было самое обычное, мужицкое, с крупными, некрасивыми чертами, грубым овалом и длинным носом; маленькие светло-серые глаза смотрели из-под густых нависших бровей испытующим и неприятно бегающим взглядом. Обращала на себя внимание его манера держаться: он казался непринужденным в своих движениях, и вместе с тем во всей его фигуре чувствовалась какая-то опаска, что-то подозрительное, трусливое, выслеживающее. Настороженное недоверие светилось и в его прозрачных глубоко сидящих глазах».

Смею уверить, что в этих описаниях гораздо больше проявились сугубые черты личности авторов, чем отца. (Я имею в виду, конечно же, не покрой платья или привычки, прививаемые всей жизнью и воспитанием, а манеру, с которой некоторые дают характеристики другим людям).

---

[23] **В.Э.:** Распутин прибыл в Санкт-Петербург в 1904 году, когда ему было 36 лет.

Труфанов с особым сладострастием указывает на грязь на руках и одежде отца. Но ведь он встретил его сейчас же по прибытии. Да и представления о гигиене у крестьян и окультурившихся студентов Духовной академии несколько разнятся.

Феликс Феликсович **Юсупов** (1887–1967) в 1950 году. Фото из сайта геев и лесбиянок России.

Если бы Труфанов встретил отца гладко зачесанным, в чистом платье и белых перчатках, он бы наверняка возмутился – почему чисто?

А именно так и случалось. Когда отец ходил плохо остриженный, ему пеняли за это. Когда подстригся с претензией на тщательность – снова ругали. Когда мазал сапоги дегтем, были недовольны, когда капал на бороду духи – стыдили в глаза и за глаза. Когда принимал посетителей в поддевке – был плох. Когда оделся для этого в белую рубаху – обвинили в гордыне. Всё не так...

Еще будет место сказать о Феликсе Юсупове и открыть всю его нечестность, и это мягко сказано, по отношению к отцу.

Сам фальшивый и лицемерный насквозь, Юсупов хочет найти и находит эти черты в тогда совсем ему незнакомом человеке.

Замечу только одно. Он пишет о недоверии, сквозившем в глазах отца. Вот это правда. Отцу всегда было достаточно одного взгляда, чтобы понять, с кем он имеет дело.

Еще одно важное замечание:

> «Кто ни писал о Распутине, все, даже враги его, признавали его замечательность, ум, необыкновенную проникновенность взгляда и т.д.».

Вот описания другого рода.
Ковыль-Бобыль:

> «Вышесредний рост, широкоплечий, с большими мужицкими руками, большая темная, рыжеватого оттенка борода, закрывающая почти весь овал лица, мясистый нос, полные чувственные губы, серые глаза с белесоватыми точками в зрачках, обычно мутные и сверкающие резким, стальным блеском в момент раздражения – таков Распутин. Обыкновенный, рядовой тип сибиряка-чалдона».

Симанович:

> «Своей внешностью Распутин был настоящий русский крестьянин. Он был крепыш, среднего роста. Его светло-серые острые глаза сидели глубоко. Его взгляд пронизывал. Только немногие его выдерживали. Он содержал суггестивную силу, против которой только редкие люди могли устоять. Он носил длинные, на плечи ниспадающие волосы, которые делали его похожим на монаха или священника. Его каштановые волосы были тяжелые и густые.
>
> Он всегда носил при себе гребенку, которой расчесывал свои длинные, блестящие и всегда умасленные волосы. Борода же его была почти всегда в беспорядке. Распутин только изредка расчесывал ее щеткой. В общем он был довольно чистоплотным и часто купался».

Первобытный человек

Как бы пристрастны ни были наблюдавшие за отцом, никто из них не смог обойти главного – в нем заключалась недюжинная сила.

Именно она и заставляла одних нападать на него, боясь и ненавидя, а других – искать его защиты и покровительства.

Это очень скоро признают все.

Юсупов: «*Огромная память, исключительная наблюдательность*».

Родзянко: «*Недюжинный пытливый ум*».

Белецкий: «*Это была колоссальная фигура, чувствовавшая и понимавшая свое значение*».

Гиппиус: «*Он умен. В соединении получается то, что зовут «мужицким умом», – какая-то гениальная «сметка», особая гибкость и ловкость. Сметка позволяет Распутину необыкно-*

венно быстро оборачиваться, пронизывать острым взором и схватывать данное, направлять его».

Евреинов: «*Крайне талантливый*».

Руднев:

> «Вообще надо сказать, что Распутин, несмотря на свою малограмотность, был далеко не заурядным человеком и отличался от природы острым умом, большой находчивостью, наблюдательностью и способностью иногда удивительно метко выражаться, особенно давая характеристики отдельным лицам».

И множество подобных слов, сказанных, кстати, по преимуществу недоброжелателями отца.

У Гиппиус же есть наблюдение: «*Распутин – первобытный человек из вековой первобытной среды*». Это способно объяснить, почему многое в нем оставалось непонятным и даже враждебным для людей, далеких от народной жизни и не желающих ее понять.

Я привела только малую часть описаний отца, как они даны в записках современников. Попробуйте ответить хотя бы на вопрос, так какого же роста был отец, среднего, выше среднего? Раньше я говорила о том, что многие путались в цвете его глаз. Не найти и одинаковых описаний черт лица, фигуры и т.п. Более того, посмотрите на фотографии отца – иногда кажется, что на них сняты разные люди.

В этом смысле интересно привести еще одно описание, сделанное Труфановым и потому приобретающее особое значение. Труфанов сопровождал отца в его поездке в Царицын. Там отец, стоящий на возвышении у церкви и говорящий с толпой, пришедшей его послушать, виделся Труфанову очень высоким, тонким, готовым почти взлететь.

«Меня держит здесь»

Итак, отец появился в Санкт-Петербурге.

Город ему не понравился. Потом он говорил мне, что ему душно здесь. Нежелание свое сразу уехать обратно объяснил так: «Меня держит здесь».

Поначалу отец, мало с кем знакомый тогда, не знал, что делать дальше.

Он уже давно слышал о священнике из собора в Кронштадте – знаменитом Иоанне Кронштадтском. Говорили, он обладает огромной духовной силой. И вот в одно из воскресений отец решил поехать в Кронштадт, на проповедь.

Говорили, что собор, где служит Иоанн Кронштадтский, – оазис покоя в бурлящем море. Отцу предстояло убедиться в этом.

Сама служба проходила необычно: она включала в себя публичную исповедь. Под конец, перед самым причастием, по сигналу, поданному священником, все присутствующие выкрикивали во всеуслышание свои грехи.

Отец бывал во многих церквах и монастырях, но нигде не встречал подобного. Прихожане, не стыдясь, в полный голос объявляли о своих прегрешениях, просили у Бога прощения, а затем вкушали тело и кровь Христа.

При этом не было суеты, толкотни – один обряд сменял другой.

Отец был ошеломлен таким проявлением искренней веры в Бога.

Считается, что Бог пребывает в церкви. И это, конечно, так. Это знают все верующие. Но не всем дано почувствовать Бога рядом с собой во время церковной службы.

Отец простоял на коленях всю службу. Молился, вручая свою судьбу Господу.

Люди, обладающие духовным зрением, узнают друг друга. Архимандрит Иоанн вышел из алтаря, остановился перед отцом, взял его за руку и заставил встать.

Сказал, что почувствовал присутствие отца в храме:

– В тебе горит искра Божья.

Отец попросил благословения у архимандрита.

– Господь тебя благословляет, сын мой, – ответил тот.

В тот день отец принял причастие из рук Иоанна Кронштадтского, что было большой честью.

После архимандрит позвал отца к себе.

Отец рассказал Иоанну о себе всё. «Как на духу». Впрочем, он и воспринимал происходящее как продолжение исповеди, начатой еще в храме во время службы.

Разумеется, рассказал и о явлении Казанской Божьей Матери, о смутных догадках, наполнивших его после этого. Рассказал о том, что пришел в Петербург как бы не по своей воле:

– Вело меня сюда...

Архимандрит слушал отца, не перебивая. Когда отец закончил говорить, спокойно сказал:

– Бог привел, значит так тому и быть.

У отца вырвался вопрос:

– Чему быть?

Архимандрит так же серьезно ответил:

– А что Бог даст, тому и быть. Его слушай, он вразумит.

Даже Труфанов так передает слова Иоанна Кронштадтского:

– Странствуй, странствуй, брат, тебе много дал Бог, помогай людям, будь моею правою рукой, делай дело, которое и я, недостойный, делаю...

Архимандрит, пересказывая другим встречу с отцом, называл его «истинным старцем».

Вскоре он пригласил отца пожить в монастыре. Отец приглашение с радостью принял.

Новые знакомства

Иоанн Кронштадтский, искренне расположившийся к отцу, познакомил его с Гермогеном Саратовским, в то время одним из самых популярных церковнослужителей в России; монахом Илиодором (в миру – Сергей Труфанов), известным тогда суровыми проповедями, собиравшими огромные толпы слушателей; и архимандритом Феофаном, инспектором Духовной академии Санкт-Петербурга, духовником семьи императора.

Они были поражены высказываниями простого мужика. За простодушием таилось глубокое понимание религиозных истин.

Приведу здесь замечание именно Симановича. Он, иудей, по понятным причинам сам совершенно не способен был понять ничего из тех религиозных откровений, которые давались отцу. Значит мог только переносить мнение других. А таких мнений он слышал много. И, зная его натуру, возьмусь утверждать, что если бы в описываемом вопросе до него дошло что-нибудь неприятное для отца, он бы непременно передал это во всеуслышанье. В других случаях так и происходило... Итак: «*Распутин своими религиозными познаниями приводил в изумление даже епископов и академически образованных богословов*».

К словам Симановича прибавлю слова Белецкого, по должности своей – министра внутренних дел – и по собственному рвению (с целями как раз тут уж точно – «притереться» к влиятельным интриганам двора) собиравшего документы, в основном компрометирующие. На этот раз и ему пришлось трудно, здесь упрекнуть отца было не в чем: «*С ним считались многие, в том числе видные иерархи церкви, не говоря уже о средних духовных слоях*».

Нельзя сказать, что компанию, собравшуюся в доме Иоанна Кронштадтского, кто-то осмелился бы отнести к легкомысленной. Они были очень пристрастны, когда речь заходила о вопросах веры.

Возможно, они ждали от отца – сибирского мужика – даже чего-то, граничащего с еретическим взглядом. Но быстро поняли, что он тверд в православии.

Превосходная память позволяла отцу цитировать длинные куски из Священного Писания. Уже только одно это поразило искушенных собеседников. Умением толковать священные тексты образованных богословов удивить было сложнее. Но и это удалось сделать отцу.

По меткому замечанию одного из слышавших отца, его «безыскусность граничила с изощренностью».

Житейский ключ

В этом месте интересно будет передать следующее.

Как-то в самом начале знакомства князь Юсупов стал свидетелем рассуждений отца на темы Священного Писания.

Смею думать, что и в тот день отец говорил ничуть не хуже, чем во все предыдущие, и не был менее красноречив, чем в беседах с образованнейшими иерархами. Однако Юсупов замечает: «*Мне стало противно слушать, как этот неграмотный мужик жонглирует кусками из Священного Писания*». Обращу внимание на слово «жонглирует». В отличие от отца князь был абсолютно грамотен и слова расставлял, как ему казалось, с точностью и однозначностью. Значит, князя поразила ловкость, то есть умелость, с какой отец приводил куски из Священного Писания. Ведь жонглировать – это и значит умение сохранять баланс и точность. Но именно это

и стало «противно» князю. Он не мог, и никогда не смог, простить «неграмотному мужику» такого умения. Дело не в том, что кто-то лучше, а кто-то хуже знал Писание. Этот момент – только сколок общей манеры Юсупова трактовать события.

Ниже я еще скажу о нем многое. Сейчас же отнесу к нему фразу, услышанную не по его адресу, но способную объяснить и его некоторые действия: «*Невыросший ребенок до старости сердится, если хвалят погоду, а не его*».

Это житейский ключ, простой, но безотказно открывающий многие кладовые.

Споры из-за догм (говорил: «Из-за буквы») отца не интересовали, он чувствовал, что это пустая трата времени. Его лучше потратить на «разговор с Богом». «*Чтобы опыт пересиливал букву, надо чтобы он был в тебе хозяин*».

Опытное применение

Жевахов оставил в своих воспоминаниях запись одной из проповедей отца, сделанных им позднее описываемого времени. Я привожу ее здесь, потому что то, о чем именно говорил отец, важно запомнить сейчас, чтобы иметь в виду всё время рассказа о его жизни в Петербурге.

> ««Чтобы спасти свои души, надо-ть вести богоугодную жизнь», – говорят нам с амвонов церковных священники да архиереи... Это справедливо... Но как же это сделать?.. «Бери «Четьи-Минеи», жития святых, читай себе, вот и будешь знать, как», – отвечают. Вот я и взял «Четьи-Минеи» и жития святых и начал их разбирать и увидел, что разные святые только спасались, но все они покидали мир и спасение свое соделывали то в монастырях, то в пустынях... А потом я увидел, что «Четьи-Минеи» описывают жизнь подвижников с той поры, когда уже они поделались святыми... Я себе и подумал – здесь, верно, что-то не ладно... Ты мне покажи не то, какую жизнь проводили подвижники, сделавшись святыми, а то, как они достигли святости... Тогда и меня чему-нибудь научишь. Ведь между ними были великие грешники, разбойники и злодеи, а про то, глянь, опередили собою и праведников... Как же они опередили, чем действовали, с какого места поворотили к Богу, как достигли разумения и, купаясь в греховной грязи, жестокие, озлобленные, вдруг вспомнили о Боге, да пошли к Нему?! Вот что ты мне покажи... А то, как жили святые люди, то не резон; разные святые разно жили, а грешнику невозможно подражать жизни святых. Увидел я в «Четьи-Минеи» и еще, чего не взял себе в толк. Что ни подвижник, то монах... Ну, а с мирскими-то как? Ведь и они хотят спасти души, нужно и им помочь и руку протянуть. Значит, нужно прийти на помощь и мирянам, чтобы научить их спасать в миру свои души. Вот, примерно, министр царский, али генерал, али княгиня какая, захотели бы подумать о душе, чтобы, значит, спасти ее... Что же, разве им тоже бежать в пустыню или монастырь?! А как же служба царская, а как же присяга, а как же семья, дети?! Нет, бежать из мира таким людям не резон. Им нужно другое, а что нужно, того никто не скажет, а все говорят: «ходи в храм Божий, соблюдай закон, читай себе Евангелие и веди богоугодную жизнь, вот и спасешься». И так и делают, и в храм ходят, и Евангелие читают, а грехов, что ни день, то больше, а зло всё растет, и люди превращаются в зверей... А почему?.. Потому, что еще мало сказать: «веди богоугодную жизнь», а нужно сказать, как начать ее, как оскотинившемуся человеку, с его звериными привычками, вылезть из той ямы греховной, в которой он сидит; как ему найти ту тропинку, какая выведет его на чистый воздух, на Божий свет. Такая тропинка есть. Нужно только показать ее. Вот я ее и покажу.
>
> Спасение в Боге... Без Бога и шагу не ступишь...
>
> А увидишь ты Бога тогда, когда ничего вокруг себя не будешь видеть... Потому и зло, потому и грех, что всё заслоняет Бога, и ты Его не видишь. И комната, в которой ты сидишь, и дело, какое ты делаешь, и люди, какими окружен, – всё это заслоняет от тебя Бога, потому что ты и живешь не по-Божьему, и думаешь не по-Божьему. Значит, что-то да нужно сделать, чтобы хотя увидеть Бога... Что же ты должен сделать?..
>
> После службы церковной, помолясь Богу, выйди в воскресный или праздничный день за город, в чистое поле... Иди и иди всё вперед, пока позади себя не увидишь черную тучу от фабричных труб, висящую над Петербургом, а впереди прозрачную синеву горизонта... Стань тогда и помысли о себе... Каким ты покажешься себе маленьким, да ничтожным, да беспомощным, а вся столица в какой муравейник преобразится перед твоим мысленным взором, а люди – муравьями, копошащимися в нем!.. И куда денется тогда твоя гордыня, самолюбие, сознание своей власти, прав, положения?.. И жалким, и никому не нужным, и всеми покинутым осознаешь ты себя... И вскинешь ты глаза свои на небо и увидишь Бога, и почувствуешь тогда всем сердцем своим, что один только у тебя Отец – Господь Бог, что только одному Богу нужна твоя душа, и Ему одному ты захочешь тогда отдать ее. Он один заступится за тебя и поможет тебе. И найдет на тебя тогда умиление... Это первый шаг на пути к Богу.
>
> Можешь дальше и не идти, а возвращайся назад в мир и становись на свое прежнее дело, храня, как зеницу ока, то, что принес с собою.

> Бога ты принес с собою в душе своей, умиление при встрече с Ним стяжал и береги его, и пропускай через него всякое дело, какое ты будешь делать в миру. Тогда всякое земное дело превратишь в Божье дело, и не подвигами, а трудом своим во славу Божию спасешься. А иначе труд во славу собственную, во славу твоим страстям, не спасет тебя. Вот это и есть то, что сказал Спаситель: «царство Божие внутри вас». Найди Бога и живи в Нем и с Ним и хотя бы в каждый праздник, или воскресение, хотя бы мысленно отрывайся от своих дел и занятий и вместо того, чтобы ездить в гости или театры, езди в чистое поле, к Богу». Распутин кончил. Впечатление от его проповеди получилось неотразимое, и, казалось бы, самые злейшие его враги должны были признать ее значение. Он говорил о том, что «начало премудрости – страх Божий», что «смирение и без дел спасение», о том, что «гордым Бог противится, а смиренным дает благодать» – говорил, словом, о наиболее известных каждому христианину истинах; но он облек эти теоретические положения в такую форму, какая допускала их опытное применение. Я слышал много разных проповедей, очень содержательных и глубоких; но ни одна из них не сохранилась в моей памяти; речь же Распутина, произнесенную 15 лет тому назад, помню и до сих пор и даже пользуюсь ею для возгревания своего личного религиозного настроения».

Обращу только внимание на фразу – «опытное применение», как бы перенесенную Жеваховым из размышлений отца. Значит, и такому образованному человеку, как Жевахов, было что взять у мужика Распутина.

Вразумление, к великому сожалению, не всегда и не всем идет впрок. «*И сам Господь не на всех повлиял, и про некоторых заготовил ад и тьму*», – писал отец в «Житии...».

Украсть червонец и сбежать

Интересное добавление для этого эпизода, как у Коковцова запечатлен разговор отца и епископа Феофана:

> «Этот человек пришел к епископу Феофану после долгих месяцев скитания по разным отдаленным монастырям, и собираясь направиться, по его словам, к святым местам. Он рассказал епископу всю свою прошлую жизнь, полную самых предосудительных поступков, покаялся во всем и просил наставить его на новый путь. И по мере того, как он стал открывать ему свою душу, Распутин всё больше и больше заинтересовывал Преосвященного своим религиозным настроением, переходившим временами в какой-то экстаз, и в эти минуты он доходил, по словам епископа, до такого глубокого молитвенного настроения, которое епископ встречал только в редких случаях среди наиболее выдающихся представителей нашего монашества».

Из этого следует, что нельзя ставить и под малейшее сомнение искренность настроения отца.

А кто-то сказал, что когда отец пришел в Петербург, то «просто хотел украсть червонец и сбежать», то есть воспользоваться представившимся случаем.

Но в этом не было никакой нужды. Не с умом отца – пускаться в такие дешевые предприятия. Если бы отец захотел, к его ногам сложили бы горы денег. Но ему не этого было надо.

И потом, рассмотрим ситуацию по-другому.

К моменту, когда отец появился в Петербурге, его домашние (Покровские) дела обстояли как нельзя лучше. Я уже говорила об этом.

Подумайте сами – что делать простому сибирскому мужику, практически неграмотному, в столице, приди он туда на ловлю денег и выгод?

В Покровском и дальней округе его почитали, к нему шли, даже приезжали из города, что свидетельствовало о признании за ним необыкновенных способностей.

Больше того, после истории со следствием по доносу Покровского священника, отца признали и церковные чины.

За благополучием, сладким куском отцу не было никакой необходимости идти так далеко. Он мог кататься как сыр в масле, не выезжая за пределы своей деревни.

Надо брать в расчет и то, как чувствовал, понимал отец самого себя. То есть каким себя воспринимал. Он – крестьянин, выросший в дальнем углу. Его мир стал расширяться только тогда, когда он начал странничать. Но и тогда он видел мир в том виде, каким только и мог его воспринимать – как крестьянин, пусть и обладающий огромным духовным даром.

Внешний мир, тот, что находится за пределами знания опытного странника, для него не существует как то, к чему вообще можно стремиться.

В материальном смысле отец довольствовался тем, что у него было. А о каких-то из земных благ, в поисках которых и едут из глуши в столицу, он просто не имел представления.

Ему не нужен был Петербург для того, чтобы жить лучше, чем он жил в Покровском. Ему не нужен был Петербург, чтобы получить славу большую, чем он имел в Покровском.

Итак, отец стал жить в Кронштадтском монастыре. «Этот – настоящий, не верхотурский», – говорил он.

Отец вспоминал, что, когда он переступил порог монастыря, ему показалось – монастырские ворота отсекли от него всю скверну прошлой жизни.

Кто терся, а кого звали

Спустя несколько дней после появления отца в монастыре, архимандрит Иоанн предложил ему стать членном «Союза истинно русских людей», общества, созданного для борьбы с революционерами и оказания посильной поддержки трону. Членами этого Союза уже был цвет духовенства, в том числе, – Гермоген, Феофан и Илиодор, а также кое-кто из землевладельцев и аристократов.

Отец был счастлив войти в их круг.

Одна дама, подруга философа и жена литератора, написала, что «*Распутин в самом начале терся около белого духовенства*». Она, должно быть, через десятые руки знает о собраниях кружка – Союза.

Не отец «терся», а его позвали. Только иным не дано понять разницу.

Особенно опекал отца архимандрит Феофан. Он ввел отца во влиятельные круги (без малейших усилий и желания на то отца).

Феофан же подыскал отцу жилье у члена Государственной Думы Григория Петровича Сазонова. Тот радушно принял отца, и в доме у Сазоновых он прожил несколько лет.

Архимандрит взял на себя роль отцовского советника и наставника. И отец целиком полагался на его суждения.

Именно Феофан познакомил отца с великими княгинями Милицей и Анастасией, черногорскими принцессами и женами великих князей Петра Николаевича и Николая Николаевича. (В доме первого, кстати, отец был представлен царю и царице). Делая это, архимандрит намеревался воздействовать на великую княгиню, поскольку и она, и ее сестра, великая княгиня Анастасия, как и их мужья, очень интересовались мистикой и оккультизмом. Вводя отца в их дом, архимандрит предполагал, что «тобольский старец» сумеет «отвадить» великосветских дам от «богопротивного дела».

Отец произвел на великих княгинь Милицу и Анастасию огромное впечатление. (Но, как оказалось, это впечатление никакого положительного душевного движения у великих княгинь не вызвало). А через них об отце стали узнавать другие.

Глава 7. Николай Второй

Идеал Николая – Слабая воля ищет волю сильную – Царь разуверился во всех

Идеал Николая

Тем временем грядущий хаос только приуготовлялся всеми текущими событиями. И роль главной жертвы была отведена царю Николаю Второму.

Почему?

Ответ найдем в самой личности государя и в тех обстоятельствах, которые сопутствовали его правлению и жизни (что, впрочем, было для него одно и то же).

У Гурко читаем:

> «Россия для государя отнюдь не была «вотчиной», хотя подчас поступал он именно так, как вотчинный владелец. Постигал он и то, что не Россия для него, а он для России. При этом Россию, русский народ он горячо любил. В его устах слова «наша матушка Россия» не были пустым звуком. Но в чем реально состояла польза России – он себе сколько-нибудь точного отчета не отдавал. В особенности это ясно сказалось в делах Дальнего Востока, где он стремился расширить свои владения, не думая о том, насколько это нужно России и русскому народу».

Из всех русских самодержцев Николай Второй больше всех походил на царя Алексея Михайловича, прозванного Тишайшим. И сына своего государь назвал в честь него. Тот был его идеалом – царь-молитвенник.

Николай как-то в присутствии отца рассказывал царевичу Алексею эпизод из царствования Алексея Михайловича: во время очередного бунта государь вышел к ропщущему народу с иконой, уговаривая «чтоб им от шуму перестать». Алексей спросил:

– И что же, перестали?

Николай обратил взгляд к моему отцу, словно ища у него поддержки. Молчание затянулось. Отец вздохнул:

– Скажи, что ли, правду.

– Не перестали.

Уверена, отец не знал этого эпизода из истории царствования Алексея Михайловича. Но опытное знание никогда не давало ему ошибаться.

Слабая воля ищет волю сильную

Николай Второй не имел нужного руководства. Это вовсе не означает, что он нуждался в диктовке – сделай то, не делай так. Ему не хватало силы, энергичного направления сил, которые он сам высвободить в себе не мог.

У Гурко:

> «В личности Николая Второго наблюдалось странное и редкое сочетание двух по существу совершенно противоположных свойств характера: при своем стремлении к неограниченному личному произволу, он совершенно не имел той внутренней мощи, которая покоряет людей, заставляя их беспрекословно повиноваться. Основным качеством народного вождя – властным авторитетом личности – государь не обладал вовсе. Он и сам это ощущал, ощущала инстинктивно вся страна, а тем более лица, находившиеся в непосредственных сношениях с ним.
>
> Всецело побороть природную застенчивость не удалось Николаю Второму до самого конца его довольно продолжительного царствования. Застенчивость эта была заметна при всяком его выступлении перед многолюдным собранием, и выработать внешние приемы непринужденного царственного общения со своими подданными ему так и не удалось. Внешним образом смущение государя выражалось, например, в столь известном постоянном поглаживании усов и почесывании левого глаза. То, что так легко давалось их царственным предшественникам, что в совершенстве осуществляли Александр Третий и вдовствующая императрица Мария Федоровна, никогда не было усвоено Николаем Вторым, а в особенности его супругой».

Все события сходятся к тому, что именно поиском такого энергического начала государь был озабочен.

Возьмем опять Гурко:

> «Несомненно, однако, что и положительная наука всё более склонна признавать за неоспоримые факты многое из того, что сравнительно недавно считалось измышлением грубого суеверия и непроходимого невежества. Сила воздействия человеческого духа на материальные явления всё более научно подтверждается, а сфера этого воздействия всё более расширяется. Распутин при помощи концентрации своей воли становился посредником между какой-то неведомой оккультной силой и производимыми ею материальными явлениями. Можно, кроме того, считать вполне установленным, что Распутин обладал силою гипнотического внушения, доходившей до степени необычайной. Каким-то внутренним напряженным сосредоточением своей воли он в отдельных случаях достигал результатов столь же неожиданных, сколь и исключительных».

У Евреинова:

> «Эффект «воздействия» сильной воли испытывался каждым из знакомившихся с Распутиным, испытывался сразу же и, насколько известно, без единого исключения».

Белецкий, описывая отца и Николая Второго, замечал: «*Это была сильная воля и слабая воля*».

Не будет дерзостью сказать, что государь и отец двигались навстречу друг другу. При этом внутренние устремления государя в значительной степени входили в противоречие и даже столкновение с тем, что окружало его.

Жевахов пишет:

«Что представлял собою государь император? Это был прежде всего богоискатель, человек, вручивший себя безраздельно воле Божией, глубоко верующий христианин высокого духовного настроения, стоявший неизмеримо выше тех, кто окружал его и с которыми государь находился в общении. Только безграничное смирение и трогательная деликатность, о которых единодушно свидетельствовали даже враги, не позволяли государю подчеркивать своих нравственных преимуществ пред другими... Только невежество, духовная слепота или злой умысел могли приписывать государю всё то, что впоследствии вылилось в форму злостной клеветы, имевшей своей целью опорочить его, поистине, священное имя. А что это имя было действительно священным, об этом свидетельствует, между прочим, и тот факт, что один из социалистов-революционеров, еврей, которому было поручено обследование деятельности царя, после революции, с недоумением и тревогою в голосе, сказал члену Чрезвычайной следственной комиссии А.Ф. Романову: «Что мне делать! Я начинаю любить царя»».

Царь разуверился во всех

Теперь дам слово великому князю Александру Михайловичу. Он трезвее многих других оценил характер и способности своих родственников:

«Стройный юноша, ростом в пять футов и семь дюймов,[24] Николай Второй провел начало своего царствования, сидя за громадным письменным столом в своем кабинете и слушая с чувством, скорее всего приближающимся к ужасу, советы и указания своих дядей. Он боялся оставаться наедине с ними. В присутствии посторонних его мнения принимались дядями за приказания, но стоило племяннику и дядям остаться с глазу на глаз, их старшинство давало себя чувствовать, а потому последний царь всея Руси глубоко вздыхал, когда во время утреннего приема высших сановников империи ему возвещали о приходе с докладом одного из его дядей.

Они всегда чего-то требовали. Николай Николаевич воображал себя великим полководцем. Алексей Александрович повелевал моряками. Сергей Александрович хотел бы превратить Московское генерал-губернаторство в собственную вотчину. Владимир Александрович стоял на страже искусств.

Все они имели, каждый своих, любимцев среди генералов и адмиралов, которых надо было производить и повышать вне очереди, своих балерин, которые желали бы устроить «русский сезон» в Париже, своих удивительных миссионеров, жаждущих спасти душу императора, своих чудодейственных медиков, просящих аудиенции, своих ясновидящих старцев, посланных свыше и т.д. Я старался всегда обратить внимание Николая Второго на навязчивость наших родных».

Ни в ком государь не находил помощи. Ужас ситуации заключался в том, что именно на царствование Николая Второго пришлось время, когда требовалось сочетание искренних усилий всех, вовлеченных в управление государством.

«*Николай Второй в трудные минуты жизни имел обыкновение спрашивать совета у своих родственников*», – пишет Александр Михайлович. Правильнее было бы – «имел неосторожность». Не случайно несколько ниже великий князь утверждает, говоря о состоянии государя: «*Он разуверился во всех*».

Кстати приведу слова отца из «Жития...»: «*В настоящее время, кто может совет дать, так они в уголочки позагнаны*».

Приведу и свидетельство Гурко, свидетельство не только об исключительном положении Николая, но и обыкновенности такого положения:

«Окруженный несколькими близкими друзьями, как-то: Воронцовым, Черевниным, Рихтером и кн. В. Оболенским, которым он отнюдь не дозволял вмешиваться в государственные вопросы и даже говорить о них, Александр Третий оградил себя от интриг, могущих его свернуть с твердо начертанного им пути. Но это породило другое зло – отчужденность от общества, отчужденность от жизни и незнакомство с новыми, выдвигавшимися его запросами и настроениями.

Существование в заколдованном кругу, куда лишь с трудом и смутно проникают те течения мысли, которые в данное время захватывают и направляют народную волю, для монарха столь же опасно, как постоянное выслушивание городских сплетен и выдерживание перекрестного огня неизменно плетущихся вокруг него интриг.

Но таково положение всех царствующих: либо полная отчужденность, либо невольное впитывание в себя множества разнообразных нашептываний и подсказываний, разобраться в коих

---

[24] **В.Э.:** 170,18 см. Это вообще-то маленький рост!

тем более трудно, что в правдивости и личном бескорыстии различных сообщений и указаний монарх никогда не может быть уверен. Приведу по этому поводу мнение великой княгини Елизаветы Федоровны об окружении Николая Второго и его супруги. На слова одного видного судебного деятеля, выразившего сожаление, что государь не видит никого, кроме его ближайшего окружения, и что если ему неудобно общаться с парламентариями, то он мог бы всё же видеть людей из мира литературного, художественного и научного, великая княгиня с живостью ответила: «А почему же не парламентариев? Ведь при нынешней обстановке достаточно прожить один год при дворе, чтобы утратить всякую веру в людей»».

Симанович (его – потому только, что он, как и всякий раз, говорит с чужого голоса. Всем известна была манера Симановича, состоявшая в том, чтобы выслушивать в гостиных мнения других, а при случае выдавать за свои, обозначая так собственную осведомленность):

«В сущности, я Николая Второго всегда жалел. Без сомнения, он был глубоко несчастный человек. Он никому не мог импонировать, и его личность не вызывала ни страха, ни почтения. Он был заурядным человеком. Но справедливость все-таки требует подтвердить, что при первой встрече он оставлял глубоко обаятельное впечатление.

Он был прост и легко доступен, а в его присутствии совершенно забывался царь. В своей личной жизни он был чрезвычайно мало требователен. Но его характер был противоречив. Он страдал от двух недостатков, которые в конце концов его погубили: слишком слабая воля и непостоянство. Он никому не верил и подозревал каждого. Распутин передавал мне как-то следующее выражение царя: «Для меня существуют честные люди только до двух годов. Как только они достигают трехгодичного возраста, их родители уже радуются, что они умеют лгать. Все люди лгуны». Николай жил в убеждении, что все его обманывают, стараются перехитрить и никто не приходит к нему с правдой. Это был трагизм его жизни. В сознании, что он ненавидим собственною матерью и родственниками, он жил в постоянной боязни от двора императрицы-матери, то есть так называемого старого двора. Он считал даже свою жизнь в опасности. Привидение дворцового переворота постоянно носилось перед его глазами. Он часто высказывал опасение, что его ожидает судьба сербского короля Александра, которого убили вместе с женой и трупы выбросили через окно на улицу.[25] Видно было, что убийство сербского короля произвело на него особое впечатление и наполняло его душу содроганием. Царь проявлял особый интерес к спиритизму и ко всему сверхъестественному. В этом лежала большая опасность. Когда он слышал о каком-нибудь предсказателе, спирите или гипнотизере, в нем сейчас же возникало желание с ним познакомиться. Этим и объясняется, что столько жуликов и сомнительных личностей, при других условиях и мечтать не смевших о царском дворе, сравнительно легко получали доступ к дворцу».

Обращу внимание на конец. Симанович прямо называет жуликами тех, кто теснился возле Николая и его семьи. Понимал это и сам государь, поэтому и испытывал неудовлетворение от их пребывания во дворце.

В интересе к сверхъестественному, о чем пишет Симанович, проявилось стремление государя вырваться из привычного, такого тягостного для него круга, ставшего ко времени появления отца в Петербурге замкнутым. Повторю, он ни в ком не находил опоры и хватался за соломинки, ломавшиеся в тот же миг.

---

[25] **В.Э.:** Александр Обренович (1876.08.14 – 1903.06.11) и его жена Драга (ур. Луневица 1861.09.23 – 1903.06.11); Александр женился на Драге (фрейлине своей матери) 23 июля 1900 года, что вызвало скандал – Драга была старше его на 15 лет, ранее была замужем за инженера, не имела королевских кровей (дочь окружного начальника маленького городка). Отец Александра (ранее отрекшийся от трона в пользу сына) не дал благословения на этот брак, правительство ушло в отставку, европейские династии отказывались принимать сербскую королевскую чету (в том числе Николай Второй в России), у Драги была ложная беременность, она поставила у власти своих братьев, которые стали ненавидимы в народе. Королевская чета была убита группой офицеров Белградского гарнизона из организации «Черная рука» выстрелами из револьверов и ударами саблей, трупы затоптаны сапогами и выброшены из окна во двор, где пролежали несколько дней. Драга была голой, ей отрезали груди и вспороли живот. Вместе с королевской четой убили премьер-министра и министра обороны. Династия Обреновичей кончилась, началось правление династии Карагеоргиевичей (прежде князей). Этот прецедент, конечно, мог сильно повлиять на Николая Второго в плане того, что: «Вот к чему приводит упорство монарха, когда он идет против своего окружения!».

Глава 8. Царица Александра Федоровна

Любимая жена и ненавистная невестка – Свекровь начинает интриговать – Империи нужен цесаревич

Любимая жена и ненавистная невестка

Картина не будет полной, да и понятной, если не сказать о царице – Александре Федоровне.

Она состояла в близком родстве с британскими монархами, будучи дочерью Людовика Гессен-Дармштадтского и принцессы Алисы, одной из дочерей королевы Виктории.

Николай также состоял в родстве с британской королевской семьей, его матерью была Дагмара, дочь короля Дании Христиана Девятого и сестра королевы Александры, супруги Эдуарда Седьмого. Имя «Дагмара» встречается в русских исторических книгах редко, так как после вступления в брак с царем Александром Третьим она перешла в православие, сменила имя, став Марией Федоровной.

Она резко возражала против союза сына, тогда еще царевича, с поразительно красивой Аликс, и лишь вмешательство властной Виктории позволило их свадьбе состояться.

Николай и Аликс, принявшая в православии имя Александры Федоровны, зажили счастливой семейной жизнью. Почти все, кто писал о семье Николая и Александры, отмечали, что они составляли счастливую пару. И, судя по всему, это действительно так. Но кроме собственно супружества их союз был сопряжен с исполнением государственных обязанностей. Счастье «на двоих» – не для монарших особ.

Николай Второй, как только женился, немедленно погрузился в государственные дела, к которым отец его почти не подготовил, и они отнимали большую часть времени. В этом тоже кроется причина настроения Александры Федоровны. Она чувствовала себя покинутой, одинокой среди враждебно настроенного двора.

Время нисколько не смягчило отношения Марии Федоровны к супруге сына.

Непреклонность вдовствующей императрицы передавалась придворным (так что приведенное свидетельство Симановича, относящееся к Николаю Второму, в известной мере вполне может быть отнесено и к Александре Федоровне).

Обладая тончайшей душевной организацией (некоторые мемуаристы видят в этом проявление нервной болезни, указывая на частые истерические припадки, изводившие императрицу), Александра Федоровна с самого начала жизни в России видела (и чаще всего справедливо) вокруг себя врагов.

Гурко:

> «Александра Федоровна оказалась в Петербурге, как в лесу, и, надо сказать правду, не приложила никаких усилий к тому, чтобы разобраться в нем и приобрести симпатии общества. Так на всех парадных вечерах и приемах Мария Федоровна обходила собравшихся и продолжительно с ними беседовала, а Александра Федоровна ограничивалась разговорами с приближенными и стремилась скорее удалиться во внутренние покои. Обстоятельство это обратило на себя внимание общества. Отзвук этого имеется в дневнике ст.-секретаря Половцова. Под 6-м мая 1902 года там записано: «*После завтрака (во дворце по случаю царских именин) обыкновенный cercle, совершаемый Марией Федоровной в назидание молодых величеств, остающихся в углах и разговаривающих лишь с двумя–тремя приближенными...*» Внешняя холодность Александры Федоровны неизменно приписывалась будто бы присущей ей надменности. Между тем именно надменности у нее не было. Было у нее сильно развитое чувство собственного царского достоинства и немалая доза почти болезненно щепетильного самолюбия, но надменность ей была совершенно чужда. В домашней обстановке она, наоборот, отличалась чрезвычайной простотой, и к людям, находившимся в ее личном услужении, относилась с необыкновенной внимательностью и даже лаской. Так, няня наследника, М.И. Вешнякова, которую в царской семье звали Меричкой, отзывалась о государыне не иначе как о святой женщине, заботливо входящей в нужды всех лиц, непосредственно ее окружающих. В письмах императрицы также проглядывает эта черта. Она печется о здоровье придворных служащих и даже пишет о них государю. Затрудняло сближение Александры Федоровны с петербургским обществом и отсутствие у нее точек близкого с ним соприкосновения. Благодаря тому, что вдовствующая государыня по-прежнему оставалась во главе обширного ведомства учреждений императрицы Марии (женское воспитание), а также сохранила за собой главенствующую роль в делах Российского общества Красного Креста, молодая императрица

оказалась вне круга обычной деятельности русских цариц. В течение продолжительного времени она была лишена возможности применить свою кипучую энергию, удовлетворить свою жажду живого дела. У нее не было поводов и возможности войти в более близкое соприкосновение с лицами, не принадлежащими к ограниченному кругу приближенных ко двору».

Скажу еще об одном существеннейшем обстоятельстве, очень малым числом людей принимающемся во внимание.

Императрица страдала неврозом сердца. И каждые роды усугубляли болезнь. Вообще же для сердечных больных характерно обостренное как бы вслушивание в себя.

Гурко пишет о том, что императрицу многие считали надменной. И он правильно опровергает это неверное мнение. Именно маска надменности скрывала у Александры Федоровны страх внезапной остановки сердца. Она обращала взгляд и слух внутрь себя и просто не видела и не слышала происходящего вокруг.

Особенно мучительным становился страх припадка при большом стечении народа. А учитывая то, что во дворце всегда было много народу, то есть появляться на публике (и родственной в том числе) надо было почти беспрестанно, нервы Александры Федоровны истончились до последнего предела.

Гурко пишет о том, что Александра Федоровна не искала точек соприкосновения с приближенными. Но здесь надо иметь в виду, что при такой душевной организации, какой обладала императрица, она и не могла найти такие точки.

Русский двор ни в коем случае не уступал любому европейскому двору в пышности и богатстве. Но во много раз превосходил любой двор по интриганству (отспоренная Византия пропитала всё в царских покоях). Александра Федоровна не была к этому подготовлена.

И особенно это скажется позже, в 10-е годы. Коковцов:

«Следует сказать, что и в выборе своего непосредственного приближения императрица не была счастлива. Нельзя назвать ни одного лица, которое при всей своей действительной или кажущейся преданности, было в состоянии достаточно глубоко и авторитетно осветить ей окружавшие ее условия и хотя бы предостеречь от последствий неправильной оценки этих событий и людей ее времени. Одни из узкого личного расчета либо из опасений утратить то положение, которое выпало на их долю, другие по неумению анализировать окружающие их условия или по складу их ума сами не отдавали себе отчета в том, что происходило кругом них».

Свекровь начинает интриговать

Сначала, напуганная приемом царственной свекрови, Александра Федоровна затаилась, попыталась спрятаться в скорлупу чисто семейных отношений. Но ее сан не позволил этого. Потом, попав в водоворот придворных интриг, она затаилась, боясь стать причиной неприятностей для мужа, которого страстно любила. И это ей ставили и еще поставят в вину не раз и по всяким поводам.

Вернусь несколько назад и скажу еще о некоторых обстоятельствах.

Вступление Николая на трон было омрачено трагедией на Ходынском поле, где несколько тысяч людей погибло в давке во время раздачи подарков от имени нового царя. (Он хотел было отменить запланированные ранее торжества, но советники настояли на посещении им бала, устроенного в тот же вечер в посольстве Франции. Так было посеяно семя, из которого выросла смута среди рабочих, решивших, что новый царь равнодушен к их страданиям).

Кровь, пролитая при церемонии коронации,[26] считается дурным знаком.

Добавлю и то, что появление Александры Федоровны в России совпало с болезнью и смертью Александра Третьего. Она, еще не будучи женой наследника, шла в глубоком трауре, за гробом его отца.

Говорили: «Это она гроб привезла», называли «черная невеста».

Так в глазах многих Александра Федоровна, искренне стремившаяся войти в русскую жизнь, стала вестницей страшных несчастий. Сама она не могла не понимать этого.

---

[26] **В.Э.:** Там не было крови – люди гибли от т.н. «компрессионной асфиксии», т.е. полумиллионная толпа их так сдавила, что они не могли дышать, им ломали ребра – особенно малорослым и женщинам. Погибли примерно 1 человек из 250 присутствующих.

Сейчас надо сказать об очень деликатных обстоятельствах жизни Николая и Александры. Предпочла бы не говорить об этом, но для дальнейшего понимания событий важно знать всю правду.

Из всего приведенного видно, что и царь, и царица всё время пребывали в напряжении на грани человеческих возможностей.

Они были помазанниками Божьими, но при этом были и людьми, как мы. За стенами дворца бились такие же страсти, как за стенами рубленой избы моих родителей. Ничего удивительного или постыдного в этом нет.

Беду Александры Федоровны можно определить словами, отнесенными великим князем Александром Михайловичем к Николаю: «*Он никогда не мог понять, что правитель страны должен подавить в себе чисто человеческие чувства*». И Николай, и Александра, конечно, должны были сделать это. Но не думаю, что хотели. Вся трагедия их жизни, а потом и смерти – в этом.

Не отказываясь от утверждения о том, что Николай и Александра любили друг друга и были счастливы вместе во всех отношениях, надо все-таки признать, что между ними стали возникать ссоры.

Дам слово Симановичу:

> «Между царем и царицей возникали очень часто ссоры. Оба были очень нервны. По несколько недель царица не разговаривала с царем – она страдала истерическими припадками. Царь много пил, выглядел очень плохо и сонно, и по всему было заметно, что он не властен над собой».

В чем причина?

Николай разрывался между матерью и женой, любя и ту, и другую.

Мария Федоровна тоже, разумеется, любила сына. Но это была безотчетно «изводящая» любовь.

Она не могла простить Александре Федоровне, что под давлением некоторых обстоятельств вынуждена была согласиться на брак сына. Уступив в этом, она поставила себе целью развести их.

Империи нужен цесаревич

В самой личности Александры Федоровны искать поводов для развода не приходилось – их никто и не нашел бы.

Но оставались вопросы, так сказать, физиологические. Время шло, а наследника – мальчика – всё не было.

Для царской семьи это, конечно, предмет особых забот. Но разве эти заботы должны заходить так далеко, чтобы в наше время стать причиной гонений и прямых издевательств, какие пришлось претерпеть Александре Федоровне?

Тем более, что дело для старого двора заключалось не только в наследнике, вернее, совсем не в нем. Об этом – позже.

А сейчас дам слово великому князю Александру Михайловичу:

> «Царь был идеальным мужем и любящим отцом. Он хотел иметь сына. От его брака с принцессой Алисой Гессен-Дармштадтской у него родились в течение семи лет четыре дочери. Это угнетало его. Он почти что упрекал меня за то, что у меня в тот же промежуток времени родилось пятеро сыновей. Как это ни покажется малоправдоподобным, но мои отношения с императрицей были далеки от сердечности по причине той же разницы пола детей».

Вот итог подзуживаний старого двора, то есть, по сути, Марии Федоровны.

После рождения четырех девочек вдовствующая императрица тотчас же распространила теорию, с большой охотой подхваченную сплетниками из ее окружения, будто Александра Федоровна, отказываясь родить наследника престола, предает интересы России ради Германии, поскольку она по происхождению немка. При этом, бринтанские корни царицы сбрасывались со счетов, хотя они гораздо сильнее повлияли на формирование ее характера, чем гессен-дармштадтские. О научности же подобных умозаключений говорить вообще не станем.

Непритворно чувствительная царица не в состоянии была примириться с враждебной атмосферой двора. Она просто отказалась от неравной борьбы и постаралась сделать всё от нее

зависящее, чтобы отгородиться от внешнего мира и жить в тесном кругу своей семьи и нескольких близких друзей. Об этом я уже говорила.

Глава 9. Николай, Александра и вера

Очарованная православием – Мнимая беременность Александры

Очарованная православием

Описывая атмосферу, преобладавшую в Петербурге к моменту прибытия туда моего отца, я приводила выдержку из воспоминаний, касающуюся духовной ее части.

Напомню, речь там шла о том, что при дворе были приняты люди, по мнению Николая и, главным образом, Александры, способные разрешить их тягостные вопросы.

Царица была по-настоящему религиозной. Можно себе только представить, какими усилиями далась ей перемена веры. А это было обязательное условие брака с православным монархом. Рассказывают, что это обстоятельство, легко преодолимое для многих других, и, кстати, для Марии Федоровны в свое время, чуть было не расстроило свадьбу.

Есть интересное свидетельство о том, как совсем юной принцесса Аликс Гессенская в 1884 году гостила у своей старшей сестры, уже ставшей великой княгиней Елизаветой Федоровной. Тогда-то она впервые увидела, и даже правильнее – сумела прочувствовать русскую церковную службу, не понимая ее значения и направления. После сдержанного до холодности протестантского богослужения пышность и величавость православного обряда производит на тонкую душевную организацию Аликс чарующее впечатление.

В те же дни она стала свидетельницей каких-то придворных церемоний. При всей схожести русской дворцовой жизни с европейской, в первой всё же оставалось очень много от времени московских царей, когда власть мирская и власть церковная, переплетаясь и взаимно друг друга пополняя, составляли единое целое.

Так первое, детское еще впечатление, положенное под спуд времени, все-таки выплеснется и полностью захватит натуру Аликс. Это же увлечение сыграет с ней злую шутку, позволит воспринимать Александру Федоровну не в истинном свете и даже поставит ее искренность под сомнение.

Обязательства по перемене веры стали для Аликс борьбой страстей. И одна из них победила. Аликс, став православной царицей Александрой Федоровной, с рвением обращенной окунулась в новый для нее мир.

Гурко пишет:

> «Александра Федоровна, перейдя в православие, отнюдь не проявила к нему того довольно равнодушного отношения, которым отличалась с семидесятых годов прошлого века русская культурная общественность. Она, наоборот, пропитала православием всё свое существо, притом православием приблизительно шестнадцатого века. Обрела она глубокую веру не только во все догматы православия, но и во всю его обрядовую сторону. В частности, прониклась она глубокой верой в почитаемых православной церковью святых. Она усердно ставит свечи перед их изображениями и, наконец, и это самое главное, – проникается верой в «божьих людей» – отшельников, схимников, юродивых и прорицателей. Войти в сношение с людьми этого типа государыня стремится с первых лет своей жизни в России, и находятся лица, которые поставляют ей таковых в таком количестве, что царский дворец приобретает в этом отношении характер старосветских домов замоскворецкого купечества. С заднего крыльца, разумеется, по чьей-либо рекомендации, проникают такие лица во внутренние покои дворца, где императрица с ними иногда подолгу беседует, а гофмаршальская часть обязывается их радушно угощать.
>
> Царица по этому поводу даже говорила, что ей известны высказываемые по ее адресу упреки за то, что она охотно видится и беседует со странниками и различными божьими людьми. «Но моему уму и сердцу, – прибавляла она, – подобные люди говорят гораздо больше, нежели приезжающие ко мне в дорогих шелковых рясах архипастыри церкви. Так, когда я вижу входящего ко мне митрополита, шуршащего своей шелковой рясой, я себя спрашиваю: какая же разница между ним и великосветскими нарядными дамами?» Одновременно она углубляется в чтение творений отцов церкви. Творения эти были ее настольными книгами до такой степени, что рядом с кушеткой, на которой она проводила большую часть времени, стояла этажерка, заключавшая множество книг религиозного содержания, причем книги эти в большинстве были не только русские, но и написанные на славянском языке, который государыня научилась вполне свободно понимать. Любимым ее занятием, наподобие русских цариц допетровского периода, стало вышивание возду-

хов и других принадлежностей церковного обихода. На почве духа православной веры зародилась у нее, а затем утвердилась в сознании мысль о том, что соль земли русской – ее простой народ, а высшие классы разъедены безверием и отличаются развращенностью. Для укрепления в ней этого взгляда сыграло огромную, решающую роль другое обстоятельство, наложившее на ее отношение к различным слоям русского народа весьма определенный оттенок, с годами всё ярче выступавший. Я имею в виду те условия, в которых она очутилась по прибытии в Россию, почти совпавшем с ее вступлением в роль царствующей императрицы, а именно тот прием, который она встретила как со стороны некоторых членов императорской фамилии, так и многих видных членов петербургского общества. Каждое ее слово, каждый жест, всё, вплоть до покроя платья, которое она надевала, – подвергалось жестокой критике, и находились услужливые люди, которые доводили это до ее сведения. Утверждали даже, что великая княгиня Мария Павловна-старшая ей однажды прямо сказала: «La société vous déteste» (то есть – общество вас ненавидит), – что было, конечно, преувеличением. Неприязнь к молодой государыне исходила со стороны лиц, составлявших двор вдовствующей императрицы. Эти лица не хотели примириться с тем, что появился новый двор, ставший выше их, и прилагали все усилия, чтобы сохранить среди петербургского общества первенствующее, хотя бы по симпатиям, положение. Естественно, что понемногу, далеко не сразу, у Александры Федоровны тоже народились недобрые чувства к петербургскому обществу, и в этом кроется одна из причин, если не главная, того, что она обернулась к русским народным массам и в них искала сочувствия, которого петербургская знать ей не выказывала».

Говорили, что глубоко религиозная царица заставляла Николая жить ее религиозными интересами. Но совершенно неправильно говорить «заставляла».

Николай был большим знатоком и ценителем икон древнего письма и обладал редкой их коллекцией, которой очень дорожил и показывал не всякому. И любовь эта была не чисто зрительная. Николай прекрасно разбирался в вопросах богословия, так как не только получил соответствующее образование, но и имел склонность к духовным размышлениям.

Мнимая беременность Александры

Не умея сразу рассмотреть истинные намерения людей, стремившихся во дворец, Николай и Александра пришли к тому, что их постепенно захватили как действительно благочестиво настроенные странники и тому подобные, так и псевдосвятые, гадалки и шарлатаны, мистики и жулики.

Всех их радушно встречали, а особенно тех, кто брался предсказать появление наследника мужского пола.

Слух об этом страстном желании царицы пронесся по рядам «пророков» и «предсказателей». И многие из них воспользовались возможностью нажить капитал на ее несчастье.

Дальше произошло то, о чем пишет великий князь Александр Михайлович:

«Однажды во дворце появился таинственный господин – «доктор Филипп» из Парижа.

Он был представлен царской чете «черногорками» – великими княгинями Милицей и Анастасией Николаевнами. Французский посланник предостерегал русское правительство против этого вкрадчивого иностранца, но царь и царица придерживались другого мнения. Люди, которые хотят быть обманутыми, попадают впросак. Псевдонаучное красноречие д-ра Филиппа достигло цели. Он утверждал, что обладает силой внушения, которая может оказать влияние на пол развивающегося в утробе матери ребенка. Он не прописывал никаких лекарств, которые могли бы быть проверены придворными».

Я уже от многих слышала, что именно так и было.

Царица не столько поддалась на пассы Филиппа, сколько уговорила сама себя. Желание ее было так сильно, что у нее появились все обычные признаки беременности. Придворный медик принял эти признаки за чистую монету и заверил ее, что на этот раз должен родиться мальчик. Когда подошло предполагаемое время родов, царица удалилась в свою спальню в сопровождении придворных врачей, но прошло несколько дней, а никаких признаков схваток не наблюдалось. Доктора провели обследование и вынуждены были объявить, что «беременность имела истерическое происхождение».

И это несчастье было истолковано не в пользу Александры Федоровны! Тут же вспомнили, не без подсказки Марии Федоровны, что подобное случилось с английской королевой Мэри – «Кровавой Мэри».

Произошедшее, разумеется, дало новую пищу для злословия врагам Александры Федоровны. Они теперь говорили, будто ложная беременность явно свидетельствует о безумии

царицы. Однако именно эти разговоры свидетельствуют о намерениях старого двора – ведь безумие, будучи медицинским образом подтвержденное, способно стать предлогом для бракоразводного процесса. А не это ли и надо было Марии Федоровне?

К этому прибавилась еще одна неприятность.

Членам Священного Синода очень не нравилось то, что, как казалось, а, вернее, как нужно было истолковать, царская семья находилась под сильным влиянием прорицателей и ясновидящих. Архимандриту Феофану, исповеднику царицы, было поручено объявить ей, что ее ложная беременность послана в наказание свыше за то, что она прислушивается к еретикам.

Не знаю, что больше подействовало на самочувствие царицы – сама ложная беременность или же упреки людей, от которых она ждала помощи и утешения.

По свидетельству находившихся тогда рядом с царицей, она была поражена таким отношением к ней (искренне верующей и дававшей этому множество подтверждений) со стороны церкви и самого Феофана. Ведь он находился рядом всё время, но не нашел возможности (или желания) поговорить с ней обо всем этом раньше. (Вспомним, как он заботился о чистоте религиозных устремлений великих княгинь Милицы и Анастасии).

Теперь же он со всей силой, данной ему его саном, «подпер» стену, и без того высокую, воздвигаемую вокруг покоев Александры Федоровны недоброжелателями.

Скажу еще раз: во всем была видна рука старого двора. Доктора признали, что причиной беременности послужила истерия. А кто довел Александру Федоровну до такого состояния?

Дополню картину воспоминаниями Родзянко, вносящими и другую ноту:

> «В начале 1900 года стали появляться при императорском русском дворе несколько загадочные апостолы мистицизма, таинственные гипнотизеры и пророки будущего, которые приобретали значительное влияние на мистически настроенный ум императрицы Александры Федоровны. В силу доверия, которое оказывалось этим проходимцам царской семьей, вокруг них образовывались кружки придворных, которые начинали приобретать некоторое значение и даже влияние на жизнь императорского двора.
>
> В этих кружках тайное, незаметное участие принимали, без сомнения, и агенты некоторых иностранных посольств, черпая, таким образом, все необходимые для них данные и интимные подробности о русской общественной жизни. Так, например, за это время появился некий Филипп. Он отвечал как нельзя лучше тому типу людей, которые, пользуясь своим влиянием на психологию царственной четы, готовы служить всякому делу и всяким целям за достаточное вознаграждение.
>
> Ко двору этот господин был введен двумя великими княгинями. Но вскоре агент русской тайной полиции в Париже Рачковский донес в Петербург, что Филипп темная и подозрительная личность, еврей по национальности и имеет какое-то отношение к масонству и обществу «Гранд Альянс Израелит». Между тем Филипп приобретает всё большее и большее влияние. Он проделывал какие-то спиритические пассы и сеансы, предугадывал будущее и убеждал императрицу, что у нее непременно явится на свет в скором будущем сын, наследник престола своего отца. Филипп приобретает такую силу при Дворе, что агент Рачковский был сменен за донос его на Филиппа. Но как-то загадочно исчез и Филипп при своей поездке в Париж».

А вот слова Юсупова:

> «Тогда появился в Петербурге один французский оккультист, доктор Филипп, о котором говорили, что он тайно послан масонскими организациями к русскому двору. Говорили, что организации, пославшие его в Россию, остались им недовольны и отозвали его обратно».

Соотнося сведения и намеки, содержащиеся в словах Родзянко и Юсупова, включенных, пусть и по-разному, в политическую атмосферу, можно утверждать, что в несчастье, приключившемся с императрицей, были заинтересованы некие политические круги вне России. Но тогда на это внимания предпочли не обращать. Так как расследование могло зайти слишком далеко.

Священный Синод постановил, что царица должна во искупление грехов совершить паломничество к могиле незадолго до этого канонизированного святого, чтобы, покаявшись, вымолить прощение и очиститься омовением в водах тамошнего источника. И в довершение всех несчастий, когда царица совершала обряд очищения и входила в воду, она поскользнулась и упала, обнажив при этом, по слухам, нижнюю часть спины. Было так или нет, но этот случай стал еще одним поводом для насмешек в столице и в кругу вдовствующей императрицы.

Глава 10. Божий человек Григорий Ефимович

Первая встреча – Особый знак – Без стеснения

Первая встреча

Мой отец никогда не называл мне точной даты своей первой встречи с царской семьей, но, вероятно, это случилось 31 октября 1905 года, так как на следующий день, первого ноября, царь записал в своем дневнике: «*Мы встретили Божьего человека – Григория Ефимовича из Тобольской губернии*».

Вот как пишет Коковцов:

> «Из приближения императрицы первыми узнавшими о появлении в столице этого «старца» были великие княгини Анастасия и Милица Николаевна, дочери князя Николая Черногорского, замужем – первая за великим князем Николаем Николаевичем и вторая – за братом его великим князем Петром Николаевичем. Они, бесспорно, говорили императрице о том, что видели «старца», который произвел на них глубокое впечатление всем складом его речи, большою набожностью и каким-то особенным разговором на тему о величии Бога и о суетности всего мирского.
>
> Но не подлежит никакому сомнению, что значительно большее впечатление о том же появившемся на петербургском горизонте человеке произвели на императрицу слова преосвященного Феофана, ректора С.-Петербургской духовной академии, которого императрица знала, принимала его, охотно беседовала с ним на религиозные темы и оказывала ему большое доверие. Он был короткое время ее духовником.
>
> Сам человек глубоко религиозного настроения, широко известный своей аскетическою жизнью и строгостью к себе и к людям, епископ Феофан принадлежал к тому разряду русского монашества, около которого быстро сложился обширный круг людей, искавших в беседах с ним разрешения многих вопросов их внутренней жизни и потом громко говоривших о его молитвенности и каком-то особенном умении его подойти к человеку в минуту горя и сомнения.
>
> В одно из посещений императрицы преосвященный Феофан рассказал ей, что к нему пришел и живет уже некоторое время около него крестьянин Тобольской губернии.
>
> Он долго присматривался к Распутину и вынес затем убеждение, что он имеет перед собой во всяком случае незаурядного представителя нашего простонародья, который достоин того, чтобы о нем услышала Императрица, всегда интересовавшаяся людьми, сумевшими подняться до высоты молитвенного настроения.
>
> Императрица разрешила епископу Феофану привезти Распутина и после краткой с ним беседы пожелала не ограничиться этим первым свиданием, а захотела ближе узнать, что это за человек.
>
> По словам некоторых приближенных к ней людей, императрица сначала не могла хорошенько усвоить себе его отрывочную речь, короткие фразы мало определенного содержания, быстрые переходы с предмета на предмет, но затем незаметно Распутин перешел на тему, которая всегда была близка ее душе. Он стал говорить, что ей и государю особенно трудно жить, потому что им нельзя никогда узнать правду, так как кругом них всё больше льстецы да себялюбцы, которые не могут сказать, что нужно для того, чтобы народу было легче. Им нужно искать этой правды в себе самих, поддерживая друг друга, а когда и тут они встретят сомнение, то им остается только молиться и просить Бога наставить их и умудрить, и если они поверят этому, то всё будет хорошо, так как Бог не может оставить без своей помощи того, кого он поставил на царство и кому вложил в руки всю власть над народом. Тут он ввел и другую нотку, также близкую взглядам императрицы, а именно, что царю и ей нужно быть ближе к народу, чаще видеть его и больше верить».

Дополнение Гурко:

> «Одна из существенных причин расположения Александры Федоровны к Распутину состояла именно в том, что она почитала его за выразителя народной мысли».

Особый знак

Обращу внимание на слова Коковцова о том, что царица сначала не слишком хорошо понимала, о чем говорит отец. Это весьма интересное замечание. Еще когда он вернулся в Покровское после странствований, общавшиеся с ним обратили внимание, что он «стал говорить непонятно». Речь идет не о косноязычии, а о том, что суть его речи была для слушающих

затемнена. И только после того, как отец «настраивал», как сказали бы мы сейчас, собеседника на свой лад, приходило ощущение ясности.

Приведу здесь только одно из многочисленных свидетельств. Труфанов:

> «Феофан рассказывал: Вот Божий человек! И говорит-то не так, как мы, грешные. Было раз так. Государь, государыня с наследником на руках, я и он сидели в столовой во дворце. Сидели и беседовали о политическом положении России. Старец Григорий вдруг как вскочит из-за стола, как стукнет кулаком по столу. И смотрит прямо на царя. Государь вздрогнул, я испугался, государыня встала, наследник заплакал, а старец и спрашивает государя: «Ну, что? Где екнуло? Здеся али тута?» – при этом он сначала указал пальцем себе на лоб, а потом на сердце. Государь ответил, указывая на сердце: «Здесь; сердце забилось!» – «То-то же, – продолжал старец, – коли что будешь делать для России, спрашивайся не ума, а сердца. Сердце-то вернее ума...» Государь сказал: «хорошо», а государыня поцеловала его руку, произнесла: «Спасибо, спасибо, учитель»».

Труфанов, разумеется, привел этот случай, чтобы посмеяться. Но урок – в другом. Чтобы не дразнить гусей, не буду говорить о боговдохновенности. Умному – достаточно.

Приведу здесь слова Гурко. В них важно всё, но особое внимание обращу на конец отрывка:

> «Ненависть столичного общества к Распутину государыня объясняла себе, между прочим, и тем, что он принадлежал к крестьянству, а не к тому избранному кругу, который почитал доступ во дворец своим исключительным правом. Между тем членов этого общества государыня величала не иначе как «бриджистами», а то обстоятельство, что Распутин принадлежал к народным массам, в глазах царицы было его большим преимуществом: она думала, что слышит от него как бы голос земли».

Именно «голос земли» слышала Александра Федоровна, и он давал ей неизмеримо больше, чем хор голосов «бриджистов».

Интересно представить себе, как внешне могли выглядеть беседы отца и Александры Федоровны.

У отца и после прибытия в Петербург, естественно, остался его прежний, сибирский выговор. Он произносил слова на о, например, – милой и т.п. Интонации у него тоже были особые, сибирские. Его речь даже чисто внешне не была похожа ни на что ранее слышанное Александрой Федоровной.

Русская же речь императрицы по-своему отличалась от правильного выговора. Она сохранила сильный акцент. И тем не менее, они прекрасно понимали друг друга.

Отец повторял: «...не на словах, а духом действительно...» (Есть нечто подобное и в его «Житии...»: «*Всегда нужно... считать себя низким, но не на словах, а духом действительно*»). Я понимаю это так, что речь идет о «действительном духе», позволявшем отцу не подчинять своей воле, как ошибочно трактуют многие, а объяснять и показывать выход.

Собственно слово при этом играло важную роль, но роль только облечения духа в «словесную плоть».

Отмечу и другое. Некоторые из тех, кто оставил воспоминания об отце, говорят, что строй его записок различался в зависимости от темы и назначения. Дескать, когда надо было решить какой-то практический вопрос, «у старца находились ясные слова». Но ничего странного в этом как раз и нет. Ответ уже дан в приведенной фразе. «Практический вопрос» не требует такого особого напряжения, как наставления.

Без стеснения

Раньше я уже приводила слова отца о том, что его словно вело в Петербург. Подтверждением этого могут послужить следующие слова Юсупова, если читать их, не пребывая в обычной для князя злобе:

> «Обыкновенный мужик легко бы растерялся в столице. Он запутался бы в сложных нитях и сплетениях придворных, светских и служебных отношений, не говоря уже о том, что у него не хватило бы смелости, особенно на первых порах, держать себя так независимо, как держался Распутин. Распутин вошел в царский дворец так же спокойно и непринужденно, как входил в свою избу».

Отца в самом деле никогда не охватывало стеснение или чувство неудобства от появления в обществе, не только ему не знакомом, но такого, какого он не мог себе представить и к какому никогда сам не стремился по причинам, названным уже мной.

То, с какой простотой и естественностью он вошел в высокие круги, как раз и говорит о предопределенности произошедшего.

Для дальнейшего повествования важно и интересно привести случай, описанный Труфановым. Он относится к более позднему времени, но сейчас станет понятно, почему я говорю о нем:

> «Ты хочешь знать, как у меня явилась новая фамилия, Новый? Слушай! Когда я однажды поднимался во дворец по лестнице, в это время цари, дожидаясь меня, сидели в столовой. Государыня держала на коленях наследника, тогда еще не говорившего ни слова. Как только я показался в дверях, то наследник захлопал ручонками и залепетал: «Новый, Новый, Новый!» Это были первые его слова. Тогда царь дал приказ именовать меня по фамилии не Распутин, а Новый».

Ребенок назвал отца «новым человеком». Повинуясь инстинкту, он выразил главное – отец действительно оказался новым, не таким, как другие люди схожего с ним рода, бывавшие во дворце. Он был «новым старцем».

Между прочим, он был первым из ряда появившихся во дворце и не подосланных при этом никем.

В отличие, например, от юродивого Мити – протеже Труфанова. Последний рассчитывал на то, что Митя, совершенно ничего собой не представляющий, сможет, направляемый соответствующим образом, проводить линию, нужную неким силам. Но Труфанов и стоявшие за ним слишком прямолинейно воспринимал увлечение Александры Федоровны и Николая Второго «святыми людьми».

При всей их погруженности в этот мир (многим казалось, даже религиозной экзальтированности) они оставались людьми своего времени, то есть вполне рациональными. И если Николаю удавалось часто демонстрировать это, то Александре в этом смысле было значительно сложнее (она по статусу не могла проявлять себя публично в необходимой в данном случае мере).

Я приведу свидетельство Гурко, относящееся ко времени начала большой войны:

> «По существу, царицу занимали, захватывали ее мысль, а порой и волновали вопросы широкого значения. Так, в письмах своих к государю она касается самых разнообразных тем. Тут и своевременное обеспечение городов, а в частности столицы, продовольствием и топливом, и понижение, в интересах бедных людей, цен за проезд по городскому трамваю, тут и необходимость наблюдения за производством заводами боевых припасов. И надо признать, что, в общем, суждения ее по этим вопросам отличаются здравым смыслом и подсказаны горячим желанием облегчить положение неимущих и содействовать благоустройству в стране. С большим мужеством, ввиду ее немецкого происхождения, высказывается она против поднятой во время войны травли балтийских немцев и бессмысленности преследования лиц, носящих немецкие фамилии. В этом отношении ярко сказывается, насколько Александра Федоровна отличалась рассудительной деловитостью и практичностью».

Здравый смысл не может появиться вдруг, под воздействием минуты. Он присутствовал в Александре Федоровне всегда и не оставлял ее никогда.

Всё это важно понимать, когда пытаешься разобраться в груде трудов, доказывающих, что мой отец подчинил себе волю русских монархов.

Глава 11. Рождение наследника и интриги старого двора

Болезнь Алексея – Тайна царицы и генерала Орлова – Покушение

Болезнь Алексея

За год до первой встречи с отцом царица, наконец, родила сына, царевича Алексея Николаевича.

Вот как пишет великий князь Александр Михайлович:

«30 июля 1904 года императрица разрешилась от бремени долгожданным сыном.

Трех лет от роду, играя в парке, цесаревич Алексей упал и получил ранение, вызвавшее кровотечение. Вызвали придворного хирурга, который применил все известные медицине средства для того, чтобы остановить кровотечение, но они не дали результата. Царица упала в обморок. Ей не нужно было слышать мнения специалистов, чтобы знать, что означало это кровотечение: это была ужасная гемофилия – наследственная болезнь мужского поколения ее рода в течение трех столетий. Здоровая кровь Романовых не могла победить больной крови Гессен-Дармштадтских,[27] и невинный ребенок должен был страдать от той небрежности, которую проявил русский двор в выборе невесты Николая Второго. За одну ночь государь состарился на десять лет. Он не мог перенести мысли, что его единственный сын, его любимый Алексей был обречен медициной на преждевременную смерть или же на прозябание инвалида.

– Неужели в Европе нет специалиста, который может вылечить моего сына? Пусть потребует что угодно, пусть даже на всю жизнь останется во дворце. Но Алексей должен быть спасен!»

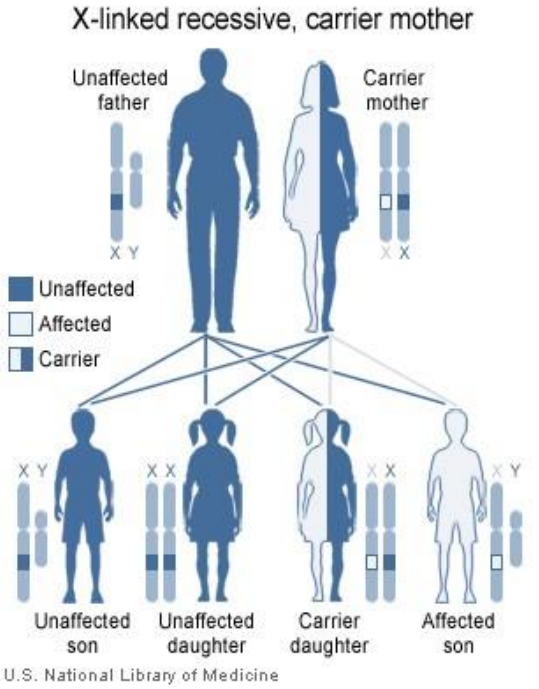


Схема передачи гена гемофилии

Старый двор, то есть двор вдовствующей императрицы Марии Федоровны, не унимался в своей злобе по отношению к Александре Федоровне и после рождения ею наследника. Это, кроме всего прочего, говорит и о том, что долгое отсутствие наследника – не основная причина недовольства царицей. Старому двору просто нужна была другая царица, которой можно было бы управлять, а через нее – и Николаем. Александра Федоровна была слишком целеустремленной натурой, чтобы нравиться Марии Федоровне. Николай нашел опору в Александре. Объединившись, они пытались противостоять – разумеется, в разные моменты с разным успехом – нападкам внешних сил. Именно это и раздражало.

И вот очередным проявлением злобы старого двора по отношению к Александре Федоровне, а, значит, теперь уже и к Николаю Второму, стала гнусная сплетня, заполнившая столичные салоны сразу же после рождения сына и дополнявшаяся со временем новыми подробностями сообразно действительно имевшим место событиям.

Тайна царицы и генерала Орлова

Об истории рождения наследника говорили следующее.

Всем было известно, что в первые годы супружества у царицы рождались лишь дочери. Я уже говорила, чем это отзывалось при дворе.

В конце концов будто бы и сами Николай и Александра Федоровна, отчаявшись, перестали верить в возможность рождения сына. Вину за то, что у Александры Федоровны рождались лишь

---

[27] **В.Э.:** Согласно современным источникам Аликс получила ген гемофилии от своей бабушки английской королевы Виктории через мать Алису, причем считается, что сама Виктория гемофилию не унаследовала от своих предков (среди которых эта болезнь не зарегистрирована), а мутация произошла при зачатии Виктории (это довольно частая мутация: в 15 % случаев гемофилии данного гена НЕТ у родителей, значит, мутация произошла самостоятельно). В таком случае Гессен-Дармштадтские предки Аликс ни при чем (они могут быть «виноваты» только в том случае, если гемофилией болел собственно ОТЕЦ Александры Федоровны – а не другие, более отдаленные родственники отца). Как видно по приведенной схеме, если мать является носительницей гена гемофилии (подобно Виктории или Аликс), то (при здоровом муже) ее сын родится больным с вероятностью 50 %, и с той же вероятностью дочь будет носительницей гена гемофилии. У королевы Виктории среди четырех сыновей только один был болен гемофилией, а среди пяти дочерей только две стали скрытыми носительницами этой болезни. Поэтому царю Николаю и царице Александре не надо было до такой степени трястись над единственным царевичем Алексеем, а надо было завести второго и третьего сына – которые, скорее всего, были бы здоровы. (Это с тогдашней точки зрения – без учета Екатеринбургского преступления).

девочки, Николай приписывал себе. (Вмешаюсь, чтобы отметить, даже в сплетне в этом моменте передан характер Николая). Поэтому он будто бы пришел к невероятному решению на время отказаться от прав мужа и предоставить свою жену другому. (Здесь тоже вмешаюсь, чтобы сказать – царь не мог пойти на такое хотя бы потому, что это создало бы трудности при передаче трона, так как сохранить в полной тайне подобный шаг еще никогда не удавалось. А ссылка на то, что якобы рождение наследника помешает планам дядей о низвержении Николая с престола, не выдерживает критики. Наоборот, пойди Николай на «подлог», он точно бы стал заложником своих родственников).

Продолжу.

Якобы выбор царицы пал на командира уланского ее имени полка генерала Орлова. Тот был очень красив, к тому же вдов. Как утверждали, царица с согласия своего мужа вступила в интимную связь с Орловым. Цель этой связи была достигнута, и царица родила сына, который при крещении получил имя Алексея. Но за это время, как передавали, у царицы развилась сильная любовь к своему вынужденному любовнику.

Николай Второй как будто не ждал подобного оборота событий.

Приводили и такую подробность. Так как роды были очень тяжелыми, понадобилось вмешательство грамотного хирурга. Николая поставили в известность о риске для жизни и матери, и младенца. Ему прямо задали вопрос: кого спасать в крайнем случае – мать или дитя?

Царь будто бы ответил:

– Если это мальчик, то спасайте ребенка.

Однако всё обошлось благополучно. Но больше Александра Федоровна не могла иметь детей.

Александре Федоровне будто бы тут же донесли, что Николай готов был ею пожертвовать, и это как будто усилило ее чувство к Орлову.

Так как отношения Александры Федоровны с Орловым не прекращались и после родов, то есть по исполнении плана, Николай якобы решил во избежание скандала услать удачливого во всех отношениях соперника в Египет. Перед отъездом он пригласил его на ужин. Что на этом ужине произошло между царем и Орловым, не знает будто бы никто. (Думаю, что воображения сплетников просто не хватило на придумывание таких уж подробностей). После ужина Орлов был вынесен из дворца без чувств.

Не доехав до места предписания, Орлов умер. Передавалось это таким тоном, что должно было становиться понятным – его убили по приказу Николая.

Тело Орлова было доставлено в Царское Село и там с большой пышностью погребено. Страдания Александры Федоровны были для нее непосильны, и она даже как будто тронулась умом. И якобы Александра Федоровна долгое время сторонилась Николая.

После смерти Орлова царица как будто целый год посещала его могилу, всячески ее украшая.

С этим событием, то есть со смертью Орлова, многие связывали начало тяжелых истерических припадков у Александры Федоровны.

На такой ноте заканчивался рассказ о тайне рождения Алексея. Не стану тратить еще силы, чтобы доказывать лживость приведенного. Скажу только, что каждый момент в рассказе можно с легкостью толковать как угодно. Например, то, почему утяжелились истерические припадки Александры Федоровны.

Покушение

Итак, счастливое в других обстоятельствах событие стало источником жесточайших мук для Николая и Александры Федоровны.

Надежды на то, что приговор докторов ошибочен, быстро истаяли.

Великий князь Александр Михайлович писал:

> «Императрица отказывалась подчиняться судьбе. Она непрестанно говорила о невежестве врачей. Она обратилась к религии, и ее молитвы были полны отчаяния».

Александра Федоровна повторяла: «Для Бога нет невозможного. Нужно только быть достойным его милосердия, и чудо придет».

К Алексею приставили телохранителя – матроса по фамилии Деревянко. Он должен был ограждать ребенка от малейшей опасности, могущей послужить причиной непоправимой траге-

дии. Даже самые безопасные для других детей забавы могли стать для наследника роковыми: малейший ушиб или укол мог привести к смерти.

Впрочем, не только укол шипа мог стать роковым для Алексея.

Симанович передает историю, которую мне не приходилось слышать от других, даже сейчас, спустя столько лет после отъезда из России.

> «Мне известны подробности страшного события из первоисточников. Российская общественность об этом, насколько мне известно, ничего не знала. Я не хочу никого обвинять и поэтому не стану передавать всех подробностей. Но правильность моих сведений подтвердил мне также Распутин, перед которым и при царском дворе не было никаких тайн.
>
> Многие из читателей, наверно, видели фотографию наследника, на которой он изображен на руках своего дядьки, рослого матроса. В свое время рассказывали, что наследник упал на императорской яхте «Штандарт» и при падении повредил себе ногу. Вскоре после этого газеты сообщали, что капитан «Штандарта» контрнадмирал Чагин (предшественник Саблина) покончил с собой выстрелом из винтовки. Самоубийство Чагина связывали с несчастным случаем, происшедшим с наследником. Говорили, что адмирал Чагин вынужден был покончить самоубийством из-за того, что на командуемом им судне случилось несчастье с наследником.
>
> Всё же эта причина не достаточна для самоубийства. По моей информации, с наследником вообще никакого несчастного случая не было, а мальчик стал жертвой произведенного на него в Царском Селе покушения. Мне рассказывали, что родственники царя обратились к адмиралу Чагину с просьбой рекомендовать двух матросов для службы в Царском Селе. Они должны были поступить туда в качестве чернорабочих. При дворе был заведен порядок, по которому для исполнения и самых простых работ принимались лишь такие люди, которые уже раньше работали в одном из дворцов или известных домов... Это был хороший метод для подбора надежного персонала.
>
> Оба рекомендованные Чагиным матроса были сперва использованы для садовых работ в Аничковом дворце. В Царском Селе они были также назначены садовыми рабочими. Никому и в голову не могла прийти мысль, что оба матроса имели задание убить царевича.
>
> Однажды мальчик играл в присутствии одного камердинера в дворцовом саду, где как раз оба матроса были заняты обрезкой кустов. Один из них бросился с большим ножом на маленького Алексея и ранил его в ногу. Царевич закричал. Матрос побежал. Находящийся поблизости камердинер нагнал матроса и задушил его тут же.
>
> Второго матроса также поймали и по приказу царя без суда повесили.
>
> Было установлено, что оба матроса попали в Царское Село по рекомендации Чагина. Этот случай до того потряс Чагина, что он покончил самоубийством, так как мысль быть заподозренным в участии в покушении на наследника была для него невыносима. Он наполнил ствол винтовки водой и выстрелил себе в рот. Его голова в буквальном смысле была разнесена на куски. Чагин оставил письмо императору, в котором изложил всю историю этого дела.[28]
>
> После покушения царская чета переживала страшное время. Положение Алексея было весьма опасным, и он поправлялся очень медленно. После этого родители постоянно опасались за жизнь своего сына. Они боялись новых покушений со стороны своих родственников и не смели никому его доверять. Мать почти никогда не оставляла его одного. Ее материнская любовь становилась болезненной. Царь также был сильно потрясен и не находил выхода. Этим объясняется многое в его странных поступках».

---

[28] **В.Э.:** Контр-адмирал Иван Иванович Чагин (1860.11.12 – 1912.10.12) застрелился так, как здесь описано, но указываются и другие причины самоубийства: яхта «Штандарт» налетела на риф, и Чагин был отдан под суд. Хотя суд его оправдал, но сам Чагин чувствовал свою вину; во время ремонта в трюмах яхты обнаружилась подпольная революционная типография. Википедия не называет причины самоубийства Чагина. Википедия не упоминает такого покушения на царевича, какое описывает Симанович. Вместо этого приводится следующий случай, произошедший в то же самое время (осенью 1912 года): во время пребывания царской семьи на охотничьем угодье в Спале в Восточной Польше цесаревич неудачно прыгнул в лодку и получил ушиб бедра в области паха; началось внутреннее кровоизлияние, которое почти привело к смерти (единственный раз издавался даже бюллетень о состоянии здоровья Наследника). Надо полагать, что история Симановича – вымышленная, и отражает слухи вокруг этого же события. Она и по внешним признакам неправдоподобна: матрос, намеревавшийся убить, ранил мальчика ножом в ногу, камердинер убил матроса, второго матроса повесили без суда – очевидная чушь, достойная ума лишь базарных теток.

Глава 12. Чудо

Доктор Боткин бессилен – Григорий Ефимович поможет – «Открой глаза, сын мой!» – Было ли «подтравливание» – Рецепт Распутина

Доктор Боткин бессилен

Однако совершенно невозможно удержать здорового в других отношениях мальчика от занятий, которые могут вызвать небольшое кровотечение; здоровые мальчики проливают много капель крови, пусть и не за один раз, пока растут. И разумеется, случилось неизбежное. В возрасте четырех лет царевич во время игры споткнулся и упал, но в отличие от своих сверстников, которые падают, поднимаются и продолжают играть, Алексея тут же охватила сильная боль, и началось внутреннее кровотечение. Его отнесли в постель, он сильно мучился, поэтому спешно послали за доктором Боткиным, личным лекарем царской семьи. Он сделал всё, что смог, но вынужден был признать, что бессилен, и даже самые действенные из имеющихся болеутоляющих средств не облегчали страдания царевича.

Александра Федоровна не отходила от постели сына ни днем, ни ночью.

Доктор Боткин также оставался в комнате больного, отлучаясь лишь на самое короткое время.

Шел третий день с момента начала приступа, а Алексею становилось всё хуже. Он корчился от боли, лицо его приняло пепельный оттенок и покрылось потом.

Во дворце и в городе служили молебны за выздоровление наследника. Всё было напрасно. Становилось ясно, что жизнь мальчика может спасти только чудо.

У Коковцова:

> «Александра Федоровна верила, что каждому дано право искать помощи от Бога там, где он может ее найти. Она искала утешения горя, которое постигло государя и ее – неизлечимая болезнь их наследника, их единственного сына и продолжателя династии – в чуде, доступном только Богу, там, где наука открыто бессильна...»

При этом важно иметь в виду, что Александра Федоровна, в противоположность многим другим обитательницам обоих дворов, была прекрасно образована, имела, например, степень доктора философии Кэмбриджа.[29] Как тут кстати слова отца: «*Нужно быть на всё приготовленным. И не в научном настроении духа...*».

Рациональное знание не всегда может дать ответ на реальные вопросы жизни. А где кончается знание, то есть «научное настроение духа», начинается вера. И последней часто удается сделать больше и лучше.

Приведу и другое свидетельство:

> «Царица материалистка. В области, которую она называет «религиозной» и «духовной», – ей нужно осязательное, видимое, телесное, человеческое. Ей необходим Распутин: без него ей не на что ноги поставить, неоткуда делать свои понятные земные дела. Ей для них нужна постоянная Божья санкция, словесная, слышимая».

Григорий Ефимович поможет

В этот момент во дворец приехала великая княгиня Анастасия. Имея доступ в комнату больного, она смогла поговорить с измученной царицей.

Анастасия предложила – как последнее средство – позвать во дворец моего отца: «Григорий Ефимович поможет».

Александра Федоровна несколько оживилась. Утопающий всегда хватается за соломинку: «Уверена, его молитвы помогут».

---

[29] **В.Э.:** Ни русская, ни английская Википедии не упоминают об учебе Аликс в Оксфорде, тем более через степени бакалавра и магистра до доктора. В 22 года она уже была в России и изучала православие и русский язык. Возможно, ей было присвоено звание «почетного доктора», когда она уже была царицей и приезжала с визитом в Англию (октябрь 1896 года), но такие побрякушки ничего не свидетельствуют о ее знаниях.

Только тогда Александра Федоровна узнала от великой княгини Анастасии о том, что отец может не только толковать Священное Писание, но и исцелять.

Замечу, что в первую встречу с царской семьей отец, по словам Симановича, «избегал хвастаться своей сверхъестественной силой». Так что Александре Федоровне и не могло придти в голову обратиться к нему за помощью в лечении царевича.

Примечательно, что о сверхъестественной силе отца Александра Федоровна узнала от других, уже осведомленных и как бы предупрежденных достаточно близких людей. Это знание как будто было приготовлено и ждало только своего часа.

Обо всем этом и о последующих событиях мне рассказывала несколько лет спустя сама великая княгиня.

Замечу, что в течение некоторого времени, пока ситуация известным образом не изменилась, это была одна из ее любимых историй.

Великая княгиня Анастасия выбежала из дворца, и, не имея времени на соблюдение формальных правил хорошего тона, обычного для дам такого ранга, сама велела кучеру мчаться во весь опор к ней во дворец.

Приехав и даже не поднявшись на свою половину, она разослала слуг на поиски отца. Тому, кто приведет его во дворец великих князей, была обещана баснословная награда.

Не прошло и часа, как отца нашли. Он, разумеется, тут же согласился ехать к больному царевичу. Анастасия велела кучеру держать коляску наготове, и поэтому они, не теряя ни минуты, добрались до царского дворца. Подъехали к боковой лестнице, ведущей в царские покои, и дворецкий сразу же проводил их наверх, мимо десятка гвардейцев, стоящих по стойке смирно и одетых в великолепные мундиры, в комнату больного.

Когда они вошли, все взоры устремились к ним.

«Открой глаза, сын мой!»

Отец описывал мне эту сцену так.

Вокруг постели мальчика стояли убитые горем родители, четверо юных великих княжон – сестер царевича, Анна Александровна Вырубова – фрейлина царицы, архимандрит Феофан, доктор Боткин и сестра милосердия.

Отец благословил крестным знамением всех находящихся в комнате. Потом подошел к царской чете, поздоровался сперва с царем, а затем, более нежно, с царицей своим обычным троекратным поцелуем (в «Житии опытного странника» отец несколько раз ссылается на слова апостола «*Приветствуйте друг друга святым лобзанием*») и сердечным объятием.

Царицу нисколько не возмутило это, она и потом никогда не усматривала в подобном проявления фамильярности, как некоторые придворные «святоши».

(Руднев свидетельствует: «*Входил Распутин в царский дом всегда с молитвою на устах, обращаясь к государю и императрице на «ты» и трижды с ними лобызаясь по сибирскому обычаю*». Обратите внимание на слово «всегда». Кроме того, что это означает – «неоднократно», из этого следует, что троекратный поцелуй был частью ритуала, а не проявлением чего-то чувственного, плотского).

В ответ на приветствие отца Александра Федоровна почтительно поцеловала его руку.

Отец повернулся к страдающему мальчику, посмотрел на его бледное, искаженное болью лицо, опустился на колени и начал молиться. По мере того, как он молился, присутствующих охватывало ощущение покоя, и вне зависимости от степени религиозности, все опустились на колени и присоединились к его немой молитве.

В течение десяти минут ничего не было слышно, кроме дыхания.

Потом отец поднялся с колен.

Он обратился к Алексею: «Открой глаза, сын мой! Открой глаза и посмотри на меня!»

Услышав его слова, остальные тоже встали и с изумлением увидели, как веки Алексея затрепетали и приоткрылись. Сперва мальчик оглянулся вокруг с некоторым замешательством, но потом его взгляд сосредоточился на лице моего отца. На губах царевича появилась слабая улыбка.

Радостный возглас царицы нарушил тишину комнаты. К ней тут же присоединились остальные.

Но отец махнул им рукой, призывая к молчанию, и снова обратился к мальчику: «Боль твоя уходит, ты скоро поправишься. Ты должен возблагодарить Господа за свое выздоровление. А теперь спи».

Алексей закрыл глаза и вскоре погрузился в спокойный сон, впервые за несколько дней.
Отец повернулся к родителям мальчика. Сказал: «Царевич будет жить».
И никто из присутствующих не усомнился в том, что он говорит правду.
Произошло чудо, на которое так уповали.
Гурко:

> «Государыня почти сразу настолько уверовала в Распутина, что сочла его за Богом посланного человека, имеющего специальную миссию – спасти и сохранить наследника русского престола».

С того дня пути царской семьи и моего отца – простого сибирского мужика – соединились.

Было ли «подтравливание»

Многие из тех, кто оставил записки о том времени, отмечают особые отношения, связавшие отца и маленького царевича. Могу подтвердить, что отец действительно очень любил его. И вовсе не потому, что, как полагали недоброжелатели, через ребенка хотел влиять на его мать – царицу Александру Федоровну.

Ковалевский передает следующее:

> «Когда по настоянию Коковцова Распутин был удален от дворца, Алексей снова заболел. И доктора не могли найти причину, не знали средства прекратить эти болезненные явления.
>
> Выписывался снова Распутин. Он возлагал руки, делал пассы, и болезнь через несколько времени прекращалась. Эти махинации устраивались Вырубовой при содействии известного доктора тибетской медицины Бадмаева. Бывшего наследника систематически «подтравливали». В числе средств тибетской медицины у Бадмаева был порошок из молодых оленьих рогов, так называемых пантов, и корень женьшеня. Это очень сильно действующие средства, принятые в китайской медицине.
>
> Бывший наследник был, как известно, очень предрасположен к кровотечениям. И вот, когда нужно было поднять влияние Распутина или вызвать в случае его удаления новое появление, Вырубова брала у Бадмаева эти порошки и это средство ухитрялась, подмешивая к питью или пище, давать Алексею. Болезнь открылась. Пока не возвращался Распутин, наследника «подтравливали». Доктора теряли голову, не зная, чему приписать обострение болезни. Не находили средств. Посылали за Распутиным. Порошки переставали давать, и через несколько времени болезненные явления исчезали. Так Распутин являлся в роли чудотворца. Жизнь и здоровье Распутина связывали с жизнью и здоровьем бывшего наследника. Получая анонимные письма и телеграфные сообщения о том, что его убьют, Распутин говорил Александре Федоровне:
>
> – Когда я умру, на 40-й день по моей кончине наследник заболеет.
>
> И пророчество действительно исполнилось. На 40-й день кончины Распутина наследник заболел. Очевидно, Вырубова решила и после смерти Распутина тем же способом держать в руках семью Николая Второго. Быть может, она пыталась хотя отчасти сыграть роль, которую играл покойный».

Правда здесь только в том, что доктор Бадмаев использовал порошки и притирания, характерные для восточной медицины. И, надо сказать, лечил ими многих, и небезуспешно. Именно поэтому доктора, не разделяющие методов Бадмаева, видели в нем врага и конкурента.

Можно себе только представить, какого врага и конкурента эти же доктора увидели в моем отце после того, как он справился с задачей, оказавшейся для них непосильной.

Кроме того, сошлюсь на Руднева:

> «Доктор тибетской медицины Бадмаев водил знакомство с Распутиным, но их личные отношения не выходили из рамок отдельных услуг со стороны Распутина по проведению очень немногочисленных ходатайств. Бадмаев, будучи бурятом, составил несколько брошюр о своем крае и по этому поводу имел несколько аудиенций у государя, но эти аудиенции не выходили из ряда обычных и отнюдь не носили интимного характера.
>
> Хотя Бадмаев и был врачом министра внутренних дел Протопопова, однако царская семья относилась критически к способам его врачевания; Григорий Распутин тоже не был поклонником тибетских медицинских средств Бадмаева, а допросом дворцовой прислуги царской семьи было несомненно установлено, что Бадмаев в покоях царских детей в качестве врача никогда не появлялся».

Что же касается замечания относительно роли Анны Александровны Вырубовой, то не буду тратить силы, чтобы опровергать этот страшный наговор. Позже я расскажу о ней, и всякому непредвзятому человеку станет понятно, что она не могла сделать ничего, способного повредить мальчику, да и кому бы то ни было вообще.

Истории, подобной той, которую описал Ковалевский, во множестве сопровождали отца везде, где он имел неосторожность проявить свои способности целителя.

Рецепт Распутина

В противовес приведу свидетельство Симановича. Он сам, будучи человеком не совсем здоровым и имея тяжело больного сына, живо интересовался вопросами медицины и целительства, так что в этом ему верить можно:

> «С первой же встречи с царевичем он отнесся к больному мальчику с особенной предупредительностью. Он владел даром влиять на людей успокаивающим образом. Его спокойствие и уверенное обращение сильно влияли на людей. Его особенное искусство воздействовать на больных сразу поставило его в надлежащее положение у кровати страдающего мальчика.
>
> Бедный ребенок страдал кровотечениями из носа, и врачи не в силах были ему помочь. Обильные потери крови обессиливали мальчика, и в этих случаях родителям всегда приходилось дрожать за его жизнь. Дни и ночи проходили в ужасном волнении. Маленький Алексей полюбил Распутина. Суггестивные способности Распутина оказывали свое действие. Однажды, когда опять наступило кровотечение из носа, Распутин вытащил из кармана ком древесной коры, разварил ее в кипятке и покрыл этой массой всё лицо больного. Только глаза и рот остались открытыми. И произошло чудо: кровотечение прекратилось. Распутин рассказывал мне подробно об этом своем первом выступлении в царском дворце в качестве врача. Он не скрывал, что кора, которой он покрыл лицо царевича, была обыкновенной дубовой корой, имеющей качество останавливать кровотечение. Царская чета при этом случае же узнала, что существуют сибирские, китайские и тибетские травы, обладающие чудесными целебными свойствами. Распутин, между прочим, умел исцелять также без помощи трав. Болел кто-нибудь головой и лихорадкой – Распутин становился сзади больного, брал его голову в свои руки, нашептывал что-то никому непонятное и толкал больного со словом «Ступай».
>
> Больной чувствовал себя выздоровевшим. Действие распутинского нашептывания я испытал на себе и должен признаться, что оно было ошеломляющим».

Ничего, подобного подтравливанию, не могло быть и еще по одной причине, для меня совершенно очевидной и бесспорной.

Я уже говорила, что отец потерял первенца, рассказывала я и о том, как тяжело переживал он эту потерю. Так вот, зная всё это, нельзя себе представить, чтобы он пошел на такие страшные шаги. Даже за все сокровища мира. Тем более, что мог бы воздействовать на царственных особ другими средствами. Мог бы, но не делал этого. (И в дальнейшем я постараюсь показать это). Он не за этим пришел. Он пришел помогать.

Подтравливателей надо было искать в среде тех, кто был виноват в покушении на наследника, о котором я уже писала. Но туда вряд ли кого-нибудь допустят...

Глава 13. Домашние хлопоты

Семья снова вместе – Подслушанный разговор – Тайные подозрения – Ненавистный отец Петр – Спасение от насильника

Семья снова вместе

После двух лет, проведенных вдали от дома, отец решил съездить в Покровское. К тому времени строинтельство «железки» – Транссибирской магистрали – закончилось, и он ехал домой «как барин»[30].

В честь его приезда устроили праздник на всю ночь. Причин для радости было несколько. Во-первых, вернулся отец. Во-вторых, мама отлично управлялась со всё расширяющимся хозяйством и могла похвастаться успехами перед мужем.

Пусть и не надолго, но вся семья снова была вместе.

---

[30] **В.Э.:** Это, видимо, приезд 1909 года.

Отец много времени проводил с нами. И за играми, и за разговорами, как мне теперь кажется, совсем взрослыми... Наверное, торопился рассказать нам, детям, о том, чего нам уже никто не расскажет.

Мне было тогда слишком мало лет, чтобы понимать всё или хотя бы малую часть из рассказов отца. Очень жаль. Я хорошо помню только, как мы все вместе ходили в лес к «папиному дереву».

Об отце пишут, что он был несусветным лентяем, что его нельзя было и силой заставить работать. Не хочу в сотый раз доказывать, что это не так... В тот свой приезд он с каким-то даже азартом работал в поле, без конца чистил лошадь, что-то подправлял в доме. Как мне кажется сейчас, отец, как человек, безусловно, чуткий и, что бы о нем ни говорили, тонкий, то есть тонко чувствующий, таким образом пытался дать понять всем нам и матери в первую очередь: он очень любит нас и хотел бы быть рядом с нами, разделять наши заботы, жить нашей жизнью... Но он не мог остаться. Не в его воле это было.

Подслушанный разговор

И вот однажды ночью, вскоре после того, как мы улеглись спать, я услышала, как вскрикнула мама, словно от боли. Я подбежала к комнате (соседней с нашей), где они спали, постучала. Мама каким-то сдавленным голосом ответила, что всё в порядке, и отослала меня спать.

Какой уж там сон! Я старательно прислушивалась, голоса мамы и отца звучали слишком тихо, и я не различила слов. Потом до меня донеслось что-то, похожее на всхлипы.

Кое-как промаявшись до утра, я бросилась к маме. Не терпелось узнать, что произошло ночью. Это не было простым детским любопытством. Надо сказать, что когда отец приехал, он сразу не сказал нам, что вернулся лишь на время. Откладывал почти до самого конца. В один из дней, когда отец искал что-то в сундуке, давно не открывавшемся и «сосланном» поэтому в чулан, я зачем-то позвала его. При этом крикнула:

– Потом найдешь, он никуда не денется!

Отец отозвался:

– Он-то – нет, я-то денусь.

Я так запомнила эту совершенно невинную фразу, потому что подумала – отец скоро умрет. Почему я так решила? Наверное, потому, что не могла себе представить, что он может опять оставить нас. А если может, то только потому, что умрет. Когда же я в ту ночь услышала всё, что услышала – горю моему не было предела...

Я из суеверия не стала ничего рассказывать маме, и когда она утром постаралась отделаться от расспросов, это только укрепило меня в невеселых мыслях.

А через несколько дней отец снова уехал.

Тайные подозрения

С его отъездом в наш дом пришла беда. Мама тяжело заболела. Дуня изо всех сил старалась ей помочь. Но что она могла?

Испробовав все домашние средства, меня, наконец, послали за повитухой, исполнявшей в деревне обязанности и акушерки, и доктора широчайшего профиля.

Тогда я и узнала правду, которую уже невозможно было дальше от меня скрывать: у мамы открылось сильное кровотечение. Помощь повитухи пришла вовремя. Еще немного, и мама умерла бы.

Я не отходила от маминой постели.

Здесь надо сказать, что в тот приезд отца в Покровское, к нему даже из города приезжали просители за болящих. Слава о нем как о целителе уже распространилась так широко, что никем не ставилась под сомнение.

Приведу свидетельство Ковалевского:

> «В селе Покровском Тобольской губернии, расположенном в восьмидесяти верстах от Тюмени, распространились слухи о появлении святого. Кличка эта произносилась местными жителями сначала презрительно, но мало-помалу в отзывах стало появляться известное почтение. Крестьян особенно поражал образ жизни старца. Летом, после зимней жизни в Питере, когда Распутин приезжал в село Покровское, к нему вереницей тянулись высокопоставленные дамы, княгини, генеральши и пр.

Распутин надевал тогда свои старые валенки, холщовую рубашку, портки и в таком виде щеголял по селу с надушенными, в модных шляпах барынями, которые под руку вели его в церковь, не стесняясь местных крестьян. Дамы заглядывали ему в глаза и величали его святым отцом».

Ковалевский, как и другие, не смог избавиться от ироничного тона, рассказывая об отце. Уберите его, и вы увидите истинную картину, которую могли наблюдать все.

Однажды я, держа мамину руку в своей, спросила:

– Почему папа не исцелит тебя своими молитвами?

Мама ответила, что не хотела тревожить его, поэтому ничего ему не сказала.

Тут в комнату вошла Дуня и заговорила о том, что уже явно обсуждалось раньше. Разговор пошел о том, что маме надо бы срочно поехать в больницу, в Тюмень. Дуня уговаривала со всей настойчивостью, на которую была способна.

Но мама, как и большинство людей, боялась больниц, поэтому ответила, что не хочет ехать туда, «на верную смерть». Она даже накричала на бедную Дуню.

Мама просто пришла в исступление, когда выговаривала Дуне за то, что она якобы хочет от нее, мамы, избавиться.

Помню, как Дуня вспыхнула и выбежала из комнаты. А мама в отчаянье зарыдала, уткнувшись в подушки.

Только позже я поняла подоплеку этой сцены. Наверно, мама заподозрила, что Дуня неравнодушна к отцу, и страшно испугалась. Поэтому и усмотрела в искреннем желании Дуни помочь тайный и коварный умысел.

Потом, успокоившись, мама позвала Дуню. Та сейчас же прибежала. Они обнялись и заплакали в два голоса. Мама просила прощения у Дуни, та – у мамы.

На следующий день мама попросила Дуню, чтобы та не сообщала отцу о ее болезни. Дуня с явной неохотой обещала.

Как я жалею, что Дуня в силу сложившихся обстоятельств не могла преступить обещание – напиши она отцу, это стало бы известно матери и могло опять натолкнуть ее на мысли о связи Дуни и отца (не существовавшей тогда!). Если бы отцу стало известно о болезни мамы после первого приступа, она бы, без сомнения, не умерла так рано.

Я вовсе не о том, что отец непременно исцелил бы ее, как многих других. Он был целителем, но не волшебником. И сам это хорошо понимал.

Через несколько недель мама почувствовала себя достаточно хорошо и отправилась в поле; она всегда беспокоилась, если не могла сама следить за работниками.

Но пробыла она там совсем недолго. Я услышала, как Дуня вскрикнула и выбежала из дома. Бросилась за ней и увидела маму, лежащую без чувств на дороге. У нее снова началось кровотечение, только на этот раз еще более сильное. Из дома прибежала Катя, и мы втроем уложили маму в постель, и тут Дуня нарушила свое обещание. Она послала отцу телеграмму.

Не успела мама опомниться, как очутилась в комфортабельной карете, везущей ее в Тюмень. Она была слишком слаба, чтобы сопротивляться. В Тюмени ее посадили на поезд, и скоро она уже была в Петербурге.

Диагноз поставили быстро: у нее обнаружили опухоль, необходима была операция. Ее сделал один из самых известных во всей России хирургов, и всё прошло очень удачно. Через два дня после приезда в столицу мама уже поправлялась в лучшей отдельной палате больницы. Великий князь Петр Николаевич настоял на том, чтобы оплатить все расходы. А когда ее выписали из больницы и пришло время возвращаться в Покровское, великий князь нанял для нее сиделку, чтобы она ухаживала за мамой, пока та окончательно не поправится. Отец поехал вместе с мамой.

Ненавистный отец Петр

На этот раз отец пробыл с нами три месяца.

Я, Митя и Варя были в восторге. Отец брал нас на Туру ловить рыбу, чему, как можно себе представить, мы были очень рады.

Не скрою, особенно мы с Дмитрием радовались тому, что отец не слишком ревностно следил за нашими успехами в обучении.

Я никогда не отличалась особой прилежностью, так что у учителей имелся повод бранить меня. Но всё же наш учитель закона Божьего – давний недоброжелатель отца – священник отец

Петр – был ко мне пристрастен. Поэтому я платила ему единственной доступной мне монетой и была самым непослушным ребенком в классе.

(Да и вообще по характеру я всегда была непоседливой, даже можно сказать – непокорной. Но к отцу это ни в коей мере не относилось. Он был для меня всем. И он любил меня. Мне даже кажется, что только со мной он давал волю чувствам. Ведь я видела, как он старается с другими держаться ровно. Со мной отец «размякал».

Как-то, уже в Петербурге, придя поздно из дворца, где провел целый день у больного царевича, он зашел ко мне в спальню и долго гладил меня по голове, плакал, повторяя: «Слава Богу, что ты здорова!»

Может быть в такие минуты он сомневался, хватит ли у него сил в случае необходимости помочь своим детям? Как это ни страшно для меня, но я, кажется, уже тогда понимала, что из нас четверых он выберет царевича).

Что же касается наказаний, назначаемых мне учителем-священником, то я умела отомстить.

Я не любила на уроках Закона Божия учить катехизис. Замечу, что когда отец объяснял даже самые трудные, в моем тогдашнем представлении, «Божественные материи», мне было интересно. Так что основные положения я, конечно, знала. Но я не желала рассказывать урок Петру. Ему же только этого и надо было. За каждую секунду промедления или неправильный ответ я получала тяжелую затрещину.

Я терпеливо дожидалась случая и, когда Петр поворачивался к классу спиной, чтобы написать что-то на доске, бросала в одноклассников жеваной бумагой. Те, разумеется, с радостью, начинали отвечать мне тем же, и когда шум в классе делался оглушительным, отец Петр оборачивался посмотреть, кто устроил безобразие. Но к тому моменту я уже сидела, примерно сложив руки на парте и с самым невинным выражением лица. И хотя, я уверена, отец Петр подозревал, кто был виновником переполоха (даже при всей тупости его на это хватало), он ни разу не сумел поймать меня на месте «преступления».

Спасение от насильника

Думаю, следует рассказать историю, сыгравшую важную роль для меня. Она как раз произошла в тот приезд отца.

Моей лучшей подругой была Елена, дочь бедной вдовы. Я очень жалела ее и обычно приводила после школы к себе домой. У нас было тепло и сытно. Елену поначалу удивляло, что можно без спросу отрезать большой ломоть хлеба и даже запить его молоком или, что уж совсем невероятно, намазать вареньем.

Мы крепко дружили несколько лет, пока ее мать снова не вышла замуж. С тех пор Елена сникла. Прежде веселая и открытая, она замкнулась. Стала и меня избегать.

Не могу описать мою радость, когда однажды Елена неожиданно пришла, чтобы позвать к себе с ночевкой.

К радости от появления любимой подруги примешивалось еще кое-что – приглашение сулило необычное приключение, ведь до сих пор я никогда не ночевала вне дома.

Дуня собрала узелок с гостинцами, и я отправилась гостевать.

К Елене я влетела, как на крыльях, но скоро стало ясно, что веселья не будет.

И дело было вовсе не в том, что их дом был бедным даже по деревенским меркам. Я поймала взгляд матери Елены. В нем застыл неизбывный испуг. Она то и дело оглядывалась, как будто ожидая внезапного нападения.

Всё разъяснилось, когда пришел отчим. Страх просто повис в комнате. И он не мог не передаться мне.

Мужчина был похож на медведя. Было видно, что он полностью подчинил себе жену.

Не увидев на столе привычной бутылки, он набросился на жену с кулаками.

Мы с Еленой вжались в стену. Но в ту минуту он нас не замечал.

Отведя душу, он обратился к нам. Голос его звучал отвратительно-елейно: «Девочки, мои дорогие девочки, лакомые кусочки, тоненькие косточки...».

А всё произошедшее минутой спустя стало для меня кошмаром, не отпускавшим долгие годы.

Не знаю, какие смутные видения проносились в явно не слишком здоровой голове, но отчим Елены буквально бросился к нам. Сбил с ног жену, попытавшуюся закрыть нас собой,

ухватил меня за край платья, рванул. От страха я потеряла сознание. Слава Богу, иначе мой кошмар оказался бы еще ужаснее.

Очнулась я дома. Надо мной с кружкой воды склонилась Дуня, к ней прилепились испуганные Елена и ее мама. Рядом стоял отец с перевязанной головой...

Потом мне рассказали, что Елене удалось выскользнуть из дома. Она во всю прыть побежала к нам, благо, было недалеко...

Только увидев ее лицо, Дуня схватила топор и, на ходу что-то крича отцу, возившемуся во дворе, бросилась меня спасать. Следом побежал отец.

Слава Богу, они успели вовремя – сумасшедший уже почти подмял меня под себя. Отец оттащил его от меня, думая, что этого будет достаточно. Но тот вскочил на ноги, выхватил у Дуни топор и пошел на отца. Тот видел, как опускался топор, но замешкался и не сумел уклониться от удара, обрушившегося ему прямо в лоб. Отец упал без чувств, кровь из разбитой головы хлынула потоком.

На крики сбежались соседи, отца и меня отнесли домой.

И отец, и я оправились очень быстро.

У отца оказалось легкое сотрясение мозга. Об этом у отца «на память» осталась вмятина. (Она видна на сделанных позже фотографиях. Интересно, что и эта отметина не давала покоя недоброжелателям отца. Одни говорили, что она – след от удара, полученного отцом в пьяной драке, другие – что он получил ее, когда был застигнут за конокрадством. Среди последних не преминул появиться Феликс Юсупов. Некоторые же приписывали удару положительное значение, говорили, что именно вследствие его у отца появилась «особая сила»).

После того случая отец решил забрать меня с собой в Петербург.

Мама, разумеется, была против, но в конце концов согласилась, к моему неописуемому торжеству.

Споря с мамой, отец доказывал, что в столице передо мной откроется много возможностей, недоступных в Покровском, – хорошие учителя, образованные люди и т.п. («Ученое настроение», – вспомнила я сейчас слова отца).

Он предложил, чтобы к нам приехала Дуня вести хозяйство, как только ему удастся найти подходящее жилье.

Мама страдала от необходимости принять решение, она понимала, что так для меня будет лучше, но ей не хотелось расставаться с дочерью. Но когда отец пообещал брать меня с собой, когда будет приезжать домой, она, наконец, согласилась, и вскоре мы отправились в Петербург.

Глава 14. У Сазоновых

Матрена едет в Петербург – Другой человек – Первоклассный дом – Просители – Отставники-хулители – Пора съезжать

Матрена едет в Петербург

Мне было тогда десять лет.[31] И долгое путешествие по железной дороге из далекой сибирской губернии в самый знаменитый город России – Санкт-Петербург – произвело оглушительное впечатление.

Я ехала в город, который отцу стал пусть и временным, но всё же домом. Для меня же он обещал стать целым миром. И даже паровоз – исторгающее дым чудище – я воспринимала как доброе существо, несущее меня на себе в новую, безусловно, волшебную жизнь.

В те времена не было вагонов-ресторанов, поэтому коридоры вагонов заполнял аромат снеди, припасенной путешественниками. Отдельный вагон, в котором ехали мы с отцом, не составлял исключения. И это только усиливало ощущения праздника – так вкусно пахло в нашем доме только по праздникам, ведь по обычным дням готовили наскоро. К тому же у нас всегда, а при отце особенно тщательно соблюдали все посты. Но недаром же от строгого поста освобождаются «все болящие и путешествующие», и я отводила душу. К тому отец от счастья, что я еду с ним, готов был исполнить мой любой каприз.

Признаюсь, меня просто распирало от гордости – мы едем в отдельном вагоне! Я не могла высидеть на месте и часу, тянуло пройтись по другим вагонам, чтобы в ответ на вопросы: «Чья

[31] **В.Э.:** Скорее всё же одиннадцать.

ты, девочка, в каком вагоне твои родители?» – сказать, точнее, продекламировать: «Я дочь Григория Ефимовича Распутина, мы едем в прицепном вагоне в Петербург, где я буду теперь жить...»

Конечно, если бы с нами ехала мама, я бы и шагу не ступила за порог вагона. Отец же и в поездке не всё время оставался со мной наедине. К нему то и дело заходили какие-то люди (из чистой публики), он что-то им рассказывал. Я еще удивилась – говорил он словно незнакомым голосом. Я не была дикаркой, хотя и росла в деревне, но так спокойно, как отец, научилась держаться с господами очень нескоро. В нем же не было ни раболепства, ни заискивания. Наоборот, к нему обращались даже с преувеличенным почтением, по некоторым было видно, что они робеют.

Я знала, что отца, в отличие от прочих, окружает какая-то тайна. Знала, что он обладает даром целительства. В общем, знала, что мой отец особенный. Но при этом воспринимала только как любимого отца. До остального мне дела не было.

Другой человек

Матрена и ее родители в Петербурге

В Санкт-Петербурге меня ждали сюрпризы. И главный из них – мгновенная перемена в отце. (Я тут же вспомнила его чужой голос в вагоне).

В Покровском отец играл и веселился с нами. Я помню радость в его глазах, когда ему случалось сказать или сделать что-то такое, что доставляло нам радость.

В Санкт-Петербурге всё было совсем иначе.

Отец выглядел другим человеком, не таким, как дома. Хотя в одежде перемена заметна была не особенно (я сравниваю, разумеется, не с годами странствований), вопреки моим фантазиям. В Покровском я изо все сил старалась вообразить себе, во что отец одевается, когда идет во дворцы к знатным людям. Мне представлялись какие-то причудливые наряды. Смесь из того, что я могла наблюдать в Тюмени, куда меня возили по большим праздникам катать на карусели, и того, что я видела в модных журналах, бережно хранимых Дуней в память о ее «барской жизни». Взяв за правило почти ничего не говорить от себя, сошлюсь на Симановича:

> «В своей одежде Распутин всегда оставался верен своему крестьянскому наряду. Он носил русскую рубашку, опоясанную шелковым шнурком, широкие шаровары, высокие сапоги и на плечах поддевку. В Петербурге он охотно надевал шелковые рубашки, которые вышивали для него и подносили ему царица и его поклонницы. Он также носил высокие лаковые сапоги».

И при этом он уже не принадлежал нам.

Другие люди, и их было много, изо дня в день приходили и выстраивались в очередь, предъявляя на него свои права. Если я и ревновала его к толпе почитателей и льстецов (а я ревновала!), то меня также интриговало их поклонение ему.

Первоклассный дом

Сначала у нас не было своего жилья. Мой отец дружил с семейством Сазоновых. Господин Сазонов, как и отец, был религиозным человеком – членом Синода! – и очень занятым, я его почти не видела. Их квартира была тесноватой, но удобной, изящно обставленной и отделанной. Сазоновы держали двух служанок – повариху и горничную. Для того времени это был первоклассный дом, и хозяйство велось безукоризненно.

Отношения в семье поддерживались самые простые. При этом распорядок в доме соблюдался неукоснительно.

Я жила в одной комнате с дочерью Сазонова, девочкой на четыре года старше меня, избалованной родителями и вниманием бесчисленного количества молодых повес, что очень ей льстило.

Маруся Сазонова была поразительно красивой, и если бы не строгий надзор, уверена, рано или поздно из-за какого-нибудь ухажера разразился бы ужасный скандал.

Просители

Квартира Сазоновых вполне подходила для жизни семьи и для приема гостей, но она не была рассчитана на проживание в ней отца. Хозяин с уважением относился к тому, что делал отец, и никак не давал ему понять, что тот доставляет домочадцам неудобства. Посетителей же, идущих к отцу за помощью, становилось всё больше. Квартиру заполнили хромые, увечные и нуждающиеся.

А теперь, когда распространился слух о том, что отца принимают при дворе, к нему стали стекаться и толпы карьеристов. Матери просили пристроить сыновей на государственную службу, дельцы стремились получить выгодный контракт, политики жаждали попасть в кабинет министров – все слетались к отцу.

Отец никогда не умел отказать нуждающимся в помощи и трудился самым старательным и добросовестным образом. Некоторое время он пытался принять всех. Молился за здоровье больных. Многие из них чудесным образом исцелялись, и очереди становились тем длиннее, чем шире распространялись слухи о его способностях врачевателя.

Он глубоко проникал в характер и природу людей. Обладал даром ясновидения, хотя сам никогда так не называл свои способности. Тем, кто проходил его строгий отбор (не подозревая об этом), он пытался помочь всеми силами. Он мог замолвить словечко министру или чиновнику, или тому, от кого зависела помощь просителю. Многих, однако, он отвергал, если они не выдерживали острого взгляда отца, умевшего тут же разгадать их цели. Таких людей он отсылал прочь с большим тактом, давая им понять, что они не сумели пройти испытания. (И я об этом уже писала).

Важно заметить, что отец никогда не брал на себя смелость осуждать мотивы приходивших к нему людей. «Только Бог, – говорил он, – имеет право судить».

Руднев:

> «Ко всем окружающим он обращался на «ты». Прием многочисленных посетителей Распутина сопровождался следующей церемонией. Лица, знакомые с ним или обращающиеся к нему по протекции, целовали его в левую щеку, а он отвечал поцелуем в правую щеку. Просители, приходящие к нему без протекции, целовали его в руку. Распутин, между прочим, не любил, когда ему целовали руку люди, в искреннем уважении которых он сомневался. Не любил он также, чтобы его называли «отец Григорий»».

Белецкий:

> «На своих утренних приемах Распутин раздавал небольшими суммами деньги лицам, прибегавшим к его помощи. Если требовалась большая сумма, то он писал письма для просителей и посылал с этими письмами к знакомым, а часто и к незнакомым лицам, преимущественно из финансового мира. Письма его, написанные безграмотно, с крестом наверху, письма, как пишут обыкновенно лица духовные, ходили во множестве по рукам и составляли предмет своеобразной пикантности; находились любители, которые покупали их и коллекционировали».

Симанович:

> «Между десятью и одиннадцатью у него всегда бывал прием, которому мог позавидовать любой министр. Число просителей иногда достигало до двухсот человек, и среди них находились представители самых разнообразных профессий. Среди этих лиц можно было встретить генерала, которого собственноручно побил великий князь Николай Николаевич, или уволенного вследствие превышения власти государственного чиновника. Многие приходили к Распутину, чтобы выхлопотать повышение по службе или другие льготы, иные опять с жалобами или доносами. Евреи искали у Распутина защиты против полиции или военных властей. Но мужчины терялись в массе

женщин, которые являлись к Распутину со всевозможными просьбами и по самым разнообразным причинам.

Он обычно выходил к этой разношерстной толпе просителей. Он низко кланялся, оглядывал толпу и говорил:

– Вы пришли все ко мне просить помощи. Я всем помогу.

Почти никогда Распутин не отказывал в своей помощи. Он никогда не задумывался, стоит ли проситель его помощи и годен ли он для просимой должности. Про судом осужденных он говорил: «Осуждение и пережитый страх уже есть достаточное наказание»».

Отставники-хулители

Отец – не судил. Зато его судили.

Желающих позлословить об отце тогда, как и всегда, было более чем достаточно. В их числе – лжецелители и ясновидящие, отправители мистических культов, другие мошенники, лишившиеся расположения царского двора или аристократических салонов.

По достойному сожаления обычаю, отставники-хулители очень быстро объединили свои усилия. И самое прискорбное, что роль пастырей этого стада охотно взяли на себя церковные иерархи. Равно прочим смертным они оказались во власти греха зависти.

Еще вчера они в один голос возвышали отца, делая это вполне искренне, так как не могли предположить тогда, что сибирский мужик сможет шагнуть туда, куда его призвали. Для меня очевидно, что они так рьяно набросились на отца из-за ясного понимания его силы и возможностей. Он оказался лучше их, нужнее их. Это ли не повод для злобы?

Объединившись с фиглярами, архимандриты и ученые монахи признали собственное поражение. А как они заставляли несчастную женщину – царицу Александру Федоровну – покаяться в том, что не гнала от себя лжепророков... И Феофан был тогда впереди всех. Теперь ситуация (или команда со старого двора) переменилась.

Но час нанести решающий удар еще не настал.

Пора съезжать

Тем временем мы все еще жили в доме Сазоновых. Отец, конечно же, понимал, что злоупотребляет гостеприимством добрых хозяев. И начал подыскивать новую квартиру.

Но не только это соображение подтолкнуло его к действиям. Он испугался, что Маруся Сазонова может дурно на меня влиять.

Действительно, я, девочка из деревни, приходила в восторг от того, как блестящая столичная юная особа обращается со своими молодыми людьми – такими же блестящими.

И вот после того, как поймал несколько раз мои восхищенные взгляды, направленные на Марусю, отец решился на разговор. (Думаю, что в тот момент он пожалел, что рядом нет мамы).

Как только отец усадил меня на колени (что часто бывало дома и никогда еще – в Петербурге), я почему-то поняла, что разговор будет неприятен для меня.

Он сказал, что я еще слишком маленькая, чтобы забивать себе голову чепухой по примеру «глупой девахи», родители которой позволяют ей делать всё, что заблагорассудится. Отец боялся, что приятели Маруси, видя во мне легкую добычу, переключатся с нее на меня.

Мы должны переехать на другую квартиру, сказал отец.

Я что-то лепетала, не помню что. И тогда я вряд ли соображала, что говорю.

Передо мной разверзлась пропасть – меня хотят лишить Маруси. Значит, и чудных вечеров с коробками шоколадных конфет, с необыкновенным, взрослым, запахом духов, которыми душилась Маруся к приходу кавалеров (в остальное время это было невозможным – гимназисткам запрещалось пользоваться духами). И конечно, конечно, я уже не представляла жизни без танцев под граммофон...

Как я ни плакала, как ни просила, мы переезжали. Это было решено.

Я понимаю, что не будь Маруси, мы всё равно переехали бы. Но меня до сих пор мучит совесть, что это из-за меня отец лишился последней ограды – имени хозяина дома – тогда члена Священного Синода.

Глава 15. Вырубова

Аннушка – Сплетни – К Распутину за советом – Замужняя девственница – Подтвержденная добродетель – Фрейлина и мужик

Аннушка

Анна Танеева в 1903 году

Подходящую квартиру взялась найти Анна Александровна Вырубова – любимица царицы. Она впервые увидела отца незадолго до описываемых мной событий и очень энергично и сочувственно принялась его опекать.

Иногда Анну Александровну называют человеком, представившим моего отца царской семье. Это не более, чем миф, как и многое другое, связанное с именем Анны Александровны. Правда, этот – один из самых безобидных. Другие – сплошь грязь.

Анна Александровна никогда не могла постоять за себя. Да и не пыталась, считая это не то что неполезным, но не нужным. Она-то сама знала про себя, что абсолютно честна перед Богом и людьми, как знали и те, кто были ей дороги, а мнение остальных ее не волновало. И в этом они с отцом были похожи.

Прежде чем рассказывать дальше о том, о чем начала, хочу дать хотя бы самое общее представление о самой Анне Александровне.

Большинство из тех, кто ее знают, называют Анну Александровну и в глаза и за глаза Аня, Аннушка. И уже это обрисовывает многое. Аннушка – воплощенная доброта и сердечность.

Когда Ане было 16 лет, она заболела тифом. Болезнь протекала очень тяжело, и врачи (учитывая положение ее отца – Александра Сергеевича Танеева, начальника собственной его величества канцелярии – самые лучшие) отказались от дальнейших прогнозов. Все ждали конца.

В то время в столице гремела слава Иоанна Кронштадтского. Оставленные докторами родители бросились к последнему, в их представлении, средству.

Отец Иоанн откликнулся на призыв убитых горем просителей и отслужил у постели больной молебен. Назавтра же Ане стало легче.

Этот случай и определил религиозное настроение Анны Александровны.

(Интересно, что Иоанн Кронштадтский воздействовал на определение пути и Анны Александровны, и моего отца. И события эти не столь уж отдалены друг от друга).

Во время болезни Анны Александровны произошло также следующее. Когда жар стал спадать, Ане приснилось, будто в комнату вошла императрица, взяла больную за руку и утешала ее.

Об этом стало известно Александре Федоровне, и та действительно навестила выздоравливающую девушку. Счастью Ани не было предела.

Вскоре императрица приблизила ее к себе и сделала фрейлиной.[32] Похожие по душевному складу, Анна Александровна и Александра Федоровна быстро сделались подругами.

---

[32] **В.Э.:** Анна Танеева была на 12 лет моложе императрицы, стала фрейлиной в январе 1904 года, когда ей было 19 лет (а Аликс 31 год); в 1907 г. вышла замуж за морского офицера Вырубова; в январе 1915 года попала в железнодорожную катастрофу и стала инвалидом, прикованным к коляске (позже ходила на костылях).

Сплетни

Легко предположить степень зависти, тут же окружившей Анну Александровну. Отголосок этого есть в передаче Гурко:

> «Она старалась завоевать симпатии государыни, убеждая ее в своей безграничной преданности всей царской семье, а в особенности самому царю, по отношению к которому она даже прикидывалась влюбленной. Сообразив, что пленить царицу можно отнюдь не раболепством и не безукоризненным исполнением придворного этикета, так как в искренности чувств, высказываемых блюдущими этот этикет, Александра Федоровна успела извериться, А.А. Вырубова, в то время еще девица Танеева, при первом же своем появлении при дворе в качестве свитской фрейлины прикинулась необычайной простушкой до такой степени, что первоначально была признана непригодной для несения придворной службы. Это даже побудило императрицу усиленно содействовать ее свадьбе с морским офицером Вырубовым, потому что путем замужества ее служба при дворе сама собою кончалась без нанесения ей обиды, что было бы, разумеется, неизбежным последствием простого исключения ее из числа свитских фрейлин.
>
> Между тем брак Вырубовой оказался весьма неудачным: не прошло и года, как молодые супруги сначала разъехались, а затем и формально развелись. По-видимому, царица считала себя до некоторой степени ответственной за этот брак и в известной мере даже обязанной смягчить его последствия. Ввиду этого Вырубова часто приглашается ко двору и императрица старается ее утешить выказыванием ей особенного внимания, которое Вырубова очень ловко использует. То обстоятельство, что она не имеет никакого официального положения при дворе, не только не мешает ее сближению с царицей, а напротив, содействует ему. Но в представлении государыни умело высказываемые Вырубовой чувства беспредельной преданности царской семье получают характер полной искренности, так как, по ее мнению, чувства эти не могут проистекать из каких-либо личных видов: императрица была далека от мысли, что положение друга царицы более завидно, чем положение лица, принадлежащего по должности к ее окружению. Находится, наконец, и иная почва для их сближения, а именно общая любовь к музыке. Обладая обе некоторым голосом, они занимаются пением дуэтов, что приводит к их ежедневному продолжительному общению».

Что здесь правда? То, что Анна Александровна была безгранично предана монаршей семье и в силу отпущенных ей способностей стремилась подтверждать это. Остальное – переделка на нужный рассказчику (Гурко) лад действительности.

Он пишет – «влюблена в государя». В жизни это было не что иное, как восторженное преклонение. Может быть, слишком восторженное, раздражавшее тех, кто придерживался совсем иных взглядов на личность Николая Второго. Они-то и сплели интригу, целью которой стало удаление «царевой верной слуги».

Александра Федоровна рассказала об этом Анне Александровне, и та, чтобы оградить императрицу от всего того, что обычно сопутствует подобным «плетениям дворцовых сетей», попросила освободить ее. Такое решение тронуло Александру Федоровну – место фрейлины всегда оставалось предметом мечтаний всякой девушки.

Однако надо было сделать всё так, чтобы еще больше не возбуждать интриганов. Анна Александровна объявила, что намерена выйти замуж за человека, давно добивавшегося ее руки (а это так и было). И даже услышав предсказание отца (об этом – ниже), она не переменила решения.

И почти всё остальное из приведенного отрывка тоже справедливо только отчасти...

Об Анне Александровне одна злая дама написала: «*Аня живет, как рыба в воде, как птица на ветке. Она бы везде искала, кого обожать, кому служить, кому отдаться. И везде бы нашла*». А в другом месте припомнила Анне Александровне ее «детский говорок»; в третьем, наверное, превозмогая себя, признала, что у «Ани было откровенное лицо», но тут же добавила: оно отражает «несложную внутреннюю сущность»...

Ученой даме казалось, что так Анна Александровна будет посрамлена. Сама того не понимая, она пропела Анне Александровне похвалу.

Особенно станет видна сила натуры Анны Александровны в заточении в Петропавловской крепости. От нее добивались сведений, способных опорочить Александру Федоровну, Николая Второго, моего отца, других людей. Возможно, будь на ее месте кто-то другой, он сломался бы под натиском и для облегчения своей участи пошел на большой грех – оговор. Но не она. Однако и это было истолковано некоторыми в дурную сторону.

Говорили: «*Если она не дает компрометирующих признаний, значит, скрывает их, то есть лжет*».

Ответ таким сомневающимся – у Руднева:

> «Много наслышавшись об исключительном влиянии Вырубовой при дворе и об отношениях ее с Распутиным, сведения о которых помещались в нашей прессе и циркулировали в обществе, я шел на допрос к Вырубовой в Петропавловскую крепость, откровенно говоря, настроенный к ней враждебно. Это недружелюбное чувство не оставляло меня и в канцелярии Петропавловской крепости, вплоть до момента появления Вырубовой под конвоем двух солдат. Когда же вошла г-жа Вырубова, то меня сразу поразило особое выражение ее глаз: выражение это было полно неземной кротости. Это первое благоприятное впечатление в дальнейших беседах моих с нею вполне подтвердилось. В смысле освещения интересовавших меня событий, г-жа Вырубова являлась полной противоположностью князя Андронникова: все ее объяснения на допросах в дальнейшем, при проверке на основании подлежащих документов, всегда находили себе полное подтверждение и дышали правдой и искренностью; единственным недостатком показаний г-жи Вырунбовой являлось чрезвычайное многословие, можно сказать, болтливость и поразительная способность перескакивать с одной мысли на другую, не отдавая себе в том отчета, то есть опять-таки качества, которые не могли создать из нее политическую фигуру. Г-жа Вырубова всегда просила за всех, потому к ее просьбам при дворе и было соответствующее осторожное отношение, как бы учитывались ее простодушие и простота».

Теперь, полагаю, есть полное представление о том, каким чистым человеком была Анна Александровна.

Вернусь к прерванному рассказу.

К Распутину за советом

Анну Александровну познакомила с отцом великая княгиня Милица. Произошло это в великокняжеском дворце на Английской набережной.

(У Руднева читаем:

> «Г-жа Вырубова познакомилась с Распутиным во дворце великой княгини Милицы Николаевны, причем знакомство это не носило случайного характера, а великая княгиня Милица Николаевна подготовляла к нему г-жу Вырубову путем бесед с ней на религиозные темы, снабжая ее в то же время соответствующей французской оккультистической литературой; затем однажды великая княгиня пригласила к себе Вырубову, предупредив, что в ее доме она встретится с великим молитвенником земли русской, одаренным способностью врачевания».

Всё здесь более или менее правда, кроме одного – оккультистическую литературу Анна Александровна не читала. Но не это важно. А важно то, что из этого следует – сама великая княгиня Милица читала подобные труды. Что ж, одно из двух – либо архимандрит Феофан не считал необходимым проверять, как воздействуют на великих княгинь Милицу и Анастасию (они были неразлучны в увлечениях) его увещевания, либо великие княгини фарисействовали, при архимандрите внимая его наставлениям, а за его спиной не оставляя своих увлечений мистикой. Напомню, что «за пристрастие к лжепророкам» жестоко поплатилась Александра Федоровна, как раз по знаку Феофана. Важно заметить и то, что великие княгини Милица и Анастасия воспринимали отца как явление мистическое, то есть не понимали его природу. Полагаю, что в подобном же неведении они и остались).

Анна Александровна рассказала мне о первой встрече с отцом так. Привожу этот рассказ по моим давним записям.

> «Должна признаться, меня сильно шокировала его внешность. Я увидела пожилого мужика, худого, бледнолицего, с длинными волосами, растрепанной бородой и совершенно необыкновенными глазами, большими и сияющими. Он умел заглянуть в самую глубину мыслей и души собеседника. Это произошло примерно через два года после представления Григория Ефимовича Николаю и Александре».

Хотя Анна Александровна назвала моего отца пожилым, ему в то время было всего тридцать шесть лет. Обращу также внимание и на то, что она говорит о больших сияющих глазах. В жизни же глаза у отца были маленькими и глубоко посаженными. Однако при этом описание ее удивительно верно, если иметь в виду духовное зрение.

Продолжу.

«Твой отец вошел в комнату свободной походкой и обнял великую княгиню, что потрясло меня сверх всякой меры. Он даже имел наглость сердечно расцеловать ее три раза в обе щеки. Конечно, дорогая моя, я была возмущена его дурными манерами и невоспитанностью».

Возмущение, однако, не помешало ей задать отцу вопрос, ради ответа на который она, собственно, и пришла: «Каким будет мое предстоящее замужество?»

«Я была обручена с блестящим лейтенантом флота, и меня уверяли, что твой отец даст правильный ответ на мой вопрос».

Анна Александровна получила от отца ответ на поставленный вопрос. Но он оказался вовсе не таким, как ей хотелось. И она проигнорировала его.

Отцовская способность распознавать характер и будущее человека с первой встречи позволила ему увидеть ход дальнейших событий, связанных с Анной Александровной.

А сказал он тогда следующее: «Свадьба состоится. Но мужа у тебя не будет».

Замужняя девственница

И действительно, свадьба состоялась. Церемонию организовала сама царица, несмотря на то, что была настроена против брака и уговаривала подумать о других путях выхода из ситуации, о которой я уже писала выше.

(Мне передавали, что всякий раз, рассказывая о тех днях, Анна Александровна сокрушалась, что в России пропал прекрасный гарнитур стульев – царский подарок новобрачным. Но тут же спохватывалась: «Что это я, какие уж там стулья...»)

Большинство молодых людей высшего света были хорошо подготовлены к браку. Вернее, к одной его стороне. Обучение у любовниц и кокоток, задолго до принятия на себя семейных обязательств, не проходило даром...

Но в случае с неловким женихом Анны Александровны всё было иначе. Он почерпнул сведения о супружеских утехах из книг, полных непристойных фантазий и сальных шуток. Сообразуясь с этими представлениями, он и вел себя. Катастрофа усугублялась тем, что Анна Александровна, воспитанная в очень строгих правилах, о подобных вещах не знала почти ничего. И хотя фантазия ее подогревалась многочисленными увлечениями и флиртом, обычными для девушек ее возраста и положения, ни о каких интимных отношениях речи идти не могло. Женихи того времени находили способы удовлетворить свои желания на стороне и со своими целомудренными невестами вели себя сдержанно.

Таким образом, после свадебного пира два неопытных (но по-разному) молодых человека были предоставлены самим себе.

Продолжу приводить мои записи, сделанные со слов Анны Александровны.

«Не знаю, что произошло... То ли мой муж был скрытым гомосексуалистом, то ли от возбуждения в ту ночь превратился в импотента... Он был сильно пьян. Водка придавала ему смелость и делала грубым. Не считаясь с моими чувствами и со святостью минуты, он практически изнасиловал меня, хотя его желания далеко обогнали его физические возможности. Меня охватил такой ужас и стыд, что я начисто отвергла его дальнейшие притязания.

Возможно, он и попытался бы обращаться со мной по-другому, но было уже слишком поздно. Я его не хотела».

Сопротивление Анны привело несостоятельного мужа в такую ярость, что он набросился на нее с кулаками, выкрикивая оскорбления, большую часть из которых она не понимала.

Дойдя в рассказе до этого места, Анна Александровна вдруг разрыдалась: «*Я только хотела, чтобы он ушел и оставил меня в покое*».

Осознав, что наделал, муж протрезвел и стал просить прощения, но Анна больше не желала иметь с ним ничего общего.

«Ох, как я жалею, что не послушалась царицу и твоего отца. Всё случилось так, как он предсказал. Мой брак с первой минуты закончился крахом, примирение было невозможным. Я вышла замуж девственницей, и с тех пор плотские позывы означают для меня одно – кошмар, который я испытала в ту ужасную ночь».

Подтвержденная добродетель

Ужас той ночи имел продолжение в Петропавловской крепости, где пьяные охранники подвергали Анну Александровну всяческим унижениям. Она говорила: «Сколько раз Господь спасал от солдат, сама не знаю как...»

Чтобы ни у кого не было соблазна упрекнуть Анну Александровну в том, что она преувеличивает свои страдания, приведу свидетельство Руднева:

> «Мои предположения о нравственных качествах г-жи Вырубовой, вынесенные из продолжительных бесед с нею в Петропавловской крепости, в арестном помещении, и наконец в Зимнем дворце, куда она являлась по моим вызовам, вполне подтверждались проявлением ею чисто христианского всепрощения в отношении тех, от кого ей много пришлось пережить в стенах Петропавловской крепости. И здесь необходимо отметить, что об этих издевательствах над г-жой Вырубовой со стороны крепостной стражи я узнал не от нее, а от г-жи Танеевой; только лишь после этого г-жа Вырубова подтвердила всё сказанное матерью, с удивительным спокойствием и незлобивостью заявив: «Они не виноваты, не ведают то, что творят». По правде сказать, эти печальные эпизоды издевательства над личностью Вырубовой тюремной стражи, выражавшиеся в форме плевания в лицо, снимания с нее одежды и белья, сопровождаемого битьем по лицу и по другим частям тела больной, еле двигавшейся на костылях женщины, и угроз лишить жизни «наложницу государя и Григория», побудили Следственную комиссию перевести г-жу Вырубову в арестное помещение при бывшем губернском жандармском управлении. Она добровольно согласилась на врачебный осмотр, чтобы доказать, что она всё еще девственница, и в результате медики подтвердили ее добродетель».

Фрейлина и мужик

Однако этот факт не мог покончить со злобными сплетнями насчет развратных отношений между Анной и моим отцом. Наоборот. Даже сегодня находятся люди, которые шепотом в приличной компании и во всеуслышание там, где это возможно, распространяют нелепые слухи.

Некоторые доходили до того, что прилагали к Анне Александровне и моему отцу историю Елизаветы и лорда Лестера – английская королева-девственница вошла, среди прочего, в историю умением развратничать, оставаясь целомудренной. Без сомнения, развращенный Петербург знал все подобные способы. И не только в теории. В стремлении же опорочить фантазия становится особенно буйной.

То, что произошло с Анной Александровной во время ее брачной ночи, ставшей единственной, хорошо было известно всему свету. Наивная, Анна Александровна делилась потрясением со всеми, кто выказывал хоть малейшее участие. И это, разумеется, обращалось против нее. Говорили, например, что именно во время первой брачной ночи неискушенной девушке был преподан урок изощренного разврата и что она потом, уже не в силах противиться желанию повторения, искала источник порочного наслаждения в каждом мужчине. (При этом совершенно оставлялось в стороне, что Анна Александровна тут же рассталась с тем, кто якобы и доставил ей незабываемое наслаждение).

В этом смысле соединение Анны Александровны и моего отца – «сибирского мужичка» – казалось великосветским толкователям поступков людей, им чуждых, а стало быть, непонятных и раздражающих, исключительно пикантным и даже остроумным.

Люди с действительными подобными наклонностями страстно стремятся приписать другим свои пороки, тем самым расширяя круг и пытаясь таким образом как будто узаконить разврат – смотрите, восклицают они, все делают это. И я затрудняюсь утверждать, что в наговорах на Анну Александровну и отца отразились только упреки. Если иметь в виду то, о чем я сейчас сказала, – можно подумать, что, в известной части, в таких сплетнях содержалось и сочувствие – наделение людей, чье поведение и мотивы были непонятными, знакомыми пороками, явилось попыткой хоть как-то объяснить их. Попытка с негодными средствами.

Но всё это к слову.

Глава 16. Гороховая, 64

Стол и общество – Откуда брались деньги – Распутин и полиция – Сети – Дамский кружок – Бедная Муня

Стол и общество

А в тот момент добрая Анна Александровна, помогавшая всем и всегда, искала нам подходящую квартиру. И нашла – на Гороховой, 64.

Оплату квартиры взяла на себя собственная его величества канцелярия. Этим, кстати, и исчерпывались средства, получаемые отцом от Николая Второго и Александры Федоровны. Руднев, хорошо знакомый с документами разных следственных комиссий, не нашел ничего другого:

> «Единственное, что позволял себе Распутин, это оплату его квартиры из средств собственной его величества канцелярии, а также принимал подарки собственной работы царской семьи – рубашки, пояса и прочее».

Дом Гороховая 64; Распутины жили во дворе и ходили через эту арку

При этом у нас за столом собиралось самое разнообразное общество. По не знаю как установившемуся правилу все приносили в качестве гостинца, обязательного при посещении милого тебе дома, именно какую-нибудь еду. Отец, что называется, не перебирал. Годы, проведенные вне дома, приучили его быть благодарным за любую пищу. Мяса же он не ел вообще. Но не по обету, просто не любил. (Хотя, думаю, отец все-таки ел бы мясное, если бы собрался вылечить зубы, всегда доставлявшие ему хлопоты).

В Покровском мы ни в чем не нуждались – были сыты и даже знали, что такое городские сласти и десерты. Но только на Гороховой я увидела в одном месте столько икры, дорогой рыбы, фруктов – наших и заморских.

Приносили и свежий хлеб – белый, черный и серый. Даже возникал род соревнования между теми, кто его приносил. Норовили выпекать особенный. Помню хлеб с изюмом, с луком, с какими-то кореньями. (Отец ломал хлеб, никогда не резал ножом). Кроме свежего хлеба выставляли «черные» сухари. Отец, можно сказать, ввел в Петербурге моду на такие сухари. Их стали подавать в салонах. (Разумеется, там они были не едой, а скорее экспонатом).

Отец очень любил картошку и кислую капусту. Надо ли говорить, что гости, и самого аристократического разбора, ели то же, что и он.

Этот порядок нарушался только в одном случае. Отец не любил сласти, но обожал угощать ими других. Иногда дело доходило до конфуза – гость, неосторожно признававшийся в пристрастии к пирожным, должен был под смех присутствовавших съесть всё блюдо.

Много говорили о пристрастии отца к водке. Это неправда. Он мог выпить одну–две рюмки, но не больше. Предпочитал мадеру и портвейн. Интересно, что всякий раз отец вспоминал, какое прекрасное сладкое вино готовили в монастыре. Говорил: «Я много его (вина) перенести могу».

Отдельная история – сидение за самоваром. Именно сидение, а не простое чаепитие. Когда мы переехали на Гороховую, мне было 11 лет, и я не могла даже поднять этот самовар. Отец, чтобы посмеяться, говорил под мой очередной день рождения: «Ну-ка, уже можешь нести самовар?». К 14 годам мне удалось благополучно донести его до кухни.

Откуда брались деньги

Конечно, нужны были и деньги. Отец не посвящал меня в эту сторону жизни, но я знала – если что-нибудь надо – проси у Симановича, он даст.

Сам Симанович писал:

> «Николай Второй знал, что пока его любимец находится на моем попечении, тот ни в чем не будет нуждаться. Распутин принимал мои услуги и никогда не спрашивал об их мотивах.
>
> Если бы Распутин думал о собственных выгодах, то он накопил бы большие капиталы. Ему не стоило бы много труда получать от лиц, которым он устраивал должности и всякие другие выгоды, денежные вознаграждения. Но он никогда не требовал денег. Он получал подарки, но они были невысокой стоимости. Например, ему дарили одежду или платили по его счетам. Деньги он принимал лишь в тех случаях, если мог ими кому-нибудь помочь. Бывали случаи, что одновременно с каким-либо богачом у него находился бедняк, хлопочущий о помощи. В таких случаях он предлагал богачу давать бедному несколько сот рублей. С особым удовольствием он помогал крестьянам».

Вот еще одно важное свидетельство относительно вопроса о деньгах и моем отце. Руднев:

> «При этом надо заметить, что он свою роль выдерживает с удивительно простодушной последовательностью. Как показало обследование переписки по сему поводу, а затем как подтвердили и свидетели, Распутин категорически отказывался от каких-либо денежных пособий, наград и почестей несмотря на прямые, обращенные со стороны их величеств, предложения».

Надо обратить внимание на это замечание Руднева – «с простодушной последовательностью». Отец не видел ничего дурного в том, что о нем кто-то заботится.

При этом было не важно, что речь могла идти о тысячных суммах. «Сколько им Бог дал, столько они мне дают», – говорил отец. Тот, кто знает о бытовой стороне странствующих, понимает, как естественно для любого из них принимать даяние. Они не попрошайничают. Они дают возможность имущим помочь нуждающимся.

Применительно к нуждам отца дом оказался идеальным. Он располагался в глубине улицы, во двор вел проход под аркой.

Наша квартира находилась на третьем этаже. Отец смеялся: «Высоко залетели!»

Меня привело в восторг то, что квартира оказалась такой большой – из пяти комнат, хотя и обставленных разнокалиберной мебелью. Убранство квартиры нельзя было назвать роскошным или просто элегантным. Но, надо сказать, отец не придавал этому никакого значения, потому что не понимал элегантность и роскошь. Я уже говорила о том, что в представлениях о красоте он жил деревенским запасом. И, как большинство деревенских жителей, предпочитал богатое красивому, вернее, смешивал это, не придавая в действительности никакой цены.

Впервые в жизни у меня появился не собственный угол, а целая комната. Надо сказать, я быстро усвоила преимущества своего нового положения.

Распутин и полиция

Отцу же больше всего нравилось то, что по черной лестнице можно было выйти в переулок позади дома. Дело в том, что очень быстро после знакомства отца с царской семьей за ним установили слежку, которая потом не оставляла его.

Руднев:

> «Одним из самых ценных материалов для освещения личности Распутина послужил журнал наблюдений негласного надзора, установленного за ним охранным отделением и веденного до самой его смерти. Наблюдение за Распутиным велось двоякое: наружное и внутреннее. Наружное сводилось к тщательной слежке при выездах его из квартиры, а внутреннее осуществлялось при посредстве специальных агентов, исполнявших обязанности охранителей и лакеев. Журнал этих наблюдений велся с поразительной точностью изо дня в день, и в нем отмечались даже кратковременные отлучки, хотя бы на два–три часа, причем обозначалось как время выездов и возвращений, так и все встречи по дороге. Что касается внутренней агентуры, то последняя отмечала фамилии лиц, посещавших Распутина, и все посетители аккуратно вносились в журнал; так как фамилии некоторых из них не были известны агентам, то в этих случаях описывались подробно приметы посетителей».

Белецкий:

> «Что касается личной охраны Распутина, то с приездом полковника Комиссарова я учредил двойной контроль и проследку за Распутиным не только филерами начальника охранного отделения Глобачева, но и филерами Комиссарова; заагентурил всю домовую прислугу на Гороховой, 64, поставил сторожевой пост на улице, завел для выездов Распутина особый автомобиль с филерами-шоферами; для наблюдения за выездами Распутина с кем-либо из приезжавших за ним на извозчике завел особый быстроходный выезд с филером-кучером. Затем, все лица, приближавшиеся к Распутину или близкие к нему, были, по моему поручению, выясняемы, и на каждого из них составлялась справка».

У того же:

> «Был выработан план охраны, сводившийся к командированию развитых и конспиративных филеров, коим было поручено, кроме охраны Распутина, тщательно наблюдать за его жизнью и вести подробный филерский дневник, который к моменту оставления мною должности представлял собой в сделанной сводке с выяснением лиц, входивших в соприкосновение с Распутиным, весьма интересный материал к обрисовке его, немного односторонне, не личности, а жизни. Затем в село Покровское был командирован филер на постоянное жительство, но не для охраны, так как таковая, из постоянных при Распутине филеров, в несколько уменьшенном только составе, его сопровождала и не оставляла его и при поездках, а для «освещения», ибо на месте, как выяснилось, агентуры завести нельзя было».

Обращу внимание на несколько фраз из записок Белецкого.

Во-первых, о том, что обрисовка отца таким образом велась односторонне: «не личности, а жизни». Это очень примечательно. Возьмите на себя труд прочитать все имеющиеся сейчас воспоминания об отце. Вы не увидите там личности. Судя по ним, не было такого человека – Григория Ефимовича Распутина. Был какой-то почти чиновник, делец, предприниматель. Уверена, что не случайно никто из записчиков не обращается к «Житию опытного странника» и «Размышлениям». Коснись они их, сразу вышло бы наружу, что их толкование жизни отца не совпадает с живой его личностью.

Во-вторых, о том, что «*на месте, как выяснилось, агентуры завести было нельзя*». «На месте» отца знали слишком хорошо и не считали возможным и нужным шпионить за ним – отец в их глазах всегда был открыт и ничего не делал предосудительного.

Сети

Так для чего же все-таки вокруг отца сосредоточивались такие силы в то время, когда интересы трона требовали другого их направления?

Ответ можно найти у Жевахова:

> «Он был типичным олицетворением русского мужика и, несмотря на свой несомненный ум, чрезвычайно легко попадал в расставленные сети. Хитрость, простодушие, подозрительность и детская доверчивость, суровые подвиги аскетизма и бесшабашный разгул, и над всем этим фанатическая преданность царю и презрение к своему собрату мужику – всё это уживалось в его натуре, и, право, нужен или умысел, или недомыслие, чтобы приписывать Распутину преступления там, где сказывалось лишь проявление его мужицкой натуры».

Следя за отцом, говоря словами Александры Федоровны, «бриджисты» искали случая завлечь его в искусно расставленные сети. (Потом я еще расскажу об этом и о том, как они преуспели в этом, вернее, думали, что преуспели). Таким образом они надеялись скомпрометировать не только отца, но и царскую семью. Продолжалась игра, начатая Марией Федоровной.

Вчитайтесь в слова Жевахова. В них, явно помимо воли автора, есть нечто, заставляющее посмотреть на происходившее другим, непредвзятым взглядом.

Жевахов пишет: «*Несмотря на несомненный ум, он легко попадал в расставленные сети*». Попадал или сам шел в них? Уверена – шел сам, всё прекрасно понимая. Он оставался опытным странником, хотел понять, «где край». При этом прекрасно знал, что «упадет». Вспомните: «Я маленький Христос».

Обратите внимание на приговор Жевахова: «*Фанатичная преданность царю и презрение к своему собрату – мужику*». Первое – бесспорно, второе – невозможно. Отец любил Николая именно, как и может только любить царя мужик, осознающий и чувствующий себя мужиком везде – и в избе, и во дворце. Добровольно идя в сети, расставляемые врагами трона, отец хотел

показать царю, кто находится рядом, кто лицемерно уверяет Николая Второго и Александру Федоровну в преданности и готовности умереть за них. И чем дальше заходило дело, тем озлобленнее становились враги царя и отца.

И кроме того, презирая свое сословие, разве проявлял бы отец так явно свою к нему принадлежность – и в одежде, и в манерах. И разве стал бы он оказывать такое преимущество своим собратьям, когда те приходили к нему как просители?

Императрица очень опасалась, зная нравы своих придворных, за жизнь отца. Она приставила к отцу свою охрану – у дома дежурили полицейские в мундирах.

Анна Александровна передавала мне слова Александры Федоровны: «Я не могу позволить, чтобы с Григорием Ефимовичем что-нибудь случилось. Он – спаситель Алексея, а, значит, и наш спаситель. Григорий Ефимович пришел к нам вместе с Господом, когда уже никто не мог помочь. Он сделал невозможное. Пока Григорий Ефимович с нами – я спокойна за всех нас».

Дамский кружок

Итак, при добром Аннушкином участии мы устроились в новом доме, оказавшемся для отца последним земным пристанищем.

Ничего другого, кроме того, что составляло жизнь отца в доме у Сазоновых, на Гороховой не происходило. Только теперь отец мог себе позволить принимать большее число посетителей и во всякое время дня. Но правилом был прием между 10 часами утра и 1 часом дня. За это время иногда проходило по 200 человек.

Вот свидетельство Руднева:

> «Вообще Распутин по природе был человек широкого размаха; двери его дома были всегда открыты; там всегда толпилась самая разнообразная публика, кормясь на его счет».

И это в общем верно – самая разнообразная. Руднев-то намекает на неразборчивость отца, якобы приближавшего к себе фигур далеко не первой руки, но это не так. Принимал он всех, кто в нем нуждался, а приближал – избранных.

Кроме привычных уже просителей всякого рода у нас собирался довольно тесный круг по-настоящему преданных отцу людей – по преимуществу женщин разных возрастов. Первой среди них была, разумеется, Анна Александровна.

Вот как пишет Руднев:

> «Она стала самой чистой и самой искренней поклонницей Распутина, который до последних дней своей жизни рисовался ей в виде святого человека, бессребреника и чудотворца».

Выше, чтобы обрисовать учительские настроения отца, я привела свидетельство проповеди, относящееся как раз к этому времени. Если кто-нибудь, оставаясь объективным, сможет найти в ней хоть каплю предосудительного, пусть заявит об этом. Но смею утверждать, что до сих пор никто не вызвался свидетельствовать, что отец говорил в кругу своих учениц что-либо недостойное.

Из дальнейшего станет ясно, что ядро кружка представляли женщины, искавшие утешения, а не возбуждения чувств. Именно на такие уставшие души отец действовал умиротворительно – от царицы до кухарки.

Разумеется, никакой организации не было. Был порыв с одной стороны и искреннее желание помочь – с другой. Даже вернее сказать – осознание необходимости помочь изверившимся.

Когда слухи об этих собраниях распространились, поползли сплетни о развратных бдениях, и даже оргиях, которыми руководил отец, хотя, повторю, ни тогда, ни позже доказательств любого рода не нашлось. Кроме того, я могу выступить свидетелем (понимая, впрочем, что для многих и многих вес моих слов невелик): я приходила и уходила в любое время дня, двери комнат в нашей квартире никогда не запирались – ни днем, ни ночью, и если бы в доме творилось какое-то непотребство, я знала бы.

Вот слова из дневника Джанумовой, тогда непременной участницы кружка:

> «В столовой разместилось многочисленное исключительно дамское общество. Казалось, были представлены все сословия. Собольи боа аристократок соседствовали со скромными суконными платьями мещанок. Стол сервирован просто. Пили чай».

После чаепития обыкновенно пели что-нибудь божественное. Посуду со стола прибирали по очереди. Каждая – в свой день. И мыли тоже – по очереди. Я и сейчас вижу холеные руки аристократок и сияние бриллиантов в грязной воде. (Как переменчива судьба! Тогда они мыли посуду, подлаживаясь под строй нашего дома, а всего через несколько лет многим из них пришлось стать настоящими судомойками в Париже или Константинополе. А бриллиантов и след простыл).

Бедная Муня

Среди посещавших эти собрания была Мария Евгеньевна Головина (ее все называли Муня), красивая, печальная молодая женщина.

Она была обручена с князем Николаем Юсуповым, старшим братом Феликса. Но, к несчастью, Николая убили на дуэли. Сразу же стало известно, что он стрелялся, защищая честь женщины, с которой у него был роман, но женщина эта – не Муня.

Мария Евгеньевна была совершенно прибита – погиб любимый, накануне свадьбы; и погиб, защищая честь другой женщины, с которой состоял в связи, очевидно, довольно давно. Обман, пропасть, катастрофа. Из полного благополучия Муня попала в ад.

Мир перестал существовать для нее. Мария Евгеньевна пришла за утешением к отцу, и утешение такое она нашла в нашем доме. Муня говорила: «Слово Григория Ефимовича становится плотью».

Старшие Юсуповы сохранили теплые чувства по отношению к девушке, едва не ставшей им снохой. Муня часто бывала в их доме. Именно от нее Юсуповы узнали о моем отце.

Анна Александровна рассказывала мне со слов Муни, что когда та говорила о «святом старце», – на лице Феликса блуждала какая-то странная улыбка. Он как бы предвкушал неизведанную еще игру.

Глава 17. Феликс, князь Содома

Несметные богатства – Провидение – Дурные наклонности – Любовный урок – Порочный маскарад – Роковое знакомство – Феликс наблюдает – Напуганный собой

Несметные богатства

Теперь самое время показать подробно, кто такие Юсуповы вообще, и что такое Феликс Юсупов.

Анна Александровна была знакома с Феликсом, как и вообще с семьей Юсуповых, с детства. Ее положение (напомню, что она происходила из семьи Танеевых, и ее отец – Александр Сергеевич – был начальником собственной канцелярии Николая Второго) позволяло ей часто бывать на приемах в доме князей и в других местах, где можно было встретить золотую молодежь, к которой Юсуповы-младшие, безусловно, принадлежали. Так что многое я знаю о Юсуповых от Аннушки. Имея множество доказательств ее открытости и совершенной доброты даже к тем, кто к ней самой был зол и не скрывал этого, убеждена в достоверности всего слышанного (даже в самой деликатной части рассказа).

Состояние Юсуповых было поистине несметным.

Оно образовалось в результате цепочки тщательно продуманных браков на протяжении двух поколений. Говорят, что дед Юсупова со стороны отца, командующий войском донских казаков, был побочным сыном прусского короля Фридриха Вильгельма Шестого и графини Тизенгаузен, фрейлины императрицы Александры, сестры короля. Во время визита царицы к брату, король влюбился в графиню и хотел на ней жениться. Мог ли состояться этот морганатический брак – неизвестно; считалось, что фрейлина отказалась от него, так как не пожелала покинуть царицу. Во всяком случае, в результате их связи родился сын – Феликс Эльстон. Он женился на графине Елене Сергеевне Сумароковой, и так как она была последней в роду, а наследники мужского пола отсутствовали, то царь дал ему право взять фамилию и титул жены.

Его сын, граф Феликс Сумароков-Эльстон, женился на княгине Зинаиде Николаевне Юсуповой, и она тоже была последней в своем роду, и уже другой царь разрешил графу Сумарокову-Эльстон взять ее фамилию и титул.

Таким образом, благодаря удачным бракам и великодушию двух царей, состояние незаконнорожденного сына прусского короля и его потомков сильно выросло. А собрание предметов

искусства, фарфор, драгоценности были просто легендарными. О них знала вся аристократическая Европа, и не раз даже августейшие особы бывали восхищены юсуповскими редкостями.

Кроме дворца на набережной Мойки в Санкт-Петербурге – подарка Екатерины Великой прабабушке Феликса, княгине Татьяне, – они владели обширным поместьем в Архангельском под Москвой, с великолепными садами, мраморными фонтанами и экзотическими птицами.

Еще один их особняк находился на окраине Москвы. Он был построен в 1551 г. царем Иваном Грозным и подарен одному из князей Юсуповых царем Петром Вторым в 1729 г.

Было и большое имение в селе Ракитном Курской губернии – земельные угодья («до горизонта и за горизонтом»), лесопилки, прядильная фабрика. Усердные крестьяне выращивали скот, варили сахар. Особую гордость составлял конный завод.

Всё это приносило доход, точное исчисление которого не знал, наверное, никто.

В Ракитном семейство подолгу не задерживалось – заезжали поохотиться по пути в одно из своих крымских поместий. Обычно выбирали Кореиз. Кроме того, Юсуповы владели поместьем на Кавказе, большим домом в Балаклавской бухте, и еще... впрочем, всего всё равно не перечесть!

Куда бы они ни ехали, к поезду прицепляли их личный вагон, площадку которого превращали в птичник. Гостиная в вагоне-салоне была отделана панелями красного дерева, кресла обиты зеленой кожей, а окна задернуты занавесками из желтого шелка. (На случай вояжа за пределы России имелся еще один, не менее роскошный вагон, постоянно ждущий семейство на границе со стороны Германии: расстояние между колесами соответствовало тамошним стандартам).

Что же до земель неподалеку от Баку, простиравшихся почти на 125 верст вдоль берега Каспийского моря, то ездить туда резона не было – всё пропитала нефть.

Совершив объезд части угодий, Юсуповы на зиму возвращались во дворец на Мойке.

Провидение

К моменту появления моего отца в столице Феликс Юсупов только что отметил свой восемнадцатый день рождения.

Мать князя страстно желала рождения дочери.[33] И думать не хотела о том, что может родиться мальчик. Она задолго еще до рождения ребенка приготовила детское приданое исключительно розового цвета. И даже после появления на свет сына не захотела ничего менять.

Так само провидение определило характер болезненно-извращенных фантазий Феликса, которые он с нескрываемым удовольствием претворял.

Интересно, что при крещении, когда священник по обряду трижды с головой погружал младенца в купель, мальчик захлебнулся, и его насилу вернули к жизни. (Надо заметить, что над родом Юсуповых тяготел рок – сыновья не доживали до 26-летнего возраста). Добрейшая Анна Александровна, рассказывая мне об этом, крестилась: «Видно, Господь все-таки решил оставить его. Значит, в этом был промысел Божий». Я, разумеется, тут же спросила, в чем же промысел. Анна Александровна ответила: «Так ведь они должны были встретиться». При этом она никогда не называла имен, будто я каким-то своим знанием должна была чувствовать, что они – это отец и Феликс Юсупов.

Встретиться, чтобы свершилось предначертанное – отец должен был принять свое последнее испытание и принести последнюю жертву («Маленький Христос»).

В жизни отца было много скверны. Но он хотел от нее избавиться, очиститься – и избавлялся, и очищался. В лучшие свои минуты он бывал близок к святости. Он не боялся себя и не стеснялся любых собственных проявлений, какими бы странными или, скажу больше, постыдными они ни казались окружающим. В нем была сила противиться самому себе, которая, одна, и отличает кающегося от нераскаянного. Юсупов же и был этим самым нераскаянным. Божий промысел свел их в Петербурге, то есть в Новом Содоме – месте, которое было отспорено у мира Россией с наибольшей легкостью.

Чуть выше я уже сказала, что когда Феликс Юсупов слушал рассказ Марии Евгеньевны Головиной о моем отце, на лице его играла какая-то странная улыбка. Он действительно предвкушал игру. Ставка в этой игре была высокая. Не просто жизнь его или жизнь отца, а нечто большее. Не Россию хотел защитить Феликс Юсупов, убивая отца, – Новый Содом хотел спасти.

---

[33] **В.Э.:** Сын у нее уже был – старший брат Феликса Николай (1883–1908) – жених «Муни», тот, которого в 25 лет на дуэли убил муж ее любовницы Марии – граф Арвид Мантейфель.

Юсупов был весьма образован. Но лишь «в научном настроении духа». В смысле нравственном он был совершенным невеждой.

Бог вел отца, чтобы спасти наследника, передать свою силу Николаю, ободрить Александру, помочь мятущимся. Бог хотел показать, как может быть. Ему не вняли. Тогда Бог позволил Юсупову убить Распутина. И Распутин умер как праведник – мученической смертью. Юсупову была уготована долгая жизнь на чужбине – и он увидел, что произошло с Россией дальше.

Однако вернемся к прерванному рассказу.

Дурные наклонности

Отец Феликса совершенно устранился от воспитания сына и только один раз предпринял попытку употребить родительскую власть.

Будучи военным, старший Юсупов решил дать сыну спартанское воспитание и с этой целью приказал вынести из комнаты мальчика всю удобную мебель и заменить ее походной койкой, простой табуреткой и каким-то подозрительного вида шкафом, который мальчик попытался было открыть, но не смог. На следующее утро лакей отца вытащил Феликса из кровати, затолкал в этот шкаф и облил холодной водой. Шкаф оказался душем. Мальчик кричал, но ничего не мог поделать, пока запас воды не кончился, а вместе с ним и издевательство.

Зато потом юный князь отыгрался – устроил сцену, даже грозил покончить с собой. Перепуганные родители уступили, и с тех пор мальчика совершенно предоставили самому себе.

Стоит ли удивляться, что женственный Феликс, с тех пор не знающий дисциплины, рос в обстановке полной вседозволенности. Обладая семейным состоянием, превышавшим триста миллионов рублей, особенно громадным по меркам того времени и превышающим состояние самого царя, наследник таких сокровищ должен был стать самым богатым человеком России, если не всей Европы. А пока обожавшая мать более чем щедро снабжала сына деньгами.

Когда ему было двенадцать лет, он устроил, как ему казалось, милую ребячью шутку, хотя немногие юноши сочли бы ее ребяческой.

Феликс с кузеном Владимиром, тоже двенадцатилетним, решили переодеться женщинами и поразвлечься. Платья они позаимствовали из гардероба матери Феликса – два лучших вечерних платья, дополненные дорогими украшениями. Надев подбитые мехом бархатные накидки, они разбудили парикмахера матери и выпросили у него парики, объяснив, что собираются на бал-маскарад.

В таком наряде мальчики отправились на прогулку по Невскому семенящей походкой, словно кокотки.

Поскольку проспект служил охотничьими угодьями проституток, к Феликсу и Владимиру несколько раз приставали мужчины. Мнимые кокотки были в полном восторге. Но, опасаясь быстрого скандала, обязательно последовавшего бы за неминуемым разоблачением, поспешили укрыться в чрезвычайно модном в то время среди известной публики ресторане «Медведь».

Можно представить себе, как выглядели юные шутники, если даже в подобном месте сразу привлекли к себе внимание.

Игра продолжилась.

Шампанское быстро ударило в голову. Феликс снял с себя длинную нитку жемчуга и начал набрасывать ее, словно лассо, на сидящих за соседним столиком.

Видавшая виды публика оторопела.

Феликс не унимался. Тут нитка порвалась, бесценный жемчуг рассыпался. Мальчики бросились его поднимать, цепляя тех, кто оказывался рядом.

Позвали управляющего.

Теперь деваться было некуда, и Феликс назвал себя. Разумеется, управляющий раскланялся и почтительно проводил расшалившихся детей до дверей.

Кузены вернулись домой, полагая, что их эскапада пройдет незамеченной.

Однако на следующий день они узнали, что управляющий прислал счет отцу Феликса.

Тому история вовсе не показалась забавной. Феликса на десять дней заперли в собственной комнате, как и его кузена. Феликс был вне себя. Наказание он посчитал слишком жестоким.

Но этот опыт не стал для него последним.

Любовный урок

Свой первый любовный урок юный Юсупов получил в отеле города Контрексвилль, куда его мать отправилась «на воды». Феликсу было около тринадцати лет, и, не зная чем заняться, он

однажды после обеда отправился на прогулку в парк. Проходя мимо беседки, он через прорези увидел там молодого человека и девушку, самозабвенно предающихся любовным утехам.

После Феликс стал расспрашивать мать о том, что он видел, однако та не сумела собраться с духом и удовлетворить любопытство сына.

Феликс провел бессонную ночь.

На следующий день он встретил того самого молодого человека и спросил со свойственным ему пренебрежением к правилам приличия, не собирается ли тот снова встретиться с девушкой. Молодой человек был поражен, но, когда Феликс рассказал, что наблюдал за их свиданием накануне вечером, ответил, что должен встретиться с ней у себя в отеле, и пригласил Феликса присоединиться к ним.

Поскольку мать рано ложилась спать, Феликсу не составило труда выскользнуть из номера и отправиться к новому другу.

Там следующие несколько часов они провели за общими играми. Об истинной природе этих игр Феликс не задумывался.

Позже он говорил: «Меня так поразило только что сделанное открытие, что по своему юношескому невежеству я не разбирался, кто какого пола».

Хотя Феликс не позволяет себе уточнений, не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять значение этой фразы.

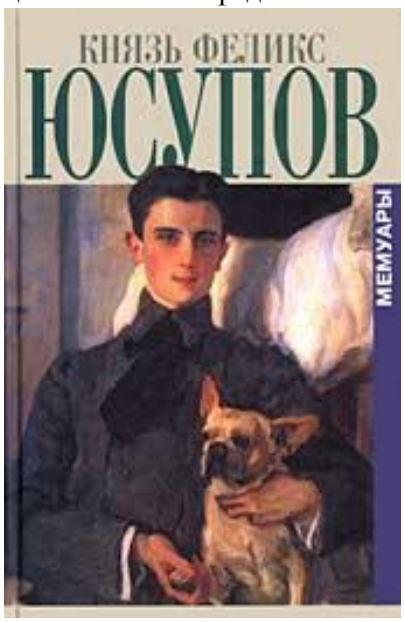
(Не могу здесь не привести эпизод, произошедший в Париже, уже в 1960 году.

В доме моей дочери случайно оказался молодой человек с нарумяненными щеками и крашеными волосами. Узнав, чей это дом, он истерически расхохотался, а когда пришел в себя, позвонил по телефону Юсупову и, взвизгивая от возбуждения, выложил ему новость: «Дорогой, ты ни за что не поверишь, откуда я тебе звоню...»)

Порочный маскарад

Но больше всех к развитию у Феликса известного порока приложил руку его старший брат, Николай, впоследствии жених бедной Муни. Его забавляли успешные переодевания брата в женщину, и он уступил капризу своей любовницы – Поли, желавшей иметь в Феликсе спутницу развлечений.

Они взяли с собой переодетого женщиной Феликса в кабаре посмотреть выступление цыган. Его маскарад остался незамеченным.



Мемуары Юсупова, изданные тем же Захаровым в 2000 году. Матрена Распутина пересказывает 9-ю главу этих мемуаров – о переодеваниях –, разумеется, с другого издания.

Как-то Феликс поехал с Николаем в Париж. Братья решили пойти на бал, переодев, разумеется, Феликса женщиной. Николай же выступил в роли его (ее) кавалера.

Чтобы скоротать время до начала бала, они пошли в театр, где их заметил король Эдуард Седьмой.

Во время антракта Николай вышел в фойе покурить, а после со смехом рассказал Феликсу, что к нему подходил некто от короля Англии, посланный, чтобы узнать имя его юной дамы.

Феликс был польщен и обрадован.

По возвращении в Санкт-Петербург Николай и Поля устроили Феликсу двухнедельный ангажемент на выступления в фешенебельном кафе «Аквариум».

Феликс позаимствовал для такого случая драгоценности матери. Его выступления пользовались колоссальным успехом. Но, к его сожалению (и не больше), на седьмой вечер друзья матери узнали самого Феликса и надетые на нем драгоценности.

Дома ждала бурная сцена.

Николай взял всю вину на себя, и дело было вскоре забыто.

Феликс оставил карьеру певицы кабаре, но продолжал искать приключений под видом женщины и пускался во всё более рискованные предприятия, пока однажды отец не вызвал его к себе.

Отец Феликса накинулся на сбившегося с пути сына и пересказал все слухи (а на самом деле – лишь стыдливо приуменьшенную правду), ходившие в обществе и открывающие истинную картину жизни сына. Он представил Феликсу длинный список проступков, опозоривших (как считал он, но не его сын) имя семьи.

Феликс сделал некоторые выводы. Но ни в коем случае не желал перемены в своем образе жизни.

Причем необходимо заметить, что пребывание на той ступени общественного положения, на какой находились Юсуповы вообще, все-таки с возрастом вынудило Феликса умерить желания эпатировать. Он старался загнать внутрь свой порок, но не для того, чтобы, раскаявшись, изжить его. (Напротив, он пестовал его). Феликс стал более изощренным в своем разврате. Он сделал порок частью собственных светских манер.

И весьма преуспел в этом.

Говорили, что Феликс Юсупов страдал лунатизмом, да он и сам часто рассказывал об этом, не воспринимая происходившее с ним как болезнь. Скорее наоборот.

Роковое знакомство

Некоторые утверждали, что в душе Феликса боролись Бог и дьявол. Но полагающие так были слишком добры к юноше. Бог давно «заготовил про него ад».

(Примечательно следующее. До меня недавно дошло от общих знакомых, что Феликс с жаром взялся за рисование. Хочет, видимо, изобразить что-то возвышенное. Пока же, несмотря на все усилия, получаются только чудовища. Юсупов жалуется, что Бог не дает ему выразить всю душу. Несчастный не в силах признаться себе, что это и есть его душа).

Феликс хвалился тем, что его несколько раз посещали видения, что он «слышит голоса». Вполне возможно. Только уверена – это были злые голоса и дурные видения.

Внешне же дело выглядело таким образом, будто Феликс старается нащупать пути к другой жизни, даже благообразиться. Особенно страстно он начал представляться таким после смерти брата, которого, надо сказать, действительно любил. Однако непреодолимая тяга к дурному актерству и здесь приводила его на грань бесстыдства.

Мария Евгеньевна Головина, по-христиански простившая Николая, перенесла всю нежность на Феликса. Она надеялась помочь ему, поэтому и озаботилась тем, чтобы представить Феликса моему отцу – «святому старцу», как говорила Муня.

Между тем, Муню, все-таки хорошо видевшую, с кем она имеет дело, даже как-то поразил пыл, с каким Феликс выразил не просто готовность, но нетерпеливое желание встретиться с моим отцом.

Феликс наблюдает

Встреча произошла в доме Головиных на Зимней Канавке. О том, что там было, мне рассказала Анна Александровна со слов Марии Евгеньевны.

По своему обыкновению Феликс опоздал к обеду. Он был чрезвычайно элегантно и модно одет, «весь в облаке сладких духов и душистой пудры». Феликс целовал присутствовавшим дамам руки с немыслимым изяществом и при этом имел вид человека, делавшего одолжение.

Феликс старательно не смотрел в сторону отца, сидевшего, разумеется, на самом почетном месте. Только после того, как Мария Евгеньевна подвела Феликса к отцу, первый даже как будто был обескуражен явлением в столь роскошной обстановке мужика.

Будучи представленным, Феликс излишне театрально поклонился и не отстранился от троекратного поцелуя отца, только, как показалось Марии Евгеньевне, несколько поежился.

Феликсу оставили место напротив отца. Как уверяла Мария Евгеньевна – без всякого умысла.

Прерванный обед продолжился. В его протяжение Феликс почти ничего не ел и лишь изредка вступал в беседу с незначительными замечаниями (голос у него был довольно высоким, а интонации жеманными), но ни разу в том случае, чтобы ответить на слова отца.

Феликс наблюдал. Надо заметить, что Юсупов слыл любителем странностей разного рода. Он сам неоднократно заявлял, что его буквально тянет к «экзотическим лицам» и пояснял: «к маньякам, садистам, хамам...». Феликс искал развлечений и умел их находить везде и во всех. И к Головиным он пришел в поисках развлечения.

Что за мысли роились в его голове, когда он видел перед собой картину, поначалу приводившую в растерянность всех рафинированных сотрапезников отца?

Из деликатности никто из отцовских друзей никогда не говорил с ним о правилах поведения за столом. Это казалось и на самом деле было несущественным по сравнению с тем, что и о чем за едой обсуждалось. Трапеза воспринималась как ритуал, не более, но и не менее того.

Отец за столом вел себя, как говорят, малокультурно. Он пользовался только в редких случаях ножом и вилкой. Больше же – просто руками. Большие куски он разрывал. У отца был большой рот, а так как ел он не то чтобы торопливо, но не степенно (к тому же вместо зубов имел только корешки), крошки просыпались на бороду, где и застревали.

По виду отец в такие минуты представлял собой неопрятного мужика и уж никак не святого старца.

Тем не менее Феликса не оставляла напряженность, ему совершенно несвойственная. Казалось, он силится что-то понять, сопрячь, сопоставить. (Возможно, в те минуты Феликс пытался примериться к противнику, которого сразу и почувствовал в отце?)

В компании обратила на себя внимание фраза отца, произнесенная им как бы невзначай: «Всегда нужно считать себя низким, но не на словах, а духом действительно». (Я встретила эту фразу в его «Житии...»)

Феликс, услышав это, опустил голову.

Напуганный собой

Несколько лет спустя Феликс, говоря о первой встрече с отцом, утверждал, что сразу распознал в старце мошенника. Конечно, он не мог при своей болезненной гордыне сказать, что сразу признал в отце силу, которую можно было либо убить, либо подчиниться. Последнее для Феликса было неприемлемо. Он был оскорблен тем, что простой мужик, даже не старающийся перенять приемы цивилизации, претендует на то, чтобы учить его, Феликса Юсупова.

А милая Мария Евгеньевна, разумеется, была в восторге от мысли, что именно она свела отца и Феликса, уже предвкушала, что Юсупов войдет в их круг.

Когда Мария Евгеньевна спросила у отца, как ему показался Феликс, тот ответил: «Напуганный мальчик и страшный».

«Кем напуганный?» – спросила Мария Евгеньевна.

«Собой и напуганный», – ответил отец.

«А почему страшный?»

Отец промолчал, чем привел Марию Евгеньевну в полное замешательство.

Больше в тот день отец не хотел говорить о Юсупове.

На следующий день Мария Евгеньевна чуть свет пришла к нам. Как сказала потом Анна Александровна: «Просить за своего князя». Что именно она говорила тогда отцу, я не знаю, но то, что он согласился принять Юсупова в скором времени – это точно.

Однако хлопоты Марии Евгеньевны на этот раз оказались напрасными. Юсупов, торопясь, уехал из Петербурга. Позже Мария Евгеньевна сообщила, что он направился на учебу в Оксфорд.

Как странно! Юсупов будто бежал, испытывая судьбу. И свою, и отца. Я уже приводила историю о том, как Феликс захлебнулся во время крещения. В Англии же он едва не погиб под колесами паровоза.

Англия начала века – в нравственном смысле место весьма удобное для молодых людей склада и наклонностей, схожих с юсуповскими. Среди аристократической молодежи царил культ Оскара Уайльда. Причем его литературное дарование едва ли ставилось на первое место в сравнении с его привычками известного рода.

Я помню, как пришедшая к нам Мария Евгеньевна плакала, делясь с Анной Александровной вестями о Феликсе: «Он пропал, пропал!» – повторяла она.

Глава 18. Распутин и плоть

Илиодор – Кто лицемер? – Баба или чурбан? – Акулина – «Пошел, мальчишка!» – «Она не умрет» – «Не полюбишь – не вылечишь» – Безумная любовь – Господин учитель – Ольга Владимировна – Фальшивая невинность – Церковный суд – Царский суд

Илиодор

Не однажды я уже в разных видах упоминала Сергея Труфанова, принявшего в монашестве имя Илиодора. Жизнь его интересующимся хорошо известна, так что не буду (да и не хочу) входить в подробности. Скажу только необходимое.

Отец и Илиодор представляли собой странную пару. Первый жизнерадостный и веселый, второй скучный, напыщенный (как большинство «копеечных» семинаристов, добравшихся до высоких степеней) и напрочь лишенный чувства юмора. Тем не менее, они какое-то время приятельствовали.

Кстати – я никогда не понимала отцовской привязанности к Илиодору, и когда тот однажды приехал в Покровское погостить, избегала его, как только могла.

Илиодор необычайно гордился своей отчужденностью от всего мирского. Особым пунктом был обет безбрачия. Отец смеялся над его словами о том, что только безбрачие есть дверь в Царство Божье, и смеясь же говорил, что эта дверь легко оборачивается тесными вратами. «Входить тесными вратами» – так в монастырях намекали на содомский грех.

Анна Александровна пересказывала мне суть споров отца и Илиодора. Привожу так, как запомнила.

«В доме Отца моего обителей много», – опирался отец на Святое Писание и добавлял от себя: «И в каждой обители множество дверей. Не думай, что владеешь единственным ключом от Царства Божьего».

«Я не владею единственным ключом, – ответил Илиодор. – Ключей много, достаточно для всех желающих их получить, но все они отпирают одну и ту же дверь».

«Если бы это было правдой, то все скопцы попали бы в рай», – заметил отец.

«Истина в том, что стремящийся к духовному совершенству должен служить либо Богу, либо плоти, нельзя служить обоим».

«Тот, кто молится от души, может настолько преисполниться ощущением божественного присутствия, что и думать забудет о плоти. Дух воспарит, оставив на земле все телесные помыслы, и он перестанет замечать свое физическое тело и заботиться о нем. Позабудет о еде и питье, о сне и о любовных желаниях. Но это редко кому дается. Больше других, не способных подняться. Когда человек освободит свой дух от уз чувственности, плоть еще настойчивее взывает к нему. Его физическое желание велико, он не в состоянии его побороть. Что ему делать?»

«Он должен молиться еще усерднее».

«Как же молиться, когда с ног валит? Есть только одно средство. Отложи в сторону молитвы и найди женщину. Потом – опять молись. Бог не осудит. Но наступит время, когда женщина уже не понадобится, когда и самой мысли не будет, а, стало быть, и искушения. Тогда-то настоящая молитва и начнется».

Кто лицемер?

Илиодор называл рассуждения отца издевательством над монашескими обетами. Отец возражал, говорил, что ни в коем случае не намерен спорить с церковью. При этом он полагал только, что обет безбрачия толкуется неверно. «Ничего хорошего не выйдет из такой молитвы, когда душа другого просит».

В этом месте напомню слова Жевахова, приведенные уже мной выше, о соединении любовного и молитвенного экстаза.

Анна Александровна пересказала мне и другой спор отца и Илиодора.

Однажды заговорили о том, какой грех самый страшный. Илиодор заявил без колебаний: «Тут не о чем спорить. Самый страшный грех – это тот, о котором гласит первая заповедь: Да не будет у тебя других богов пред лицем Моим».

Отец возразил, видя в приеме Илиодора отражение всегдашней его привычки подменять предмет: «Разговор не о заповедях, а о грехе. Для меня ясно, что Иисус считал лицемерие самым тяжким грехом».

Илиодор заерзал на стуле, чувствуя, что спор становится чересчур личным. Отец попал в точку. Чтобы защитить себя, Илиодор перешел в наступление и заговорил о кружке, собиравшемся у отца, намекая на отношения определенного рода.

Для отца подобные упреки были не в новинку и поэтому он реагировал на них обычно спокойно – сам-то он знал, что невиновен. Однако выслушивать обвинения именно от Илиодора отцу показалось отвратительным. Во-первых, потому что тот бывал на собраниях кружка и прекрасно всё видел своими глазами. Во-вторых же, потому что Илиодор как раз и был в этом вопросе лицемером высшей пробы. Отец не стерпел и напомнил ему, как во время приезда в Покровское застал монаха подглядывающим за купавшейся Дуней.

Монах оторопел и поспешил перевести разговор на другое. Однако обиду затаил.

Илиодору всё же больше пристало бы называться по-прежнему – Сергеем Труфановым. Несмотря на все уверения, он оставался мирянином. В Труфанове было столько жажды власти, что ее хватило бы на многих. Можно сказать, что в его жизни именно эта жажда власти, вполне материальной (вспомним историю с юродивым Митей, протеже Труфанова в Зимнем дворце), а не духовной, и сыграла зловещую роль.

Интересно, что отец однажды сказал о Труфанове: «Всё, до него не достучишься». И пояснил: «Он не находит в своей душе ни капли того, чего можно было бы стыдиться».

И всё же отец перестал общаться с Труфановым не по своему решению. Отец вообще с неохотой отказывался от общения с людьми, хотя бы однажды показавшимися ему приятными. К тому же он был искренне благодарен Труфанову за прием, когда только появился в Петербурге. Труфанов же в открытую объявил отцу войну. Их многолетняя дружба окончилась, и горечь разрыва преследовала отца до самой смерти.

Да, можно оторвать мужика от Сибири, но нельзя вытравить Сибирь из мужика. Это в полном смысле об отце. Его достоинства – цельность натуры и открытость – отчасти сводились на нет стремлением всегда говорить правду. Такие привычки не для Нового Содома.

Баба или чурбан?

Надеюсь, я смогла показать, что при всей пропитанности жизнью отец никогда не злоупотреблял своей силой и возможностью влиять на женщин в плотском смысле. Однако надо понимать, что эта часть отношений представляла особый интерес для недоброжелателей отца. Замечу, что они получали некоторую реальную пищу для своих россказней. Основываясь на сведениях, полученных от одной из сторон, не самой беспристрастной, умельцы вели дальше дело так, чтобы перевернуть всё с ног на голову.

Я уже не раз обращала внимание на то, что в наш дом приходили многие. Одни, чтобы попросить о чем-либо, другие, чтобы посоветоваться, третьи – в поисках исцеления. Большинство из них – женщины. Причем женщины, пребывающие в том состоянии, когда душа ищет опоры, а надорванное сердце – утешения. А в чем можно найти несчастной женщине полное утешение? Разумеется, в любви. В любви-молитве или в любви – физическом чувстве. Отцу самому было дано умение оборачивать позывы плоти в духовное русло, чаще всего получалось у него помогать подобным образом и другим. Но не всем. В этом и была заключена ловушка.

Больше других писал о плотской греховности отца Илиодор. Не хочу приводить его фантазии. Он особенно старательно описывал, как отец изгонял блудного беса. При этом оборачивал дело так, будто бы отец непременно вступал с женщиной в связь. Между тем, нет ни одного достоверного свидетельства «несчастной жертвы» насилия Распутина. Вспомню признание отца: «Для меня что к бабе прикоснуться, что к чурбану». Это сказано в том смысле, что физических чувств женщина у отца в известные минуты не вызывала. Однако от него исходила такая сила любви, что совершенно обволакивала женщину, давая наслаждение и встряхивая ее сильнее, чем любое соитие. После того, как женщина испытала подобное, никакой блудный бес в ней держаться уже не мог. Голая страсть в ней просто умирала. Как это удавалось отцу, неизвестно. Объяснить невозможно. Но ведь и Илинодор не отрицает, что отец добивался результата.

Акулина

Среди почитательниц отца находилась бывшая послушница – Акулина, совершенно влюбившаяся в него.

История же такова.

Как-то отец попал в монастырь на Охте, это в пригороде Петербурга. Сестры пригласили его разделить с ними ужин. Когда собравшиеся только приступили к трапезе, до них донесся дикий вопль, от которого мороз продирал по коже. Так, должно быть, кричат в аду. Потом вопль сменили хриплые, но тоже очень громкие стоны. Все, кроме отца сохраняли полное спокойствие.

Монашки в ответ на расспросы рассказали, что это крики несчастной молодой послушницы, страдающей падучей. Ни молитвы, ни усилия докторов ей не помогают. Отец попросил отвести его к больной. Настоятельница поспешила исполнить просьбу.

Разумеется, отец не в первый раз видел подобных больных. Но то, что ждало его сейчас, было душераздирающим. В келье, чья дверь представляла собой частую решетку, на куче зловонного хлама, ощерившись, лежала женщина, имевшая вид безумной – волосы всколочены, лицо и тело, видное сквозь разорванное платье, исцарапаны до крови. Увидев пришедших, она как будто очнулась и снова начала завывать, теперь – почти басом. Из ее горла вырывались крики, в которых можно было различить ругательства и богохульства. При этом тело больной извивалось, она загораживалась руками, словно пытаясь защититься от удара. Потом вдруг затихла, будто удар всё же достиг цели.

Таких называют одержимыми. В перерывах между мучительными припадками, лишающими их, кажется, всего человеческого, женщины ничем не отличаются от остальных. По их виду в обычные дни ничего заметить нельзя. Всё это вполне относилось и к Акулине – по словам настоятельницы – очень красивой и спокойной.

Отец вызвался помочь. Он вошел в келью, остановился на пороге, осенил себя крестным знамением и несколько минут молился молча. Затем подошел к одержимой и обратился к ней.

Акулина повернула к нему лицо, окровавленное и покрытое синяками, изуродованное животным оскалом, выражающим ненависть. Отец опустился рядом с ней на колени и стал молиться вслух. Он просил Господа о том, чтобы тот простил тяжкие грехи несчастной. Настоятельница и сестры недоуменно переглядывались, так как не знали за послушницей никаких грехов, тем более тяжких. Но в голосе отца звучала такая скорбь и уверенность, что становилось ясно, он знает, о чем просит.

По мере того, как продолжались молитвы отца, взгляд Акулины прояснялся, вся ее фигура как-то преображалась. Из зверя она на глазах превращалась в женщину. Несчастная даже пыталась стыдливо прикрываться, натягивая лохмотья то на грудь, то на колени. Постепенно девушка совсем успокоилась. Казалось, невидимая рука сняла с нее груз ненависти и греха.

Следующей была молитва отца «о здравии болящей рабы Божьей Акулины».

Когда отец замолчал, Акулина имела вид здоровой.

Отец три раза широко перекрестился, потом так же перекрестил Акулину и сказал: «Господь услышал мои молитвы. Она исцелилась. Казанская Божья Матерь дала ей отпущение грехов».

Присутствовавшие при исцелении Акулины приняли происшедшее за чудо. Позже это событие было занесено в монастырскую книгу с подробнейшим описанием всех действий отца как подтверждение проявления милости Божьей к этой обители.

«Пошел, мальчишка!»

Сделаю небольшое отступление для того, чтобы показать и некоторые другие случаи чудесных исцелений, к которым был причастен отец. По обыкновению, сошлюсь на свидетельства.

Руднев:

> «Распутин несомненно обладал в сильной степени какой-то непонятной внутренней силой в смысле воздействия на чужую психику, представлявшей род гипноза. Так, между прочим, мной был установлен несомненный факт излечения им припадков пляски св. Витта у сына близкого знакомого Распутина – Симановича, студента Коммерческого института, причем все явления болезни исчезли навсегда после двух сеансов, когда Распутин усыплял больного».

Симанович:

«Мой сын домой вернулся через час. Он был излечен и счастлив. Болезнь больше не возобновилась. Он рассказывал, что его лечение производилось Распутиным следующим образом. Распутин вышел к нему из своей комнаты, сел напротив него в кресло, опустил на его плечи свои руки, направил свой взгляд ему твердо в глаза и сильно затрясся. Дрожь постепенно ослабевала, и Распутин успокоился. Потом он вскочил и крикнул на него: «Пошел, мальчишка! Ступай домой, иначе я тебя выпорю». Мальчик вскочил, засмеялся и побежал домой. Я испытал силу Распутина также на себе. Уже много лет я был страстным игроком и проводил много ночей напролет за карточным столом. Я основал несколько карточных клубов. Однажды я так сильно увлекся игрой, что трое суток подряд провел в клубе. Как раз в то время Распутин имел важное дело ко мне. Он звонил мне по телефону, приходил сам в клуб, но ничего не помогало. Когда мы наконец встретились, он спросил, что со мной случилось. Я сознался ему, что я много потерял и не хотел прерывать игру. Распутин внимательно меня выслушал. Когда я закончил, он как-то странно улыбнулся и сказал:

– Я дам тебе деньги. Ступай играть.

Я очень удивился его предложению и отказался играть на его деньги.

– Вместо того, чтобы проигрывать деньги, – сказал Распутин, – ты бы лучше купил себе новые мозги.

Он пригласил меня сесть за стол и воскликнул повелительно:

– Садись теперь, выпьем!

Я последовал его приглашению. Распутин принес бутылку вина и налил два стакана. Я хотел пить из моего стакана, но Распутин дал мне свой, затем он перемешал вино в обоих стаканах, и мы должны были его одновременно выпить. После этого странного действия наступило короткое молчание. Наконец Распутин заговорил:

– Знаешь что? Ты в свою жизнь больше не будешь играть. Конец этому. Ступай, куда хочешь! А я погляжу, исчезнешь ли ты еще раз на три дня.

Пока он говорил, он всё время смотрел мне напряженно в глаза. Я испытывал какое-то неприятное, странное чувство.

После этого Распутин встал и оставил меня в замешательстве одного. После этого я до смерти Распутина никогда не играл, хотя оставался владельцем карточных клубов. Также я не играл на скачках и сберегал этим много денег и времени. После его смерти прекратилось действие странного гипноза, и я опять начал играть».

«Она не умрет»

Воейков:

«Всем приближенным царской семьи хорошо известен случай в Спале, когда доктора не находили способа помочь сильно страдавшему и стонавшему от болей Алексею Николаевичу. Как только по совету А.А. Вырубовой была послана телеграмма Распутину и был получен на нее ответ, боли стали утихать, температура стала падать, и в скором времени наследник поправился».

У Джанумовой, жившей в Петрограде (происходило это в 1915 году), заболела в Киеве ее любимая племянница Алиса. Отец узнал об этом и вызвался помочь. При этом пообещал, что Джанумовой не придется срочно, как она собиралась, ехать к племяннице. В дневнике Джанумовой о дальнейшем рассказано:

«Тут произошло что-то странное, чего я никак объяснить не могу. Как ни стараюсь понять, ничего придумать не могу. Не знаю, что это было. Но я изложу всё подробно, может быть, потом когда-нибудь подыщутся объяснения, а сейчас одно могу сказать – не знаю. Он взял меня за руку. Лицо у него изменилось, стало как у мертвеца, желтое, восковое и неподвижное до ужаса. Глаза закатились совсем, видны были только одни белки. Он резко рванул меня за руки и сказал глухо:

– Она не умрет, она не умрет, она не умрет.

Потом выпустил руки, лицо приняло прежнюю окраску. И продолжал начатый разговор, как будто ничего не было... Я собиралась вечером выехать в Киев, но получила телеграмму: «Алисе лучше температура упала». Я решила остаться еще на день. Вечером к нам приехал Распутин... Я показала ему телеграмму.

– Неужели ты этому помог? – сказала я.

– Я же тебе сказал, что она будет здорова, – убежденно и серьезно ответил он.

– Ну, сделай еще раз так, как тогда, может быть, она совсем поправится.

– Ах ты, дурочка, разве я могу это сделать? То было не от меня, а свыше. И опять это сделать нельзя. Но я же сказал, что она поправится, чего ж ты беспокоишься?!

Я недоумевала. В чудеса я не верю, но какое странное совпадение: Алиса поправляется. Что это значит? Лица его, когда он держал за руки, я никогда не забуду. Из живого оно стало лицом мертвеца, – дрожь берет, как вспомню».

«Не полюбишь – не вылечишь»

Коковцов:

«Когда на Аптекарском острове 12 августа 1906 года произошел взрыв и ранены были дети Столыпина, вскоре по перевезении их в больницу Кальмейстера явился Распутин и попросил разрешения посмотреть больных и помолиться над ними.

– Ничего, всё будет хорошо, – сказал он.

Так и вышло».

Примечательна и история о том, как отец избавил Николая Второго от сильных болей в горле, с которыми не могли справиться доктора. Он отрезал воротник от своей сорочки и велел Николаю надевать на ночь этот воротник на шею. Вскоре боли прошли.

Часто у отца спрашивали, как он умудряется узнавать сразу, чем болен человек. Отец отвечал:

– Так ведь я в душу заглядываю. Без этого никак. А там Бог помогает.

– А если кто не верит в Бога?

– Тогда и ты про Бога не поминай, а главное – полюби, узнай, от чего страдает человек. Не можешь полюбить – и не вылечишь.

Здесь же вернусь несколько назад и напомню случай появления отца в царском дворце для лечения царевича. Александра Федоровна до того момента ничего не знала о способностях отца. Он сам ими никогда не хвастался. Это я к тому, что описанные случаи (а я привела для краткости далеко не все) – это только то, о чем было известно всем. О еще большем числе исцелений никто кроме непосредственных участников так никогда и не узнает.

Безумная любовь

К рассказу об Акулине.

Вскоре после исцеления Акулина попросила освободить ее от обета послушания, почувствовав, что монастырская жизнь не позволит ей в достаточной степени выразить благодарность Господу. Она решила идти в мир и посвятить жизнь заботам о больных и нуждающихся. Так и сделала.

(Здесь уместно сказать о том, что, поступая так, Акулина в точности претворила научения отца, хотя он ничего ей видимым образом не внушал, не объяснял. Идея о служении миру в миру составляла центральную часть взглядов отца).

Потом Акулина вошла в тесный кружок, сложившийся возле отца. Уверена, что она не притворялась преданной отцу, она и была таковой. Однако вспомним слова отца из его «Жития...»: «*Ах, враг хитрый ловит вообще спасающихся*». Наступил день, когда духовная благодарность Акулины за исцеление обернулась другим сильным чувством – совсем не духовным. Она не скрывала этого, наоборот. Иногда казалось, что Акулина опять становится одержимой.

Анна Александровна рассказывала мне, как это выглядело со стороны. Акулина сидела у ног отца, не слушая его протестов. Часами могла стоять перед ним на коленях, буквально переползая за ним из комнаты в комнату, не желая сесть на стул даже для того, чтобы поесть. Акулина целовала руки отца, но не со смирением, как можно было бы ждать от ученицы, а со сладострастием Магдалины. Акулина выхватывала у отца стакан с водой – допить. И не просто допить, а непременно с той самой стороны, с какой пил отец. Таскала потихоньку из бельевой корзины ношеные вещи отца и т.п. Разумеется, отец никогда не преступал порога приличий в отношениях с бедной девушкой.

Поступая так необдуманно (вернее, не в силах поступить иначе), Акулина стала предметом сплетен, затянувших в свою паутину отца. Недоброжелатели зашептали по салонам, что отцу удалось привязать к себе девушку после того, как под видом врачевания он изнасиловал ее в келье монастыря. И никого из тех, кто смаковал подробности этого в высшей степени гнусного измышления, не волновало, что ложь легко выйдет наружу при малейшей попытке непредвзято вникнуть в суть события. Достаточно обратить внимание на то, что при исцелении Акулины присутствовала настоятельница и несколько монахинь, так как по монастырским правилам ни

один мужчина не духовного звания не может быть допущен в келью послушниц без свидетелей. Существует и соответствующая запись, о которой я упоминала. Но кто слушает доводы разума, когда ум поглощен злобой и завистью?

Зная, сколько горьких минут доставила эта история отцу, я всё же с сочувствием отношусь к несчастной Акулине. Возможно, потому, что именно ее попросила Александра Федоровна обмыть тело мертвого отца и умастить его раны благовониями. Можно только представить степень страдания Акулины, любящей души, в те минуты. Думаю, отец простил ее. Мне не дано такого права, но если бы было дано, я бы простила.

Господин учитель

А вот другая по роду история, но тоже очень важная для понимания всего происходившего вокруг отца.

Я уже говорила, что отец грамоте обучен был, мягко говоря, не вполне. Первые уроки письма и чтения он начал брать в Петербурге. Учителем взялся быть (не знаю, по чьей рекомендации) тихий и очень порядочный человек по фамилии Лохтин.

Надо заметить, что имени его я никогда не слышала, к нему обращались «господин Лохтин» или «господин учитель». Отец-то, разумеется, был с ним, как и со всеми другими, на ты и звал просто по имени. Но поскольку он стеснялся заниматься при мне, да и при других тоже, дверь его комнаты во время уроков плотно закрывалась.

Интересно, что когда я спросила, как звали Лохтина, у Анны Александровны, та, всегда чуткая и внимательная, не смогла ответить.

Меня нисколько не удивляло, что все (аристократы в том числе) называли отца по имени и отчеству – Григорий Ефимович. И в голову мою не приходила мысль, что, учитывая разницу в социальном положении нас – крестьян Распутиных – и их – представителей лучших семей Российской империи, это странно. И только когда я силилась узнать имя «господина учителя», я поняла – он как личность не существовал даже для добрейшей Анны Александровны. Но насколько же она и все другие подпадали под силу натуры отца, если даже в разговорах с третьими лицами называли его – сибирского мужика – по имени и отчеству.

Ольга Владимировна

Зато имя жены господина учителя я знаю очень хорошо. Ольга Владимировна Лохтина была хорошенькой блондинкой. Ума там никакого не было и подавно, но, как я бы сейчас определила, прелесть глупости, несомненно, изобиловала. Анна Александровна называла ее пустышкой и прилипалой, но на первых порах не видела в ней ничего дурного или опасного.

В отличие от бедной Акулины, страстно любившей отца, но не смевшей сказать ему об этом (впрочем, слова в ее случае были ни к чему), Ольга Владимировна не чинилась. Привыкнув кружить головы сослуживцам мужа, она рассчитывала быстро получить взаимность от моего отца.

Приемы у Ольги Владимировны были, как ей казалось, более утонченными по сравнению с Акулининими. Но, честное слово, выглядели они намного отвратительнее. Она приходила к нам в дом, надушенная самыми сильными духами, которые только можно было найти, в декольтированных платьях, подчеркивавших прелести (а их отрицать никак нельзя) фигуры.

Но всё было тщетно.

Как-то раз она сказала отцу, чуть не плача, что ее муж болен. Она прекрасно знала, что отец не оставит без внимания человека, которому был обязан.

Отец пришел к Лохтиным в назначенное время. Его встретила Ольга Владимировна, одетая в прозрачный пеньюар. Она ввела его в маленькую гостиную, и не успел он спросить о здоровье мужа, как она сбросила свое единственное одеяние и обняла его. Захваченный врасплох неожиданным нападением Ольги Владимировны, отец сдался, так как его стойкость была подорвана многомесячным воздержанием. (И снова: «Ах, враг хитрый...»)

Настал час Ольги Владимировны. В ее хорошенькой, но не твердой умом головке всё перепуталось.

Она стала напрашиваться на приемы в видные дома и рассказывать обо всем происшедшем, добавляя от раза к разу немыслимые детали. В конце концов она договорилась до того, что отец есть Господь Бог, а она сама – воплощение Пресвятой Девы.

Отец казнил себя за минутную слабость, но сделанного не воротишь.

Вошедшая во вкус и находящая живую поддержку в салонах «бриджистов», Ольга Владимировна хотела продолжения. Отец же запретил принимать ее в нашем доме.

Тогда Ольга Владимировна приняла на себя новую роль – соблазненной и покинутой. В этой ипостаси ее поощряли еще больше, чем прежде.

Над Ольгой Владимировной потешались уже в открытую. Вскоре перед ней закрылись все двери. Кто-то надоумил ее просить защиты у Илиодора. Если бы она могла предвидеть, чем обернется этот шаг!

«Скромник» Илиодор уже давно посматривал на Ольгу Владимировну совершенно недвусмысленно, и теперь ему представилась возможность «вкусить сладких плодов».

Фальшивая невинность

Ольга Владимировна бросилась к ногам Илиодора в поисках покровительства и защиты.

Вынуждена признать – отец сам дал козыри в руки своему непримиримому врагу. Как же – Распутин называл его, Илиодора, лицемером! Ну, и кто же теперь лицемер?

Илиодор не подумал о том, что не отец, а он сам желал Ольгу Владимировну. И что свидание, ставшее ловушкой для отца, было хитро подстроено.

Распаленный страстью Илиодор накинулся на Ольгу Владимировну и попытался силой овладеть ею. Защищаясь, она закричала. В келью постучали. Медлить и не открывать дверь было невозможно. Илиодор оттолкнул Ольгу Владимировну, чье платье находилось в беспорядке. Она упала на руки вошедшим монахам.

Илиодор, весьма склонный к театральщине, правдоподобно разыграл оскорбленную невинность – Ольга Владимировна де пыталась его соблазнить.

Монахи выволокли испуганную, кричащую женщину во двор, сорвали с нее одежду и избили кнутом.

После этого Ольга Владимировна попала в лечебницу для душевнобольных и оправиться от происшедшего уже не смогла.

Когда отец узнал обо всем происшедшем между Ольгой Владимировной и Илиодором, он пришел в ярость и поклялся восстановить справедливость. Отец подал жалобу в Святейший Синод. Но, к сожалению, время было упущено. Илиодор, понимая уязвимость собственного положения, опередил отца и первым попал на аудиенцию к епископу Гермогену.

О Гермогене я уже говорила вскользь, когда описывала приход отца в Петербург. Тогда он был в числе самых горячих почитателей отца, называл «Божьим человеком», умилялся со всеми его «разумностью». Именно Гермоген Саратовский был позже одним из тех, кто привлек отца к «Союзу истинно русских людей». Там, в этом поначалу благородном собрании, разыгрались нечистые в финансовом отношении дела. Об этом стало известно отцу, он вмешался. И, разумеется, без всякой дипломатии. Гермоген же оказался впутанным в аферы по самую макушку. Следствие всё же провели, как ни старался Гермоген замять скандал. Сам он из-под подозрения вывернулся, а двух его приятелей признали-таки виновными в растрате.

Понятно, что Гермоген сразу же оценил представившуюся возможность отомстить отцу и приход Илиодора счел подарком. Проверять наветы Илиодора он и не собирался, хотя в подобных случаях это делается неукоснительно.

Церковный суд

Таким образом началось слушание дела отца. Разбирательство проводилось в вотчине епископа Гермогена – Саратове.[34] Состав суда был подобран соответственно.

Как всё происходило, рассказывала мне со слов отца Анна Александровна.

---

[34] **В.Э.:** Стычка произошла 16 декабря 1911 года на подворье Гермогена на Васильевском острове в Петербурге. 3 января 1912 года император уволил Гермогена из Синода и велел ехать в вверенную ему епархию в Саратов; Гермоген отказался и 17 января был лишен епархии и отправлен в Жировицкий монастырь. После Февральской революции назначен епископом Тобольским и Сибирским; большевиками арестован и 29 июня 1918 года утоплен в реке Туре недалеко от села Покровское (видимо, на родине Распутина). Илиодор же был в январе 1912 года заточен в Флорищеву пустынь, где в октябре отказался от веры в Православную церковь, был расстрижен и освобожден. В 1914 году организовал покушение на Распутина, выполненное Хионией Гусевой, а после его неудачи бежал за границу (в Норвегию, потом США), при большевиках вернулся, в 1918–1922 гг. служил ЧК, однако испугался, снова бежал в США, где стал баптистом и работал швейцаром; умер в 1952 году в возрасте 72 лет.

Отца обвиняли в прелюбодеянии, а это в глазах церковного суда прегрешение очень тяжелое.

Гермоген занял место во главе стола.

Отец хотел было предварить слушание, как-то объясниться, но ему не дали даже рта раскрыть. Гермоген тут же вспомнил о том, что отец – простой мужик.

– Молчать! Я тебе слова не давал.

Илиодор же нетерпеливо ждал сигнала к атаке. А получив его, с наслаждением набросился на отца, используя свой действительный дар проповедника.

Он сказал примерно следующее: «Распутин – самозванец и известный развратник. Используя свою власть над женщинами, он соблазнил несчетное их количество. Одна из его несчастных жертв пришла ко мне за помощью и рассказала, что обвиняемый ее загипнотизировал и что она не в силах была ему сопротивляться.

А потом это бедное обезумевшее создание попыталось соблазнить меня. Конечно, я отправил ее в лечебницу для душевнобольных, но боюсь, что разум покинул ее навсегда».

Анна Александровна, послушная своей всегдашней скромности, разумеется, не передала и сотой доли тех красок, к которым прибег Илиодор для живописания «грехов» отца. Речь Илиодора была длинной и изобиловала подробностями, которые могут родиться только в голове монаха, изъеденной желанием.

За спиной отца всё это время стояли два дюжих молодца, готовые в случае надобности удержать подсудимого на месте. Но отец прекрасно понимал, что вмешиваться в ход дела бесполезно, поэтому и не пытался перебивать Илиодора, требовавшего сурового наказания.

Гермоген с удовольствием внимал Илиодору, а присутствовавший здесь же Митя Халява, известный протеже Илиодора, даже взвизгивал время от времени, словно повинуясь знакам своего хозяина.

Выдержав паузу, Гермоген обратился к отцу, спросив, что тот может ответить.

Замечу еще раз, что слова Илиодора под сомнение не ставились, а обвинения заранее объявлялись справедливыми.

Отец сказал, что оправдываться он не собирается – не в чем. Грех с Ольгой Владимировной Лохтиной был, но он в нем раскаялся, больше же за собой таких грехов не знает, как не может их за ним знать Илиодор. К тому он, отец, лицо не духовное, и, хотя старается следовать законам Божеским, живет в миру. Однако если епископу будет угодно, он расскажет о том, о чем умолчал Илиодор и приведет доказательства его вины.

Илиодор рассчитывал, что отца приведет в полное смущение одно уже высокое собрание. Но он по самонадеянности не подумал о том, что перед ним – не «простой мужик», а человек, толкующий Святое Писание царственным особам и совершенно чуждый робости.

Услышав, что голос отца звучит уверенно, Илиодор прервал его:

– Мужик лжет!

Это обозначало, что суд кончен и что отец признан виновным. Другой бы сник и покорно запросил пощады. Но только не отец. Не дожидаясь, пока стражники заломят ему руки за спину, отец схватил свой стул и замахнулся. Стражники отступили. Немая сцена продолжалась несколько минут. В стенах монастыря ничего подобного не видели. Отец же спокойно пошел к двери и закрыл ее с внешней стороны на тот самый стул, который всё еще держал в руках.

Разумеется, на этом дело не закончилось. Но события развивались совсем не так, как хотелось бы обвинителям отца.

Царский суд

Какое-то время после наша обычная жизнь шла своим порядком. Я даже не слышала в доме разговоров об Илиодоре и Гермогене. Отец был спокоен. К тому же и его недоброжелатели замолчали.

Но Анна Александровна, добрая и чистая душа, несмотря на просьбы отца ничего не рассказывать Александре Федоровне, чтобы не волновать ее, все-таки проговорилась царице. Анна Александровна никогда не могла хранить в тайне чувства, а видя такую обиду, какую нанесли отцу, ходила сама не своя. Когда Александра Федоровна услышала о позорном происшествии, она немедленно призвала к Николаю всех участников – обвинителей и обвиняемых.

Надо заметить, что отец не хотел свидетельствовать против известных церковнослужителей и недавних друзей – Гермогена и Илиодора.

В конце концов царь потерял терпение и обратился к отцу:

– Григорий Ефимович, приказываю тебе рассказать мне всё, что ты знаешь об этом деле.

Деваться было некуда, и отец заговорил. Он рассказал всё, что знал.

Когда отец замолчал, царь обратился к Илиодору и спросил у того, чем он может (и может ли вообще) оправдаться.

При этом царь предупредил:

– Предупреждаю тебя – мне известно всё, лжи не потерплю.

После этих слов Илиодор не нашел, что ответить.

За лжесвидетельствование Илиодор был выслан из Петербурга в монастырь за сто верст от столицы. За потакание лжесвидетелю наказали и Гермогена.

Глава 19. Ужин во дворце

Сборы – В кукольном доме – Алексей Ужасный – «Кушать подано» – Фужер вместо рюмки – Сплетения – Мороженое императора

Сборы

Отец был счастлив. Этому событию я была обязана тем, что в первый раз попала во дворец на царский ужин.

Когда отец сказал мне, что мы приглашены во дворец, я была так взволнована, что не могла вымолвить ни слова. Хотя отец с разрешения Александры Федоровны брал меня с собой и раньше, ни царя, ни царицу, ни их детей я не видела и никогда не присутствовала при их разговорах.

(К месту приведу свидетельство Воейкова о том, что отец совсем не часто бывал во дворце:

> «На вопрос мой, как часты бывают эти посещения, полковник Герарди ответил, что один раз в месяц, а иногда в два месяца раз. Еще задолго до моего назначения мне приходилось слышать рассказы о Распутине, производившие на меня впечатление не простой сплетни, а чего-то умышленно раздуваемого. Исходили, к моему великому изумлению, эти рассказы от приближенных к царю лиц, которые старались придавать особенное значение каждому появлению Распутина при дворе. Так, например, во время романовских торжеств в Костроме на церковном богослужении в высочайшем присутствии появление Распутина было немедленно подчеркнуто среди присутствующих не кем иным, как товарищем министра внутренних дел – генералом свиты Джунковским. На меня такое вмешательство в личную жизнь царской четы производило удручающее впечатление. Распутина я до назначения своего дворцовым комендантом не видел, сведения же о нем получал от людей, якобы преданных государю, но, вероятно, не понимавших, что их вредная болтовня вносит расстройство в неустойчивые умы»).

Всё мгновенно завертелось волчком. Мне нечего надеть. Как ведут себя за царским столом? Что я скажу царю и царице? Примут ли меня царские дети? Тысячи вопросов проносились в моем мозгу, но оставались без ответа. К счастью, Дуня, никогда не терявшая головы, взяла меня под свое крылышко. Подобрала вполне подходящее платье, волосы расчесывала щеткой и укладывала до тех пор, пока я не почувствовала себя призовой лошадью. Она мыла и скребла меня так, что я начала опасаться, как бы не остаться без кожи.

И вот я готова.

В кукольном доме

Императорская семья жила в Александровском дворце, построенном Екатериной Великой для внука, Александра Первого, который предпочитал его Большому дворцу. Последний использовался только для парадных приемов и государственных торжеств.

Мы ехали во дворец в карете, украшенной царскими гербами. Кучер и лакей на козлах были одеты в синие бархатные ливреи дома Романовых и своим важным видом походили на аристократов (как я их представляла, правда).

Мы въехали в кованые ворота, сопровождаемые приветствием гвардейского караула и по чудесной аллее плавно подкатили к парадному входу. Один лакей бросился открывать дверцы и помог выйти, другой уже распахнул перед нами двери и застыл в низком поклоне, а еще двое помогли снять пальто и шляпы.

Не знаю, как правильно назывался придворный, который вел нас дальше, но про себя я назвала его пажом. Этот паж повел нас через зал, обшитый панелями красного дерева, в приемную, где доложил о нашем прибытии.

То, что произошло потом, показалось мне тогда (и кажется до сих пор) сказкой. Навстречу нам вышли царь Николай Второй и царица Александра Федоровна с детьми. Это была ослепительно красивая семья.

Отец троекратно поцеловал и обнял царя, потом царицу, потом Алексея, потом – по старшинству великих княжон.

Легко представить себе мою робость в ту минуту. Но она буквально испарилась, как только я услышала голос Александры Федоровны. Она сказала: «Очень мило», – и улыбнулась в ответ на мой реверанс (думаю, всё же довольно неуклюжий, несмотря на долгие репетиции), подошла и, прижав к себе, поцеловала в пробор.

Затем меня представили царевичу и великим княжнам. Они совершенно не чинились, и это ободрило меня.

Как и всегда в моменты сильного волнения, я поначалу потеряла способность вполне понимать, что происходит вокруг и совершенно не запомнила, кто именно из девочек взял меня за руку и подвел к столу с закусками. Теперь я думаю, что это была Татьяна.

(Странно, вспоминая, я вижу их лица очень четко, а в тот вечер они сразу показались мне на одно лицо – роскошные фарфоровые куклы в роскошном кукольном доме).

Стол с закусками был рассчитан на взрослых и на детей – черная и красная икра, креветки, анчоусы, что-то невообразимое, бисквиты, фрукты, пирожные, конфеты, бутылки с водкой и вином, кувшины со сладкой (как мне сразу же объяснил Алексей) водой.

Алексей Ужасный

Мы, девочки, остановились чуть в стороне, ожидая сигнала. Алексей же под ногами взрослых пробрался под стол и, откуда-то снизу высунув руку, потянул за край скатерти в надежде поймать на лету что Бог пошлет. Ловко подхватив кусочек чего-то, наколотого на тоненькую палочку, он с криком выскочил из-под стола и понесся в другой угол комнаты.

Царь покачал головой, вздохнул с притворной укоризной, сказал:

– После меня Россией будет править царь, который войдет в историю как Алексей Ужасный.

Царским детям хотелось знать обо мне всё: в какой гимназии я учусь, кто меня причесывает и одевает, есть ли у меня механические игрушки, видела ли я их яхту, как зовут нашу корову в Покровском и в таком духе без конца. Больше других усердствовала моя ровесница – великая княжна Мария. (Потом мы с ней подружимся).

В тот вечер я была очарована вниманием царских детей. Да, разумеется, оно было искренним, но оно же и показывало (поняла я и, главное, призналась себе в этом, конечно, гораздо позже), что мое появление во дворце воспринималось ими как явление диковинки. Между нами – вся Россия. Но, в некотором смысле, такой же диковинкой был во дворце и мой отец. Возникший почти из ниоткуда (а Сибирь в представлении столичных жителей это и есть ниоткуда), он оказался способен соединить это «ниоткуда» и царский дворец. Никому из прежних старцев подобное не удавалось, вернее, не было дано. Я уверена, что понять это очень важно.

«Кушать подано!»

Мне хотелось бы сказать, что в тот вечер я до мельчайших подробностей рассмотрела убранство комнат. Но, к сожалению, ничего подобного не случилось. Рассмотрела я его в другие дни и вечера: стены затянуты розовым Дамаском, кленовая мебель, по стенам развешаны картины и фотографии.

Вошел дворецкий, объявивший, что кушать подано. Мы перешли в большую столовую – высокие окна с красными бархатными занавесями, отделанными золотой тесьмой. Ворс ковра под ногами был таким высоким, что я чуть было не упала, зацепившись каблуками.

На столе, покрытом тонкой дамасковой скатертью, стояла посуда из позолоченного фарфора с императорскими гербами, а у каждого прибора выстроилось по три бокала, тоже украшенных золотыми гербами. Все предметы сервировки, начиная с колец для салфеток, были отмечены такими же гербами.

За спинкой каждого из красных бархатных кресел, расставленных вокруг огромного обеденного стола, высился, как изваяние, лакей, одетый в синюю ливрею и белые перчатки.

Рядом с тарелками – хрустальные подставки для ножей, вилок и ложек. Я не знала о том, что если блюдо недоедено, но ты намерен его еще есть, в возникшей паузе приборы следует класть на эту самую подставку. Проглотив каплю салата, я неосторожно положила свою вилку на тарелку. Мгновенно «мой» лакей выхватил тарелку у меня из-под носа и тут же заменил ее чистой. То же повторилось через секунду.

Вероятно, я так и осталась бы голодной, если бы царица не заметила моего промаха.

– Тебе не понравился салат? – спросила она.

– Нет, ваше величество, понравился, он восхитителен, но лакей его почему-то всё время уносит, – ответила я, презирая себя за то, что ябедничаю на неумелую, так я полагала, прислугу.

Тут же всё разъяснилось:

– Понимаю. Ты положила вилку на тарелку, а это должно означать, что ты закончила есть.

И она прямо за столом очень естественным тоном, без нравоучительства и снисходительности рассказала мне о премудростях большой сервировки. Так что мне всё же удалось поесть досыта (как могут только дети – мешая сладкое и горькое и получая от этого несказанное удовольствие).

Фужер вместо рюмки

Был один момент, значение которого я поняла позже.

Когда Николаю стали наливать водки, он выхватил графинчик у лакея и, минуя рюмку, налил полный фужер. Александра Федоровна что-то громко сказала Николаю Александровичу по-французски, тот по-французски же ответил. Дети сразу притихли. Я, конечно, ничего не поняла. А отец поднялся со своего места, подошел к царю и, глядя ему в глаза, очень тихо проговорил:

– Не надо, не надо.

Николай поставил фужер и в продолжение вечера больше не пил ничего.

В конце подали изумительное мороженое.

Сплетения

Я уже ничуть не удивляюсь сплетениям, которыми оказывается полна жизнь – не только моя, любая жизнь. Не могу не рассказать в этом месте следующее.

Кухарка из меня в практическом смысле никудышная – пока я жила в Покровском, готовка лежала на работницах. Да и что там была за готовка, известно. Потом, когда я приехала с отцом в Петербург, меня до кухни тоже не допускали, но уже по другой причине – жалели моих рук. К тому же отцу было приятно, что я, как барышня, бываю на кухне, только чтобы отдать, вернее, передать, распоряжения. Вообще-то при этом отец не ставил целью сделать из меня настоящую барышню, наоборот, одергивал, когда я по глупости заносилась. (И кроме того, это уж и вовсе к слову, – о мужицком происхождении мне не давали забывать окружающие. Иногда не со зла, как явные недоброжелатели, а просто потому что думали выразить мне так свое расположение: «Хоть и из деревни, а сразу не скажешь...», имея в виду, очевидно, что не сразу, а присмотревшись, все-таки скажешь. Да Бог с ними. Мне-то всё равно. Я себе цену знаю).

Мороженое императора

Мы уезжали из России, разумеется, не имея возможности взять с собой всё, что хотелось бы. Не только какие-то большие вещи, но и мелочи, которых потом почему-то особенно жалко. В Париже как-то к нам в дом пришла женщина. Замечу, что своих, то есть русских, бежавших из России, можно тогда было отличить мгновенно и безошибочно, еще до всяких разговоров. Во-первых, по платью. Его правильно будет назвать «бывшая элегантность». Пока не ставшая жалкой, но уже бывшая. Боюсь, мне не под силу объяснить, но кто видел в 20-х годах русских эмигрантов из среднего слоя, тот поймет и согласится со мной. Во-вторых, по выражению лица – просительному, но старающемуся удержать следы значительности.

Эта женщина, как она сказала, не знала, в чей дом пришла, знала только, что к русским. Она принесла вещи на продажу. Мы были не в том положении, чтобы покупать что-то неважное и, извинившись, что не можем ей помочь, пригласили пообедать. Женщина не отнекивалась.

Уходя, попросила разрешения придти еще раз – в благодарность за угощение подарить вещицу, которая, по ее мнению, меня как хозяйку должна порадовать.

Женщина пришла на следующий день и передала мне небольшую исписанную дамским почерком тетрадь, при этом объяснила, что та попала к ней через третьих лиц уже за границей. Это были рецепты романовской кухни.

Эта тетрадка и сейчас находится у меня, я ухитрилась не потерять ее в многочисленных переездах.[35] Сама я и не пыталась готовить по ней, но другим с радостью давала списывать рецепты.

Вспомнив о мороженом, подобного которому я не ела больше нигде и никогда, сделаю выписку из этой тетрадки.

МОРОЖЕНОЕ «РОМАНОВ»

2,5 фунта сахара
10 яичных желтков
2,5 фунта жидких сливок
1 большой стручок ванили
0,5 фунта густых сливок

Взбить сахар с желтками в кастрюле до такой степени, чтобы при помешивании ложкой смесь разделялась на полоски. В другой кастрюльке смешать жидкие сливки и ваниль и кипятить на медленном огне в течение нескольких минут при постоянном помешивании. Добавить к яичной смеси немного сливок, перемешать и продолжать понемногу добавлять сливок, пока все не смешается. Продолжать помешивать на умеренном огне до тех пор, пока смесь не будет обволакивать ложку, но не доводить до кипения. Перелить смесь в большую миску и периодически помешивать, пока она не застынет. Слегка взбить густые сливки и замешать в ранее охлажденную смесь. Поставить на лед и держать там до готовности.

Для получения гладкой поверхности после того, как мороженое застынет, снять его со льда, переложить в миску, тщательно взбить и снова поставить на лед. Чем большее количество раз вы это проделаете, тем более нежное мороженое получится.

Можно приготовить мороженое с любыми другими добавками, например, заменить ваниль шоколадом или фруктами. Однако при изготовлении шоколадного мороженого желательно также прибавить половинку ванильного стручка. Для придания аромата фруктов замените сливки таким же количеством фруктового сока.

Теперь вернемся в царскую гостиную.

На тележке вкатили громадный серебряный самовар. Уже был готов очень крепкий чай в маленьком чайнике, стоящем на макушке самовара. Из чайника наливали в каждую чашку по нескольку капель почти черной жидкости, а остальное доливали кипятком из самовара.

Когда мы уезжали, царь с царицей и дети по очереди поцеловали нас с отцом.

По дороге домой я трещала без умолку, а отец совершенно меня не слушал. Зато приехав, я дала себе волю. Полночи мы с Дуней не ложились спать – она расспрашивала, а я рассказывала, захлебываясь от восторга и перескакивая с одного на другое.

Глава 20. Черная полоса

Гнусные слухи – Интриганка Тютчева – Злосчастные письма – Запоздалая защита – Романовы и водка – Запои Николая Второго – Пить, чтобы бездействовать – «Вилла Родэ» – Шантаж – Примирение

Гнусные слухи

Стыдно признаваться, но в то время я почти не вспоминала о матери. Мне довольно было знать, что она здорова и благополучна. Это был обычный детский эгоизм, граничащий с жестокостью, – я не хотела делить отца ни с кем.

А между тем маме пришлось очень трудно.

Как и от всякого ребенка, от меня скрывали или, по крайней мере, пытались скрыть темные стороны жизни, связанные с болезнями и другими неприятностями. Но Дуня, в конце концов, рассказала мне, что произошло, когда отец привез маму в Петербург на операцию. Опухоль и сопутствующие осложнения потребовали произвести полную гистерэктомию.

---

[35] До меня эта тетрадь не дошла. И ни одной фотографии, кстати говоря. – *Издатель*.

После этого мама, придерживавшаяся традиционных взглядов, по которым плотские отношения, не имеющие целью продление рода, невозможны, сказала отцу, что освобождает его от супружеской клятвы, «отпускает его».

При всех известных особенностях отца, такой поворот событий очень расстроил его. Он был искренне привязан к маме.

В то время слухи о предосудительных отношениях отца с Александрой Федоровной и ее дочерьми достигли пика.

Еще раньше стали распространяться копии писем Александры Федоровны и великих княжон к отцу. Для непредвзятого человека в них не было ничего дурного. Но ищущий скабрезностей всегда найдет их, особенно если ему подскажут ход.

Среди первых подсказчиков обнаружились Илиодор и Гермоген, не пожелавшие смириться со своим поражением. Им с наслаждением подпевали в салонах.

Гурко:

> «Досужая болтовня великосветского, посещавшегося всеми великими князьями, Яхт-клуба – этого центра столичных политических и светских сплетен, где перемывали косточки всех и каждого и где не щадили и императрицы, действительно, не заслуживала со стороны императрицы хорошего отношения. Распространению по городу неблагоприятных для государыни рассказов впоследствии способствовали удаленные от двора из-за их борьбы с влиянием Распутина князь В.Н. Орлов и С.И. Тютчева. Отнюдь не желая нанести ущерб царской семье, они, однако, своими рассказами о близости Распутина к царице и о том влиянии, которым он у нее пользуется, существенно содействовали укреплению почти неприязненного отношения к государыне не только петербургского, но уже и московского общества (к коему принадлежала С.И. Тютчева). Переходя из уст в уста, рассказы их, естественно, извращались и, наконец, приобретали совершенно невозможный характер».

Интриганка Тютчева

Добавлю несколько слов о манерах Тютчевой. Делаю это только потому, что они – пример, если не образец, того, как рождались сплетни, на основе которых закручивались интриги, влиявшие на судьбы многих.

Тютчева была одной из первых недовольных появлением моего отца во дворце и, в частности, в покоях императрицы и детей. Не знаю, какие именно действия отца привели ее в ужас, но она начала рассказывать всем, что «Распутин купает великих княжон», «учит их неизвестно чему», и в довершение – «кладет картуз на их кровати». В ее воображении перепутывалось всё. Разумеется, эти глупости достигали ушей Николая и Александры Федоровны. Царица сначала смеялась, не в силах представить, чтобы кто-нибудь принимал нелепости за чистую монету. Но дальше – хуже. Опасаясь быть оттесненной от воспитания царских детей моим отцом (совершенно беспричинно), Тютчева не унималась в фантазиях. Она стравливала всех вокруг, чтобы иметь возможность интриговать. Перессорила даже нянь. И до такой степени, что Александра Федоровна не желала какое-то время бывать в детских, и это несмотря на обожание ею детей.

Наконец Тютчева дошла до того, что стала настраивать великих княжон против матери. Этого Александра Федоровна снести не захотела. Карьера Тютчевой при дворе была закончена.

Однако таким образом Тютчева и получила в руки свой главный козырь – теперь она представлялась как невинная жертва Распутина и находила в этой роли покровителей и доброжелателей.

Злосчастные письма

Итак в начале декабря или в конце ноября 1910 г. стали распространяться копии писем Александры Федоровны и великих княжон к моему отцу. Они были написаны незадолго до этого. В них (особенно в письме Александры Федоровны) действительно были места, которые при большом желании можно истолковать превратно.

Например, Александра Федоровна писала:

> «Мне кажется, что моя голова склоняется, слушая тебя, и я чувствую прикосновение к себе твоей руки».

Эта фраза, будучи вырванной из окружения, действительно кажется двусмысленной. Коковцов хорошо понял это:

> «Но всякий, кто знал императрицу, искупившую своею мученическою смертью все ее вольные и невольные прегрешения, если они даже и были, и заплатившую такою страшною ценою за все свои заблуждения, тот хорошо знает, что смысл этих слов был весьма иной. В них сказалась вся ее любовь к больному сыну, всё ее стремление найти в вере в чудеса последнее средство спасти его жизнь, вся экзальтация и весь религиозный мистицизм этой глубоко несчастной женщины, прошедшей вместе с горячо любимым мужем и нежно любимыми детьми такой поистине страшный крестный путь».

Симанович:

> «В Петербурге усиленно распространялись слухи, что Распутин находится в интимной связи с царицей и ведет себя также неблагопристойно по отношению к царским дочерям. Эти слухи не имели ни малейшего основания.
>
> Распутин никогда не являлся во дворец, когда там не было царя. Я не знаю, по собственной ли инициативе или по царскому указанию он так поступал.
>
> Также в слухах о царских дочерях нет ни слова правды. По отношению к царским детям Распутин был всегда внимателен и благожелателен. Он был против брака одной из царских дочерей с великим князем Димитрием Павловичем, предупреждая ее и даже советуя не подавать ему руки, так как он страдал болезнью, от которой можно было заразиться при рукопожатии. Если же рукопожатие неизбежно, то Распутин советовал сейчас же после этого умываться сибирскими травами.
>
> Советы и указания Распутина оказывались всегда полезными, и он пользовался полным доверием царской семьи. Царские дети имели в нем верного друга и советника. Если они вызывали его недовольство, то он срамил их. Его отношения к ним были чисто отеческие. Вся царская семья верила в божественное назначение Распутина.
>
> Грязные сплетни давали мне повод к частым разговорам с Распутиным по поводу его отношений к царице и ее дочерям. Эти злостные сплетни меня сильно беспокоили, и я считал бессовестным распространение безобразных слухов про безукоризненно ведущих себя царицу и ее дочерей. Чистые и безупречные девушки не заслуживали этих распространяемых бессовестными создавателями сенсаций обвинений.
>
> Несмотря на их высокое положение, они были беззащитны против такого рода слухов. Было стыдно, что даже родственники царя и высокие сановники также занимались муссированием этих слухов. Их поведение можно назвать тем более низким, что им доподлинно была известна вздорность этих слухов. Распутин возмущался этими слухами, но по причине своей невиновности не принимал их особенно горячо к сердцу».

В последнем Симанович ошибался. Отец как раз близко к сердцу принимал всё это. Но что можно было противопоставить этим слухам? Какие объяснения могли быть услышаны в салонах? Да и мало тогда находилось охотников защищать царскую семью, что уж говорить о защите отца.

Запоздалая защита

Только позже, когда произошло самое страшное, многие из тех, кто способен был бы выступить в нужную минуту (но не нашел в себе то ли силы, то ли потребности), скажут справедливые слова.

Боткина-Мельник:

> «Насколько же рассказы о приближенности Распутина к царской семье были раздуты, можно судить из того, что мой отец, прослуживший при их величествах 10 лет и ежедневно в течение этих 10 лет бывавший во дворце, причем не в парадных комнатах, а как доктор, почти исключительно в детских и спальне их величеств, видел Распутина всего один раз, когда он сидел в классной Алексея Николаевича и держал себя как самый обыкновенный монах или священник. Александра Федоровна считала святым Распутина. В последнем же нет никакого сомнения: об этом говорят письма ее величества и великих княжон к Распутину. В этих письмах, сплошь проникнутых горячей верой и содержащих в себе столько рассуждений на религиозные темы и просьбы молиться за всю царскую семью, никто не мог найти ничего предосудительного. Впоследствии, проезжая через Сибирь, я встретила одну даму, спросившую меня об отношении ее величества к Распутину. Когда я передала ей всё вышеизложенное, она рассказала мне следующий случай. Ей пришлось быть однажды в следственной комиссии, помещавшейся в Петрограде в Таврическом дворце. Во время долгого

ожидания она слышала разговор, происходивший в соседней комнате. Дело шло о корреспонденции царской семьи. Один из членов следственной комиссии спросил, почему еще не опубликованы письма императрицы и великих княжон.

– Что вы говорите, – сказал другой голос, – вся переписка находится здесь – в моем столе, но если мы ее опубликуем, то народ будет поклоняться им, как святым».

Родзянко:

«В высшей степени нервная императрица страдала зачастую истерически нервными припадками, заставлявшими ее жестоко страдать, и Распутин применял в это время силу своего внушения и облегчал ее страдания.

Тем отвратительнее было мне всегда слышать разные грязные инсинуации и рассказы о каких-то интимных отношениях Распутина к царице. Да будет грешно и позорно не только тем, кто это говорил, но и тем, кто смел тому верить. Безупречная семейная жизнь царской четы совершенно очевидна, а тем, кому, как мне, довелось ознакомиться с их интимной перепиской во время войны, и документально доказана».

И сами по себе сплетни делали отца просто больным. Добавьте к этому уверенность отца, что именно в этих сплетнях – причина перемены к нему мамы. И, конечно же, отец очень переживал, что пусть и невольно, но все-таки причинил боль Александре Федоровне и Николаю Александровичу.

Романовы и водка

Здесь надо рассказать и еще об одном деликатном деле, высшая точка которого пришлась на то же время.

Среди Романовых было много людей пьющих и очень пьющих. (Я коротко упомянула об этой наклонности Николая выше). При этом они, как правило, оставались в рамках приличия.

Например, хорошо известно, что из всех Романовых-царей совершенно не пил только Павел Первый (злые языки усматривали в этом доказательство незаконности его рождения. Законный его отец – Петр Третий – выпить как раз очень любил, да и мать – Екатерина Вторая – не отказывалась).

Но Александр Третий – отец Николая – в этом роде далеко опередил остальных. Он даже ввел в моду сапоги особого покроя – с голенищами, в которые можно было спрятать плоскую, но вместительную фляжку водки. Правда, пристрастие к горячительному не мешало Александру Третьему исправно царствовать.

Запои Николая Второго

Николай Второй унаследовал от отца – Александра Третьего – пагубное пристрастие. О нем говорили как о большом любителе выпить.

Некоторые утверждали даже, что царь бывал абсолютно трезвым только по утрам и что временами он напивался до бесчувствия. Достоянием всех стал случай, когда после одного из полковых праздников офицеры вынесли царя к автомобилю на руках, и вовсе не в верноподданническом порыве.

Моего отца люди, посвященные в отношения его с Николаем, называли иногда царской нянькой. Достаточно сказать, что именно отцу Николай доверился, рассказав о некоторых отклонениях от нормальной половой жизни и найдя у него помощь. Такую же помощь он получал во время алкогольных приступов.

Отец не избавил Николая от болезни, ограничиваясь запретом (иногда даже письменным) на водку на две–три недели, чаще до месяца. Причем Николай всегда выторговывал лишние дни. Но поступал так отец не потому, что хотел пользоваться зависимостью царя.

Отец таким образом только исполнял просьбу самого Николая, оставляя за ним возможность выпивать. При первом же намеке царя на желание окончательно избавиться от дурного пристрастия, отец помог бы ему. Но Николай, видимо, не стремился к совершенному излечению и объяснял, каламбуря, свое поведение так (передаю со слов Анны Александровны):

«Я не могу допустить, чтобы меня избавляли от пристрастия, которое приносит мне столь невинное наслаждение. К тому же, если это все-таки произойдет, то будет похоже, будто у самого меня не хватило сил остановиться. Мне не хочется так думать».

Это был договор, а не манипуляция отца для получения каких-то выгод.

Как раз во время скандала с письмами алкогольные приступы стали особенно часты у Николая. (Сцена на ужине, свидетелем которой я оказалась, – из их ряда).

Пить, чтобы бездействовать

Николай тяготился происходившим, но при этом всё откладывал решительные действия, после которых было бы уже невозможно общение его со многими недавними друзьями. Действовать решительно – значило для Николая занять твердую позицию. Это всегда было сложным для него.

Тогда пришла мысль – отложить необходимые шаги. Но отец, оставайся он в Петербурге, нашел бы способ прекратить приступы алкоголизма и без ведома Николая (хотя бы с позволения Александры Федоровны), вернув тем самым царя к насущным заботам. Значит, надо отослать отца из столицы и продлить сладостное состояние межеумочности.

Николай неосторожно поделился своими настроениями с кем-то из тех, кого считал своими друзьями. Те быстро сообразили, что ситуацию можно использовать в своих целях – сделать так, чтобы отец уже никогда не вернулся. Созрела провокация.

«Вилла Родэ»

Отец не делал секрета из того, что любил бывать на «Вилле Родэ», в ресторане с цыганами.

Будучи человеком общительным, он вскоре завел друзей среди тамошних завсегдатаев.

Однажды в их обществе появилась бывшая балерина по имени Лиза Танзин, финка, ведшая класс в балетной школе. Ей было нетрудно приблизиться к отцу. Заговорили о цыганских плясках, которые отец обожал. Лиза умело раззадорила отца и повела танцевать, зная, что он это любит.

Разомлевший отец поддался на уговоры новых приятелей и поехал с ними домой к Лизе. Там веселье продолжилось, принесли вина... Очевидно, туда подмешали какое-то зелье, потому что отцу стало плохо, и он совсем не понимал, что происходит.

Тем временем, как и задумывалось, вечеринка перешла в оргию. В самый пикантный момент появился фотограф. Так были состряпаны карточки, на которых отец предстал в окружении стайки соблазнительных нагих красоток. (Правда, те, кто видел эти фотографии, утверждали, что отец выглядел там как человек в бессознательном состоянии. Но кого это смущало?)

На рассвете двое крепких парней доставили отца к нашему дому. При этом они во всю глотку орали разухабистые песни – явно чтобы разбудить соседей и лишний раз засвидетельствовать происшедшее.

Проснувшись, отец не мог вспомнить ничего.

Через несколько дней к нам пришел незнакомый человек и передал отцу пакет. Как оказалось, с фотографиями, сделанными на «Вилле Родэ». Только увидев фотографии, отец начал понемногу вспоминать о событиях злосчастной ночи.

Шантаж

Пришедший поставил отцу условие: покинуть Петербург навсегда, иначе фотографии окажутся во дворце.

Враги отца торжествовали.

Приведу слова Жевахова:

> «Минусы Распутина в большинстве случаев, и притом в гораздо более широком масштабе, явились чрезвычайно тонкой и искусной прививкой со стороны тех закулисных вершителей судеб России, которые избрали Распутина именно потому, что он был мужик, орудием для своих преступных целей, и в том и была вина русского общества, что оно этого не понимало и, раздувая дурную славу Распутина, работало на руку революционерам... На эту удочку попался даже такой типичный монархист, каким первое время был В.М. Пуришкевич.
>
> Но были у Распутина и хорошие стороны: о них никто не говорил, и они тщательно замалчивались.
>
> Распутина спаивали и заставляли говорить то, что может в пьяном виде выговорить только русский мужик; его фотографировали в этом виде, создавая инсценировки всевозможных оргий, и затем кричали о чудовищном разврате его, стараясь при этом особенно резко подчеркнуть его близость к их величествам; он был постоянно окружен толпою провокаторов и агентов Думы, которые следили за ним, измышляя поводы для сенсаций и создавая такую атмосферу, при которой

всякая попытка разоблачений трактовалась не только даже как защита Распутина, но и как измена престолу и династии. При этих условиях неудивительно, что молчали и те, кто знал правду».

Отец был в отчаянии, но, не зная за собой вины, сдаваться не собирался.

Вот история, рассказанная мне как-то отцом.

Как-то голодному волку попался на глаза одиноко бредущий человек. Он представлялся легкой добычей. Волк начал подкрадываться к человеку сзади, надеясь сбить с ног внезапным прыжком. Но как раз в тот момент, когда волк готовился к прыжку, человек заметил тень зверя. Человек испугался. Но он знал, что если попытается бежать, волк тотчас же догонит его. Единственная надежда на спасение – перехитрить волка.

Человек резко со страшным криком обернулся к волку, как будто собираясь наброситься на него. Волк взвизгнул, поджал хвост и бросился бежать.

Возможно, отец вспомнил тогда историю о волке и человеке.

Примирение

Как бы там ни было, отец тут же собрался и отправился в Царское Село.

Царь сразу же принял его.

Как только двери за спиной отца закрылись, он положил пакет с фотографиями на стол Николаю и рассказал, что произошло в доме у Лизы.

Царь бегло взглянул на первую фотографию, дальше – не стал, и бросил пакет в ящик стола.

Николай всё понял и одобрил приход отца.

В знак того, что не сердится, царь сообщил отцу, что дарит его паломничеством в Святую Землю.

Я изо всех сил просилась поехать вместе с отцом. И даже обиделась на отца за то, что он наотрез отказался брать меня с собой. Потом я поняла – для него было очень важно отправиться в Святую Землю не в семейную поездку, а именно в паломничество.

Итак, отца ждала Святая Земля, а меня – Покровское.

Я не смогу описать паломничество лучше, чем это сделал отец в «Мыслях и размышлениях». Среди бумаг, разными путями попадавших ко мне уже после отъезда из России, есть и маленькая книжица – записки отца, изданные в Петрограде в 15-м году. К сожалению, они появились во время войны, когда интересы всех отстояли далеко от того, о чем писал отец. Но всё же его слова доходили до тех, кто в них нуждался. Отдельно я скажу об этом.

Глава 21. Отставленный и призванный

Ультиматум Коковцова – Снова в деревне – Искра Божья и никакой мистики – Религиозность без ханжества – Ясновидение – «Бог увидел твои слезы» – Возвращение в столицу

Ультиматум Коковцова

Отца не было в Петербурге довольно долго. Когда он вернулся, его приняли во дворце с радостью.

Однако тогдашний премьер-министр Коковцов видел в отце угрозу своей карьере. Почему, я понять не могла и не могу до сих пор. Анна Александровна говорила, что Коковцов завидовал «власти над троном», приписываемой отцу.

Через верных людей отцу стало известно, что в его отсутствие Коковцов развернулся вовсю. Премьер-министр и правда был опасным противником – он был советником номер один при царе, и его высоко ценили.

Коковцов повел себя умнее других. Открыто он не выступал против отца, не нашептывал царю гнусности. Премьер плел тонкую интригу.

Для начала он предложил отцу чуть ли не миллион рублей. Отец рассмеялся Коковцову в лицо. Это привело в ярость обычно непроницаемого премьер-министра.

Это было объявлением войны со стороны Коковцова.

Отец прекрасно осознавал это и, чтобы не ставить под удар Николая и его семью (так как от недоброжелателей можно было ждать чего угодно), уехал из Петербурга.

Отцу не было известно о том, что за день до его отъезда Коковцов напросился на аудиенцию к царю и предъявил ультиматум: если Распутин останется в Петербурге, кабинет министров уйдет в отставку. Так что уехав, отец избавил Николая от необходимости вступать в постыдный для самодержца торг.

Перед отъездом императрица попросила отца придти, чтобы благословить ее и детей. Тогда же она сказала, что надеется на скорое возвращение отца.

Снова в деревне

Отец приехал в Покровское глубокой осенью. Он был встречен с восторгом. Даже у мамы, слабой от болезни, порозовели щеки. Все старались сделать пребывание отца дома как можно более приятным.

Минутами мне казалось, что не только я, но и отец никогда не бывали в Петербурге. Так быстро всё это отошло в прошлое.

Первые дни лицо отца выглядело озабоченным, но потом он справился с настроением и стал таким, каким бывал всегда в Покровском – отцом семейства и хозяином.

С месяц я не спрашивала у него, вернемся ли мы в Петербург. Боялась, что он ответит мне: «Никогда». Потом все-таки спросила. Он ответил: «В свое время. В свое время. Об этом знает Бог».

В Петербурге отца осыпали подарками – деньгами, драгоценностями и другими ценными вещами. Из них он оставлял средства, необходимые на жизнь себе и домашним, на содержание квартиры на Гороховой. Остальное отсылал домой и передавал общине. На присланные им деньги, среди прочего, отремонтировали церковь, подновили утварь и т.п. Всё, что касалось устройства церкви, равно и другого в деревне, отец делал от чистого сердца, не рассчитывая на благодарность. Я не знаю, как отразили соглядатаи в «Журнале наблюдений» пребывание отца в Покровском. Предполагаю, что там нашла место далеко не вся правда. Хорошее, как правило, туда старались не заносить, о чем говорили люди сведущие. Хорошего же было очень много. И если есть еще те, кто жил тогда в деревне, они могут подтвердить. Отца принимали за благодетеля, искали у него защиты. Я уже говорила о том, что в Покровском полицейские не смогли найти агентов из местных крестьян.

Но был в Покровском человек, готовый, без всякого сомнения, представить для «Журнала наблюдений» нужные сведения. Это Петр, местный священник, давний враг отца. Что бы отец ни делал, Петр продолжал относиться к нему враждебно. Казалось, что священник обезумел от зависти. По какому бы случаю ни произносил Петр проповедь, он с проклятиями поминал в ней отца.

Но, признаться, это мало задевало отца. Его мысли были заняты совсем другим.

Искра Божья и никакой мистики

Для меня так вполне и не стало понятным, из чего же состояло учение отца. Он, конечно, пытался объяснить мне. Но тогда я была слишком глупа, чтобы вместить. И потом, я как все дети, пребывала в счастливой уверенности, что отец будет рядом всегда.

Я скорее чувствую, чем знаю, чему учил отец, несмотря на то, что остались кое-какие записки его учениц. Одни из них для меня недоступны. Другие я читала, но ничего вразумительного не нашла. Причина заключается, по моему мнению, в следующем. Те, кто приходил к отцу за указанием, как жить, вполне не были все-таки готовы к восприятию его слов и наставлений. Поэтому-то, перемалывая в себе всё услышанное от него, они оставались в большой степени прежними, только думая, что меняются под воздействием наставлений отца. По этой же причине многие из них быстро отказались от отца, гораздо раньше третьих петухов. Я не виню их за это. Несчастные поплатились. Они перемалывали его слова, а надо было бы перемолить. То есть понять духом, а не сердцем или разумом.

Даже Анна Александровна – самая преданная и чуткая последовательница отца – к сожалению, не в силах была объяснить мне все неясные вопросы. Я написала «не в силах» и подумала, как почти случайно оброненное слово способно бывает дать ключ. Именно. Отец обладал силой, в какой нуждались ищущие его защиты. Но они только принимали его силу как омофор. Он же хотел поделиться ею.

Отец, как все народные пророки, воспринимал Слово Божье как нечто живое, осязаемое. Когда он говорил об искре Божьей, он видел перед собой ее свет. Никакой мистики.

Вот какой-то русский ученый давным-давно считал, что открыл теплород. Другие посмеялись над ним. Они смеялись, так сказать, с научной точки зрения. А теплород есть. И называется искра Божья, а может быть, душа, или как-то еще.

Посмеются и надо мной. Поделом – зачем лезу туда, куда не знаю дороги. Но я хоть ищу ее.

Религиозность без ханжества

Как мне надо было запоминать всё, что я видела и слышала, записывать, расспрашивать... Все воспоминания тех месяцев слились в одну картину – мы плывем на лодках по Туре до самого Тобольска. Плывем, чтобы поклониться особенно почитаемым в наших краях мощам святого – Иоанна Тобольского, который был митрополитом во времена Петра Великого.

Религиозность отца никогда не доходила в нем до ханжества. И я привела уже достаточное число примеров в этом роде. И вот еще один. Это случилось как раз во время поездки в Тобольск. Вместе с толпой молящихся мы провели полдня у мощей Иоанна Тобольского. Был какой-то большой церковный праздник. Настроение было благостное. Отец даже прослезился, что бывало с ним редко. Сказал: «Славно помолились». И тут же: «Теперь хорошо бы закусить». Отойдя недалеко, мы сели на лавку, развернули баулы с припасами и стали есть. Я и заикнуться не смела о карусели. Но отец сам предложил нам покататься и на ярмарке не отставал в развлечениях от детей.

Ясновидение

А тем временем происходило следующее.

Алексей, Маленький, как называл его отец, упал и ударился коленом о камень. Болезнь возобновилась. Началось сильное внутреннее кровотечение. Затем приступ прошел.

Александра Федоровна возблагодарила Господа за быстрое выздоровление сына, но через несколько дней Алексею опять стало плохо. Длительная поездка в карете по неровной дороге закончилась новым кровотечением. На этот раз оно не унималось.

Царевич очень страдал от боли. Нога в паху неимоверно распухла. Врачи были уверены, что мальчик при смерти. Такого тяжелого положения еще не было.

В тот самый день (очевидно, 11 октября 1912 г.) мы с отцом гуляли у реки. Вдруг он схватился за сердце:

– Ох, нет!

Я испугалась. Подумала, что ему плохо. Видя на моем лице испуг, он сказал только одно слово:

– Царевич.

В ту минуту отец ничего не мог знать о болезни мальчика. Он почувствовал.

«Бог увидел твои слезы»

Позже нам стало известно, что, будучи в забытьи, Алексей вдруг открыл глаза как раз в ту минуту, когда Александра Федоровна произнесла имя моего отца. Ничего никому не сказав, Александра Федоровна тут же послала ему телеграмму с тем, чтобы он как можно быстрей приехал.

Мы как раз садились обедать, когда принесли эту телеграмму. Отец прочел ее и тотчас же вышел из-за стола, опустился на колени перед иконой Казанской Божьей Матери и стал молиться.

Это продолжалось очень долго. Мы сидели, замерев, Дуня так и застыла с посудой в руках.

По лицу отца крупными каплями стекал пот. Наконец, он перекрестился в последний раз.

Потом поднялся и велел отправить телеграмму императрице: «*Не бойся. Бог увидел твои слезы и услышал твои молитвы. Не горюй, твой сын будет жить*».

К тому времени, как телеграмму вручили императрице, у Алексея упала температура, боль стихла, и он крепко уснул.

Доктора не преминули приписать счастливый оборот событий наконец-то начавшемуся действию лекарств. Но во дворце никто не сомневался в истинной причине избавления мальчика.

Именно к тем дням относятся самые громкие разговоры о «подтравливании» Алексея. Я уже высказалась об этом и не считаю нужным возвращаться.

Добавлю только то, что мне передали совсем недавно.

Уже после революции специальная комиссия, расследовавшая этот случай, сопоставила факты. В то время доктор Бадмаев (напомню, что именно его видели помощником отца в подтравливании) никак не мог находиться рядом с мальчиком и вообще в том месте, где тогда отдыхала царская семья. К тому же он не был лечащим врачом Алексея.

Причиной же возвращения болезни стала неподготовленность доктора Боткина.

Остальное объяснений не требует.

Как только Алексей поднялся на ноги, царская семья вернулась в Петербург.

Александра Федоровна не знала истинных причин отъезда отца в Покровское. Ей сказали, что того потребовали наши семейные дела. Теперь же она хотела поторопить отца с возвращением.

Если раньше на вопросы Александры Федоровны о том, почему отсутствие отца затягивается, Николай отвечал: «Так будет лучше для всех нас», то после приступа болезни у Алексея он был вынужден приоткрыть истинное положение дел.

Возвращение в столицу

Николай ясно дал понять Александре Федоровне, что враги трона не оставляют попыток использовать отца как орудия нападения на их семью. Это для царицы новостью не было. Однако у нее имелись более веские доводы в пользу возвращения отца. Что, если у Алексея случится новый приступ болезни, а отец окажется вне пределов досягаемости? Николаю нечего было ответить – жизнью царевича рисковать нельзя.

Вскоре мы (отец, Дуня, я и моя младшая сестра Варя) выехали из Покровского в Петербург.

Через несколько часов после приезда в нашей квартире на Гороховой зазвонил телефон. Обычно трубку снимала прислуга, но сейчас я успела первой. Мне не терпелось знать, кто это. Звонила Александра Федоровна. Она справилась, как мы доехали, всё ли у нас благополучно, и пригласила отца и меня на ужин в Царское Село. Когда я сказала ей, что с нами приехала Варя, Александра Федоровна позвала и ее.

Пока ехали из Покровского, было видно, что отец волновался, не переменились ли к нему во дворце, хотя одно уже то, что его попросили приехать, говорило о добром отношении. После звонка он совершенно успокоился.

Теперь в Варе я увидела себя, какой собиралась на первый ужин во дворец.

Она едва ли понимала, что мы с Дуней пытались ей втолковать. Я показывала Варе, как делать придворный реверанс, в то время как Дуня, обжигаясь, укладывала локоны на ее голове. Так что прическа вышла кривобокая. Но что это значило рядом с Вариным восторгом...

Варю очень волновало, как обойдутся первые минуты – ведь надо будет представиться, произнести какие-то слова. Она страшно боялась смутиться и опозорить папу.

Отца смешили наши приготовления. Он брызгал на нас водой, как бы приводя в чувство, и говорил, что сразу двух барышень на руках не унесет, если у нас от волнения подкосятся ноги.

Наверное, он так шутил, потому волновался не меньше нас.

Наконец собравшись и закалывая на ходу последние шпильки, мы вышли к ожидавшей нас карете.

12-летняя Варя была ровесницей великой княжны Анастасии, и та сразу взялась ее опекать. Теперь нас было двое, и царским детям понадобилось вдвое больше времени, чтобы удовлетворить свое любопытство.

Глава 22. Распутин – политик без политики

Губительная медлительность царя – Что нужно делать – Ничьим агентом не был – Распутин не лез во дворец, его туда звали – «Он всегда умеет сказать мне то, что нужно»

Губительная медлительность царя

При других обстоятельствах ни за что бы не взвалила на себя непосильную ношу изображения чисто политических картин Российской империи начала века. Но сейчас деваться некуда. Однако всё равно буду говорить не от себя, а только повторю то, что слышала от людей знающих.

Это был 1912 год. Предпоследний год «добрых старых времен». Политика царя в отношении простого народа никуда не годилась. Но точно также никуда не годилась она и в отношении других сословий и политических партий. Результат – царя не поддерживал никто.

Как можно при таком положении рассчитывать на удержание порядка? А тем более на успех реформ вслед за Европой.

Николая нельзя было отнести к сильным характерам, и это уже я показывала. А время требовало именно силы и твердости, решимости выйти из порочного круга. И в прямом смысле. Николай же снова медлил.

Если бы Николай не прятался от своих подданных, если бы он ближе подпустил их к себе, за его спиной труднее было бы интриговать против трона. У революционеров были развязаны руки, газеты писали что хотели, а Николай только раз принял в этом отношении меры. Но, очевидно, недостаточные. К тому же все уже очень хорошо успели понять натуру царя.

Александра Федоровна обладала цельностью большей, чем Николай. Но, благодаря усилиям старого двора, она ограничилась заботами о семье, к тому же царица была отягощена страхом за жизнь сына и наследника.

Имея перед собой множество примеров нечестности ближайших сановников, она панически боялась появляться на публике. В ее представлении безопасность существовала лишь в стенах дворца.

Что нужно делать

Не думаю, чтобы отец отчетливо представлял себе всё это. Но у него было безошибочное чутье и искреннее желание помочь Николаю и Александре Федоровне. Не занимаясь политикой как политик, отец по сути был таковым. В том смысле, что хорошо представлял себе нужды людей и представлял, что надо делать. При этом он не переступал черты даже не советчика, а только рисовальщика некой картины.

Симанович, проводивший с отцом времени больше, чем кто-либо другой, свидетельствует:

> «За грубой маской мужика скрывался сильный дух, напряженно задумывавшийся над государственными проблемами.
>
> Распутин явился в Петербург готовым человеком. Образования он не имел, но он принадлежал к тем людям, которые только собственными силами и своим разумом пробивают себе жизненную дорогу, стараются разгадать тайну жизни. Он был мечтатель, беззаботный странник, прошедший вдоль и поперек всю Россию и дважды побывавший в Иерусалиме. Во время своих странствований он встречался с людьми из всех классов и вел с ними долгие разговоры. При его огромной памяти он из этих разговоров мог многому научиться. Он наблюдал, как жили люди разных классов, и над многим мог задуматься. Таким образом, во время его долгих паломничеств созрел его особенный философский характер.
>
> После проявления его решающего значения на царя Распутин не разменивал его на мелкую монету. Он имел собственные идеи, которые старался провести, хотя успех был очень сомнителен. Он не стремился к внешнему блеску и не мечтал об официальных должностях. Он оставался всегда крестьянином, подчеркивал свою мужицкую неотесанность перед людьми, считавшими себя могущественными и превосходящими всех, никогда не забывая миллионы населяющих русские деревни крестьян. Им помочь и разрушить возведенную между ним и царем стену было его страстным желанием и пламенной мечтой.
>
> Долгие часы, проведенные им в царской семье, давали ему возможность беседовать с царем на всевозможные политические и религиозные темы. Он рассказывал о русском народе и его страданиях, подробно описывал крестьянскую жизнь, причем царская семья его внимательно слушала. Царь узнал от него многое, что осталось бы без Распутина для него скрытым.
>
> Распутин горячо отстаивал необходимость широкой аграрной реформы, надеясь, что она должна привести русского крестьянина к новому материальному благосостоянию.
>
> – Освобождение крестьян проведено неправильно, – говорил он часто. – Крестьяне освобождены, но они не имеют достаточно земли. Обычно крестьянская семья численно велика и состоит из десяти членов, но участок земли мал. Из-за земли сыновья ссорятся с родителями, и им приходится отправляться в город в поисках работы, где они ее не находят. Крепостные крестьяне жили лучше. Они получали свое пропитание и необходимую одежду. Теперь крестьянин не получает ничего и должен платить еще подати. Его последняя скотинка описывается и продается с торгов. До десятого года крестьянские дети бегают голыми. Вместо сапогов они получают деревянные колодки. Не хватает у крестьянина земли. Замирает вся жизнь в деревне.
>
> Распутин жаловался на то, что правительство не строит в Сибири железных дорог.

– Боятся железных дорог и путей сообщения, – пояснял он. – Боятся, что железные дороги испортят крестьян. Это пустой разговор. При железной дороге крестьянин имеет возможность искать себе лучшее существование. Без железной дороги сибирский крестьянин должен сидеть дома, не может же он пройти всю Сибирь пешком. Сибирский крестьянин ничего не знает и ничего не слышит. Разве это жизнь? Сибирь пространна, и сибирский крестьянин зажиточен. В России же (Распутин понимал европейскую Россию) крестьянские дети так редко видят белый хлеб, что считают его лакомством. Крестьянин в деревне не имеет ничего. Пшеничную муку он иногда получает к Пасхе, мясо он даже по праздникам получает очень мало. Ему не хватает одежды, обуви и гвоздей, но он ничего не может заказать. В деревне нет мастеровых. Если в деревне появляется нерусский мастеровой, то его прогоняют. Почему? Потому что он изготовил лопату, плуг или подкову или потому что он починил сапоги? Боятся чужого мастерового. Боятся, что крестьянин мог бы разбаловаться, пожелать денег или земельного надела! Поясняют, что всё это может привести к революции. Всё это глупости. Дворянство имеет слишком много. Дворянство ничего не делает, но мешает и другим. Если появляется образованный человек, то кричат, что он революционер и бунтовщик, и в конце концов сажают его в тюрьму. Крестьянину не дают образования. Эта господская политика к добру не приведет.

Распутин мечтал о крестьянской монархии, в которой дворянские привилегии не имели бы места.

По его мнению, монастырские и казенные земли следовало разделить между безземельными крестьянами. Частные помещичьи земли, по его мнению, тоже следовало отчудить и распределить среди крестьян. Для уплаты помещикам за отчужденные земли следовало бы исхлопотать крупный внешний заем. Распутин был очень высокого мнения о земледельческих способностях и благосостоянии немецких колонистов. Их чистоплотность и опрятная добротная одежда сильно выделяла их среди русских крестьян.

Попадая в немецкую колонию, Распутин всегда удивлялся богатству их стола. Его особенно поражало, что колонисты пили не только чай, но и кофе. Эти наблюдения сильно врезывались в душу Распутина, и при разговорах с русскими крестьянами он всегда заводил разговор о благосостоянии немецких колоний. Он советовал русским брать в жены девушек из немецких колоний. Такие браки оказывались всегда как-то очень счастливыми.

– Крестьянин рад, – говорил он, – если у него в доме немка, тогда в хозяйстве порядок и достаток. Тесть гордится такой снохой и расхваливает ее перед своими соседями.

Уважение Распутина к Германии возросло еще больше после того, как Распутин узнал, что большинство употребляемых русскими крестьянами земледельческих машин германского происхождения.

Кроме Германии, Распутина очень влекло к Америке. И это имело свои причины. В России имелось довольно много крестьян, родственники которых жили в Америке и присылали оттуда своим родным в Россию денежные вспомоществования. Много бедных выходцев стали в Америке состоятельными фермерами, но оставшиеся и там простыми рабочими были довольны своими заработками. Для бедного русского крестьянина Америка казалась сказочной страной. Поэтому Америка импонировала Распутину, и он советовал жить с Америкой в дружбе и мире».

Ничьим агентом не был

Мало кто знает, что отец совсем уже был готов удалиться в Палестину (там Симановичем был прикуплен небольшой кусок земли) и вести уединенную жизнь. Разве так поступает идейный политик?

Вот очень важный вывод Белецкого о том, что, присмотревшись к моему отцу, тот вынес убеждение: «*У Распутина идейных побуждений не существовало*», «идейных», то есть чисто политических.

Ручаюсь, что такой манипулятор, как Белецкий, имей он хоть малейший повод, расписал бы политическое лицо отца в ярчайших красках.

Подтверждает слова Белецкого и Жевахов:

«Был ли Распутин агентом интернационала, игравшим политическую роль и выполнявшим определенные задания, оправдывал ли он свою славу наличностью выдающихся качеств или из ряда выходивших преступлений? Нет, ничего подобного не было. Ничьим агентом Распутин не был, никакой политической роли не играл, никаких особенностей, отличавших его от заурядных представителей его среды, не имел; никаких выдающихся преступлений не совершал».

Важно привести слова Гурко:

«Дела, которые брался проводить Распутин, делились на две резко различные категории. Одни из них касались устройства судьбы сравнительно маленьких людей: выдачи им пособий, увеличения получаемой пенсии, продвижения на службе в ее низших степенях. По отношению к таким людям он, в большинстве случаев, ограничивался снабжением их короткими записками к знакомым и незнакомым ему высокопоставленным лицам. Записки эти, неизменно начинавшиеся со слов «милый», «дорогой», для некоторых лиц – увы! – имели такую обязательную силу, что снабженные ими просители были обеспечены в удовлетворении своих ходатайств.

Но была и другая категория дел, исполнение коих приносило Распутину крупную выгоду. Просьбы эти касались различных денежных дел, как-то: концессий, получения поставок и казенных подрядов.

Прямых ходатайств со стороны Распутина о предоставлении кому-либо ответственных должностей, однако, не поступало. Известен лишь один случай, когда, по просьбе Распутина, покровительствуемый им управляющий пермской казенной палатой Ордовский-Танаевский был назначен губернатором, и притом в его родную Тобольскую губернию, о чем Распутин известил его облетевшей всю Россию столь характерной для него телеграммой: «Доспел тебя губернатором»».

Руднев:

«Следствием был собран многочисленный материал относительно просьб, проводимых Распутиным при дворе. Все эти просьбы касались назначений, перемещений, помилований, пожалований, проведения железнодорожных концессий и других дел; но решительно не было добыто никаких указаний о вмешательстве Распутина в политические дела, несмотря на то, что влияние его при дворе, несомненно, было велико. Все записки Распутина касались исключительно просьб об оказании личных протекций по поводу разных случаев из жизни лиц, о которых ходатайствовал Распутин».

Распутин не лез во дворец, его туда звали

Укреплению же в свете мнения, будто отец забирает в свою руку Царское Село, поневоле содействовали более частые, чем раньше, встречи с Александрой Федоровной. Она говорила Анне Александровне, что хотела бы присутствия на этих встречах и Николая. Но тот был напуган и всячески уклонялся.

Врагам трона была в действительности выгодна нерешительность Николая в ведении государственных дел. Они полагали, что смогут в нужный момент подсунуть ему документ, передающий им всю власть в империи. (Так в конце концов и получилось, только по слабости уже собственной они вырванную власть тут же упустили).

Никакого политического влияния отец во дворце не имел, иметь не мог и не желал. Он видел свой долг только в том, чтобы укреплять волю царя и поддерживать жизнь наследника.

Для того, чтобы именно влиять, надо бывать в нужном месте тогда, когда тебе надо. Отец же приходил во дворец только, когда его туда звали. К тому же это бывало совсем не регулярно и не совпадало с известными точками.

Коковцов в записках признает, что отец во дворец «*не лез, его туда звали*». И звали не ради сугубых политических разговоров.

Белецкий пишет:

«После долгого размышления я всесторонне взвесил склад мистически настроенной духовной организации государя, который видел в даровании ему долгожданного наследника проявление милости к нему высших и таинственных сил Провидения вследствие его молитв и общения с людьми, как бы имевшими особый дар предвидения будущего. Я учел постоянные опасения государя и императрицы за жизнь наследника и единственную веру их в то, что только одна незримая мощь тех же сил и лиц способна спасти и продлить эту дорогую им жизнь».

Из этого следует, что выгоды отца, получаемые при дворе, исчерпывались тем, что он своей духовной мощью ограждал царскую семью от смертельной угрозы.

«Он всегда умеет сказать мне то, что нужно»

Гурко:

«Если у государыни вера в Распутина была безгранична и всеобъемлюща, то вера государя в него ограничивалась, по-видимому, убеждением, что он обладает целительной силой по отношению

к наследнику. На государственный разум Распутина, на его умение распознавать людей Николай Второй не полагался, и если тем не менее его кандидаты назначались на высокие посты, то лишь благодаря усиленным настояниям царицы. Однако и этим настояниям он стремился не подчиняться и, во всяком случае, не сразу им следовал. Из переписки царской четы ясно видно, что царице приходится долго и упорно настаивать на назначении или увольнении того или иного лица, чтобы наконец этого достигнуть, причем некоторые ее кандидаты так и не проходят, а другие назначения делаются вопреки ее желанию».

Гурко говорил о равнодушии Николая к советам Александры Федоровны и о том, что тот не склонен был полагаться на дар отца распознавать людей, в похвалу царю. Хотя ко времени написания записок знал, чем закончилось подобное небрежение. Правильнее и честнее было бы писать об этом с сожалением.

Однако правда и в том, что, по словам Евреинова,

«Николай Второй считал Григория Ефимовича Распутина-Новых за праведника, за «человека Божьего», равного святому, быть может даже за равного Христу».

Он же приводит и такое:

«Вот, посмотрите, – говорил однажды Николай Второй одному из своих адъютантов. – Когда у меня забота, сомнение, неприятность, мне достаточно пять минут поговорить с Григорием, чтобы тотчас почувствовать себя укрепленным и успокоенным. Он всегда умеет сказать мне то, что мне нужно услышать. И действие его слов длится целые недели».

Отец был для Николая лекарем, а не советчиком.
Родзянко дополняет:

«Мне говорил следующее мой товарищ по Пажескому корпусу и личный друг, тогда дворцовый комендант, генерал-адъютант В.Н. Дедюлин. «Я избегал постоянно знакомства с Григорием Распутиным, даже уклонился от него, потому что этот грязный мужик был мне органически противен. Однажды после обеда государь меня спросил: «Почему вы, В.Н., упорно избегаете встречи и знакомства с Григорием Ефимычем?» Я чистосердечно ему ответил, что он мне в высшей степени антипатичен, что его репутация далеко не чистоплотная и что мне как верноподданному больно видеть близость этого проходимца к священной особе моего государя. «Напрасно вы так думаете, – ответил мне государь, – он хороший, простой, религиозный русский человек. В минуты сомнений и душевной тревоги я люблю с ним беседовать, и после такой беседы мне всегда на душе делается легко и спокойно»»».

Мне пересказывали случай, описанный, кстати, и Белецким. Как-то Алексей спросил у Николая Второго, правда ли, что Григорий Ефимович – святой человек? Николай сам не ответил на поставленный вопрос, а обратился за разъяснением к находившемуся в тот момент рядом священнику. Тот стал объяснять канонические требования к тому, кто желает приблизиться к Богу.

Здесь надо отметить, что Николай сам не взялся отвечать на вопрос, чтобы это не выглядело назиданием. Но он и не возразил священнику, когда тот, пусть и в неявном виде, отнес сказанное к отцу.

Глава 23. Замысел убийства Распутина

Старшая сестра царицы – Могущественная недоброжелательница – Заговорщики – Любовник Феликса – Феликс затаился

Старшая сестра царицы

Правила русской жизни таковы, что чем тяжелее приходилось Николаю, тем шире становился круг врагов императора и, значит, врагов отца. При этом они с легкостью преодолевали сословные барьеры, соединяя свои возможности – бюрократы и купцы, аристократы и промышленники. Чуть ли не впереди всех шла великая княгиня Елизавета Федоровна, старшая сестра Александры Федоровны.

Надо сказать, что Елизавета Федоровна играла при дворе видную роль не только потому, что приходилась близкой родней царице. Смею предположить, что благодаря свойствам своего характера – властности, самолюбию, переходящему в тщеславие, – Елизавета Федоровна и как жена великого князя Сергея Александровича смогла бы претендовать на первые роли. Как раз это и важно в понимании натуры Елизаветы Федоровны – первые роли, но не единственную первую роль.

Элла, как называли Елизавету Федоровну в семье, появилась в России задолго до своей сестры. (В благодарность Елизавете Федоровне скажу, что именно она помогла замужеству Аликс). Элла стала женой великого князя Сергея Александровича. Говорили, что она его так и не полюбила. Возможно, потому что выбрала его только как способ начать самостоятельную жизнь и вырваться из-под опеки бабушки – английской королевы Виктории, имевшей свои представления о воспитании девушек. Замечу, что никто и никогда не ставил при этом нравственность Елизаветы Федоровны под сомнение, наоборот, жизнь дала ей повод вполне проявить христианские добродетели. (Правда, не по отношению к моему отцу). Вот что пишет о великом князе Сергее Александровиче великий князь Александр Михайлович:

> «Дядя Сергей – великий князь Сергей Александрович – сыграл роковую роль в падении империи и был отчасти ответственен за катастрофу во время празднования коронации Николая Второго на Ходынском поле в 1896. При всем желании отыскать хотя бы одну положительную черту в его характере, я не могу ее найти. Будучи очень посредственным офицером, он тем не менее командовал лейб-гвардии Преображенским полком – самым блестящим полком гвардейской пехоты. Совершенно невежественный в вопросах внутреннего управления, великий князь Сергей был тем не менее московским генерал-губернатором, пост, который мог бы быть вверен лишь государственному деятелю очень большого опыта. Упрямый, дерзкий, неприятный, он бравировал своими недостатками, точно бросая в лицо всем вызов и давая таким образом врагам богатую пищу для клеветы и злословия».

Могущественная недоброжелательница

Элла – красавица, ученая женщина, блестящая во всех отношениях, с одной стороны, и Сергей Александрович – высокородное ничтожество – с другой. В известном смысле то был неравный брак. Смириться было трудно, но необходимость соблюдения внешних приличий взяла верх.

При этом Елизавета Федоровна всё время искала выхода своей бурной энергии. Как только Аликс стала женой Николая, Елизавета Федоровна захотела ею руководить на правах старшей и лучше знающей страну и местные обычаи. Но Александра Федоровна, любя сестру, всё же дала ей понять, что не потерпит ничего подобного. Елизавета Федоровна уступила, но обиду затаила.

Когда же при дворе появился отец и занял место, по мнению Елизаветы Федоровны, по праву принадлежавшее ей, она решила действовать.

Не было сплетни, слуха, фальшивого свидетельства относительно жизни отца, которые бы Елизавета Федоровна не учитывала. Важно заметить, что Елизавета Федоровна не была знакома с отцом и, значит, не могла судить о нем сама.

После трагической смерти мужа Елизавета Федоровна бросилась в благотворительность и на религиозных началах создала Марфо-Мариинскую обитель.

Именно тогда недовольство Елизаветы Федоровны отцом дошло до высшей точки. Поводом для этого послужили споры по вопросу об учреждении чина дьяконисс, что для продвижения идей Елизаветы Федоровны было необходимым. Всем, знакомым с ситуацией и пытавшимся честно о ней судить, было ясно, отец не пытался преградить путь именно Елизавете Федоровне или уязвить ее самолюбие. У него спросили, считает ли он правильным такое решение, он ответил, что не считает. Дело одной фразы. Однако люди, в чьих интересах находилось ухудшение мнения Елизаветы Федоровны об отце, доложили ей в нужном им свете. И действительно, в их изложении слова отца были оскорбительными для женщины и великой княгини.

(Не хочу, чтобы кто-нибудь подумал, будто я из любви к отцу черню других, хоть и Елизавету Федоровну, доставившую ему столько переживаний. Елизавета Федоровна была искренна в том, что делала. Таковы ее убеждения. По ним ей выпал и крест).

Заговорщики

Теперь скажу коротко о Михаиле Владимировиче Родзянко, новом тогда председателе Государственной Думы. Он доводился родственником Юсуповым и был весьма близок им душевно.

Князь Юсупов и его невеста – великая княжна Ирина, племянница царя.

С самого начала Родзянко был настроен против Распутина именно Юсуповыми, главным образом, матерью Феликса. Она близко зналась с Елизаветой Федоровной и получала сведения от нее. Дальше выстраивалась закономерная цепочка.

Замечу, что сам Сумароков-Эльстон, то бишь Юсупов-старший, отличался предприимчивостью и не выбирал при этом способов. Чего стоит хотя бы деятельность так называемой безобразовской компании, в которую входили первейшие придворные – спекуляции и злоупотребления в Маньчжурии! – великий князь Александр Михайлович, князь Щербатов, граф Воронцов-Дашков, министр внутренних дел Плеве и, конечно, Сумароков-Эльстон, без которого не обходилось ни одно скандальное начинание того времени! Феликс унаследовал и это качество.

Когда Феликс вернулся из Англии, сцена заговора против моего отца была уже подготовлена. И Феликс живо откликнулся. Думаю, что он быстро оценил прелести возможной игры и свое место в ней. Скорее всего, не без помощи родителей.

Родзянко прямо сказал Феликсу, что законным путем с моим отцом ничего нельзя поделать («*никаких выдающихся преступлений не совершал*»).

Есть только один выход, утверждал он, – убийство. Но он сомневался, чтобы нашелся человек, способный на такой подвиг. Себя Родзянко считал слишком старым для осуществления подобного замысла.

Надо представлять себе Феликса Юсупова, чтобы понять, в какой азарт привел его такой разговор. Феликс оказался правильно подобранным орудием.

Феликс раньше был вхож во дворец благодаря своему положению и тем чувствам, которые сумел внушить Романовым вообще, а не только Николаю и Александре Федоровне. Но кроме душевной привязанности, которую я, несмотря ни на что, всё же допускаю со стороны Феликса по отношению к царю и царице, было и другое. Феликс был полностью поглощен пороком. Этот порок влек его к великому князю Дмитрию Павловичу. Поскольку Феликс никогда не считал нужным скрывать свои наклонности, об этой связи стало известно при дворе всякому.

Любовник Феликса

Великий князь Дмитрий[36] был любимцем царя и царицы; он даже жил у них во дворце и считался членом семьи. Когда Николай и Александра Федоровна узнали, что происходит между ним и Феликсом, Дмитрию запретили видеться с совратителем. Специальным агентам же поручили открыто следить за Феликсом и тем самым сдерживать его. На какое-то время их усилия увенчались успехом, и молодые люди не встречались. Однако вскоре Дмитрий снял дом в Петербурге, и Феликс поселился вместе с ним. Скандал вышел за пределы двора и доставил много огорчений Романовым.

Но любовников это нисколько не стесняло. Дмитрий говорил, что счастлив. Феликс же давал понять всем, что только делает одолжение великому князю. И в этом, похоже, он усматривал особое наслаждение. Возможно, он и любил какое-то время Дмитрия. Но, получив желаемое, Феликс не мог не мучить любимого, превратившегося в жертву.

И вот однажды, доведенный до отчаяния ревностью, Дмитрий попытался покончить жизнь самоубийством. Вернувшийся поздно вечером Феликс нашел его на полу бездыханным.

К счастью, Дмитрия спасли.

---

[36] **В.Э.:** Внук Александра II и двоюродный брат Николая II великий князь Дмитрий Павлович был на 4,5 года моложе Феликса Юсупова (во время убийства Распутина Юсупову было 29 лет, а Дмитрию 25,5). Мать Дмитрия умерла, его рожая, отца выслали из России за брак с бывшей женой генерала Пистолькорса, и Дмитрия воспитывал его дядя Сергей Александрович (гомосексуалист) и его жена Елизавета Федоровна (сестра царицы). Когда Сергея Александровича убил Каляев и Елизавета удалилась в монастырь, Дмитрию было 13 лет, и его фактически усыновил Николай II – Дмитрий жил в семье царя 8 лет.

Феликс затаился

Как и следовало ожидать, этот случай не отрезвил Феликса. Он лишь затаился.

В то время Феликс сблизился с Елизаветой Федоровной, относившейся к нему как к сыну. Она решила, что он образумился и старалась вовлечь его в религиозную жизнь. В салонах много говорили о новой дружбе скандального молодого человека. Да и сам он рассказывал о своих поездках к Елизавете Федоровне весьма охотно и подробно. Немудрено, что многим показалось, будто Феликс и впрямь вступает на путь истинный. В пользу этого свидетельствовало и намерение Феликса жениться на великой княжне Ирине Александровне, дочери великого князя Александра Михайловича.

Интересно, что многие хвалили Феликса за то, что, сделав предложение Ирине Александровне, он ничего не утаил от нее из своей прошлой жизни. Но такой поступок – только вынужденный. Он поспешил упредить рассказы других. Выступив первым, Феликс предстал перед невестой раскаявшимся грешником, молящим о прощении. Великая княжна оказалась в роли отпускающей грехи – разве это могло не льстить невинной девушке? Разумеется, она была великодушна. Ее великодушие простиралось так далеко, что она делала вид, будто не замечает настойчивого внимания Феликса к юношам, увивавшимся вокруг него и после помолвки.

С удивительной настойчивостью он преодолевал сопротивление родственников невесты. Охотник по натуре, Феликс, может быть, и был сильнее всего раззадорен именно сопротивлением.

Наконец, Юсупов обвенчался с великой княжной Ириной Александровной – внучкой вдовствующей императрицы Марии Федоровны – и вошел в семью Романовых. Кстати, один из любимых рассказов Феликса – и в эмиграции особенно – как его любит вдовствующая императрица, и что именно благодаря ее благосклонности удалось устроить этот, как считала вся аристократическая Россия, невозможный брак.

Рассказывали, что Дмитрий не пришел в церковь Аничкова дворца на венчание Феликса, но последним ушел с перрона, когда новобрачных провожали в свадебное путешествие.

Глава 24. Удар ножом

Черногорская игра – Великий князь злится – Помешательство на крови – Несимпатичный Николай Николаевич – Сообщники – Кокетки – Телеграмма – Трагедия – Лицо мертвеца – Между жизнью и смертью

Черногорская игра

Известно, что такое 1913 год. К сожалению, 300-летие династии Романовых стало последним праздником империи.

Приближалась война, которой многие в Петербурге хотели. Если бы можно было как-то предупредить этих неумных людей! Но если отступился Бог, человек бессилен.

Когда Греция, Болгария и Сербия вместе с Черногорией восстали против турецкого владычества, черногорские агенты зачастили в Петербург. Вспомнили, что при русском дворе есть две черногорки – великие княгини Милица и Анастасия. Они всегда оставались патриотками больше Черногории, чем своей новой родины – России, поэтому их даже не надо было уговаривать помочь. Действуя через своих мужей великих князей Петра Николаевича и Николая Николаевича (особенно!), они почти уговорили царя вступить в войну против Турции.

Вряд ли великий князь Николай Николаевич вполне понимал, что сулит России война против Турции. Зато ясно видел перед собой пост верховного главнокомандующего. К тому же на продолжающихся в великокняжеском дворце спиритических сеансах к войне генералов склоняла сама Жанна Д'Арк. (Бедный архимандрит Феофан так ничего и не смог поделать с черногорками!)

У Николая было большое искушение поддаться на уговоры и вступить в войну. Многие даже умные люди полагали, что она окажется полезной для России: «Горькое, но лекарство».

Из всех, кому в то время разрешалось говорить с царем о войне, только двое были против нее – граф Витте и отец.

Если у Витте доводы были политические и экономические, то у отца совсем другие, но, как ему казалось, не менее важные. Анна Александровна передавала их так:

> «Отец верил, что Царство Божье существует во всех людях, поэтому считал войны насмешкой над Божьей волей, безумием, попыткой обратить Господа против Самого Себя».

Не знаю, что именно подействовало на Николая, но он издал манифест, в котором заявил, что Россия не вступит в Балканскую войну.

Сразу после этого царская семья отправилась на охоту в Польшу. Таким образом Николай, возможно, хотел избежать объяснений с великими князьями, боясь оказаться нетвердым.

Великий князь злится

Великий князь Николай Николаевич и его сторонники обвиняли в происшедшем отца, крича во всех домах, что «мужик остался мужиком, не чувствующим благодарности».

Действительно, великий князь Николай Николаевич и его жена Анастасия первыми из аристократов поддержали отца в Петербурге. А брат великого князя – Петр – проявил исключительную доброту и щедрость во время маминой болезни. Об этом отец никогда не забывал. Но он не мог переступить через совесть.

Я своими ушами слышала, как великий князь Николай Николаевич, ворвавшись в нашу квартиру и не смущаясь моим и Вариным присутствием, поносил отца, называя его неблагодарной свиньей.

По словам Анны Александровны, именно тогда у великого князя Николая Николаевича родилась идея сместить Николая, а Александру Федоровну отправить в лечебницу для душевнобольных. Он даже уже готовился к этому, не без участия старого двора. (И кроме виднейших дворянских фамилий у Николая Николаевича оказался под рукой весьма полезный и неразборчивый в средствах Джунковский – товарищ министра внутренних дел, командующий отдельным корпусом жандармов. Вот почему так легко было стряпать скандальные провокации типа «фотографирования» и статеек в газетах).

Помешательство на крови

Но у поведения великого князя Николая Николаевича есть и объяснение, к которому никто не прибегал, но которое находится на поверхности.

Отклонения разного рода не были редкостью в той среде, к которой принадлежал великий князь. О них предпочитали не говорить и уж тем более не увязывать с ними происходившее при дворе.

Но случай с Николаем Николаевичем был особым. Болезнь его многие воспринимали как часть его военной профессии. Доктор сказал бы, что великий князь страдает болезненной жаждой крови. Всякий другой заметил бы – наслаждается.

Впервые это открылось во время русско-турецкой войны. Тогда Николай Николаевич был совсем еще молодым офицером. Но военные предприятия случались недостаточно часто для получения желаемого удовлетворения. В мирное время нашлась замена – охота. В силу обычаев своего сословия сильное пристрастие к охоте долго ни у кого не вызывало вопросов. Но потом нашлись свидетели, видевшие, как именно великий князь утолял свою жажду крови на животных.

После того, как отец был введен в дом великого князя, Николай Николаевич нашел возможным признаться ему в своем пороке, который всё же осознавал как порок. Отец пытался его лечить, и это послужило даже некоторому их сближению. Николай Николаевич скоро отказался от лечения и, как уверял Симанович, не мог простить отцу, что тот узнал о его постыдной слабости. Однако он боялся совершенно напрасно, отец никогда не позволял себе разговоров на темы, связанные с его целительскими делами.

И вот перед великим князем возникла почти реальная картина войны, а значит, крови. Он не мог устоять, стремясь к войне как к изысканнейшему наслаждению. При чем здесь были интересы России?

Несимпатичный Николай Николаевич

Я не сгущаю краски. Личность Николая Николаевича вообще была несимпатичной. Великий князь Александр Михайлович пишет:

> «Оглядываясь на двадцатилетнее правление императора Николая Второго, я не вижу логического объяснения тому, почему государь считался с мнением Николая Николаевича в делах

государственного управления. Как все военные, привыкшие иметь дело с строго определенными заданиями, Николай Николаевич терялся во всех сложных политических положениях, где его манера повышать голос и угрожать наказанием не производила желаемого эффекта. Всеобщая забастовка в октябре 1905 года поставила его в тупик, так как кодекс излюбленной им военной мудрости не знал никаких средств против коллективного неповиновения. Нельзя же было арестовать несколько миллионов забастовщиков! По его мнению, единственное, что можно было сделать, – это выяснить требования «командиров восстания». Попытка объяснить Николаю Николаевичу, что восстание 1905 года носило анархический характер и что не было «командиров», с которыми можно было вести переговоры, оказалась бы безрезультатной. С тех пор, как существует мир, все армии, в том числе и революционные, находились под предводительством командиров. И вот 17 октября 1905 года, перед угрозой всеобщей забастовки, руководимой штабом большевистской секции социал-демократической партии, и аграрных беспорядков крестьян, которые требовали земельного передела, Николай Николаевич убедил государя подписать злополучный Манифест, который мог бы удовлетворить только болтливых представителей русской интеллигенции. Манифест этот не имел отношения ни к большевикам, ни к крестьянам».

Граф Витте:

«Николай Второй никогда бы не подписал октябрьского Манифеста, – если бы на этом не настоял великий князь Николай Николаевич».

Так кто же был больше, чем великий князь Николай Николаевич, виноват в том, что бунтовщики не встречали должного отпора?

А еще находились такие, кто говорил, будто подписать Манифест 1905 года царя заставила Александра Федоровна, выполняя приказ своих заграничных друзей.

Сообщники

В это время Илиодор, теперь расстрига Сергей Труфанов, замыслил страшное преступление. Для его совершения был назначен день – 6 октября 1913 года, день царского тезоименитства. Должны были погибнуть шестьдесят высших правительственных чиновников и сорок епископов.

Труфанов без труда вовлек в заговор многих врагов трона. Разумеется, действовать решили чужими руками. Подготовили бомбистов, которые и должны были метнуть снаряды в толпу.

Заговорщики настолько были уверены в успехе своего предприятия, что не позаботились о сохранении тайны. Полиции удалось сорвать планы преступников, а Труфанова отправить в тюрьму.

Но интрига продолжилась. В нее вступил великий князь Николай Николаевич. Ему приходилось соблюдать осторожность, чтобы не навлечь на себя царский гнев. В лице Труфанова он получал человека, готового на всё.

К тому же Труфанов не смог бы оправдаться, попадись он снова – расстриге никто не поверил бы.

Великий князь устроил побег Труфанову, взяв с того слово убить моего отца.

Выйдя на свободу, Труфанов начал подыскивать помощника. И нашел довольно быстро.

Хиония Гусева никогда не встречалась с моим отцом и не имела личных причин убивать его, но она находилась в полной власти Труфанова, и этого было достаточно. Ждали только удобного случая.

Кокетки

Мне исполнилось 15 лет. Я чувствовала себя вполне взрослой – молодые люди присылали мне приглашения в театр. Но отец установил очень строгие правила: меня всегда сопровождал кто-нибудь из взрослых, и я обязана была вернуться домой до 10 часов вечера.

Однако как и любая другая девушка, я находила множество способов обойти строгости.

Чаще всего мы гуляли с Марусей Сазоновой по Невскому и делали вид, что рассматриваем витрины магазинов. Конечно же, мы использовали их как зеркала, чтобы видеть идущих следом за нами юношей. (Помню, например, что напротив гостиницы «Европа» находился большой магазин, чьи витрины очень нам нравились).

Невинный флирт. Ни в мою, ни в Марусину голову (более искушенную) и придти не могло, что можно познакомиться с молодыми людьми на улице.

Однажды раздался телефонный звонок, звали меня. Мужчина, совершенно не знакомый мне, с ходу начал объясняться в любви, говоря, что видел меня на улице. Я спросила, уверен ли он, что имеет в виду именно меня, а не Марусю. Он ответил, что совершенно уверен.

Он пообещал позвонить снова и стал звонить каждый день. В конце концов, признался, что шел за мной до самого дома и так узнал, что я – дочь Распутина.

Молодой человек не скупился на лесть, и я уже почти влюбилась в него, но мне пришлось сказать, что я не могу с ним встретиться, потому что через несколько дней уезжаю с отцом в Сибирь. Звонки тут же прекратились.

Телеграмма

Добравшись до Тобольска, мы пересели с поезда на пароходик и на нем приплыли в Покровское.

На одной из остановок, совсем недалеко от Покровского, на пароход сел смуглый молодой человек. Он, дождавшись, пока рядом не окажется отца, представился мне, назвавшись газетным репортером Давидсоном. Я сразу узнала голос – это он звонил мне. Мне не очень понравилось лицо молодого человека, но я была польщена тем, что он поехал вслед за мной. Всё это было так романтично. Отцу я ничего не сказала. И жалею об этом до сих пор. Моя глупость привела к трагедии. (Потом выяснилось, что Давидсон – один из участников покушения на моего отца. Как только мы прибыли в Покровское, он тут же отправился к Хионии Гусевой, чтобы закончить подготовку к преступлению).

На следующий день было воскресенье, стояла прекрасная погода, опровергавшая представление о Сибири, как о мрачном и холодном крае.

Наступило 28 июня 1914 года.[37]

По возвращении из церкви наша семья с друзьями (все, кроме нас с Варей – потому что мы были приглашены к соседям) собрались за воскресным обедом.

Как мне потом передавали, отец чувствовал себя обновленным, как всегда после возвращения домой. Он находился в прекрасном расположении духа, рассказывал о своей жизни в Петербурге: как ему удавалось избавляться от полицейских агентов, о слухах, им же самим и изобретаемых (однажды это был слух о несуществующем китайце, с которым он вел некие таинственные переговоры), и как он потчевал самогоном являвшихся шпионить за ним (напиток, по вкусу напоминающий керосин, отец называл «Месть Распутина»).

Обед проходил очень весело. Раздался стук в дверь. Дуня пошла посмотреть, кто это. Через секунду она вернулась и сказала, что староста принес телеграмму от царицы. Отца просили немедленно вернуться в Петербург.

Отец тут же вышел со старостой, решив немедленно отбить телеграмму и выехать в столицу.

Трагедия

Улица была полна народу: односельчане, принарядившись, вышли на воскресную прогулку. Уже совсем недалеко от почты отец столкнулся лицом к лицу с незнакомой женщиной, лицо которой было закрыто платком так, что видны были только глаза. Это и была Хиония Гусева. Она протянула руку, словно за подаянием, и когда отец замешкался, доставая деньги из кармана брюк, она второй рукой стремительно выхватила из-под широкой накидки нож и вонзила его в живот, пропоров его снизу до самой груди. Намеревалась ударить снова. Но не успела – отец, теряя сознание, всё же умудрился загородиться руками.

Оказавшиеся рядом люди навалились на Хионию. Она бросила нож и хотела бежать, но разъяренная толпа схватила ее и принялась избивать. Хионию спас подоспевший полицейский и уволок, почти бесчувственную, в крохотную тюрьму, состоящую из одной комнатки.

Отец согнулся от боли, обхватив живот, чтобы внутренности не вывалились прямо в дорожную пыль. Кровь лилась сквозь его пальцы.

Перепуганные соседи помогли ему добраться до дома, но к тому времени, когда добрались до двери, он уже совсем обессилел, пришлось подхватить его на руки и внести в дом. И мама, и Дуня остолбенели: подумали, что отец мертв. Но они не были кисейными барышнями и мгновенно оправились от первого испуга.

---

[37] **В.Э.:** Согласно Википедии, покушение состоялось 29 июня по Юлианскому календарю (12 июля по Григорианскому); это было воскресенье.

Мама смахнула со стола на пол всю посуду, чтобы освободить место для раненого. Дуня послала одного из мужчин привести нас с Варей домой. Потом вернулась и стала помогать маме. Раздев отца, они смыли кровь, чтобы определить серьезность повреждений. Рана оказалась серьезной, некоторые кишки были перерезанными.

Дмитрия послали на почту вызвать телеграммой ближайшего доктора из города, а мама и Дуня тем временем пытались остановить кровотечение. Они знали, что впереди у них длинная ночь: доктор быстро не успеет.

Лицо мертвеца

Вскоре раздался стук в дверь. Я побежала открывать. Пришел Давидсон, который хотел узнать о положении отца, объяснив, будто хочет послать репортаж в свою газету. Пока я смотрела на него и слушала его расспросы, меня вдруг осенила ужасная догадка: этот человек меня обманул. Мой мозг словно осветил взрыв фейерверка, я поняла всё: зачем он звонил мне по телефону, зачем льстил мне, пока не выудил нужные ему сведения о нашей поездке в Сибирь, почему оказался на том пароходе, и самое отвратительное из всего – зачем он пришел к нам домой. Конечно, он хотел разузнать, удалась ли попытка убийства. Я – причина несчастья! Я привела убийцу к отцу!

Я толкнула Давидсона, что-то кричала ему – не помню. Потом – провалилась в обморок. Но скоро очнулась лежащей на полу. Мама громко звала меня. С трудом встала, ноги и руки были как ватные.

Когда я вошла в комнату, где лежал отец, снова чуть не упала в обморок – у него было лицо мертвеца. В этот самый момент он захрипел. Это придало мне силы – значит, еще жив.

Всё время я держала отца за руку, молясь и плача. В редкие секунды возвращения в сознание он останавливал мутный взгляд на мне. Я сжималась, словно от удара ножа. (Этот взгляд преследовал меня до тех пор, пока отец не выздоровел и не сказал, что любит меня по-прежнему).

Никто из нашей семьи в ту ночь не сомкнул глаз. И хоть мы не признавались в этом даже самим себе, каждый был убежден, что отец не доживет до рассвета.

Между жизнью и смертью

Доктор приехал далеко за полночь, совершенно загнав лошадей.

Осмотрев рану, провел предварительную операцию, чтобы очистить брюшную полость и сшить, насколько это возможно при домашнем свете, разорванные кишки.

Отец пришел в себя. Он очень страдал от боли. Доктор хотел дать эфир, но отец отказался. Попросил только вложить ему в руку крест, подаренный епископом Феофаном.

Мама, Дуня и я оставались в комнате и по мере сил помогали доктору. Когда скальпель начал свою работу, я почувствовала, как отец содрогнулся, и с ужасом поняла, какую боль он вынужден терпеть. Слава Богу, отец тут же снова погрузился в спасительное беспамятство.

Как только рассвело, доктор велел собрать своего бесчувственного пациента – ехать в город. В деревне не нашлось экипажа с рессорами, и доктору предстояло принять очень трудное решение: гнать во весь опор по разбитым дорогам и подвергать опасности жизнь больного, который мог скончаться от толчков и тряски, или ехать медленнее с риском не успеть довезти его вовремя. Он выбрал первое, и такое решение оказалось верным. Мы с Дуней сидели по обе стороны от отца, придерживая его и оберегая от ударов о стенки своими телами.

За время шестичасовой поездки отец всего один раз приходил в себя. Когда я склонилась над ним, он попытался заговорить, но смог только пробормотать в полубреду: «Его надо остановить... надо остановить...»

Я не могла понять, что он пытается мне сказать. В суматохе минувшей ночи никто не догадался прочесть телеграмму царицы, а даже если бы и прочел, то не понял бы, кого же надо остановить.

Июль подходил к концу, отец всё еще находился в больнице между жизнью и смертью.

Глава 25. Это – ночь

Война на пороге – Иллюзии Николая Второго – Напрасное предупреждение – Распутин сломлен – «Пусть поломойкой, но в России» – «О Боже, спаси Россию»

Война на пороге

А к России приближалась война.

В Сербии убили австрийского эрцгерцога. Австрия направила Сербии ультиматум, потом объявила войну.

Немецкий канцлер настоял на переговорах между Россией и Австрией, и Россия ограничила мобилизацию только районами, прилегающими к австрийской границе. Но сторонники войны, великий князь Николай Николаевич первый в их рядах – взяли верх. Была объявлена мобилизация вдоль западной границы. 31 июля немцы предъявили ультиматум с требованием прекратить подготовку к войне вдоль ее границ с Россией, а в семь часов вечера 1 августа Германия объявила войну России.

А до этого, в конце июля, когда отец уже смог, наконец, сидеть, написал письмо царю:

> «Мой друг!
>
> Еще раз повторяю: на Россию надвигается ужасная буря. Горе... страдания без конца. Это – ночь. Ни единой звезды... море слез. И сколько крови!
>
> Не нахожу слов, чтобы поведать тебе больше. Ужас бесконечен. Я знаю, что все требуют от тебя воевать, даже самые преданные. Они не понимают, что несутся в пропасть. Ты – царь, отец народа.
>
> Не дай глупцам торжествовать, не дай им столкнуть себя и всех нас в пропасть. Не позволяй им этого сделать... Может быть, мы победим Германию, но что станет с Россией? Когда я об этом думаю, то понимаю, что никогда еще история не знала столь ужасного мученичества.
>
> Россия утонет в собственной крови, страдании и безграничном отчаянии.
>
> Григорий».

Когда стало ясно, что отец поправляется, все вернулись в Покровское, а меня оставили с ним, чтобы он не скучал. Поэтому я не присутствовала при странном событии, происшедшем у нас дома.

Дуня, не отличаясь обычно религиозностью, молилась в те долгие часы, пока мы ждали врача, и продолжала молиться, пока папа находился в больнице. Когда стало известно, что опасность миновала, она стала ежедневно читать благодарственную молитву перед иконой Казанской Божьей Матери, которая висела на стене в комнате, служащей нам столовой. Однажды, стоя перед ней на коленях, Дуня заметила, что в уголке глаза Пресвятой Девы появилась капля влаги. Не прерывая молитвы, Дуня смахнула каплю. К ее изумлению, тут же появилась следующая, потом еще одна. Она снова вытерла икону, но, как ни старалась, не могла вытереть ее досуха. Дуня позвала маму и остальных, и когда они увидели, что происходит, то опустились на колени перед иконой и стали молиться, преисполненные уверенности, что стали свидетелями чуда.

Мне написали об этом в Тюмень, и когда я прочитала отцу письмо с рассказом о чуде, его лицо побелело: «Пресвятая Богородица плачет о России. Это знак большой беды, грозящей всем нам».

А через неделю весь мир узнал, что это за беда.

Иллюзии Николая Второго

Несколько месяцев после объявления немцами войны царь был уверен, что поступил мудро, последовав советам сторонников войны, и что удача, наконец, повернулась к нему лицом. Его армии наступали на всех фронтах, народ поддерживал своего императора так, как никогда за все годы правления. Беспорядки на фабриках прекратились, граждане мужского пола записывались добровольцами в армию, апатию сменил патриотизм. Русский флаг развевался на каждой улице, в каждом театре пели гимны союзных государств: за гимном России следовали гимны Англии, Франции и Бельгии. А когда 3 сентября русская армия одержала победу подо Львовом, всех охватило лихорадочное стремление помочь армии. Именно в это время столичные патриоты

опомнились, что живут в городе с немецким названием – Петербург. Решили изъясняться по-русски и переименовали столицу в Петроград.

Так что отец, уехав из Петербурга, вернулся в Петроград. Он приехал еще совсем слабым, боли не проходили.

У отца в столице осталось мало друзей, потому что он не скрывал своего отношения к войне. Подобные настроения были не в моде.

Теперь очередь просителей в нашем доме состояла из людей, стремящихся узнать о судьбе попавших в плен сыновей и мужей или пытающихся добиться освобождения от призыва.

Все другие ходатаи по делам (своим и чужим), раньше толпившиеся в нашей квартире, больше не давали о себе знать. Конечно, не из патриотических соображений они вдруг перестали печься о выгодах. Просто держали нос по ветру и знали, что отец впал в немилость и, стало быть, покровительства надо искать в ином месте.

Даже круг его учениц поредел.

Затихли и враги отца – настало время, когда и живой он им не был страшен.

Отцу наверное было очень трудно. Он, сознавая свою правоту, остался в одиночестве, его никто не слышал.

Николай упивался народной любовью, не понимая, что не его личная популярность, а военная лихорадка покончила с внутриполитическими неурядицами. Он был совершенно убежден в правильности своей позиции.

Насколько я помню, то был единственный период, когда царь по-настоящему холодно относился к отцу.

Николай даже был горд, что проявляет, наконец, решительность. Надо заметить, что к такой губительной решительности подталкивал царя великий князь Николай Николаевич. После неудачи с турецкой войной он, словно лишенный жирного куска зверь, искал приложения своих порочных наклонностей. Новая кровь заранее пьянила его. Неважно, что цена наслаждения – смерть миллионов несчастных русских людей.

Напрасное предупреждение

Я была рядом с отцом во время той его встречи с царем.

Не в пример другим встречам, Николай приветствовал отца подчеркнуто официально.

Я же, как всегда, сидела у ног Александры Федоровны (конечно, тогда я многого просто не поняла, во мне остались больше ощущения тех минут. Но в дальнейшем Анна Александровна часто возвращалась к этому разговору, до мелочей запечатленному в ее памяти со слов императрицы).

Отвращение отца к войне было общеизвестным. Конечно, не все считали это позой или, тем более, заказом неких сил. Возможно, в глубине души Николай и разделял чувства отца. Но царь, нерешительность которого стала притчей во языцех, получил, как ему внушали и внушили, возможность показать себя императором – сильным и любимым своим народом именно за эту силу. Николай был опьянен даже не столько победами на фронте, сколько самим собой в образе воителя, исполненного силы.

В мыслях царь уже видел, что победит в войне (а после позора японской кампании об этом только и мечтали), что его начнут любить подданные и уважать собственные приближенные и, главное, что он оставит Алексею Россию, в которой монарх не должен будет бояться за жизнь свою и своих близких.

Внешне в тот вечер Николай производил впечатление спокойного человека. Но тех, кто имел представление о его привычках, обмануть было нельзя. В минуты сильного душевного волнения Николай постукивал пальцами по столу или по оконному стеклу. И именно это он делал, пока отец пытался объясниться.

Тон отца был просительным. Я не слишком вникала в разговор, а даже если бы и была внимательнее, вряд ли смогла бы оценить всё сказанное. Я только и слышала, что речь идет о войне, что отец против ее продолжения. Я никогда ни до, ни после не видела отца таким.

Отец умолял Николая поверить, что не ищет собственной корысти, возражая против бесполезной войны.[38] Более того, именно из-за этих взглядов отца недоброжелатели легко

---

[38] **В.Э.:** Это какой-то бессмысленный разговор, во всяком случае в передаче Матрены. Война уже идет, Германия ее объявила России (в ответ на мобилизацию). Так что же Распутин предлагает делать

настроили царя против него. Но не это заботит. В войне гибнут русские люди, и когда она закончится, даже победа обернется поражением. Госпиталя переполнятся ранеными и больными; озлобленные, искалеченные, они наводнят деревни, города. Их недовольство нечем будет удовлетворить, потому что в России ничего не переменится. И всё начнется сначала, только надеяться уже будет не на что.

Распутин сломлен

Николай не прерывал отца. Когда тот замолчал, царь встал из-за стола и подошел к отцу. Отец же продолжал сидеть. В этом не было ничего странного. Отец в этом смысле не отличал царя от любого другого человека, и, надо заметить, Николая Александровича и Александру Федоровну это ничуть не задевало.

Николай несколько нетерпеливо сказал:

– Есть время слушать и время что-то делать. Нам представилась великая возможность спасти империю и доброе имя Романовых. Ты верно служил нам, мы это знаем. Но чего же еще ты от нас хочешь? Стать царем?

Отец застыл. Лицо его побледнело, а пронзительные, гипнотические глаза, казалось, потеряли свою силу. Его дух был сломлен одним вопросом человека, которого он так уважал и любил.

У Евреинова я прочитала такие слова:

> «Да, то был «царь» – некоронованный, но всё же «царь»! – перед кем смирялась воля самого «помазанника Божьего»! Негласный «царь», творивший чудеса, исцелявший больных, воскрешавший мертвых, заклинавший туманы, изгонявший «блудного беса», спасавший, наконец, державу Российскую. «Царь не от мира сего».
>
> Выше царя! – вот истинное положение, какое занимал этот простец в больном воображении своих державных приверженцев.
>
> Но кто же мог претендовать на положение «выше царя»?
>
> Бог, только Бог.
>
> «Григорий, Григорий, ты Христос, ты наш Спаситель», – говорили своему «лампаднику» цари, целуя его руки и ноги».

Евреинов попался на тот же крючок, что другие, менее умные обличители отца. Желая пригвоздить Распутина, они только называли вещи их именами. Если слово произнести в вульгарной обстановке, оно тоже неизбежно перенимет вульгарность. Но отделите злобу и желчь, и вы увидите, что перед волей царя не от мира сего, то есть человека, одаренного силой большей, чем земная, царь земной (при этом только помазанник Божий) смиряется. Но и это к славе его, а не к унижению.

Зачем бы отцу нужен был царский венец? Он уже обладал венцом большим и осознавал это.

Вопрос же Николая был оскорбителен для отца потому, что свидетельствовал – самодержец оставался или хотел казаться, по известно чьему наущению, равнодушным к увещеваниям отца. И не только в тот страшный вечер.

Если бы решимость государя исходила из него самого, разве не был бы он спокоен? Но я уже показала, что спокойствия не было и в помине. Он опять поддался манипуляциям своих врагов.

«Пусть поломойкой, но в России»

Царица опустила глаза. Она не проронила в тот вечер ни слова. Ей тоже было больно. Она, как и отец, выступала против войны. Но ее положение было гораздо хуже, чем положение отца. Ведь по рождению она была немкой и ее родной брат, как и другие родственники, служил в германской армии и, значит, воевал с Россией.

Надо заметить, что с началом военного угара возобновила свои действия против Александры Федоровны Мария Федоровна. А поле для них было и вправду благодатным.

Если бы возможно было тогда передать понимание событий Александрой Федоровной!

ТЕПЕРЬ? Все эти разговоры имели бы смысл ДО начала войны – можно было уклониться от нее, не проводить мобилизацию, не поддерживать Сербию, не поддерживать Францию.

Над ней смеялись, говоря, что немка вообразила себя Екатериной Второй. Но как можно было над этим смеяться? Она никем себя не воображала, в этом просто не было нужды – она была законной русской императрицей. Пуришкевич пишет, что императрица Александра Федоровна была злым гением России и царя, что она оставалась немкой на русском престоле, чужая стране и народу.

Эта ложь повторялась с началом войны множество раз.

Вот одно из правдивых свидетельств Боткиной-Мельник:

«Немного было людей, решавшихся защищать государыню императрицу, как делал это мой отец, но зато в его доме никто не позволял себе сказать что-либо дурное про царскую семью. А если моему отцу случалось попадать на подобные разговоры в чужих домах, он всегда возвращался до крайности раздраженный долгим спором и говорил:

– Я не понимаю, как люди, считающие себя монархистами и говорящие об обожании его величества, могут так легко верить всем распространяемым сплетням, могут сами их распространять, возводя всякие небылицы на императрицу, и не понимают, что, оскорбляя ее, они тем самым оскорбляют ее августейшего супруга, которого якобы обожают...

– Я теперь понимаю, – слышала я от одной дамы после революции, – что мы своими неумеренными разговорами оказали неоцененную услугу революционерам; мы сами во всем виноваты. Если бы мы раньше это поняли или имели достаточно уважения к царской семье, чтобы удерживать свои языки от сплетен, не имевших даже основания, то революционерам было бы гораздо труднее подготовить свое страшное дело.

У нас же к моменту революции не было ни одного уважающего себя человека, не старавшегося как-нибудь задеть, если не его величество, то ее величество. Находились люди, когда-то ими обласканные, которые просили аудиенции у ее величества в заведомо неудобный час и, когда ее величество «просила» зайти на следующий день, говорили:

– Передайте ее величеству, что тогда мне будет неудобно.

При помощи тех же злых языков распустился слух о германофильстве нашего двора и о стремлении ее величества заключить сепаратный мир. Все кричали:

– Подумайте, она немка, они окружили себя немцами, как Фредерике, Бенкендорф, Дрентельн, Грюнвальд, – и, ухватившись за эти четыре фамилии, склоняли их во всех падежах, забывая прибавить, что, кроме этих лиц, при дворе были графиня Гендрикова, князь Долгоруков, генерал Татищев, Воейков, граф Ростовцев, Нарышкин, Мосолов, Комаров, князь Трубецкой, князь Орлов, Дедюлин, Нилов, граф Апраксин, Аничков, князь Путятин и другие. Да и никто не старался проверить, немцы ли или германофилы граф Фреденрике и граф Бенкендорф.

Всякий же, хоть раз видевший Дрентельна, твердо запоминал по его наружности, что он русский, имевший несчастье носить иностранную фамилию, так как кто-то из его предков-иностранцев сотни лет тому назад поселился в России.

Бенкендорф, католик и говоривший даже с легким акцентом по-русски, действительно был прибалтийский немец, но, во-первых, он был обер-гофмаршал, то есть заведовал такой отраслью, которая к политике никакого отношения не имела, а если бы он даже пытался на кого-нибудь влиять, то результаты наверное получились бы самые благоприятные, так как он был человек большого ума и благородства.

Грюнвальд имел еще меньше касания к политике, чем Бенкендорф. Действительно, при первом взгляде на него можно было догадаться о его происхождении: среднего роста, полный, коренастый, со снежно-белыми усами на грубом, красном лице, он ходил в своей фуражке прусского образца, прусским шагом по Садовой. Иногда его вместе с женой можно было видеть верхом, и никто, глядя на молодцеватую посадку этих старичков, не дал бы им их возраста. По-русски Грюнвальд говорил непростительно плохо, но, опять же, на занимаемом им посту это никого не могло особенно смущать. Он заведовал конюшенной частью и так как дело знал в совершенстве, был очень строг и требователен, то конюшни были при нем в большой исправности, сам же он появлялся во дворце только на парадных обедах и завтраках.

Единственный, имевший возможность влиять на политику как министр двора и близкий к царской семье человек, был граф Фредерике. Но мне каждый раз становится смешно, когда говорят о нем как о политическом деятеле. Бедный граф уже давно был на этом посту, так как его величество был слишком благороден, чтобы увольнять верного человека единственно из старости. Уже к началу войны Фредерике был так стар, что вряд ли помнил даже, что он министр двора. Все дела велись его помощником генералом Мосоловым, а он только ездил на доклады и, несмотря на всеобщее к нему уважение, служил пищей для анекдотов, так как доходил до того, что собирался выходить из комнаты в окно, вместо двери, или, подходя к государю, спрашивал его:

– А ты будешь сегодня на высочайшем завтраке? – приняв его величество за своего зятя Воейкова, хотя даже слепой, кажется, не мог бы их спутать.

Конечно, такой человек не мог иметь никакого влияния, и все, знавшие его, относились к нему с большим уважением, но, когда приходилось переходить на деловую почву, обращались к генералу Мосолову.

Теперь об ее величестве. Я утверждаю, что не было ни одной более русской женщины, чем была ее величество, и это с особенной яркостью высказывалось во время революции. Глубоко православная, она никогда и не была немкой иначе, как по рождению. Воспитание, полученное ее величеством, было чисто английского характера, и все, бывшие при дворе, знали, как мало общего у ее величества с ее немецкими родственниками, которых она очень редко видела, из которых некоторых, как например дядю – императора Вильгельма, прямо не любила, считая фальшивым человеком. Не будь ее величество такая русская душой, разве смогла бы она внушить такую горячую любовь ко всему русскому, какую она вложила в своих августейших детей.

После революции особенно сказалось отношение ее величества ко всему русскому. Пожелай она, намекни она одним словом, и император Вильгельм обеспечил бы им мирное и тихое существование на родине ее величества, но, уже будучи в заключении в холодном Тобольске и терпя всякие ограничения и неудобства, ее величество говорила:

– Я лучше буду поломойкой, но я буду в России.

Это – доподлинные слова ее величества, сказанные моему отцу. Я думаю, что этого не скажет ни одна русская женщина, так как ни одна из них не обладает той горячей любовью и верой в русского человека, какими была проникнута государыня императрица, несмотря на то, что от нас – русских, она ничего не видала, кроме насмешек и оскорблений. Нет тех кар, которыми русский народ может искупить свой великий, несмываемый грех перед царской семьей, и, переживая теперь все нескончаемые несчастья нашей родины, я могу сказать, что, продолжайся они еще 10, 20, 30 лет, это было бы вполне заслуженное нами наказание».

«О Боже, спаси Россию»

Приведу и слова Гурко:

«Здесь именно сказалась ее в высшей степени благородная, возвышенная натура. Когда в Тобольске у нее закралась мысль, что государя хотят увезти, чтобы путем использования его царского престижа закрепить условия Брест-Литовского мира, ей и в голову не пришла возможность использовать это для восстановления своего царского положения или хотя бы для избавления дорогих ее сердцу детей и мужа от дальнейших страданий. Мысли ее в тот момент всецело были сосредоточены на России, на ее благе, на ее чести, и она решается даже расстаться с наследником и тремя из своих дочерей, чтобы ехать вместе с государем и поддержать его в отказе от санкционирования чего-либо невыгодного для России.

Письма ее из Тобольска к А.А. Вырубовой об этом свидетельствуют с необыкновенной яркостью:

«О Боже, спаси Россию, – пишет она 10 декабря 1917 года. – Это крик души днем и ночью, всё в этом для меня. Только не этот постыдный ужасный мир», – и дальше:

«Нельзя вырвать любовь из моего сердца к России, несмотря на черную неблагодарность к государю, которая разрывает мое сердце. Но ведь это не вся страна. Болезнь, после которой она окрепнет».

«Такой кошмар, что немцы должны спасти Россию; что может быть хуже и более унизительным, чем это...» – пишет заточенная царица, когда до нее доходят в марте 1918 года сведения о том, что немцы предполагают свергнуть большевиков.

«Боже, что немцы делают. Наводят порядок в городах, но всё берут... уголь, семена, всё берут. Чувствую себя матерью этой страны и страдаю, как за своего ребенка, и люблю мою родину, несмотря на все ужасы теперь и все согрешения».

Сколько бескорыстной любви в этих словах, сколько самоотвержения, при полном отсутствии малейшей жалобы на положение свое и семьи, – сколько благородного чувства!»

Александре Федоровне ставили в вину фразу: «Я борюсь за моего господина и за нашего сына», истолковывая ее таким образом, будто царицу не трогает ничего, кроме семьи. Но эти слова значат совсем другое. Она с самого начала воспринимала себя не как немку на русском престоле, а как православную царицу, которой надлежит всей жизнью подтвердить правильность выбора русского императора.

Ковыль-Бобыль:

«Когда великая княгиня Виктория Федоровна заговорила о непопулярности царицы, Николай Второй, прервав ее, сказал:

– Какое отношение к политике имеет Alice? Она сестра милосердия – и больше ничего. А насчет непопулярности – это неверно.

И он показал целую кипу благодарственных писем от солдат».

Бесконечно жаль, что нападки на Александру Федоровну привели к тому, что она не выступила открыто против начала войны, опасаясь упреков в адрес царя. Если бы она заговорила, то с помощью отца смогла бы убедить Николая в пагубности предпринятого им шага. Но увы.

Вернемся к разговору между отцом и Николаем. Последняя фраза, обращенная им к отцу:

– Я вынужден просить тебя не осуждать публично мои начинания.

Николай простился с отцом и вышел из комнаты. Потом к отцу подошла Александра Федоровна. Царица положила ладонь на щеку отца, а он взял ее руку в свою и поцеловал.

Александра Федоровна сказала:

– Не отчаивайся. Твое время не кончилось. Ты нам нужен, теперь и всегда.

Это был дружеский жест. Но прежние времена вернуться не могли.

Глава 26. Напасти

Распутин пошел вразнос – «Приезжай, я тебя повешу» – Еврейский вопрос – Евреи при дворе – «Прости, я не могу помочь» – Аннушка в опасности – Исцеление – Звонок от царицы

Распутин пошел вразнос

После этого не было и речи о появлении отца во дворце. Очень редко отец навещал Александру Федоровну и в маленьком домике Анны Александровны, располагавшемся в парке Царского Села. Звонила же Александра Федоровна иногда и по два раза в день, справляться об отце и сообщать о здоровье царевича.

Варя продолжала ходить в гимназию. Я же оставила учебу и начала брать уроки французского языка у частного учителя. Если бы отец тогда был более здоровым душой и телом, уверена, он бы очень возражал против моего решения. Но он сильно переменился.

Случись нападение на него хотя бы годом раньше, он быстро оправился бы от ран, но сейчас он, казалось, и не хотел выздоравливать. Думаю, виной тому непонимание и даже разлад между ним и горячо любимым им Николаем.

Дело усугублялось тем, что вместе со здоровьем из отца уходила и способность исцелять людей.

Пытаясь заглушить боль и стыд, отец начал пить. Это приносило лишь временное облегчение. Чем больше он пил, тем больше ему приходилось пить, чтобы загнать боль поглубже. Всё это подрывало его физические и духовные силы.

Отец молился с прежним рвением, но его накрывала новая «темная ночь души». Молитвы оставались без ответа. В те дни отец был похож на внезапно ослепшего.

Кроме меня – а он никогда не любил обременять своих детей личными проблемами – был только один человек, к которому он мог обратиться за утешением и пониманием. Верная и любящая Дуня лучше всех проникала в охватившее его смятение. Она считала, что в нынешнем состоянии отцу было бы лучше вернуться домой, в Покровское. Но отец не желал отдаляться от царской семьи.

Отец метался в поисках избавления от надвигавшейся ночи. Только Дуне удавалось хотя и немного, но всё же сдерживать его, не позволять окончательно уничтожить самого себя.

Но Господь решил подвергнуть отца еще одному испытанию: Дуня получила из Сибири телеграмму с сообщением, что ее мать при смерти. Решили, что Катя приедет в Петроград ей на смену. Конечно, Катя была отличной хозяйкой и кухаркой, но она не могла стать для хозяина ангелом-хранителем.

Отец пошел, что называется, вразнос.

«Приезжай, я тебя повешу»

Вести с фронта во второй половине 1915 года приходили плохие и становились всё хуже. Львов пришлось сдать, следом русские войска, испытывавшие нехватку в оружии, оставили Варшаву. Вся Польша была захвачена немцами и австрийцами.

Душевно терзаясь от невозможности как-то помочь несчастным на фронте, отец, как его ни отговаривали, послал великому князю Николаю Николаевичу записку, в которой просил разрешения приехать в передовые части, чтобы помолиться вместе с солдатами.

Великий князь, упивавшийся собой даже в поражении русских войск, ответил: «Приезжай, я тебя повешу».

Прекрасно понимая, что это сказано не ради красного словца, отец всё равно порывался ехать. Только мысль об Алексее остановила его.

До царицы донесли, что великий князь Николай Николаевич уже похваляется, что лично казнит «этого грязного мужика». Все, кто еще сохранял способность думать непредвзято, не сомневались в причинах такой болезненной ненависти.

Однако великий князь зашел слишком далеко. Не стесняя себя в ругательствах отца, он приобрел врага в лице царицы. В одном из писем к Николаю Александра Федоровна писала:

> «Твой Друг молится о тебе день и ночь, и Господь его услышит. Здесь начинается слава твоего правления. Он так сказал, и я ему верю. Пускай отставка Николашки произойдет как можно быстрее. Никаких колебаний».

«Друг» – это мой отец, а «Николашка» – семейная кличка великого князя.

Последовав совету царицы (то была воля Божья, как он считал), царь сместил великого князя, обвинив его в неумелом руководстве войсками, и взял на себя обязанности главнокомандующего.

Но было слишком поздно исправлять эту ошибку, когда была допущена главная ошибка – начата война.

Общество, напичканное агентами старого двора, постаралось истолковать решение Николая не в его пользу. И такой маневр удался. В интригу была вовлечена и Дума, и правительство. От поддержки первых недель войны у царя не осталось почти ничего.

Еврейский вопрос

Когда русские войска оставляли Польшу, они сгоняли с мест еврейские общины и расселяли их по различным местам России – всё это из-за ошибочного убеждения, будто евреи настроены прогермански. В России же их, с голоса великого князя Николая Николаевича, считали немецкими шпионами и поступали соответственно.

О еврейском вопросе в России я впервые узнала от Симановича, что понятно. Разумеется, он говорил у нас дома не только об этом. Но известно ведь, что «голос крови» у людей этого племени говорит громче, чем у других. Я это замечаю только в похвалу. Ведь если бы и другие давали себе труд так биться за единоверцев, мир изменился бы в лучшую сторону.

Отец уважал Симановича, иначе не держал бы его возле себя так долго. И надо сказать, что Симанович не оставил нашу семью. О нем ходит много слухов. Соглашусь, за Симановичем водится немало темных делишек. И у меня есть причины злиться на него. Но все-таки он помог мне, когда я хотела получить по суду деньги от Феликса Юсупова как от убийцы отца и виновника моего бедственного положения. Юсупов, правда, и здесь вывернулся. До меня доходили разговоры, что он дал отступного Симановичу за мое молчание. Но в это я не верю.

Как бы там ни было, Симанович прекрасно знал положение евреев в империи и судил о нем с сердцем. Чувствительный к чужому горю, отец не мог оставаться равнодушным и в этом деле.

У Симановича:

> «Для Распутина было решающим то, что проситель нуждался в его помощи. Он помогал всегда, если было только возможно, и он любил унижать богатых и власть имущих, если он этим мог показать свои симпатии бедным и крестьянам. Если среди просителей находились генералы, то он насмешливо говорил им: «Дорогие генералы, вы привыкли быть принимаемыми всегда первыми. Но здесь находятся бесправные евреи, и я еще их сперва должен отпустить. Евреи, подходите. Я хочу для вас всё сделать».
>
> Далее евреи уже поручались мне, и я должен был от имени Распутина предпринимать соответствующие шаги.
>
> После евреев Распутин обращался к другим посетителям, и только под самый конец он принимал просьбы генералов. Он любил во время своих приемов повторять:
>
> – Мне дорог каждый приходящий ко мне. Люди должны жить рука об руку и помогать друг другу.

Однажды я нашел Распутина в большом волнении и заключил из этого, что с ним происходит что-то особенное и опять проявляется его «сила». Он меня действительно удивил ошеломляющим сообщением:

– Слушай, Арон, в Киеве готовится еврейский погром. Ты должен принять меры.

Можно себе представить, насколько меня такое сообщение поразило. Я имел в Киеве много родственников, и нападки на евреев мне и так причиняли много хлопот. На мою просьбу о сообщении подробностей Распутин ограничился еще более неясным намеком:

– Нужно будет кончить со стариком, – сказал он.

Прозвище «старик» нами всегда употреблялось для председателя Совета министров. В то время эту должность занимал Столыпин. Намек Распутина я мог понять только в том смысле, что Столыпин скоро умрет. Ближайшие подробности о предстоящем несчастье мне не были сообщены.

Я старался разузнать у Распутина, почему Киеву угрожает еврейский погром и каким путем можно его предотвратить. В случае необходимости я хотел послать в Киев предупреждение. К моему удивлению, Распутин объяснил мне, что избежать погрома можно лишь в том случае, если царь при своей поездке в Киев не возьмет с собой Столыпина, так как Столыпина в Киеве убьют, и он больше не вернется в Петербург.

Я должен сознаться, что, даже при моей вере в способность Распутина предсказывать будущее, это откровение мне показалось маловероятным.

Несмотря на мою малообразованность, во мне часто возникали сомнения в возможности тому подобных чудес и что не кроется ли за ними надувательство. Однако многое из деятельности Распутина возбуждало во мне большое изумление. Что же касается указанного предсказания, то я не знал, что о нем думать. Несколько дней спустя Распутин рассказывал мне, что он имел с царем беседу по поводу его предстоящей поездки в Киев. Результатом беседы он был очень недоволен. Он предупреждал царя и советовал ему не брать с собою Столыпина. Хотя он и не предупреждал самого Столыпина о грозящей ему опасности, ибо он не был его другом, но так как царь в нем нуждался, то нужно было его щадить. Столыпин меня не трогает, пояснил Распутин, и я не хочу подставлять ему ногу.

Царь также не обратил особого внимания на это предсказание Распутина. Он не хотел отказаться от сопровождения его Столыпиным.

Это послужило поводом недовольства Распутина, которое не было вызвано тщеславием, а сознанием того, что поездкой решается судьба Столыпина.

Столыпин поехал в Киев и был там убит агентом Киевской охранной полиции евреем Багровым.

Когда я впоследствии рассказывал этот случай моим знакомым из придворных кругов, то некоторые из них высказали мысль, что царь, может быть, потому и взял с собой Столыпина, что верил предсказаниям Распутина.

Я считаю это мнение совершенно необоснованным. Хотя Николай и верил предсказаниям Распутина, но это предсказание могло и ему показаться слишком невероятным, чтобы ему верить.

После покушения на Столыпина царь послал Распутину телеграмму: «Что делать?» Распутин ответил телеграммой: «Радость, мир, спокойствие! Ты, миротворец, никому не мешаешь. Кровь инородцев на земле русского царя столь же ценна, как своих собственных братьев».

Царь распорядился о принятии всех мер против возможных выступлений против евреев. Реакционеры были разочарованы. Погром не состоялся».

Но всё сказанное Симановичем по этому поводу ни в коем случае нельзя понимать как выделение одних за счет других. Это было совершенно противно убеждениям отца.

Евреи при дворе

В обществе говорили о враждебном отношении Николая Второго к евреям. Но правдой это было только отчасти. Отец не раз говорил, что царя настраивают против евреев родственники и министры. Главной картой противников евреев при дворе был вопрос о «еврейском засилье». Неудивительно, что это имело последствия.

В то же время при царском дворе всегда были евреи. А когда особую силу набрал еврейский капитал, многие даже из самых знатных фамилий решались вступать с богатыми евреями в родственные отношения – это происходило посредством заключения весьма выгодных браков. Так были поправлены многие состояния.

Интересно, что Александра Федоровна, выросшая при английском дворе, вообще не имела понятия о еврейском вопросе и только в России получила представление о нем.

Как бы там ни было, Николай тут же после принятия им командования над армией отменил практиковавшиеся Николаем Николаевичем притеснения евреев.

Не без гордости я говорю, что благодаря именно отцу был принят закон, защищающий права евреев, в том числе право на обучение в государственных школах.

«Прости, я не могу помочь»

С тем временем у меня связано одно воспоминание, которое мучает меня все эти годы.

Как-то к нам пришла незнакомая старуха, изувеченная артритом настолько, что походила на сгоревшее дерево. Она страдала от невыносимой боли и умоляла отца помочь.

Отец взял ее руку в свою и начал молиться.

По его лицу было видно, что он растерян.

Он не чувствовал в себе прежней силы. Несчастной не становилось лучше.

Отец, сглатывая слезы, сказал:

– Прости меня, бабушка. Господь отнял у меня силу.

Это было последним ударом: сперва покушение, от которого он так и не оправился, потом охлаждение отношений с Николаем, теперь – это.

Господь будто оставил его.

Когда Дуня вернулась после похорон матери, то увидела исхудавшего, похожего на покойника человека, обессилевшего после многомесячных кутежей.

Наступило Рождество. Всегда такое радостное, сейчас оно казалось неуместным и даже кощунственным. Это было не только настроение нашего дома, но всех домов, которые я знала.

Отец таял на глазах. Дуня уложила его в постель. Она ухаживала за ним, как за ребенком, и одновременно тянула на себе весь дом – Катя вернулась в Покровское.

Аннушка в опасности

Я была в гостях у Маруси Сазоновой, когда пришло известие, что Анна Александровна попала в ужасную железнодорожную катастрофу. Она ехала из Царского Села в Петроград. Из-за сильного снегопада машинист не заметил какого-то важного знака, произошло столкновение двух паровозов. Анну Александровну ударило по голове упавшей балкой, ноги зажало и раздавило обломками. Ее вытащили из вагона и положили вместе с другими пострадавшими в зале ожидания на ближайшей станции.

Прибывшие доктора бегло осмотрели бездыханную Анну Александровну и убедились в близости ее к смерти. Они сочли преступным тратить на нее время, когда среди жертв были такие, которым еще можно было помочь. Анну Александровну оставили умирать. И так она пролежала много часов. К счастью, она почти не приходила в сознание и не страдала от боли.

Когда известие о происшествии достигло дворца, оттуда немедленно послали карету скорой помощи за Анной Александровной. Ею тут же занялись доктора, сетуя на упущенное время.

Обо всем этом я, давясь слезами, рассказала отцу.

Когда я дошла в своем рассказе до слов: «Она совершенно безнадежна», – отец с трудом стал выбираться из постели. Позвал Дуню, чтобы та помогла ему одеться.

Не обращая внимания на ее протесты, он приказал нанять автомобиль, чтобы везти его в Царское Село. (Тогда «наш» автомобиль кем-то из чиновников двора был радостно отобран у нас). Я побежала за ним.

Еще час назад отец не мог самостоятельно поесть, но страшная весть заставила его двигаться – он был нужен Анне Александровне, которую искренне любил. Кроме того, со смертью Анны Александровны оборвалась бы тонкая ниточка, продолжавшая связывать отца и царскую семью.

Если бы отцу кто-то сказал, что он по своей воле поедет в Царское Село, где может столкнуться с царем, так обидевшим его, он бы не поверил. Сейчас же разрыв с царем и то, как истолкуют появление его среди придворных, ничего не значили.

Исцеление

Отец молча прошел мимо Николая. Царица стояла у изголовья кровати Анны Александровны. Отец опустился на колени у постели больной, взял ее за руку и произнес мягко, но настойчиво:

– Аннушка, Аннушка, проснись, поглядь на меня!..

Не дождавшись ответа, он снова позвал, на этот раз громче.

Веки ее задрожали и приподнялись.

– Отец Григорий, слава Богу. – И она снова впала в забытье.

Я заплакала, уверенная, что Анна Александровна умирает.

– Тише, дитя, – сказал отец, с трудом поднимаясь с колен. Затем каким-то непривычным, чужим голосом обратился к царю и царице:

– Она будет жить, но калекой.

Казалось, отец хочет сказать Николаю и Александре Федоровне еще что-то, но он повернулся ко мне:

– Пойдем.

Мы вышли из комнаты. Я шла позади него и видела, насколько ему самому плохо.

Когда за нами закрылись высокие двери, отец зашатался, колени его подогнулись. Я не смогла бы его подхватить, он был слишком большой для меня, но всё равно бросилась к нему – слишком поздно. Он упал навзничь, сильно ударившись о пол. Я закричала.

Слуги бросились его поднимать, а я держала его за руку. Она была ледяной, а лицо – пепельно-серым, совершенно безжизненным.

– Позовите доктора! – кричала я.

– Не надо! Отвези меня домой.

Слуги отнесли его к автомобилю, где ждала Дуня. Мы усадили отца, и Дуня велела шоферу быстро везти нас домой.

Там Дуня немедленно уложила отца в постель. Удостоверившись, что отец спокойно уснул, она пришла ко мне на кухню. Лицо ее было мрачным.

Она сказала:

– Думаю, ему недолго осталось жить. Пойдем, посидим с ним.

Звонок от царицы

Мы вместе смотрели на отца. Дыхание его было поверхностным, щеки ввалились, лицо белое, почти как наволочка, кожа туго натянута на скулах и похожа на пергамент. Тело холодное, как у мертвого.

Вернувшись из гимназии, Варя присоединилась к нам. Мы просто сидели у постели отца, то и дело подтыкая одеяло, как будто это могло его согреть.

Телефон зазвонил, когда я как раз сокрушалась, что Александра Федоровна не задержала отца.

Звонила царица.

Ей только что сообщили, что отцу сделалось плохо, и она хотела узнать, не надо ли чего. Я поблагодарила. Но, очевидно, в моем тоне прорвались ноты обиды. Александра Федоровна всё поняла. Она сказала:

– Все мы, сбитые с толку, допускали ошибки, неверные суждения. Но сейчас важно, чтобы твой отец поправился.

Александра Федоровна сказала, что послала цветы, и попросила уверить отца в ее глубокой к нему привязанности.

Скоро цветы прибыли, это оказался огромный букет, а с ним – большая корзина с фруктами, такая тяжелая, что одному из переодетых полицейских, вышагивавших целыми днями у нас под окнами, пришлось помочь посыльному втащить ее вверх по лестнице.

Отношения с царской семьей были восстановлены, но чего это стоило отцу...

Позже отец говорил, что, входя в комнату, где лежала Анна Александровна, он не знал, способен ли вылечить порез на пальце, не то, что сломанные ноги и разбитую голову. Но уже поднимаясь с колен у постели больной, отец почувствовал, как сила возвращается к нему. Так и было.

Глава 27. Поиски виноватого

Кто кем вертит? – Разница между советом и руководством – Случай или закон? – «Бессмертные штаны» – Каверзы и поклепы

Кто кем вертит?

Война складывалась для России неудачно. Завсегдатаи салонов стали искать козлов отпущения. Первыми подняли крик, как водится, именно истинные виновники: тыловые генера-

лы, армейские поставщики, зем-гусары, чиновники высших классов, советчики царя в Ставке и во дворце.

Искусно возбуждаемая толпа, казалось, только того и ждала.

Петроград узнал, что такое погромы магазинов и лавок, чьими хозяевами значились люди с немецкими фамилиями. При этом никто не думал о действительном отношении их к России.

Надо ли объяснять, что целью этих действий была Александра Федоровна. К тому, о чем говорили еще в самом начале войны, добавились совсем уж нелепые слухи: якобы Александра Федоровна – немецкая шпионка; у нее в Царском Селе построен секретный радиопередатчик, с помощью которого она посылает шифром подробные планы военных действий России кайзеру. Не оставлен был без внимания и отец – его записали в платные агенты Германии.

При дворе были хорошо осведомлены, что Вильгельм через своих агентов пытался привлечь Александру Федоровну к проведению германских интересов. Но всякий раз царица (и в мирное время отстранявшаяся от слишком назойливых приветов своих немецких родственников) не просто отказывалась, а с возмущением объясняла невозможность предлагаемого. Но кто из представлявшихся друзьями Александры Федоровны защитил ее в мнении общества? В лучшем случае они молчали, а если и говорили, то очень тихо.

Когда Николай отстранил от должности главнокомандующего – патологически-эгоистичного и бесталанного великого князя Николая Николаевича, это сочли победой Александры Федоровны, которая «вертит царем, как хочет».

Вообще же этот вопрос очень трудный для толкования.

Между Александрой Федоровной и Николаем существовали отношения, которые в силу особенностей их личностей могли при известном освещении показаться именно такими – царица диктует, а царь исполняет. Но с жизнью это не имеет ничего общего.

Действительно, когда царь встал во главе действующей армии, царица сочла необходимым, насколько это возможно, заменить его. Но заменить, а не подменить собой.

Воейков:

> «Можно думать, что государыня, под влиянием Распутина, распоряжалась всеми назначениями и разрешала важные государственные вопросы. На самом же деле это было далеко не так: если судить по результатам, число лиц, кандидатуру которых поддерживала императрица, было прямо ничтожно. Ярким подтверждением сказанного могут служить напечатанные ныне письма императрицы: если кто-нибудь даст себе труд ознакомиться с именами лиц, упомянутых в ее письмах за время войны, когда государь отсутствовал, то убедится, что число их столь незначительно по сравнению с количеством лиц, получивших за этот период назначения, что математически будет выражаться не процентом, а лишь дробью процента.
>
> Что же касается вмешательства ее величества в управление государственными делами, я лично могу констатировать, что его не было. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь мог эту клевету подтвердить документальными данными. Конечно, как и в каждой семье, между их величествами не могли не затрагиваться в частной переписке и разговорах темы, имевшие отношение к текущим делам».

Разница между советом и руководством

Александру Федоровну много упрекали за ее письма Николаю, в которых содержались советы по текущим делам. При этом особые упреки раздавались по поводу упоминания в этих письмах имени моего отца. Отмечу, что Руднев, располагая всеми возможными документами, доказал, что отец не имел никакого влияния на ведение внутренней и внешней политики и во время войны тоже.

В записках Гурко читаем:

> «При этом Распутин утверждал, что он обладает даром безошибочно определять степень преданности тех или иных лиц царствующему дому. Вера государыни в божественную силу Распутина была безгранична. Усматривая в его безграмотных и нарочито затуманенных телеграммах какой-то глубокий, сокровенный смысл, она их тщательно переписывала на отдельном листе и снабжала ими своего супруга. Ему же она сообщает все вновь получаемые ею от Распутина телеграммы, причем неизменно настаивает на исполнении всех его советов. Само собой разумеется, что и доверие ее к Распутину также было безгранично. Получив секретный маршрут путешествия государя по фронту, она пишет: «Я, конечно, никому ни слова об этом не скажу, только нашему Другу, чтобы он тебя всюду охранял».

> Предлагая государю на ту или иную должность своего кандидата, она неизменно сообщает об его отношении к Распутину. Так о князе Урусове, которого она прочит на пост обер-прокурора Св. Синода, она поясняет в скобках: «Познакомился с нашим Другом». Говоря о кандидатуре на ту же должность Гурьева, она пишет: «Любит нашего Друга». Относительно Петроградского градоначальника кн. Оболенского она утверждает: «Он стал лучше с тех пор, как слушается советов нашего Друга». Про А.Н. Хвостова и его кандидатуру на пост министра внутренних дел она решительно заявляет: «С тех пор, как и наш Друг за него высказался, я окончательно уверовала, что это лучшее назначение». Передает Александра Федоровна государю и указания Распутина, касающиеся способа ведения войны и направления наших усилий на ту или иную часть фронта. Мало того, с очевидной непоколебимой верой в чудотворную силу Распутина Александра Федоровна сообщает государю, что, узнав о наших каких-то военных операциях, успеху которых помешал туман, Распутин «выразил сожаление, что не знал об этих операциях раньше, ибо в таком случае тумана бы не было, но что, во всяком случае, туман впредь мешать нам не будет». Надо, однако, признать, что Распутин, проводя своего кандидата, сперва тщательно старался выяснить степень приемлемости его самой государыней и лиц, ей неугодных, поддерживать не решался, хотя бы это и входило в его расчеты. Так, например, он состоял в близких сношениях с Витте, но, зная отношение к нему царской четы, и заикнуться о нем не смел».

Конечно, Гурко не верит в то, что отец мог распознавать людей. Но при этом было известно, как много давал отец подтверждений именно этой своей способности. Ведь многие из знакомых Гурко поплатились карьерой именно потому, что отец смог предупредить их дурные намерения. (За каждым человеком числятся грехи. За кем – большие, за кем – меньшие. На то и раскаяние дается. Сам Владимир Иосифович Гурко был отмечен доверием царя и имел чин камергера. Но после назначения на должность в Министерство внутренних дел не удержался и попользовался казенными деньгами. В тот год разразился голод, и Гурко заключил сделку с неким купцом о поставке хлеба в бедствующие губернии. Сумма доходила до миллиона. Нуждающимся же хлеба попало очень мало. Мошенничество вышло наружу, Гурко отставили).

Он же пишет, что в телеграммах отца не было смысла. Соглашусь, не было – для тех, кто не мог их понять. Впрочем, об этом я уже говорила.

Гурко попрекает Александру Федоровну в ссылках на отца. Но что же делать, если при дворе не нашлось честного человека, кроме отца, мнением которого можно было мерить других.

И другое. Александру Федоровну ругали за то, что она прислушивалась к советам отца по всякому поводу. Но есть очень много свидетельств того, как она поступала по собственному усмотрению и в противоположность мнению отца. И тот же Гурко пишет, что представляется весьма сомнительным, мог ли бы Распутин, невзирая на всё свое влияние, заставить царицу отказаться от осуществления какого-либо намерения, которое она горячо желала исполнить. Она осознавала себя царицей, и правила самодержавия были ею усвоены вполне. Надо понимать разницу между советом и руководством.

Случай или закон?

Еще один важный пункт. Иногда Александра Федоровна, чтобы придать больший вес своим предложениям, ссылалась на отца, который часто и не принимал участия в обсуждениях.

В тех же случаях, когда исполнялись советы отца, получалось почти всегда хорошо. И Гурко вынужден это признать:

> «Увеличилась у Николая Второго и Александры Федоровны вера в правильность советов Распутина и после того, как принятие государем верховного командования армией не только не имело тех дурных результатов, которых опасались министры, а наоборот, вызвало заметное улучшение нашего положения на фронте. Между тем в той упорной борьбе, которую вынес государь по поводу задуманного им личного возглавления армии, его усиленно поддерживал Распутин, и государыня это впоследствии неоднократно напоминала царю».

Подчеркну: «Увеличилась вера и после того...» Значит, это не единственные примеры, если вера увеличилась.

Конечно, Гурко называет это случайным стечением обстоятельств. Но при иных обстоятельствах он назвал бы это законом.

«Бессмертные штаны»

Гурко явно с осуждением приводит слова Александры Федоровны из одного ее письма Николаю в Ставку:

> «Уверяю, я жажду показать всем этим трусам свои бессмертные штаны, я вижу, что присутствие моих черных брюк в Ставке необходимо, такие там идиоты».

(Поясню, что Александра Федоровна иногда, подтрунивая над Николаем, видя его нерешительность в чем-либо, говорила: «Я ношу штаны, а не ты»). Гурко усмотрел в словах царицы претензию на руководство, в частности, войной. Но это не так. «Такие там идиоты» – вот ключ к тому, что в действительности сказала Александра Федоровна. Даже ее слабые возможности способны повлиять на положение там, где находятся люди, подобные обретавшимся тогда возле царя. Александра Федоровна только это «штанами» и сказала.

Но даже недоброжелатели не могли не замечать усилий, которые прилагала Александра Федоровна, чтобы помочь раненым. При этом важно, что делала это она по наставлению отца. Александра Федоровна говорила Анне Александровне: «Я замечаю, что в моем присутствии больные действительно держатся спокойнее, когда я держу их за руку, они говорят, что боль утихает. Я думаю, это от того, что все мои мысли сосредоточены на нашем Друге. Я стараюсь поступать, как он».

Гурко:

> «Осенью 1915 года во дворец прибыла депутация от Св. Синода, привезшая государыне благословенную грамоту за ее деятельность на пользу раненых; государыня была столь смущена, что заявила о невозможности для нее выйти к прибывшим архипастырям, так как чувствует, что горловая спазма лишит ее способности промолвить хотя бы несколько слов. Надо было употребить много усилий, чтобы убедить ее выйти к иерархам церкви, причем маленький наследник принимал в этих уговорах очень деятельное участие».

Каверзы и поклепы

Однако это не мешало врагам трона продолжать плести интригу.

Здесь приведу свидетельство Руднева относительно того, к каким уловкам прибегал «честнейший молитвенник» Труфанов:

> «Года за полтора до переворота 1917 года известный бывший монах Илиодор Труфанов прислал в Петроград из Христиании свою жену с поручением предложить царской семье купить у него в рукописи написанную им книгу, выпущенную впоследствии под названием «Святой черт», где он описывает отношение Распутина к царской семье, набрасывая на эти отношения тени скабрезности. Этим вопросом заинтересовался Департамент полиции, и на свой риск и страх вступил в переговоры с женою Илиодора о приобретении этой книги, за которую Илиодор просил, насколько помню, 60˙000 руб. В конце концов дело это было представлено на усмотрение императрицы Александры Федоровны, которая с негодованием отвергла гнусное предложение Илиодора, заявив, что «белое не сделаешь черным, а чистого человека не очернишь»».

Кстати, отец часто повторял: «Всё минется, одна правда останется».

По соображениям Труфанова и его покровителей, подлинным правителем России был мой отец. Дальше рисовалась леденящая картина: «безумный монах» (так прозвал отца Труфанов, хотя тот ни монахом, ни безумным не был) и Анна Александровна Вырубова вступили в сговор с немецкой шпионкой, царицей. Их цель – гибель России.

Трезвой мысли в поклепах искать трудно. Зато можно одним замечанием разрушить и без того шаткий домик наговора.

В ряд заговорщиков поставлена Анна Александровна. Ей в вину кроме любви к царской семье и привязанности к отцу недоброжелатели трона поставить не смогли ничего. Но и этого оказалось достаточно: зачем любит?

На какие каверзы, какое шпионство она при своем простодушии была способна? Какие секреты выведывать? Какие тайны хранить? Она, сделавшая достоянием света потаенные страницы личной жизни...

На руку врагам трона были и «невинные» забавы молодых аристократов. Анна Александровна как-то рассказала, как ее невестка, придя на чай, смеясь, сообщила:

– Мы распустили новые слухи о Николае. Это так весело!

Глава 28. Смерть рядом

Диета Феликса – «Ему нужен я» – «Афедроны помешали» – Попытка совращения – Ожидание ужаса – Прощание с царской семьей – Печать гибели – Утро последнего дня – Последний ужин – Круг замкнулся

Диета Феликса

Участь России не сказывалась на судьбе Феликса Юсупова, который старался, не слишком, впрочем, усердно, стать нормальным мужем.

В марте 1915 года Ирина Александровна родила ему дочь. Царь принял на себя хлопоты крестного отца, а вдовствующая императрица, прабабушка ребенка, – крестной матери.

Вскоре после этого отец Феликса был назначен генерал-губернатором Москвы, но там он вскоре попал в затруднительное положение из-за своих диктаторских замашек.

Выставляя идейные начала в разговорах о причинах участия в убийстве моего отца, Феликс никогда, разумеется, и не заикался об истории отставки в 1915 году Юсупова-старшего с поста начальника Московского военного округа. Не в силах мстить царю, он мстил моему отцу. Уверена, что он складывал свою месть из камешков, представлявшихся ему глыбами. Но это было так мелко!

Феликс Сумароков-Эльстон не был надежным человеком для такой должности. Сказалось то, что, получив через женитьбу титул князя Юсупова, он старался утвердиться в новом «сиятельном» положении. Но делал это слишком напористо. Он считал любое противодействие личным вызовом и следствием предательства и был убежден, что несогласные с ним действуют заодно с партией сторонников Германии, относя к последним царицу и моего отца. Сумароков-Эльстон с готовностью присоединился к заговору, преследовавшему цель свергнуть царя, заточить царицу в монастырь и сослать моего отца обратно в Сибирь.

Мой отец (вернее, его смерть) превратился для Феликса в навязчивую идею. Но Феликс не был бы самим собой, если бы не нагромоздил вокруг пошлого уголовного убийства «роковые страсти», сообразные его противоестественным наклонностям.

Семейную жизнь с Ириной Александровной Феликс называл «диетой». Опыт порочной страсти никогда не оставлял его. (При этом не стану отрицать – Феликс любит жену и живет с ней до сих пор. Хотя кто заглядывал в их спальню?) Отношения с Дмитрием, то возобновлявшиеся, то затухавшие, не слишком привлекали Феликса. С полным подчинением Дмитрия для Феликса исчезла острота, а значит, притягательность связи.

«Ему нужен я»

Подчинить себе Распутина, подавить и раздавить – вот цель, достойная артиста, каким, без сомнения, воображал себя Юсупов.

По Петербургу ходили слухи, похожие на сказку. Будто бы Феликс закрывается в особой комнате своего огромного дворца и часами смотрит на бесценную жемчужину «Перегрину» – гордость ювелирной коллекции рода Юсуповых. Эта жемчужина – по преданию – одна из двух, принадлежавших некогда египетской царице Клеопатре. Вторую великая грешница растворила в уксусе на пиру, данном ею в честь Антония. Так вот, Феликс будто бы впадал в мистический транс от созерцания огромной жемчужины и, выходя из комнаты после сеанса, воображал себя самой Повелительницей Египта. Не знаю, правда ли и другое: будто Феликс в память своего кумира Уайльда устраивал тайные представления пьесы «Суламифь», где роли и Суламифи, и Иоанна Крестителя исполняли мальчики из балетных. В главный же момент действия проливалась настоящая кровь. Подробности передавались самые отвратительные.

Нуждаясь в доверенном лице, Феликс отправился навестить Марию Евгеньевну Головину. Он изложил ей свои желания, напустив поэзии ровно столько, сколько понадобилось, чтобы сбить с толку добрую душу, полную сочувствия. В подобных делах Мария Евгеньевна была невежественна и поняла всё так, будто бедный Феликс наконец-то захотел излечиться. Она с жаром принялась уговаривать его повидаться с человеком, которого считала воскресшим Иисусом Христом. Как бы там ни было, их цели сошлись.

Местом встречи был назначен снова дом Головиных. Там, перемолвившись парой слов, Феликс и отец договорились о следующей встрече – у нас дома.

Как-то мы с Варей, вернувшись с прогулки, увидели красивого изысканно одетого молодого человека, беседовавшего с отцом в столовой. Это и был князь Юсупов. Мы пробыли в столовой не больше пяти минут, обменявшись ничего не значащими фразами. Я обратила внимание только, что на столе стоял один бокал с вином. При нас отец отпил из него один раз, а потом Феликс не выпускал бокал из рук, то и дело прикасаясь губами к краю в том месте, где оставались следы губ отца.

После ухода Феликса я спросила отца, зачем тот приходил. Отец ответил, что за помощью. И добавил:

– Ему нужен я.

С того дня молодой Юсупов стал у нас в доме постоянным гостем.

«Афедроны помешали»

Несмотря на то, что война продолжалась уже более двух лет, Юсупов ни разу не выказал желания отправиться на фронт.

Тогда существовал закон, принятый в интересах крестьянских семей, по которому единственного сына нельзя было призвать в армию. Однако в законе не уточнялось, что он применим только к крестьянским семьям. Этой лазейкой и воспользовался Феликс. Он действительно остался единственным сыном после смерти старшего брата – Николая, но его никак нельзя было отнести к числу «незаменимых кормильцев семьи». Тем не менее, он прикрывался этим законом до тех пор, пока царица выговорила ему за нежелание служить.

Деваться было некуда. Феликс записался в Пажеский корпус (там готовили офицеров). 29-летний Феликс оказался самым старшим среди однокашников, в большинстве почти подростков. Будь на месте Феликса нормальный мужчина, он стал бы опекуном младших, подавая хороший пример. Другой, но – не Феликс. Он усмотрел в своем новом положении приятные возможности. Говорили: «У Феликса закружилась голова в цветнике». Военные науки Феликс «не превзошел», – «афедроны помешали». Это правда, да и сам Феликс не скрывался.

Попытка совращения

Отец не обманывался относительно порочности Феликса и его намерений. Но он был уверен, что сумеет переломить волю князя. Была и еще причина, по которой отец взвалил на себя эту ношу.

Зная, что мать Феликса близка с великой княгиней Елизаветой Федоровной и что они обе возглавляют одну из самых деятельных оппозиционных царице групп, отец надеялся, что, помогая Феликсу, завоюет их дружбу или, по крайней мере, добьется их непротивления, сможет погасить ненависть и прекратить заговоры, убивавшие Россию.

Визиты князя держались в тайне, но Анна Александровна о них все-таки узнала. Она, думая предупредить отца, принялась уговаривать его прекратить встречи с Феликсом. Она говорила:

– Феликс погиб. Он способен за собой потянуть всех.

Отец отвечал:

– Пока пакостит, не погиб.

Думал, что успеет остановить и остановиться на краю.

Феликс же прилежно исполнял свою роль. Он делал вид, что поддается лечению, в то же время пытаясь вовлечь отца в игру на роль любовника.

Стараясь избежать огласки, Феликс всегда приходил к нам в дом по черной лестнице. Но в доме не считал нужным стеснять себя – говорил громко и откровенно. Слуги или те, кого он считал таковыми, в расчет не брались.

Дуня говорила:

– Он смотрел на меня незрячими глазами.

Однако Дуня была там и слышала их разговоры. От нее я и знаю о многом, что тогда происходило.

Однажды Феликс пришел пьяным. Не стал дожидаться отца в столовой, сразу проследовал в кабинет. Когда отец через несколько минут вошел туда, он увидел на кушетке голого Феликса. Не оставалось сомнений в том, что у Юсупова на уме.

Отец ударил Феликса и приказал убираться. Мгновенно протрезвевший Юсупов кое-как оделся и выбежал прочь.

Ожидание ужаса

Зима 1916 года даже для России была суровой. Приходилось туго всем. Хуже всех – солдатам на фронте от западной границы до самого Урала. Плохо одетые, плохо накормленные и плохо вооруженные, они совсем пали духом. Началось повальное дезертирство.

В Петрограде и Москве женщины выстраивались в очереди у хлебных лавок и стояли на морозе целый день. Подойдя к заветной двери могли узнать, что хлеба нет. Ввели нормы на уголь и дрова.

Отец впал в глубокое уныние.

Все сорок пять лет своей жизни, за исключением очень коротких периодов, мой отец был оптимистом. Он всегда считал, что на всякое зло найдется добро, которое победит это зло; на всякое страдание всегда найдется утешение; милостивый Господь всегда рядом с теми, кто обращается к Нему в нужде. Но все-таки нужно, чтобы люди к Нему обратились. Русские же, за редкими исключениями, вовсе не спешили поклониться Ему в ноги. А раз так, то им не на что надеяться; им уготованы уничтожение и гибель.

В своих мыслях он называл это «их» судьбой, но не своей собственной. Он почему-то знал, что его уже не будет, и ему не придется пережить последнего мучительного поражения и хаоса.

Обрывки видений являли отцу картину ужасающих несчастий. Он бродил по квартире, придавленный грузом своих предвидений.

Из-за небывалых холодов работы по хозяйству в Покровском замерли. Мама разрешила Дмитрию поехать навестить нас. После приезда Дмитрия отец немного повеселел. Но когда настала пора Дмитрию возвращаться в деревню, отец, предвидя будущее, попросил его остаться на Рождество. Сказал:

– Это Рождество будет последним, которое суждено встретить вместе.

Но Дмитрий обещал маме вернуться с Дуней в Покровское до Рождества и потому отказался.

Отец, конечно, оказался прав в своем предвидении.

Отец начал совершать длительные прогулки в одиночестве. Его сопровождали лишь охранники. Теперь он был слишком погружен в мрачные раздумья и не болтал с ними, как прежде.

Однажды под вечер, после прогулки по набережной, отец рассказал мне, будто видел, как Нева стала красной от крови великих князей. Потом отвернулся и, пошатываясь, прошел в кабинет. Там он написал длинное письмо, запечатал и отдал мне.

– Не открывай, пока не умру.

Я неловко рассмеялась, – не могла вообразить мир без отца.

Прощание с царской семьей

Тем временем Феликс нашел себе помощников.

Великий князь Дмитрий Павлович легко дал себя убедить в правоте Феликса. Уже вдвоем они принялись за поиски сообщников. Всё дело Феликс хотел обставить идейно. Он знал, что «большой круг» – вдовствующая императрица Мария Федоровна, великие князья, их жены и приближенные заранее приветствуют любые действия, направленные против Распутина. Последнее же средство – убийство – тоже найдет их одобрение.

Великая княгиня Елизавета Федоровна приехала из монастыря навестить Александру Федоровну и произнесла против Распутина обвинительную речь. Некоторые члены Думы, особенно Маклаков и Пуришкевич, поносили отца в каждом своем выступлении. А в Синоде всерьез обсуждали опасность «отвращения Распутиным царевича от православной веры».

Всё вокруг было враждебным.

Отец зачастил на «Виллу Родэ». В ответ на наши увещевания он раздражался (что было совершенно для нас непривычно, и так с ним, прежним, не вязалось) и буквально стонал в ответ:

– Скучно, затравили... Чую беду! Не могу запить того, что будет потом.

Как-то утром отец вернулся домой обессиленным и едва смог одолеть ступеньки. Упал на постель. Обхватил голову руками, давя пальцами на глаза. Было слышно едва различимое причитание:

– Только бы не видеть, только бы не видеть...

Вдруг раздался телефонный звонок. Я сняла трубку и узнала голос царицы. Она была взволнована, даже не пыталась скрыть истерики. Царевич отправился на фронт вместе с отцом, чтобы поднять боевой дух в войсках, и заболел.

– Только Григорий Ефимович может помочь.

Я бросилась к отцу. Он лежал, глядя невидящими глазами в потолок, и явно не слышал ни одного моего слова. Лицо его было пепельно-серым, руки ледяными.

Печать гибели

Отец знал, что смерть рядом.

Недаром же он за три дня до смерти попросил Симановича помочь ему советом в деле устройства им денежного вклада на имя мое и Варино.

О том, что отец понимал безысходность своего положения, говорит и то, что он решился сжечь все письма, записки и другие знаки внимания, полученные от Александры Федоровны, Николая и их детей, Анны Александровны. Ему помогал Симанович. В комнате они долго оставались сначала вдвоем, потом отец выходил на несколько минут. Возможно, Симанович воспользовался этим и что-то спрятал. Точно я утверждать ничего не могу. На все вопросы относительно тех событий он ничего мне сообщать не хотел.

По прошествии времени, когда открывается непонятное и даже необъяснимое раньше, легко утверждать – и я знал, что будет непременно так. Но в отношении отца всё и вправду сходилось. На его лице была печать смерти.

Для лучшего понимания тогдашнего настроения отца приведу случай, описанный Симановичем и произошедший гораздо раньше, в пору, когда отец пребывал в ином настроении духа:

> «Однажды была предпринята попытка убить Распутина. Несколько молодых людей и офицеров сумели устроить себе доступ к нему. Вначале всё было тихо, но когда Распутин вышел на середину комнаты, офицеры вскочили и обнажили свои шашки. У штатских появились в руках револьверы. Распутин отскочил в сторону, обвел заговорщиков страшным взглядом и вскрикнул: «Вы хотите покончить со мною!» Заговорщики стояли окаменелые, как парализованные. Они не могли отвернуться от взгляда Распутина. Все затихли. Случай произвел на всех присутствующих сильное впечатление. Распутин пояснил: «Вы были моими врагами, но теперь вы больше не враги. Вы видели, что моя сила победила. Не сожалейте, что вы сюда пришли, но и не радуйтесь, что вы можете уйти. Не существует больше такой власти, которая могла бы направить вас против меня. Ступайте домой». Молодые люди опустились перед Распутиным на колени и умоляли его их простить.
>
> – Я вас не прощу, – ответил Распутин, – так как я вас сюда не приглашал. Я не радовался, когда вы пришли, и не горюю, когда вы уходите. Теперь уходите. Вы излечены. Ваши гибельные намерения пропали.
>
> Заговорщики оставили помещение».

На следующий день позвонил Юсупов. Сказал, будто бы Ирину Александровну мучат сильные головные боли, лекарства не помогают, вся надежда на отца. При этом отец знал, что княгини нет в Петербурге – она еще не вернулась из Крыма.

Я умоляла отца не ехать к Феликсу. Но отец отмахнулся от моих страхов: «Я ему нужен». Он шел на заклание.

Встречу назначили на 16-е.

Утро последнего дня

Утром 16 декабря отец в неурочный день засобирался в баню.[39] Но, против обыкновения, при этом был совсем невесел.

Печально, но большую часть того дня меня дома не было.

Вечером пришла Анна Александровна. Она уже отбросила костыли, хотя сильно хромала. Ее послала царица – спросить совета отца, как поступить с больной ногой Алексея, а заодно передать подарки всем нам.

Я отвела Анну Александровну в столовую, где отец пил свою любимую мадеру. Предложила бокал гостье. Она сделала глоток и вздохнула:

– Мы с тобой изменились, Григорий Ефимович.

– Всё меняется, Аннушка.

---

[39] **В.Э.:** В 1916 году 16 декабря (по Юлианскому календарю) была пятница.

– Я вспомнила, как увидела тебя, когда ты вошел в комнату больного царевича. Рядом с Николаем ты казался великаном.

Она снова вздохнула и передала нам подарки:

– Ее величество считает, что положение не так серьезно, чтобы надо было ехать в Царское.

– Пожалуй, только не пускайте к нему врачей.

В глазах отца была бесконечная грусть. Он уже тогда знал, какой трагически короткой окажется жизнь мальчика.

Последний ужин

Подошло время ужина. Отец пил, но не пьянел. Даже вдруг пришел в веселое расположение духа. Катя подала ужин – рыба, черный хлеб, мед – все его любимые блюда. (Только сейчас я поняла – тот ужин был «ужином приговоренного». Перед казнью приговоренному принято давать любимую еду. Отец точно знал – это последний ужин).

Отец ушел в спальню переодеться. Позвал меня. (Я отметила, что он выбрал самую лучшую свою рубашку – шелковую, с голубыми васильками, – ее вышивала Александра Федоровна).

Отец стоял у раскрытого бюро. Я увидела пачку ассигнаций.

– Это твое приданое – три тысячи рублей, – сказал отец.

Около семи часов раздался звонок в дверь. Пришел Александр Дмитриевич Протопопов – министр внутренних дел, часто навещавший нас.

Вид у него был подавленный. Он попросил нас с Варей выйти, чтобы поговорить с отцом наедине. Мы вышли, но через дверь слышали всё.

– Григорий Ефимович, тебя хотят убить.

– Знаю.

– Я советовал бы тебе несколько дней не выходить из дома. Здесь ты в безопасности.

– Не могу.

– Отмени все встречи.

– Поздно.

– Ну так скажи мне, по крайней мере, куда ты собрался.

– Нет. Это не моя тайна.

– Ты не понимаешь, насколько серьезно твое положение. Весьма влиятельные особы замыслили посадить на трон царевича и назначить регентом великого князя Николая Николаевича. А тебя либо сошлют в Сибирь, либо казнят. Я знаю заговорщиков, но сейчас не могу назвать. Всё, что я могу – удвоить охрану в Царском Селе. Может, ты сегодня всё же останешься дома? Подумай. Твоя жизнь нужна их величествам.

– Ладно.

Когда Протопопов ушел, отец сказал, ни к кому не обращаясь:

– Я умру, когда Богу будет угодно.

Потом около часа мы сидели в столовой. По просьбе отца я читала Евангелие от Иоанна: «*В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог...*» И отец толковал: «И Слово было плотию и обитало с нами».

Часы в прихожей пробили десять. Отец поцеловал Варю, потом меня, пожелал доброй ночи, потом отослал нас спать. Они с Катей поговорили еще, вспомнили о прежней жизни в Покровском, о купаниях и рыбалке на Туре, о хозяйстве.

Я не могла уснуть. Меня заполнял страх. Когда часы пробили одиннадцать, Катя тоже легла спать. Вскоре дом погрузился в тишину, нарушаемую тиканьем часов, отсчитывающих последний час жизни моего отца в доме номер 64 по Гороховой улице.

В назначенный час отец вышел из дома. Его ждал присланный Юсуповым автомобиль.

Круг замкнулся

Теперь никто из нас уже не мог помочь отцу.

Круг замкнулся.

У каждого из заговорщиков были свои, особые причины ненавидеть отца.

О Феликсе Юсупове, Михаиле Владимировиче Родзянко, великой княгине Елизавете Федоровне, вдовствующей императрице Марии Федоровне сказано уже достаточно. Добавлю только, что, очевидно, заговорщики все-таки понимали бессовестность и беззаконность своих

намерений, и чтобы придать им видимость порядочности и патриотичности, Родзянко, например, всячески распространял слухи о «расположенности царя избавиться от Распутина». Об этом свидетельствует Бьюкенен.

Что же касается остальных...

Великий князь Дмитрий Павлович был целиком порабощен Феликсом и пошел бы на любое преступление, чтобы угодить ему.

Капитан Иван Сухотин, такой же порочный, как Дмитрий и Феликс, видел в убийстве очередную пикантную авантюру. Кроме того, ему льстило, что его, невысокородного, позвали в компанию аристократов.

Владимир Митрофанович Пуришкевич принадлежал к числу самых влиятельных членов Думы. Феликс отвел ему интересную роль. Именно Пуришкевич, известный своей невоздержанностью и прямо истеричностью, должен был придать всему предприятию оттенок безумного порыва, за какой и судить-то нельзя. К тому же участие Пуришкевича, едва ли не каждый день выступавшего с думской трибуны с обличениями императорского дома и Распутина, способно было отвести подозрения в присутствии сугубо личных мотивов у заговорщиков.

Доктор Станислав Лазоверт – служил хирургом в санитарном поезде под командованием Пуришкевича. Он стремился угодить начальнику. Именно ему было поручено приготовить яд, чтобы отравить отца. (Много лет спустя до меня доходили слухи о том, что Лазоверт – не простой исполнитель, а ни мало ни много – английский шпион, имевший в этом деле свой интерес).

Как бы там ни было, все они собрались ради одного – убийства.

Глава 29. Убийство

Декорации – Как это было – Розыски – Вокруг убийства – Письмо с того света

Декорации

О том, что происходило в доме Юсупова, мне известно от человека, имя которого я не решаюсь открыть и теперь.

Феликс тщательно продумал декорации предстоящего спектакля. Он мнил себя великим эстетом и даже в мелочах старался придать самому гнусному делу внешний лоск. В своем дворце на Мойке он переоборудовал винный погреб – соорудив из него роскошную комнату. (Погреб – чтобы крики обреченного не могли достигнуть посторонних ушей!)

Сводчатый потолок, арки, старинная мебель, персидские ковры, бесценная посуда, кубки, скульптуры – всё это должно было, по его мысли, подавить Распутина, дать ему почувствовать, в каком высокородном доме его принимают. Столетия рода Юсуповых–Сумароковых–Эльстонов должны были взирать на отца отовсюду, указывая на его малость и ничтожество.

На одном из буфетов, недалеко от камина, Феликс положил древнее распятие из хрусталя, отделанное серебром.

Остальные заговорщики должны были разместиться до подачи условного знака над погребом, в кабинете, также специально оборудованном для этого случая.

Как это было

Феликс проводил гостя вниз по лестнице, в салон. Отец удивился, почему не идут сразу к больной. Сверху доносились звуки граммофона, голоса. Князь объяснил, что у жены вечеринка и скоро она сама спустится. Отец удивился:

– А как же голова?

Князь неопределенно махнул рукой.

Комната выглядела так, будто ее только что покинули ужинавшие. На шахматном столике – неоконченная партия.

Сняв шубу, отец подошел к камину, опустился на один из стоящих рядом больших диванов лицом к яркому пламени.

Князь предложил стакан портвейна – уже отравленного. (Отравлены были также и пирожные, приготовленные для отца).

Отец отказался. Юсупов, извинившись, вышел – будто бы за тем, чтобы отдать распоряжения прислуге.

Феликса не было долго. Отец решил подняться наверх. В этот момент Юсупов появился с бутылкой мадеры в руках.

Феликс сказал, оправдываясь, что жена слишком увлечена гостями и придется еще подождать.

Выпив вина, тоже отравленного, отец пожаловался на странное ощущение – будто бы жжение в горле и затрудненность дыхания.

– Устал, – вздохнул он.

Феликс продолжал подливать вино. Он заметно нервничал.

Просидев в молчании еще какое-то время, отец собрался уходить:

– Видно, я не нужен.

Феликс вяло стал упрашивать остаться. Вдруг он с какой-то странной решимостью схватил отца за локоть. Но, словно обжегшись, отдернул руку.

– Подожди, еще хотя бы минуту. Я сейчас, – Феликс бросился к лестнице.

Наверху ждали сообщники.

Яд почему-то не действовал. План мог сорваться. Дмитрий дал Феликсу револьвер. Юсупов вернулся, увидел, что отец держит в руках хрустальное распятие, сказал:

– Правильно. Помолись!

Отец обернулся. Он знал, что ловушка захлопнулась.

Тем временем Лазоверт и Дмитрий спустились в комнату. Следом – Сухотин и Пуришкевич.

Яд стал оказывать действие. Отец впал в беспамятство.

Словно в помешательстве заговорщики накинулись на отца. Били, пинали и топтали неподвижное тело.

Кто-то выхватил кинжал.

Отца оскопили.

Возможно, это и не было помешательством. Ведь все заговорщики, кроме Пуришкевича, – гомосексуалисты. И то был, скорее всего, ритуал. Они думали, что не просто убивали Распутина. Они думали, что лишают его главной силы. Так и не поняв, что сила отца была в другом. Для них за пределами плоти любви не существовало.

Убийцы решили, что отец мертв. Но тут тело шевельнулось. Одно веко задрожало и приподнялось. В следующую секунду открылись оба глаза.

– Он жив, жив! – вскрикнул Феликс и импульсивно склонился над жертвой.

Отец схватил Феликса за плечи и сжал их.

Юсупов вырвался.

Отец затих.

Заговорщики оставили отца на полу и поднялись в кабинет. Принялись обсуждать, как избавиться от тела.

В коридоре раздался шум. Бросившись к двери, они увидели, как отец выбегает во двор.

Юсупов еле слышно прошептал:

– Боже, он всё еще жив!

Пуришкевич выскочил во двор с пистолетом в руке и два раза выстрелил, потом еще два раза. Отец упал в сугроб.

Появился городовой, услышавший выстрелы, но Феликс встретил его у ворот и объяснил, что один из пьяных гостей несколько раз пальнул из револьвера.

Отделавшись от полицейского, Феликс вернулся и обнаружил, что слуги внесли тело обратно в дом и положили вверху лестницы.

Юсупов впал в неистовство.

Пуришкевич описывал, как Феликс набросился на недвижное тело и стал пинать: «*Это было такое ужасное зрелище, я вряд ли смогу когда-нибудь его забыть*».

Тем временем Сухотин надел шубу и шапку отца, и доктор Лазоверт отвез его обратно к нашему дому – сбить со следа тех, кто мог проследить с вечера за автомобилем до дворца на Мойке. Дмитрий поехал с ними под видом Феликса.

Вернувшись обратно, они застали Пуришкевича в одиночестве, они со слугой уложили совершенно невменяемого князя спать.

Сами перевязали веревкой тело отца, погрузили на заднее сиденье автомобиля. На Петровском острове сбросили с моста в прорубь.

Они надеялись, что течение затянет ужасный сверток под лед, а потом отнесет в море.

Розыски

Было уже далеко за полночь, когда я, наконец, уснула тревожным сном. Меня мучили кошмары, и когда серый рассвет встал над городом, мне как раз снился страшный сон, в котором мелькали то Юсупов, то Хиония Гусева.

Проснулась я от телефонного звонка. Звонил Протопопов.

– Который час? – спросила я.

– Еще рано. Семь. Я хотел узнать, дома ли твой отец?

Я не знала. Пошла посмотреть.

Обнаружив, что комната отца пуста, а постель не смята, вернулась к телефону.

– Нет, его дома нет.

Без всяких объяснений Протопопов повесил трубку. Дурное предчувствие, охватившее меня ночью, возвратилось и стало еще сильнее. Подавив страх, я позвонила Марии Евгеньевне, спросить, не видела ли она отца после ночи. Та ничего не знала.

Я попросила ее позвонить Юсупову и справиться об отце.

Ответного звонка я так и не дождалась.

Тем временем Катя приготовила завтрак, к которому никто из нас не смог притронуться. Не в силах больше ждать, я позвонила в Царское Село, Анне Александровне. Та обещала помочь.

Анна Александровна, не мешкая, отправилась к царице. Начались розыски. Первым царице доложил Протопопов: о выстрелах и объяснении Феликса, будто стрелял один из гостей.

Потом позвонил великий князь Дмитрий Павлович – просил у царицы разрешения придти на чай. Получив отказ, он, по-видимому, встревожился. Как только он повесил трубку, Анне Александровне позвонил Юсупов и попросил разрешения увидеться с ней. Анна Александровна отказалась. Тогда Феликс попросил срочно устроить его встречу с царицей. Намекнул, что это касается Распутина.

В десять часов утра полицейские, прочесывавшие весь город, пришли к Юсупову. Генерал Григорьев допросил князя. Ему пришлось выслушать уже известную версию, будто стрелял один из гостей. О Распутине же князь сказал, что тот никогда у него не бывает.

Как раз когда Григорьев уходил, позвонила Мария Евгеньевна. Феликс велел ей подождать у телефона, пока он проводит генерала.

– Что ты сделал с Григорием Ефимовичем?

– Ничего. Я его несколько дней не видел.

– Феликс, не лги. Ты заезжал за ним около полуночи.

– Ах, это. Ну, я всего лишь поговорил с ним несколько минут.

Мария Евгеньевна встревожилась. Феликс солгал. Сказал, что не виделся с отцом, а потом вдруг признался, что виделся. Она попросила князя приехать к ней.

К этому времени все уже были уверены – отец мертв. Даже царица. Она плакала, повторяя:

– Аннушка, что мы будем без него делать? Что будет с Алексеем?

Приведу здесь письмо Александры Федоровны Николаю от 4 ноября 1916 года: «*Если бы у нас не было Его* (то есть моего отца)*, всё бы уже давно было кончено – я в этом убеждена*».

Страшно даже себе вообразить то отчаяние, в которое погрузилась Александра Федоровна со смертью отца.

Вокруг убийства

Феликс был уверен в собственной безнаказанности. Уверенности ему добавляли телеграммы и телефонные звонки от представителей высших кругов общества, включая членов императорской семьи. Все они считали Феликса главным исполнителем пока еще не доказанного убийства, и все давали понять, что поддерживают его.

Надо заметить, что именно эти телеграммы и телефонные звонки сослужили плохую службу Феликсу. Именно они дали основание полиции сразу же распознать главного исполнителя преступления.

Князь считал, что если он сам не сознается – никакая сила не сможет его обвинить в содеянном. Но как раз в себе он и не был уверен. Нервы его окончательно расстроились. Он решил, что самое лучшее – уехать в Крым, в свое поместье и там переждать тревожное время. Феликс был уверен – историю замнут.

Однако для проформы он отправился к министру юстиции. Тот был вежлив, однако дал понять князю, что лучше бы ему остаться в Петербурге. Вскоре царицей было отдано распоря-

жение о домашнем аресте для Феликса и Дмитрия. (Надо заметить, что распоряжение это застало их обоих во дворце Дмитрия, где они еще раньше вместе жили).

Письмо с того света

Полицейский инспектор пришел к нам домой в сопровождении епископа Исидора, который был другом отца. Инспектор показал испачканную кровью калошу, и мы тут же узнали в ней одну из отцовских. Он сообщил, что ее нашли на льду возле Петровского моста. Еще он сказал, что под лед спускались водолазы, но ничего не нашли.

Мы с Варей и раньше были уверены, что отца уже нет в живых, но теперь, увидев калошу, поняли бесповоротно, что его убили.

Послали маме телеграмму, в которой написали только, что отец болен и что ей надо приехать в Петроград.

Потом я вспомнила о письме, которое передал мне отец вечером накануне. Села читать вслух Варе и Кате:

> «Мои дорогие!
>
> Нам грозит катастрофа. Приближаются великие несчастья. Лик Богоматери стал темен, и дух возмущен в тишине ночи. Эта тишина долго не продлится. Ужасен будет гнев. И куда нам бежать?
>
> В Писании сказано: «О дне же том и часе никто не знает». Для нашей страны этот день настал. Будут литься слезы и кровь. Во мраке страданий я ничего не могу различить. Мой час скоро пробьет. Я не страшусь, но знаю, что расставание будет горьким. Одному Богу известны пути вашего страдания. Погибнет бесчисленное множество людей. Многие станут мучениками. Земля содрогнется. Голод и болезни будут косить людей. Явлены им будут знамения. Молитесь о своем спасении. Милостью Господа нашего и милостью заступников наших утешитесь.
>
> Григорий».

Глава 30. После Распутина

«Толку нет» – Опознание – Царская милость – Все пошло прахом – Февраль, начало конца – Месть мертвому – Арест – Прочь отсюда

«Толку нет»

Александра Федоровна была вне себя от гнева. Но когда она вызвала Протопопова в Александровский дворец и потребовала немедленно расстрелять преступников, он сказал, что необходимо доказать их участие в убийстве, и что собственно говоря, еще не установлено точно, было ли совершено преступление.

Протопопов советовал дождаться возвращения из Ставки Николая.

Не все, кто знал моего отца, горевали. Были и такие, кому смерть отца принесла облегчение.

В модных салонах пили за здоровье Феликса Юсупова.

Великий князь Александр Михайлович с недоумением встретил известие об убийстве моего отца. Он передает слова собеседника: «Ты какой-то странный, Сандро! Ты не сознаешь, что Дмитрий и Феликс спасли Россию!» Великого же князя не оставляли предчувствия, что теперь-то Россию и ждут самые большие несчастья.

Повторяет мысль Александра Михайловича и княгиня Палей: «Эта драма была началом революции».

Получив известие о случившемся, из Ставки Николай немедленно приказал провести срочное расследование.

Алексей со слезами требовал, чтобы убийц поймали и наказали.

Алексей очень любил моего отца. Я сама не однажды видела, как царевич бросался к нему на шею в искреннем детском восторге. Алексей буквально вис на моем отце, уцепившись руками и ногами. Как-то мой отец не удержался на ногах, и они вместе свалились на пол. Стали в шутку мериться силами. Победил, разумеется, Алексей.

Чуть позже Анна Александровна передавала мне слова царевича, за которого после смерти моего отца взялись придворные доктора: «И лечат меня, и лечат. А толку нет. Он (то есть мой отец) только яблочко принесет, и всё пройдет».

Опознание

На следующий день водолазы нашли тело подо льдом возле Петровского моста.

Протопопов позвонил мне. Попросил опознать тело.

Убитый Распутин в морге

Когда прибыл автомобиль, посланный за мной Протопоповым, Варя и Катя тоже вызвались ехать.

Улица, ведущая к Петровскому мосту, была перекрыта полицейским кордоном и солдатами. Разрешали проезжать только автомобилям, посланным по официальным поручениям.

Когда мы остановились на берегу, нас отвели к домику, в который было перенесено тело отца.

Я подошла близко. Это был, безусловно, он.

Один висок вдавлен от удара. Грязь и водоросли покрывали лицо. Самым ужасным зрелищем – так как худшие увечья были скрыты грубым одеялом – был правый глаз, висящий на тонкой ниточке. На запястьях виднелись глубокие, кровавые борозды – он боролся, стараясь освободиться от пут, когда пришел в себя подо льдом. Закоченевшая правая рука лежала на груди, пальцы были сложены щепотью, как для крестного знамения.

Помню, что открыла рот, чтобы закричать, но не издала ни звука.

Словно сквозь туман до меня донесся протокольный вопрос Протопопова:

– Известна ли вам личность покойного?

Я несколько мгновений смотрела на Протопопова, силясь понять слова.

– Да. Это мой отец, Григорий Ефимович Распутин.

С формальностями было покончено.

Я бы упала, если б Катя не обняла меня.

Мы быстро доехали обратно. Протопопов позаботился об охране, и дома мы могли чувствовать себя в безопасности. Никто не знал, чего еще можно было ждать.

Царская милость

Мама, Дмитрий и Дуня приехали из Покровского через пять дней. Мы с Варей их встретили, и мама получила ответ на свой вопрос раньше, чем успела его задать – мы были в черных платьях, подаренных царицей.

Приехавшие требовали подробностей, и я рассказала им обо всем, опустив самые страшные детали, и еще сообщила о похоронах, которые должны состояться в окрестностях Царского Села на клочке земли, подаренном Анной Александровной.

Дмитрий спросил о самих похоронах, я ничего не могла ему ответить, так как царская чета запретила присутствовать на них, опасаясь неприятностей для нас.

На следующий день царица прислала автомобиль. Нас с мамой, Варей и Дмитрием отвезли в Царское Село.

Пока взрослые пытались хоть как-то утешить маму, царские дочери обнимали нас, выказывая любовь и сочувствие. Алексей же стоял в стороне, сдерживая рыдания. По его щекам текли слезы.

Царь заверял маму:

– Госпожа Распутина, я стану вторым отцом для ваших прекрасных дочерей. Мы с Аликс всегда их любили, как собственных дочек. Пусть они продолжают учиться в Петрограде, и я позабочусь о том, чтобы они ни в чем не нуждались.

Однако события развивались так, что впору было заботиться о спасении самой жизни, а не о благополучии.

Всё пошло прахом

Денег, оставленных отцом мне на приданое, на месте не оказалось – после смерти отца в дом приходило столько народу, что невозможно было за всеми уследить. Деньги, положенные отцом на хранение в банк Дмитрия Рубинштейна, тоже пропали.

Единственной надеждой оставалось хозяйство в Покровском. Через несколько дней мы с Варей проводили маму, Дмитрия и Катю на станцию. Они ехали домой.

Теперь нас осталось только трое в квартире. Дом пустовал без просителей.

Расследование постепенно сводили на нет. Было ясно, что никто не будет наказан. Правда, Феликса выслали в его поместье в Ракитное, откуда он потом уехал в Крым, а Дмитрия Павловича перевели в расположение русских войск в Персии. Как оказалось, это было не наказание, а скорее благо, так как облегчило бегство Юсупова после революции за границу с большей частью своего состояния. Дмитрий же таким образом стал недоступен для большевиков.

Февраль, начало конца

Я была поглощена рассказами Дуни о жизни отца, старательно записывала каждый эпизод в свой дневник и почти не обращала внимания на окружающий мир.

Иногда Варя приходила домой из гимназии и рассказывала о длинных очередях за хлебом, которого тщетно ждали весь день, о расхристанных солдатах, бесцельно слоняющихся по улицам.

Я выходила из дому только по средам, когда мы ездили в Царское Село. Дворец оставался едва ли не единственным спокойным местом среди бурлящего Петрограда. Во дворце всё шло, как обычно.

Но катастрофа надвигалась неумолимо.

Анна Александровна получила несколько писем с угрозами. Ее обвиняли в заговоре, направленном на поражение России в войне. Конечно, упоминалось и имя отца. Царица распорядилась о ее переезде во дворец. Там Анна Александровна была в безопасности.

Не уверена, что царь знал об истинном положении дел в армии. Ему докладывали не обо всем. А дезертирство, между тем, приняло неимоверные размеры. (Из Покровского мама писала, что многие крестьяне возвращаются с фронта домой, возвращаются открыто и без всякого стыда).

Как бы там ни было, Николай делал вид, что всё в порядке.

В конце февраля, через три месяца после убийства, Дуню вызвали домой ухаживать за престарелым отцом. Мы с Варей остались вдвоем. Поехать в Покровское не могли – нужно было заканчивать учебу.

Привратница каждый день приходила убирать квартиру и готовить обед, но в другое время я оставалась одна и сидела, оплакивая отца и молясь за упокой его души. Мысли мои обращались к дому, мне хотелось снова вернуться к маме, к спокойной жизни в Покровском. Но что-то подсказывало мне, что и та, прежняя жизнь уже не для меня.

Однажды, когда стало особенно одиноко, я сняла трубку, чтобы позвонить Анне Александровне по дворцовому номеру, но обнаружила, что аппарат не работает. Я вышла на улицу, надеясь увидеть, в чем причина неисправности, но вместо этого увидела огромную толпу людей, марширующих по Литейному проспекту и скандирующих «Долой немцев». Они били витрины магазинов.

Вечером связь восстановили. Я позвонила Анне Александровне, от нее узнала, что в армии начались бунты – солдаты убивали офицеров.

Вскоре на улицах появились баррикады. Я больше не пускала Варю на занятия. Вдвоем мы сидели в холодной квартире и прислушивались к крикам за окнами.

Я снова попыталась позвонить во дворец, но не смогла соединиться. Редкие знакомые приносили нам слухи: то ли царь отрекся от престола, то ли он только собирается отречься; то ли его свергли и он бежал то ли в Англию, то ли в Германию, то ли в Швецию, то ли еще куда-нибудь. Мне стало невыразимо страшно.

Покорно ждать новых ужасных сообщений я уже не могла. Наняла автомобиль и поехала в Царское Село. Без труда вошла во дворец (охрана меня хорошо знала). Попросила доложить обо мне Александре Федоровне.

Александра Федоровна обняла меня, но сказала, что мне нельзя оставаться во дворце, потому что все дети и даже Аннушка больны корью и лежат в постелях.

Царица со слезами на глазах проводила меня до дверей и расцеловала, обещая позвонить, как только положение улучшится настолько, что я смогу снова навестить их. В вестибюле стояла большая ваза, полная круглых ирисок. Не находя в ту минуту, как выразить свою симпатию, Александра Федоровна сунула мне горсть конфет в карман пальто.

Оказавшись снова в автомобиле, я расплакалась – была уверена, что сейчас навсегда простилась с Александрой Федоровной.

Потом Дума объявила о создании Временного правительства, царя вынудили отречься от престола. Императорскую семью посадили под домашний арест. Новая стража сплошь состояла

из пьяных солдат. Они грязно ругались и обнажали свой срам всякий раз, когда кто-нибудь из великих княжон подходил к окну.

Месть мертвому

Пока это было возможно, могилу отца по приказу Александры Федоровны тщательно охраняли. И это, между прочим, породило множество слухов, так как полицейские не подпускали желающих близко к месту последнего упокоения отца. Однако вскоре стало почти всем известно, что могилу можно найти по тому, что над ней Анна Александровна построила деревянную часовню (она собиралась потом обложить ее кирпичом, но не успела).

Кроме того, оставить вполне незаметными ежедневные приезды туда Александры Федоровны с дочерьми было никак невозможно.

Празднуя свободу, толпа пьяных солдат разорила могилу отца. Они подняли труп на штыки, потом бросили его в костер, устроив дикий хоровод. К солдатам присоединилось несколько женщин из ближайшей деревни. Веселье закончилось оргией.

Мне передавали, что иконка Знамения Пресвятой Богородицы, положенная на грудь отца Александрой Федоровной, сразу же была куда-то отнесена. Бог знает, где она сейчас. На ее обратной стороне Александрой Федоровной, дочерьми и Анной Александровной были карандашом сделаны собственноручные надписи.

В уголке имелась также надпись: «*11 ноября 1916 года, Нижний Новгород*». Эта иконка предназначалась в подарок отцу, а пришлась к гробу...

Интересно, что, узнав о случившемся, Родзянко сказал: «Достойная поминальная служба для злодея». Даже наблюдая то, что происходило со всем государством в те дни, Родзянко не нашел в себе силы раскаяться в содеянном. Он так и не понял, что настоящих злодеев выпустил на волю он сам.

Арест

Когда слухи об этом ужасном происшествии разнеслись по городу и, в конце концов, достигли моих ушей, я позвонила Марусе Сазоновой, чтобы узнать, что ей об этом известно. Человек, взявший трубку, сказал, что Маруся дома и хочет немедленно видеть нас с Варей, и прибавил, чтобы мы ехали немедленно. Мы поспешили к Сазоновым и обнаружили там всю их семью и еще человек двадцать друзей нашего отца, сидящих под охраной вооруженных солдат в гостиной. Нам сказали, что мы, как и все эти люди, арестованы.

Решив, что уже вся рыба попалась в сети, солдаты привезли всех нас в какое-то здание. Там находилось множество арестованных. Многих я узнала. Дальнейшее ожидание показалось бесконечным, хотя длилось оно около двух часов. Всё это время мы были окружены пьяными солдатами, не оставлявшими нас в одиночестве даже в уборной.

Наконец меня вызвали на допрос. Я в ужасе обняла Варю, думая, что меня сейчас разлучат с единственным близким человеком.

Небритый солдат кричал на меня и толкал вперед по коридору, пока не привел в маленькую голую комнатушку. Там за простым деревянным столом расположились двое мужчин, и один из них грубо велел мне сесть. Потом, ни разу не взглянув на меня, он погрузился в изучение лежащей перед ним толстой папки. Несколько минут слышался лишь шелест переворачиваемых страниц.

Он поднял взгляд:

– Ваше имя?

– Мария Григорьевна Распутина.

– Дочь Григория Ефимовича Распутина?

– Да.

Их вопросы сосредоточились вокруг отношений отца и Александры Федоровны, которую они называли бывшей царицей. Это разрывало мне сердце.

Следователи твердили, что я должна подтвердить сведения о предосудительной связи бывшей царицы и Распутина.

Это было слишком. Мои нервы были натянуты, как струны. Я истерически захохотала.

Поняв, что от меня им ничего не добиться, следователи послали за Варей.

Столкнувшись с сестрой в коридоре, я смогла только ободряюще улыбнуться.

Ясно, что от Вари они добились так же мало, как и от меня.

Вскоре нас обеих освободили. Удивительно, но нас даже довезли на автомобиле до самого дома.

На следующее утро Варю вызвала начальница ее гимназии. Варя была первой ученицей в классе, но ей было объявлено о немедленном исключении. Дальнейших объяснений не последовало.

Прочь отсюда

Ничто не удерживало нас в Петрограде. Я решила, что мы должны вернуться в Покровское. Варя согласилась со мной и даже повеселела.

Мы уложили только то, что смогли унести сами, поручив остальное имущество заботам привратника.

Главное, я взяла с собой тетрадку, в которую записывала рассказы Дуни о жизни отца.

Я радовалась, что уезжаю. Петроград уже не был тем городом, куда меня привез когда-то отец.

Last-modified: Wed, 21 Jan 2004 11:23:48 GMT[40]

[40] Версия книги, которую я взяла для редактирования – *В.Э.*

Предисловие редактора

Настоящий файл представляет собой набор различных добавлений к книге Матрены Распутиной «Распутин. Почему?». Здесь записки самой Матрены Распутиной, не вошедшие собственно в книгу, приложения, добавленные издателем Захаровым (памфлет советского писателя Льва Никулина под псевдонимом Анжелики Сафьяновой и две изданных при жизни Распутина его книжки), а также приложения, добавленные мною (воспоминания Пуришкевича об убийстве Распутина, мое Послесловие).

Вайра Элса

24 марта 2004 года

Записи Матрены Распутиной на отдельных листах

Гвоздики золотенькие – Дайте вздохнуть – К лишнему зачем привыкать – Щелочка для Бога – Какая бывает тоска – Знай меру – Жизнь без смерти – Пристрастное отношение – За всех молиться – Почему Николай II прикрывал рот рукой – Ванна и аэроплан – Зеркала – Крестное знамение – Победа над телефоном – Любовь или страсть – Зачем еду тыкать? – Омывание ног – Жизнь жалости не знает – Лимон и фиалка

Гвоздики золотенькие

Расскажу еще один случай. О влиянии отца на людей говорено много. Но вот случай по-своему уникальный: переплетенье судеб здесь показано со всей невероятной неизбежностью. То переплетенье, которое так понимал и, скажу даже, любил отец, уверенный, что «никакой напрасности» на свете не бывает!

Однажды пришел странный человек. Гостя не хотели пускать (было уже за полночь, а принимал просителей отец обычно с утра и до обеда), однако настырный пришелец не уходил. Сказал, что будет сидеть на улице хоть до самого рассвета, а всё же дождется. Поднялся крик, отец вышел на голоса, и через некоторое время гость вместе с отцом вошли в гостиную. Я быстро оделась и тоже вышла.

Не удивительно, что пришельца не пускали! Всклокоченный, с большим мешком (он держал его в охапке, запихивая вылезающие оттуда бумаги, железки и Бог знает, что еще). На шее болтался на толстом шнурке стакан из желтого тусклого металла.

Увидев такого, я, признаться, хотела тотчас позвонить кому-нибудь из знакомых и попросить придти – на всякий случай. Но увидела, что отец улыбается, что он даже приобнял подозрительного типа, – успокоилась и наблюдала из дальнего угла комнаты. (Отец не слишком любил, когда мы с сестрой бывали свидетелями его бесед с просителями, но тут он был слишком увлечен неожиданной встречей и, кажется, не заметил меня).

Гость оказался знакомым отца – мастеровым, из крестьян, Василием Перхотиным. Год назад они столкнулись на одном постоялом дворе. Вышел спор о вере. Василий заявлял, что он безбожник, что всё в жизни механика. Отец доказывал ему, что всё – Бог, и на всё – воля Божья. Василий питал слабость к спиртному и тогда сильно напился, отец пошел своей дорогой, а он – свалился пьяным под стол, да так и уснул.

Теперь он оказался в Петербурге, как-то прослышал про отца и разыскал его на Гороховой.

Василий рассказал, что тогда, проснувшись утром, по привычке кликнул опохмелиться, протянул свой заветный стакан. (Надо здесь подробнее рассказать о стакане – была такая царская награда, даваемая крестьянам за выдающуюся заслугу в мастерстве, теперь бы сказали – за изобретение какого-нибудь механизма. Стакан был из чистого золота, с царской печатью, и, главное, награжденный таким стаканом мог в любом питейном заведении получать выпивку и закуску бесплатно. Точно не знаю, в каком объеме). Так вот, протягивает Василий свой заветный стакан, половой наклоняет бутылку, чтоб налить, а водка не льется. Василий глядит во все глаза, половой бутылку трясет, а водка нейдет. Возможно, тою же «механикой» можно как-то

объяснить такое. Но в тот момент что-то в душе Василия екнуло. Он вскочил, закричал страшным голосом – и выбежал прочь из кабака. Бежал долго: «Выбежал за город, бегу по полю, лесом, на большую дорогу – себя не помню, ору, как блажной. Целый день бежал. И орал тоже. Потом из сил выбился, упал на землю, заснул, как убитый. И снится мне сон, – продолжал рассказ Василий, – будто я в стакан слова собираю. Иду по полю и собираю слова. Спросите вы меня – как так – не знаю, а только знаю во сне, что собираю слова. Полный стакан насобирал, трясу их и так и этак, они звенят, как гвоздики золотенькие, я верх ладошкой прикрыл и к уху стакан поднес. Оттуда – голос: «Василий, ничего ты не придумаешь, выше неба. А что придумаешь, то пропьешь». Проснулся я, как ужаленный. Холодно, звезды надо мной. Земля твердая. На стерне лежал – она в спину впилась, точно гвоздями колется. Оглядел я себя – баул свой с вещами в кабаке бросил. Деньги там были, тетрадки мои, штуковинка там одна тоже осталась, сколько я с ней возился! Я ведь читать-писать сам выучился. Любой механизм починить могу. А тут такое... Да, а в руке стакан сжимаю. И что же это всё значит? Ничего не придумал. С тех пор хожу, места мне нет. Ничего делать не могу. Сяду мастерить чего-нибудь – всё из рук валится. Вот пришел к тебе, Григорий Ефимович».

Рассказывал Василий долго. И, что удивительно, необычайно складно, выразительно.

Отец, всё время улыбавшийся, так, с улыбкой и отвечал ему:

– Вижу – страдаешь. Но ведь и радуешься. Точно ищешь чего-то, знаешь, что найдешь, надо только потерпеть. Да терпеть не хочется. Верно?

– Верно.

– А ты потерпи... Ты стакан-то чего на шею нацепил?

– А вместо креста.

Отец перестал улыбаться:

– Это ты дуришь. А те гвоздики золотенькие, что снились тебе, не снятся больше?

– Нет.

– Плохо твое дело, Василий. Вот когда приснятся еще, приходи. Поговорим тогда.

Василий ушел. Снова явился через месяц. И снова ночью:

– Спать не могу. Ночью колотье такое начинается во всем теле! И не больно, и места себе не нахожу. Сяду что-нибудь работать – пропитание теперь добываю работой где придется, поденно – ничего не делается, всё из рук валится. Уж не рад, что к тебе тогда явился. Теперь уж точно в последний раз.

Отец обнял Василия:

– Стакан с шеи сними. Всё хорошо будет. И домой возвращайся.

Кажется, ничего больше сказано той ночью не было.

Василий ушел. Больше он не приходил.

Прошло много лет. В эмиграции я познакомилась с женщиной, Еленой Васильевной Крукиной. Лицом она мне кого-то сильно напоминала, но встречаться мы с ней раньше вроде никак не могли. Она была мне ровесницей. Виделись мы крайне редко, но мысль о ее сходстве с кем-то не оставляла меня. Как-то разговорились. Оказалось – ее девичья фамилия Перхотина. Я тут же вспомнила давнего отцовского гостя-изобретателя. Спросила о занятиях отца Елены Васильевны. И точно! Она рассказала, что отец из крестьян-самоучек, талантливый человек, но сильно, болезненно пивший, однажды исчез из дому и снова объявился через полтора года совершенно другим человеком. Пить бросил. Стал набожным. Много работал и хорошо зарабатывал, оснащая необходимой утварью то кузницу, то мыловарню, то сахарный завод. В доме воцарился мир и благодать.

Я в свою очередь рассказала Елене Васильевне о встрече Перхотина с моим отцом. Она всплеснула руками:

– Только теперь я понимаю... Всякое утро отец начинал с молитвы, заканчивая ее словами: «И гвоздики золотенькие все сочтены! Аминь».

Интересно, что имени моего отца Василий Перхотин никогда не упоминал.

Дайте вздохнуть

Однажды отца позвали к тяжелобольному. Собственно, к умирающему. Тот уже причастился Святых тайн, но тут кому-то пришло в голову послать за отцом. Он никогда не отказывался в таких случаях помочь, но предупреждал:

– Всё в руках Божьих. На меня не уповайте.

Я упросила отца взять и меня, так как была знакома с детьми умиравшего.

Приехали. Еще с порога чувствовался сильный запах ладана. Отец поморщился:

– Вонько тут у вас!

– Как же вонько? – засуетилась хозяйка – Ведь это, Григорий Ефимович, ладан!

Отец махнул досадливо рукой:

– Да я не про то, дайте вздохнуть человеку!

Открыли окна. В комнату ворвался чистый морозный воздух. Отец склонился над умирающим. Тот словно бы пришел в себя, глубоко вздохнул. И умер. Отец встал, перекрестился:

– Вдохнул воздуху-то? Ну и ладно.

К лишнему зачем привыкать

Анна Александровна Вырубова однажды обсуждала с отцом деликатную проблему. Александра Федоровна скупилась на одежду для своих детей. Великие княжны ходили в скромных платьях. Конечно, не в бедных. Но – не по чину.

Вообще, скупость или, как говорила Анна Александровна, слишком немецкая рачительность, царицы (к примеру, Александра Федоровна шила детям платье в рассрочку, хотя никогда бы не сумела объяснить, что этим выгадывает) становилась часто предметом насмешек при дворе. Однажды Александра Федоровна, прежде чем отослать на благотворительный базар в пользу бедных сирот старые платья, распорядилась спороть с них дорогие перламутровые пуговицы, заменив дешевыми. Конечно, замена обнаружилась, потому что нельзя же было допустить мысль, что царские дети носят одежду с костяными пуговицами. В глаза Александре Федоровне никто ничего не сказал, но Мария Федоровна заметила Николаю:

– Надеюсь, Александра не сильно исколола пальцы...

Анна Александровна хотела как-то воздействовать на царицу в этом вопросе и думала найти союзника в отце. Тем более что отец и сам не однажды говорил Александре Федоровне:

– Не скупись на одежу. Невесты растут.

К тому же со времени житья в Петербурге отец приобрел привычку к некоторому щегольству: с удовольствием и даже гордостью носил шелковые вышитые рубахи, брюки из тонкого сукна. Несколько рубах вышили государыня с дочерьми. (К слову, отец хоть и с благодарностью принимал такие подарки, но бывало, что и передаривал кому-либо).

Так вот, надеясь на сочувствие, Анна Александровна и завела разговор о гардеробе царских дочерей. Отец выслушал ее. И сделал свое заключение:

– Всё ты, Аннушка, верно выводишь. А только зачем им особо раззолачиваться? Одеты они чисто. Лики у них ангельские. Оно конешно, лишнего всем хочется. Только зачем привыкать?.. Как еще обернется...

Анна Александровна настаивала на своем, даже укорила отца:

– Вот вы, Григорий Ефимович, шелком не брезгуете.

– Так я знаю, как оно, без шелка. А они не знают.

– Но ведь весь свет смотрит на них.

– А Бог, что ли, не смотрит?

Щелочка для Бога

К отцу приходили не только в поисках исцеления телесного. Много было таких, кто хотел исцелиться душевно. Сбросить камень со своей души. Приходили и молодые, и старые.

Однажды, по рекомендации, пришел молодой человек, совсем юноша. Студент. Это может показаться странным – ведь принято считать, что так называемая прогрессивная молодежь сторонилась отца. Это не так. Рассказываю именно об этом студенте потому, что случай показался мне выдающимся в своем роде.

Урок, преподанный юноше, попыталась усвоить и я. Вернее, пытаюсь всю мою жизнь.

Юноша жаловался отцу, что страстно влюблен, а его избранница избегает встреч. Хотя уверяет, что тоже любит. Молодой человек забрасывает ее письмами, караулит у дома, подкупает мелкими подарками прислугу, чтобы знать о всех передвижениях девушки... Положение становится невыносимым. Девушка чахнет на глазах. Встречаться с ним отказывается. Но и ни о каких других связях студенту не известно:

– Если б что было, я бы знал непременно! – с жаром говорил он.

Словом – пропасть любви. Необъяснимая и страшная пропасть!

Отец долго слушал. До тех пор, пока юноша высказал всё, что только можно было. Потом долго молча пили чай. Молодой человек ел с аппетитом. Много варенья, большую маковую булку. Потянулся за яблоками, но вдруг как-то резко отдернул руку и смущенно посмотрел на отца:

– А ведь, по-вашему, я есть вовсе не должен?

– Отчего же?

– Ну как же... Такое... – и он стал быстро-быстро стряхивать крошки с форменного сюртука.

Отец спокойно допил стакан чаю, бережно положил на блюдце остаток сахару. Потер руки.

Студент, видимо, решив, что напрасно приходил, засобирался. Отец его не останавливал. Всё молчал.

Уже в прихожей отец вдруг спросил:

– Хорошо чаю попил?

– Хорошо. Спасибо.

Помолчали.

Отец:

– Думаешь ее (девушку) как булку взять, да и съесть. Нешто это любовь? Хотя верно, и такая любовь есть. А ты ее по-другому попробуй любить. Отойди на шаг – и люби. Оставь щелочку-то для Бога – чтоб между ней и тобой стал.

Когда студент ушел, отец вернулся в комнату и долго сидел, задумавшись. Я убирала со стола. Беседа страшно разволновала меня. Прежде при мне отец ничего подобного не говорил. Я выносила остывший самовар и уже в дверях расслышала бормотание отца (такое бывало с ним, когда он сосредотачивался на какой-то мысли):

– А, может, и дьявол...

Я чуть не уронила самовар:

– Что дьявол?

Отец словно очнулся. Встал, подошел ко мне. Взял из моих рук самовар и очень спокойно сказал:

– Может, в щелочке-то не Бог, а дьявол окажется.

Какая бывает тоска

Я не смогу сказать, что вполне осознала смерть отца. Я сейчас не о прозрачности, то есть не о том, что через жизнь всегда просвечивает смерть и наоборот. Особенно это видно человеку верующему. Как ликует душа всякий раз, когда на Пасхальной службе в назначенное время священник является в алтаре, сменив черные одежды на торжественные... «Смерти нет, тлена нет».

Но ведь и отца нет.

Вместо него – совершенная тоска.

Вот написала слово «тоска». И увидела перед собой Муню – несчастную Марию Евгеньевну Головину. Я уже рассказывала ее историю. И она оказалась задета Юсуповыми.

Обрученная с Николаем, старшим братом Феликса, готовая окунуться в роскошества взаимной супружеской любви, Мария Евгеньевна вместо этого была брошена в пропасть предательства. Николай дрался на дуэли и погиб. Стало известно, что причиной была женщина, его давняя любовница, связь с которой началась задолго до знакомства с Марией Евгеньевной.

Мария Евгеньевна пришла к отцу за утешением. Она рыдала, умоляла «вылечить от тоски».

Анна Александровна передавала мне со слов Марии Евгеньевны, что отец спросил:

– Какая тоска? Как томление или как язва?

– Не понимаю, – ответила Мария Евгеньевна.

– Как тоскуешь, как Иосиф в земле египетской или боле?

– Больше.

– Что, знаешь как Иосиф тосковал?

– Не знаю.

– Зачем говоришь, что боле? Лестно?

Бедная Муня, сбитая с тона, молчала.

Что говорилось дальше – не знаю. Сейчас это уже и не важно. Ни для Муни, ни для меня.

Знай меру

Отца считали специалистом в области любви. Ходили невероятные слухи о его способностях по части любви телесной. Конечно, отец в разговорах со мной никогда не касался этой темы. Хотя и ханжой не был. Он иногда выговаривал такое, о чем в так называемых приличных домах и не заикались. Например, мог откровенно описывать достоинства фигуры той или иной посетительницы или случайно встреченной на улице дамы:

– А груди-то у ей какие! Экая мясистая!

Такие замечания еще были скромными. Но всякий раз заключал он свое восхищение (или негодование) вздохом:

– Даст же Бог такую красоту!

Или:

– Пометит же Бог такой напастью!

Всё телесное он воспринимал с тою естественной непосредственностью, с какой приветствовал пищу, явления природы. Его реакция была немедленной и потому могла шокировать мало знавших его.

Как-то в прекрасную пору белых ночей гости у нас засиделись. Отец, и без того не слишком сверявший жизнь с часами, летом и вовсе терял ощущение времени. Белые ночи зачаровывали его, и беседы до утра в нашем доме (уже на Гороховой) не были редкостью.

Но вот наконец все разошлись. Остался только один посетитель. Купец, человек замечательный в своем роде – известный благотворитель, создатель детского приюта в Екатеринославе (оттуда он, кажется, и был родом).

Пока народу было много (обычный кружок – по преимуществу дамы), мы с Дуней хлопотали у стола и не слишком вникали в суть беседы. Но я всё же уловила главное. Обсуждалась проблема супружеских отношений. Что должно преобладать: телесное или духовное. Сошлись на том, что духовное.

И вот последний гость медлил. Видно, что-то важное осталось недосказанным.

Я присела у стола – выпить чаю. За весь вечер ни минутки не отдыхала. Купец, степенно поглаживая бороду (не такую, как у моего отца, а пушистую, и даже, как мне почудилось, надушенную), спросил, словно продолжая начатое раньше:

– Духовное, конечно, главное. Кто ж тут спорить станет. А только и тело своего требует. Вот я уже в годах, а грешен.

Отец отвечал:

– Вот и дамочки мои долдонят – духовное, телесное. Будто делят.

– А вы, Григорий Ефимович, не делите?

– Делю. Однако тут дело такое... Ты вот пищу вкушаешь, радуешься. Солнышко видишь – тоже радуешься. Красавица какая пройдет – глазу приятность... Чревоугодие – грех. А голод утолить... с молитвой... какой грех? Жизнь. На небе, верно, и пищи не вкушают, и с красавицами бестелесными не грешат. Так на то и небо. А тут – земля, дело другое.

– Так и хлысты говорят... – гость почти с возмущением поглядел на отца.

– Хлысты! Они в Бога не веруют. У них и радость смердит. Ты меру знай – вот что я говорю! Как природой положено, так тому и быть.

Гость пребывал в недоумении. Отец продолжал:

– Вот мы ночью сидели, а светло было, как днем. А Господь-то наверное тьму сотворил не напрасно. Ночи эти белые его волей тоже сотворены. Или сияние северное. Красиво? А то нет! А ведь люди-то, когда сияние, по полгода света белого не видят. И красиво, и тягостно. А только опять же воля Божья. Так ты давай против белых ночей или против северной темноты восстань. Дескать, неудобно тебе. Принимаешь ведь как есть. Ничего, живешь. А мужчину с женщиной сотворил как? Чтоб не в грехе жили. А потом попустил, чтоб грех узнали! Что ж, Змей сильнее Бога? Как бы не так. Так уж им предугадано было, чтоб узнали, какой он, грех, есть. Только меру знай! Я вот вериги носил и плетью себя смирял. А ничего. В голове всё образы носились. Совсем, думал, надо оскопиться, что ли... А потом решил: не для того Бог мужику дал, что дал, а бабе – бабье. Конечно, для продолжения рода человеческого... А, считаю так, что и для постижения тайны. Что за тайна? Сам размышляю. Не надумал еще. Но думаю всё же, для меры.

– Как это, Григорий Ефимович?

– А вот если ты с ней, а про деньги, скажем, думаешь или про хозяйство – тогда грех. А ежели про чистое, про детей своих, про красоту какую – тогда правильно. Тогда, значит, мера здесь правильная положена.

Отец увлекся и только тут заметил меня. Я сидела вся красная, мне казалось, что вот-вот упаду со стула со стыда. Отец же нисколько не смутился.

– Вот у меня дочки растут. Я их учу – во всем меру знай.

Я вскочила и опрометью бросилась в свою комнату. На следующий день отец подозвал меня и тихо-тихо спросил:

– Всё вчера слышала?

– Ну, не всё.

– А чего не слышала?

Я невольно выдала свое любопытство, запретное, по моему мнению, и оттого сильно смутилась.

– Ну-ну, – приобнял меня отец. – Ты уже невеста. Давно мне надо бы объяснить... Да только ведь невозможно! Как объяснить?

Отец махнул рукой и видно было, что он расстроен. Больше мы к этому щепетильному вопросу не возвращались.

Жизнь без смерти

К отцу повадился ходить один человек. Малоизвестный в свете. Очень приличный, образованный, даже европейский. Обычно он сидел молча и не принимал участия в общем разговоре. Казалось, его мало интересует всё, о чем говорят. Ходил он этак с полгода. (Надо заметить, что у отца было правило – ни за что не спрашивать, чего ради человек ходит, если тот не заявлял об этом сам).

И вот однажды собрался кружок как раз после смерти Петра Аркадьевича Столыпина. Известно, что отец того не слишком жаловал, но, по его словам, «к живому один счет, а к мертвому – совсем другой». Говорили же не столько о персоне, сколько о смерти вообще и ее нелепости в этом случае. И тут впервые привычный гость подал голос.

– А что, не было ли такого случая, чтобы человек совсем не умирал?

Собравшиеся в недоумении посмотрели в его сторону.

– Как это, совсем не умирал? Телесно?

– Именно телесно.

– Так Богом установлено, чтобы телесно все умирали, – заметил кто-то тоном, каким говорят с больными.

И действительно, на лице спросившего была написана такая мука, будто он услышал последние слова. Приговор.

Тут он с нетерпением перебил разом заговоривших.

– Григорий Ефимович, скажите, ради Бога, хоть вы...

– Чего тебе сказать, миленькой? Что жизнь без смерти обойтись может?

– Да, что может.

– Потерпи, милый, она тебе сама скажет.

Пристрастное отношение

Как-то Симанович заметил, что отец не любил лиц духовного звания. Едва ли это можно признать за полную правду.

Скорее, правильным было бы утверждать другое – отец особенно пристрастно относился к лицам именно духовного звания.

За всех молиться

Как-то раз отец провел весь день на ногах – на ходу, сказал он. Торопился засветло добраться до какого-нибудь жилья. Начало темнеть, а он всё еще не дошел до места. Совершенно обессиленный («обезножел я») свалился прямо на обочине, да так неудачно, что ноги остались на дороге. Очевидно, он потерял сознание, потому что не чувствовал, как ноги задело проезжавшей телегой. Когда очнулся и попытался встать – не смог. Начался дождь. К счастью, мимо шла женщина («баба-жница»), заметила лежащего. Без слов взвалила на плечи и потащила.

Отец говорил:

– Тащит это она меня, а я плачу. А она молчит. Молча и дотащила. Спрашиваю, за кого молиться? А она молчит. А и правда, за всех и молюсь.

Почему Николай II прикрывал рот рукой

Многие замечали, что у отца были плохие зубы. Конечно, при его образе жизни до приезда в Петербург невозможно было иметь другие. Первой с ним об этом заговорила великая княгиня Анастасия Николаевна. Она уговаривала отца лечиться у ее доктора – какого-то знаменитого в своем роде немца. Отец же отказывался. Великая княгиня, приводя примеры хорошего устройства фальшивых зубов, называла даже Николая Второго. И всё упирала:

– У вас, Григорий Ефимович, будет, как у царя.

Раз отец спросил у Анны Александровны, почему Николай во время разговора старается прикрыть рот рукой, делая вид, что то почесывает нос, то поглаживает усы. Анна Александровна объяснила, что привычку эту он приобрел после того, как вставил фальшивые зубы – очень неудачные.

После этого разговоры о лечении отец прекратил.

(Замечу, что именно манерой Николая почесывать нос и т.п. некоторые подтверждали его неуверенность в себе).

Ванна и аэроплан

Нельзя даже представить себе человека, более далекого от всяческих механизмов, чем отец. Они действовали на его воображение будоражащим образом. Начиная от ватерклозета с ванной и кончая аэропланами.

Симанович отмечает, что отец часто мылся. Это совершенная правда, что бы там ни говорили другие. Однако делал он это не только из стремления к чистоплотности. Собственно мыться он ходил в баню. Прием же ванны был для отца целым ритуалом. Он говорил: «Всё равно как в купели при крещении». Льющаяся из крана вода представлялась отцу неиссякаемым источником. Из-за этого, кстати, у Дуни происходили разбирательства с домовладельцем – потолок соседа снизу часто бывал в разводах от просачивающейся через щели в нашем полу воды. Отец так увлекался, что подолгу не закрывал кранов.

Особая история связана с аэропланами. Одна из знакомых отца устроила ему билет на испытательное поле. К отцу подвели летчика, чтобы представить того после полета. Он был весь в черной коже, в больших очках. Отец начал пятиться назад. Недоразумение тут же разъяснилось, и отец сердечно расцеловал летчика.

Знакомая стала допытываться у отца – почему тот испугался, уж не почувствовал ли он в самом летании человека чего-то предосудительного. Отец ответил, что ничего предосудительного в таком «покушении на небо» не находит. Что наоборот, и сам хотел бы полетать, посмотреть сверху, «как ангелы смотрят».

Через несколько дней Симанович доставил отцу кожаный костюм летчика. Отец долго с ним возился, а потом велел отдать обратно: «Страшон больно, как сатана».

Зеркала

Отец не любил больших зеркал. Надо сказать, что такие в деревнях тогда были редкостью. В Петербурге же убранство богатых домов не обходилось без огромных зеркал. Полностью привыкнуть к ним отец так и не смог.

Интересно было наблюдать, как он подходил к зеркалу, думая, что его не видят. Сначала как будто с опаской (что-то ему покажут?), потом с недовольством (зачем показывают такое?), потом с умиротворением (что есть, то есть).

Отец вовсе не упивался своей внешностью, скорее наоборот. Отсюда его стремление (проявлявшееся по-крестьянски: красиво – значит, богато, но тоже в крестьянском смысле) к нарядной одежде.

Крестное знамение

Многие видели в отце манерность. Но ее не было. За манерность часто принимали как раз непосредственные проявления отца. Например, почти на всех фотографиях видно, как он держит пальцы сложенными для крестного знамения. Это вызывало упреки со стороны тех, кто готов был обвинить отца в притворстве. Однако я получила страшное подтверждение их неправоты и, наоборот, – искренности отца.

Когда тело отца достали из проруби, оно, разумеется, было закоченевшим. Таким я его и увидела, когда по просьбе Протопопова приехала на опознание. Так вот, правая рука отца как раз

была сложена для крестного знамения. Возможно ли, чтобы он и в последние мгновения своей земной жизни пытался представлять себя иным, чем был на самом деле?

Победа над телефоном

Отец просто-таки с почтением относился к телефонным аппаратам. Замечу, что я имела возможность видеть отца говорящим в трубку уже спустя время после его появления в Петербурге, то есть когда он должен был бы свыкнуться с этим чудом техники.

Те, кто видел отца говорящим по телефону, сначала отмечали его робость. Голос, доносившийся из ниоткуда, приобретал над отцом, казалось, мистическую власть.

Надо заметить, что отец понимал свою неразвитость в этом отношении и решил ее побороть. Он сам мне, только приехавшей в столицу, не без умысла об этом рассказывал.

– Пусть он видит, что он тебе – ничто.

Это о телефоне!

Отец, не робевший ни перед кем, уговаривал себя (через меня) не чиниться с машиной.

При всем уме он был страшно наивным. Уверена, отец праздновал победу над аппаратом всякий раз, когда рывком перенимал трубку у зовущего его к телефону, картинно подбоченивался и опирался ногой на маленький табурет, специально поставленный возле. Именно такой ему, наверное, представлялась поза триумфатора.

Любовь или страсть

Я запомнила один спор, который шел между Марией Евгеньевной Головиной и Анной Александровной Вырубовой в присутствии, разумеется, отца – во время обычных чаепитий.

А разговор, как это бывало, начался с материй духовных и плавно перетек на материи вполне житейские, к чему, собственно, все, кто не обнаруживал себя ханжой, и стремились.

Что сильнее – любовь или страсть? Где скрещенье? И есть ли оно?

Мария Евгеньевна утверждала, что любовь сильнее страсти, потому что способна длиться дольше, что сладка как раз не страсть, а любовь, и даже безответная, безнадежная, больная и мучительная.

Анна Александровна же, напротив, уверяла, что страсть сильнее, так как всегда подавляет и подчиняет себе любовь, что никакого скрещенья нет и быть не может – либо одно, либо другое...

Обе горячились, сбиваясь от волнения на французский, тут же торопясь перевести каждая отцу свои доводы.

Отец так и не вмешался. Он просто смотрел на них с жалостью – никак не хотели договориться между собой две несчастные в любви и страсти женщины, одна обманутая, другая поруганная.

Зачем еду тыкать?

Чаще всего отец ел руками. К приборам, за исключением ложки, он не привык, а потом и не считал нужными. Говорил:

– Еду Бог дает, что ж ее тыкать.

Одергивал меня, когда я пыталась есть по всем правилам хорошего тона:

– По крайности ложкой ешь.

У многих описано, как отец раздавал за столом кушанья руками. Это верно. Но делал он так не от некультурности, а потому что полагал церемонией:

– Христос руками хлебы делил и голодных одаривал.

Омывание ног

Во время паломничества в Святую землю отец был поражен, увидев в жизни обряд омывания ног. Вернувшись в Петербург, он перенес его в дом.

Интересно, что примерно тогда же в одном философско-религиозном салоне решили буквально исполнять какие-то из обрядов, в том числе и омывание ног. (Так проявилось желание приблизиться к истинному христианству). Но ограничились только одним разом. На следующий охотников не нашлось.

Жизнь жалости не знает

Романтизма во мне всегда было больше положенного по годам. Добавьте к этому весь строй моей жизни, то есть ее начало – забытая Богом деревня, потом Петербург со всем, что ему сопутствовало прекрасного (иного я тогда не воспринимала).

Именно романтической любви мне до самозабвения хотелось годов с четырнадцати. Стоило увидеть лицо молодого человека, пусть некрасивое, но исполненное, как мне казалось, мукой, тут же влюблялась. Сама собой в минуту придумывалась его история со слезными подробностями – про тяжелое проклятие, про мой подвиг во имя любви и про счастливое избавление уже нас обоих.

Был в моей жизни жалкий случай.

Как-то среди посетителей отца я заметила совсем еще молодого человека, по виду как раз изведенного в конец какой-то душевной мукой.

В тот день у нас в доме было, как и вообще в начале 16-го года по известным причинам, не очень много просителей, но все такие, с кем следовало говорить подолгу.

Тот, «с мукой», заметно томился. Мне даже показалось, что ему вот-вот станет дурно. Я подошла, предложила воды. Он отказался, сказал только: «Скорей бы уж...».

Я, уже замороченная собой, в порыве спросила:

– Вы сильно страдаете?

Молодой человек выдохнул:

– Очень!

Мне только этого и надо было.

Что же оказалось?

Я забилась за дверь и (о, разумеется, из одной только любви) стала слушать.

«Несчастный» был уроженец Гороховца, из поповских детей, сам заканчивавший семинарию, и не последним.

С детства в доме он слышал духовные наставления известного рода и содомский грех считал едва ли не самым страшным. Но только смог понимать изнанку жизни, с ужасом прозрел, что сам содомит, пока мысленно.

Подошло время, снарядили в семинарию. Стал учиться. Домой показывался редко, всё ждал, что будет в нем перемена. А дело всё хуже. Душа болит, мечется, покоя ищет, а покоя нет. Собрался с силами, пошел в церковь, где его не знали, пожелал исповедаться, а рта раскрыть не смог. Постоял да и пошел. Тогда решил, что Господь ему уста запечатал.

Через кого-то узнал о моем отце, приехал, как сказал, «за разрешением».

Отец, разумеется, понял его так, что он просит разрешить от греха. Спросил:

– От чего же разрешать, от греха мысленного или сущего?

Семинарист ответил:

– Я не про то. Разрешите мне совершить грех.

Чтоб на это благословения спрашивали, такого еще отец не слышал. Спросил:

– Ну, скажу я тебе, что можешь, дальше-то что будет?

Молодой человек с отчаянием почти закричал:

– Дальше я только жить и начну.

– С таким грехом-то, при духовном-то звании? Не бывает такого разрешения. Тебя ад ждет, если не образумишься.

Семинариста эти слова не испугали.

– Мне слово нужно.

– Терпежу, что ли нет?

– Совсем нет. Руки на себя наложу. Мне жениться надо, без этого до прихода не допустят. А при жене мне обратно дороги не будет. Так надо пораньше. Вдруг так потянет, что придется из семинарии уходить.

На этом стенания несчастного были прерваны отцом:

– Тебе одному в грех входить стыдно, а грех тянет, не отпускает. Вот ты и решил других туда затянуть. Дескать, не я виноват, не подтолкнули бы меня, чистым бы ходил. Да я в таких делах не помощник.

Отец с такой силой распахнул дверь, к которой я прижималась, что совершенно, казалось, расплющил меня. Я закричала, кое-как выбралась из щели и тут же столкнулась с молодым человеком, подталкиваемым отцом. Я снова закричала, теперь уже ошпаренная прикосновением

того, кого еще час назад готова была любить. Как я обманулась, как коварно обманули меня чужая мука и темные окружья глаз!

Сейчас мне уже за пятьдесят, а ничего не изменилось.

Я не так много в жизни читала. Всё другое занимало. Да, кстати, и не стыжусь в этом признаться. Понимаю, что главное было вложено в меня уже при рождении. (Так и отец говорил). Из Лескова помню только один рассказ про женщину – Домну, как она до смерти влюблялась. До смерти – тут значит и силу, и года. Разумеется, то, что я сохранила в памяти только этот рассказ, умысел судьбы. Ведь узнала я его, когда еще не могла понимать суть. Не сама любовь, а придумка про свою любовь дорога, про свои мучения во имя любви, своей же. Пустота на месте любви страшна, вот и пытаешься зацепиться за кого-нибудь в надежде переложить хоть часть своего страха. Отец говорил: «Жизнь жалости к человеку не знает. Ей и не положено, на то Бог есть».

Лимон и фиалка

Дуня очень любила всякие растения вообще и тосковала по земле, несмотря на городское свое воспитание. Однако всё, что она могла позволить себе в Петербурге, – выращивание цветов в горшках.

Надо сказать, что я никогда не замечала в отце склонности к домашнему садоводству. Но однажды застала отца за странным для него занятием. Он копался в горшке, кажется, с фиалками, который стоял на кухонном окне. Я спросила, что он делает. Отец как-то испуганно обернулся на мой голос и скомканно ответил:

– Да так, ничего.

Поспешно отряхнул руки и отошел прочь.

Через некоторое время я увидела, что отец подолгу стоит, как бы высматривая в горшке. Вздыхает. И расстроенный, уходит.

Наконец я решилась:

– Что там такого?

Отец, застигнутый врасплох, ответил:

– Я косточку посадил. А ничего не растет. Месяц уже.

Поливает ли Дуня этот цветок?

Дуня исправно ухаживала за цветами. Через несколько недель я увидела в горшке новый росток. Нежно-зеленый. Тут же бросилась за отцом.

– Слава тебе, Господи!

В этом восклицании отца было столько радости, будто произошло нечто долгожданное, особенное.

– А что посадил?

– Лимон.

Я не удержалась и рассмеялась. Отец тоже рассмеялся. Обнял меня и велел смотреть за ростком.

Может, в одном горшке двоим было тесно или по какой-то другой причине (ведь лимон капризен), через некоторое время росток зачах. Я не без робости сказала отцу об этом.

Он напустился на Дуню. Мол, та плохо поливала. Дуня оправдывалась, что поливала.

– Значит, залила, – настаивал отец.

Он расстроился всерьез.

За обедом в тот день он спросил, нет ли в доме лимона. (Надо сказать, что у нас в доме всегда было в достатке и более того разных фруктов – гости приносили). Лимона не было. Отец велел купить.

Когда запыхавшаяся Дуня вернулась, отец просто вырвал у нее из рук фрукт и отправился на кухню.

Мы ждали в столовой. Через некоторое время отец вернулся совершенно удовлетворенный. На шелковой рубахе и под ногтями была земля, но он, нисколько не смущаясь, сел за стол и продолжил обед.

А на кухне мы с Дуней обнаружили вырванную с корнем фиалку. И не просто вырванную, а растоптанную, изломанную. Земля же в горшке была аккуратно разрыхлена и обильно полита.

Дуня, вздыхая, убрала с пола. Поворчала, но отцу ничего не сказала.

Через некоторое время лимон проклюнулся. Рос на удивление быстро. Отец подолгу стоял возле него, щупал листики, нюхал. Но вскоре росток зачах. Дуня, протестуя против варварского

отношения к ее фиалке, к лимону не подходила, поливал его сам отец, и винить на этот раз было совершенно некого.

Отец ходил сумрачный, даже злой. Однажды он заговорил со мной поздно вечером после ухода наших обычных гостей. Он зашел на кухню, где я сидела у теплой плиты, читая что-то романтическое, приобнял меня за плечи.

– Вишь, как пусто. Ни цветов, ничего у нас нет.

Я обернулась. В его голосе были тоска и отчаяние. То и в самом деле были плохие времена – шестнадцатый год, конец лета...

– Что ты, папа, все наши здоровы, слава Богу, остальное тоже наладится.

Отец погладил меня по руке, как он это делал всегда, – от локтя к ладони, широкими взмахами, – и отошел к окну.

Теперь он стоял ко мне спиной. Руки сложены на груди, голова опущена.

– А что же Дуня фиалку, что ли, выбросила? Неуж-то нельзя было спасти?

Я не сразу поняла, про что говорит отец.

– Так ты же ее измял, только выбросить и оставалось.

Помолчали. Я подошла к окну и стала рядом с отцом.

Он взял меня за руку. Но не сжал ладонь, как обыкновенно, а держал мою в своей.

– А ты лимоны не любишь, – почему-то сказал отец, глядя не на меня, а в темную улицу.

– Кислые они, – ответила я первое, что пришло в голову.

– Верно, кислые, а я вырастить хотел. Уж так хотел.

Я расхохоталась.

– А фиалку Дунину зачем вырвал?

– Как затмение на меня нашло. Она ж мешала.

– Так и потом твой лимон не принялся.

– Верно. Но то ж потом. Дуня и теперь злится?

– Да уж не злится.

– А чего не сажает снова?

Я пожала плечами. Постояли молча. Потом отец вышел.

Больше он не предпринимал садоводческих шагов. Дуня же снова посадила цветы, да не одну фиалку, а несколько, хоть и одинаковых, в два горшка. Цветы удивительно быстро разрослись, хоть и были посажены в неурочное время.

Потом я не однажды видела лимонные деревья в местах, где они, казалось, совсем не могли расти, и всякий раз вспоминала отца и его попытку.

* Приложения *

Анжелика Сафьянова. Сказка наших дней

О старце Григории и русской истории
(Москва, 1917 год)

От издателя

На ловца и зверь бежит.

Рукопись М.Г. Распутиной уже была почти готова к сдаче в типографию, когда 21.11.1999 на книжном аукционе антикварного магазина «Юнисет-Арт» я приобрел за 6 у.е. первое и единственное издание той стихотворной «Сказки наших дней...», которая фигурирует и цитируется в начале «Записок об отце».

Редчайший документ истории и литературы, этот изданный в Москве в 1917 году (без указания места и года) 56-страничный пасквиль, очевидно, достоин републикации в этой книге; еще и потому, что его автор, скрывшийся под псевдонимом Анжелика Сафьянова, – видный советский писатель Лев Никулин.[41] (Подробнее см. в книге А. Тарасенкова «Русские поэты XX в. 1900–1955. Библиография». Л., Советский писатель, 1965, стр. 277).

Не для сплетен, не для шуток.
Не для бойких прибауток.
Не для смеха и укоров,
Не для толков, не для споров
Мы писали эту сказку –
Мы писали эту сказку,
Чтоб вогнать злодеев в краску.
Те, кто злы, те будут злее.
Ну а это нам милее.
Долго нам жилось сурово,
А теперь за нами слово, –
Ну-ка, душу нараспашку;
Не за злато, не за ласку
Мы расскажем эту сказку
И про Гришку, и про Сашку,
И про Щелкову рубашку...
Мимо Волги и Урала,
Верст за тысячу не мало
Путь уходит вдаль и вширь,
Во студеную Сибирь.
Там, в одном краю убогом,
Во краю забытом Богом,
Против неба на земле
Жил малец в одном селе.
Паренька крестили Гришей,
В детстве был травы он тише,
Но зато к восьми годам
Вышел парень просто срам:
Что ни день, то суматоха –
Все, что ни лежало б плохо,
Все, что вора вводит в грех,
Гришка тащит прежде всех.
С парнем просто плач и смех.
Вырастал мальчонка хватом,

[41] **В.Э.:** Лев Вениаминович Никулин (Олькенецкий, 1891–1967), сын крещенного еврея, в 1910 окончил коммерческое училище в Одессе. Во время написания пасквиля был студентом Московского коммерческого института. Его сочинение – это типичное еврейское глумление.

Били скалкой и ухватом,
Извели на розги лес –
Парень вьется точно бес,
Воет, день лежит, как пласт,
Ну, а спуску все не даст,
Не берет его и мор,
Вот каков растет Егор.
Так растет в деревне Гришка,
Ловкий парень и плутишка.
Про него отец сказал –
Пусть растет, покуда мал,
Поприбавят годы ум –
И растет малец без дум.
Этим временем в столице
Слали свата к важной птице,
И послы сбирались станом
Ко заморским бусурманам.
У немецкого царишки
Десятины две землишки –
Дом, жена, солдат и псарь,
Словом, чем тебе не царь.
У немецкого царишки
Вырастала дочь на вышке.
Звали эту дочь Алисой.
Был царишка хитрый, лысый;
Стал царишка размышлять,
Как бы замуж дочку сдать.
У него соседи были,
Все в долгу, как кони в мыле,
Где их сан и где их прыть –
Как жену им заводить?
Скучно в тереме Алисы,
Под полами ходят крысы.
Стала думать да гадать,
Как бы на ноги ей стать...
А в немецком государстве
Ходит слух о русском царстве
Хорошо де там живут.
Что ни день, то масла пуд.
Есть и золото, и камни.
«Вот бы, батюшка, туда мне», –
Говорит Алиса раз.
И отсель пошел рассказ.
Пишет грамоту царек
На далекий на восток,
Пишет грамоту в углу
Ко немецкому послу:
«Помоги, сосватай дочку,
Износились все сорочки,
Скучно дома... Плохо мне
В нашей Гессенской стране.
Слух идет и в нашем барстве:
Хорошо де в русском царстве,
В этом царстве, у царя
Сын не женится, и зря...
Сослужи, дружок, услугу,
Предложи ему супругу».
Раз, два, три, четыре, пять –
Царь выходит погулять.
Велико царя наследство,
Только сын ушиблен с детства
Беден смыслом и умом
И позорит царский дом;

Мало спит и много пьет.
Знать не знает он забот.
Бросил царскую перину
И содержит балерину.
И решил российский царь
Поступить, как было встарь:
Сына он решил женить,
Чтобы сбить лихую прыть.
Знает он, – в одной стране,
На далекой стороне.
Принцев будет целый лес
И хоть пруд пруди принцесс.
Вот решает царь со зла
Звать немецкого посла.
Так случилось это дело.
Все решили сразу, смело.
Был посол хороший гусь
И привез Алису в Русь.
Александрой окрестили,
Обвенчали, окрутили, –
Мужу что... И ночью, днем,
Балерина все при нем.
Сговорившись еле-еле,
Так на трон и оба сели,
И сидели дни и годы.
Без кручины и невзгоды...
Много было разных бед,
Не пропал от них и след.
Но, как кустик олеандра.
Без тревоги и печали
Николай и Александра
На Руси цвели вначале.
Жили мирно, ели сладко,
Выезжали для порядка, –
«Коли царь – сиди да пей».
Где ни плюнь – везде лакей;
Кто их выше по уму,
Тех упрятали в тюрьму.
Ну-ка, люди грамотеи,
Сократим свои затеи.
Что нам город городить,
Шутки в сказочке шутить?!
Нужно делать дело нам, –
Мчится сказка по волнам,
Точно лодка без причала.
Так воротимся к началу.
Не забыли вы про Гришку,
Про веселого мальчишку,
Что в далекой во Сибири
Волю дал калмыцкой шири
И тащил, покуда малый
Все, что плохо ни лежало.
Гришка вырос, стал смышлен,
Гришку дома гонят вон: «Не
сиди у нас на шее».
И скажу вам по душе я,
Очень всем он надоел
По причине разных дел.
Май, весна, запели пташки,
В Гришке новые замашки –
Возле девок, точно вьюн,
Вьется парень свеж и юн.
Не пропустит мимо бабы.

Те народ, известно, слабый –
С жару даст локтем в висок,
А потом придет в лесок...
Ну, иная, та со злости
Зазывала Гришку в гости
И будила мужа сдуру,
И спускали Гришке шкуру.
Долго думали, гадали,
И жену Егору дали.
Поженили. С этих пор
Присмирел слегка Егор.
Стал грешить, но втихомолку,
Чтоб никто не видел в щелку,
Чтоб не били бы ухватом
На потеху разным хватам.
Но в один печальный миг
Злой удар его постиг.
Это было темным делом.
То ли случай был с наделом,
То ли видел месяц ясный,
Кем петух был пущен красный.
То ли дело в конокраде –
Знайте сами. Бога ради,
Только в ночь, как села мгла,
Вышел Гришка из села
И пустился по дороге;
Как несли беднягу ноги...
То в санях, а то за возом,
То вдогонку за обозом
Потрусил смиренный Гриша.
Где в кустах, а где под крышей,
Где в деревне под амбаром
Ночевал Григорий даром;
Шел в Россию из Сибири
Поглядеть, что слышно в мире.
Много ль времени, аль мало
С той поры уж пробежало,
Я про это ничего
Не слыхал ни от кого.
Только шел Григорий долго.
Перешел зимою Волгу;
Шел, ругая бездорожье,
Поминая имя Божье.
И в Москву, во стольный град
Прибыл, точно на парад.
Ходит Гриша по столице,
Видит были, небылицы.
Видит храмы и дворцы;
Ходят бабы да купцы,
Ходят штатские и баре.
Весь народ как на пожаре;
Над церквами звон гудит;
Гришка ходит да глядит,
И решил: из всей толпы
Лучше всех живут попы.
Видел Кремль... таков обычай,
Видел дом митрополичий,
Ткнулся он было к воротам,
А за первым поворотом
Часовой... В руках винтовка.
«Малый... Здесь ходить не ловко...»
Все Егору опостыло,
Он ушел, сказав уныло:

«Хоть пали, хоть не пали там –
Буду я митрополитом».
С детства Гришка думал вволю
И хвалит попову долю –
Есть и домик и землишка,
Деткам есть на молочишко,
Есть и хлеб в годину злую,
Знай, тяни нам «аллилую».
Тычь перстом почаще в небо
И сбирай себе за требы.
Был он кой-чему научен
И к работе не приучен,
Осмотрелся хитрым взором,
Пошатался по соборам.
Пораздумал, огляделся,
Победнее приоделся,
И на паперть, в Божий храм,
Стал являться по утрам.
Так просил он ради Бога;
Подавали, но не много –
Нынче в людях веры нет.
Изменился Божий свет.
Из себя был Гриша
видный. Было малому обидно,
И решил он: «Как ни глянь,
Видно дело будет дрянь;
Надо дело подходней,
Впрочем, все в руке Господней,
Бабе путь открыт в кликуши,
Сопричислят в Божьи души,
Попадет к попам в покои,
Там винцо и все такое...»
Слышал Гриша о блаженных,
О покойниках нетленных,
Знал их дивные спасенья,
Их святые исцеленья;
Знал про то, как те вещали
Гласом точно из пищали
О грядущем зле и бедах,
И бывали во беседах,
И вели с царями спор,
Изрекая им укор.
И решил однажды Гриша,
Простояв в церковной нише
В стужу лютую, в мороз:
«Не для этого я рос,
Чтоб стоять здесь до заката;
Я и сам ума палата
И какой во мне порок,
Чем я тоже не пророк.
Помудрю, да принатужусь
И скажу да так, что ужас,
Не найдет в дому дверей
Самый хитрый иерей».
Как сказал он, так и сбылось,
И молва волной катилась:
У Николы, в краткий срок
Объявляется пророк.
Из себя еще не старый,
Не пугает Божьей карой,
А такую речь ведет,
Будто ложку меда в рот.
И пошли о Грише слухи.

Бабы лезут точно мухи,
Старец мед и мармелад –
Слову ласковому рад.
До того приятен бабе –
К той прижмется на ухабе,
С этой молится вдвоем
И зальется соловьем....
Как пошла о Грише слава.
Поднялась попов орава:
«Кто такой... Какое право...
Может штунда, или лыст...»
И попы дрожат, как лист:
Попугали Гришу адом,
Дали знать, куда им надо:
«Тоже всякий свинопас
Отбивает хлеб у нас».
Шли часы, и шли недели.
Люди жили, ели, ныли.
Сказке верили, не были,
Ну и время, просто срам.
Встать бы разом... Где уж нам...
Встанут утром спозаранку.
Плюнут – вспомнят про охранку.
Боком взглянут на иконы;
Всюду ходят фараоны,
Охраняя каждый пост,
Заушая в гриву, в хвост...
Так приятно жили люди,
Помышляючи о чуде,
А по мраморным палатам.
Позабыв о годе пятом,
Ходит Коля-Николай,
Разоряя целый край.
И почтенная царица,
Вдохновляясь точно жрица,
Окружив себя попамия
Иерархами-столпами,
Извиваясь и дрожа,
Стала из ханжей ханжа.
Ходит в церковь, бьет поклоны,
Создает сама каноны –
Не царица, а скорей
В юбке старый архирей.
Кто же в ней узнает немку
И Алису-чужеземку;
Только жаль, ее язык
К русской речи не привык.
На немецком диалекте
Рассуждает и о секте,
И о том, каков синод,
И какой у нас народ.
Между тем почтенный Гриша
Забирался выше, выше.
Был он малый крепких правил,
Уважать себя заставил,
От девиц не знал отбою
И доволен был собою.
С Гришкой спорят иерархи,
Рассуждают о монархе,
И вещает Джиоконда
Из столичного бомонда:
«Vous savez, простой мужик,
А такой приятный лик».

Так его открыла Анна,
Дама фрейлинского сана,
А открыв, к царице скок –
«Объявляется пророк:
В нем одном такая сила,
Что на многих нас хватила,
Эта поступь, этот взгляд,
С ним не страшен целый ад».
Словом, лезет Гриша выше.
Красны дни пришли для Гриши:
И в столицу Петроград
Прибыл он, как на парад.
Едет он в почете, в славе,
Приближается к заставе.
Бьет поклон, и наконец
Попадает во дворец.
По палатам Гриша ходит,
Всех собой в восторг приводит,
Гриша старец хоть куда –
И взошла его звезда.
Изрекает он словечки,
Дамы ходят как овечки,
А потом, наедине,
Изнывают, как в огне...
Велика у Гриши сила.
До того вещает мило,
Что кругом бросает в жар:
«Вот так старец – а не стар».
А достойная Алиса,
Без любого компромисса,
С ним сидит и день, и ночь.
День да ночь и сутки прочь.
Завелась деньга у Гриши,
Дом в селе с узорной крышей.
Перевез детей и женку,
Пьет в салоне ром и жженку;
У самой графини И...
У него всегда свои.
Свет потушит, порадеет,
Тихой лаской обогреет,
А когда Григорий зол,
Изорвет в клочки подол.
Гришка едет на село,
Гришке очень повезло;
Говорят о нем в Сибири –
Нет важнее Гришки в мире,
Гришку знают города.
Но случилась тут беда:
Несмотря на гнев престола,
Гришку баба подколола;
Боже, что тут был за шум,
От забот кружится ум.
Повезли его в столицу,
Положили, как в теплицу,
Лечат, холят, еле дышат
И о Грише только слышат,
И при нем всегда «сама»
От тревоги без ума.
Только скоро грянул гром –
Зашатался царский дом;
Время дивное приспело
И такое вышло дело,
Что царек с семьей родной

На кузена шел войной.
Русь пошла войной на Вилли.
Как друзья там не судили,
А пришлось держать им речь
И поднять на друга меч.
В этот день во всей столице
Звали всех врачей к царице,
А царица рвет и мечет.
Напускается, как кречет:
«Дайте мне злодеев низких,
Что моих задели близких,
Что, затронув дядю Вилли,
С нашим царством в бой вступили;
Где они...» И запускала
В Николая чем попало.
Словом, так или иначе,
Толку нету в этом плаче,
Ни к чему ее протест
И подписан манифест.
На Руси под бабий вой
Закипел кровавый бой.
Был в ту пору Гришка болен
И войною недоволен –
Беспокойства и хлопот
У царицы полон рот.
Так тянулись эти годы;
За войной пришли невзгоды.
На глазах у всей Европы
Крали царские холопы
И в стране гасили пыл,
И смущали фронт и тыл;
Бились дни и бились годы
На два фронта воеводы,
Ну а толку нет, как нет,
Хоть сражайся десять лет.
А пока, почтенный Гришка
Порешил: «Помрешь, и крышка;
Буду брать, что Бог дает,
Что плывет мне прямо в рот».
Обнаглел, не зная меры:
«Во дворце моей все веры,
А царица мил-дружок,
Может, я и впрямь пророк».
Так он Гришка, сударь мой,
Измывался над страной.
И предела Гришке нету;
Как бы сжить его со свету,
Думал в ставке не один
И, увы, не без причин.
Гришка ходит нараспашку,
Носит шелкову рубашку,
«Вышивала мне сама.
Вхож я в лучшие дома,
Захочу – продам Россию;
Не слыхали про Мессию,
Так Мессия – это я
И вокруг страна моя...»
Всем в зобу дыханье сперло.
Сыты Гришкою по горло.
Подошел всему предел,
Так стране он надоел.
Но царя смешат укоры.
Коротки о Грише споры:

«Этот старец мне родной –
Вместе правим мы страной,
Ты святого не порочь.
Уезжай отсюда прочь».
И тогда собрались трое,
В час один, ночной порою:
«Что слова? – конец рассказам.
Надо кончить дело разом.
Поедом страну он ест,
Надо кончить – делу крест».
И случилось это ночью.
Все сошлись по полномочью.
Все собрались во дворец,
Где бывал «святой отец».
Гришка пьян уж был немало,
Дам хватал за что попало.
Лил мадеру на рубашку.
Говорил в хмелю про Сашку,
Про царя и про дворец,
А уж делу был конец.
Что там было, как там было.
Кто стрелял в лицо и с тыла,
Это нам не надо знать.
Только Гришке уж не встать.
Начал он хитро, не просто,
Кончил прорубью у моста.
Ястреб в тучах пролетал,
И ему конец настал.
Как Алиса убивалась,
Как на фоб его бросалась.
Возле Царского Села
Место гробу отвела:
«В мире нет ему замены,
Вот он мученик нетленный.
Без него покоя нет,
Опротивел целый свет».
Схоронили по закону,
Положили в гроб икону:
«Спи до радостной весны,
Александра и княжны».
А спустя немного дней,
Русь была полна огней,
В каждом сердце – пыл отваги;
Заалели ярко флаги.
Змию вбили в спину кол.
Рухнул царственный престол.
Сгибло Гришкино наследство,
Сгибли те, кто впали в детство.
Вот и сказочке конец –
Делу славному венец.

Григорий Распутин. Житие опытного странника

(май, 1907 год)

Когда я жил сперва, как говорится, в мире до 28 лет, то был с миром, то есть любил мир и то, что в мире, и был справедлив и искал утешения с мирской точки зрения. Много в обозах ходил, много ямщичил и рыбу ловил и пашню пахал. Действительно это всё хорошо для крестьянина!

Много скорбей было мне; где бы какая сделалась ошибка, будто как я, а я вовсе ни при чем. В артелях переносил разные насмешки. Пахал усердно и мало спал, а всё же-таки в сердце помышлял как бы чего найти, как люди спасаются. Посмотрю по поводу примеров на священников – нет, всё что-то не то; поет и читает резво, громко, как мужик дрова рубит топором. Вот мне и пришлось подумать много: хоть худой да Батюшка. Вот я и пошел паломничать, а так был быстрый вглядываться в жизнь; всё меня интересовало, хорошее и худое, я и вешал, а спросить не у кого было что значит? Много путешествовал и вешал, то есть проверял всё в жизни. В паломничестве мне приходилось переносить нередко всякие беды и напасти, так приходилось, что убийцы предпринимали против меня, что разные были погони, но на всё милость Божья! То скажут одежда неладна, то в чем-нибудь да забудутся клеветники неправды. С ночлега уходил с полуночи, а враг завистлив всяким добрым делам, пошлет какого-нибудь смутителя, он познакомится, чего-нибудь у хозяина возьмет, а за мной погоня, и всё это пережито мною! А виновник тотчас же находится. Не один раз нападали волки, но они разбегались. Не один раз также нападали хищники, хотели обобрать, я им сказывал: «Это не мое, а всё Божье, вы возьмите у меня, я вам помощник, с радостью отдаю», им что-то особенно скажет в сердцах их, они подумают и скажут: «Откуда ты и что такое с тобой?» – «Я человек – посланный брат вам и преданный Богу». Теперь это сладко писать, а на деле-то пришлось пережить всё.

Я шел по 40–60 верст в день и не спрашивал ни бури, ни ветра, ни дождя. Мне редко приходилось кушать, по Тамбовской губернии на одних картошках, не имел с собой капитала и не собирал вовек; придется Бог пошлет, с ночлегом пустят – тут и покушаю. Так не один раз приходил в Киев из Тобольска, не переменял белья по полугоду и не налагал руки до тела – это вериги тайные, то есть это делал для опыта и испытания. Нередко шел по три дня, вкушал только самую малость. В жаркие дни налагал на себя пост: не пил квасу, а работал с поденщиками, как и они; работал и убегал на отдохновение на молитву. Когда коней пас – молился. Это отрада мне послужила за всё и про всё.

Ходил берегами, в природе находил утешение и нередко помышлял о Самом Спасителе, как Он ходил берегами. Природа научила меня любить Бога и беседовать с Ним. Я воображал в очах своих картину Самого Спасителя, ходившего с учениками своими. Приходилось нередко думать о Царице Небесной, как Она приходила на высокие места и просила Бога – «Скоро ли я буду готова к Тебе». Много может природа научить по всей премудрости и всякое древо и как по поводу весны. Весна означает великое торжество для духовного человека. Как развивается в поле, то есть украшенный светлый май, так и кто следящий следит за Господом, то у него зацветает душа подобно маю, у него такое торжество, как день Пасхи, то есть напоминает как будто этот день, когда он причащался, и как развивается вся весна, так развивается и торжествует кто ищет Господа. Недуховному человеку весна тоже радость, но только как неученому грамота.

Еще я нашел одну отраду из отрад всех: читал ежедневно Евангелие понемногу, читал немного, а думал более. Потом еще учился носить вериги три года, но враг меня смущал – «Это ты высок, тебе нет сверстников». Я много боролся и пользы они мне не принесли, а нашел вериги любви. Любил без разбора: увижу странников из храма и от любви питаю чем Бог пошлет, у них немножко научился, понял кто идущий за Господом. Много мне пришлось бороться и пережить. В одно прекрасное время ходил, думал обо всем, вдруг проникла во мне мысль, долго недоумевал, что вот сам Господь не избрал царские чертоги, а выбрал Себе ясли убогие и тем прославил славу. Мне, недостойному, пришло в голову достигнуть: взял, выкопал в конюшне вроде могилы пещерку и туда уходил между обеднями и заутренями молиться. Когда днем свободное время, то я удалялся туда и так мне было вкусно, то есть приятно, что в тесном месте не разбегается мысль, нередко и ночи все там проводил, но враг-злодей всяким страхом меня оттуда выживал – треском, даже было побоями, но я не переставал. Так продолжалось лет восемь, и вот враг-злодей

всё же-таки навел людей – будто оказалось место лишнее и мне пришлось переселиться в другое место.

Вообще я видениям никаким не верил, так меня Бог хранил от видений. Вот меня искушение поискало одно, что возроптал на общество. Видению не нужно верить, это недоступно нам. Хотя бы оно на самом-то деле было, за это Господь простит, за неверие даже маленьким подвигом простит, но как от врага в прелесть впадешь, то это спрашивается как всё равно, как у какого-нибудь злого помещика потерял какие-нибудь вещи. Очень, очень осторожно нужно с этими видениями, до такой доведут низкоты, то есть до забвения, что не будешь помнить ни дни, ни часы, и в такую впадешь гордость, и будешь настоящий фарисей. Трудно странничкам бороться со врагом. Когда я шел странничать в Киев, то уходил утром без обеда, это был мой устав. Злодей враг завидовал всему моему доброму делу; то он являлся в виде нищего, а все-таки знатно, что не нищий, а враг в тумане. Я успевал в то время крестным знамением себя осенять, и вдруг исчезал как прах. То мне казал, что деревня еще более как 30 верст, смотришь из-за леску и вышел на долинку – тут и село. Экой сатана! То являются помыслы нечестивые, усталость неописанная, голод невысказанный, жажда питья неопределенная, сдогадывался, что это опять от врага, нередко падал на дороге как будто по кочкам иногда – всё это искушение! Приблизишься в селу, звон раздается, я своими прыткими ногами и частой походкой – уже в храм. Вот мне первую мысль враг задает: то стань на паперти, собирай жертвы – дорога далекая, денег много надо, где возьмешь; то помолись, чтобы тебя взяли обедать и накормили послаще. Хвать безумной головой, уже херувимский стих поют, а я еще не был, не предстоял, не соединялся с Господом! Дай я не буду больше! Так мне пришлось с этими помыслами бороться целые года.

Вот я не стал помышлять, а стал приходить в храм стоять с мужиками сельчанами, тогда мне Бог давал: напоят и накормят и всю нужду странствия моего поймут. В том у странников благочестие, что не нужно собирать и наипаче на погоду роптать, потому что дурная и хорошая погода – всё от Престола Божия.

Странничать нужно только по времени – месяцами, а года чтобы или многие годы, то я много обошел странноприимен – тут я нашел странников, которые не только года, а целые века всё ходят, ходят и до того они бедняжки доходили, что враг в них посеял ересь – самое главное осуждение, и такие стали ленивые, нерадивые, из них мало я находил, только из сотни одного, по стопам Самого Христа. Мы – странники, все плохо можем бороться с врагом. От усталости является зло. Вот по этому поводу и не нужно странничать годами, а если странничать, то нужно иметь крепость и силу на волю и быть глухим, а иногда и немым, то есть смиренным наипаче простячком. Если всё это сохранить, то неисчерпаемый тебе колодезь – источник живой воды. А в настоящее время сохранить источник этот трудненько. Нужда всё же-таки Бог не старее и не моложе, только время другое. Но на это время Он имеет Свою благодать и время восторжествует. Страннику нужно причащаться тем более во всяком монастыре, потому что у него большие скорби и всякие нужды. Святые тайны обрадуют странника, как май месяц свою землю.

Много монастырей обходил я во славу Божию, но не советую вообще духовную жизнь такого рода – бросить жену и удалиться в монастырь. Много я видел там людей; они не живут как монахи, а живут как хотят и жены их не сохраняют того, что обещали мужу. Вот тут-то и совершился на них ад! Нужно себя более испытывать на своем селе годами, быть испытанным и опытным, потом и совершать это дело. Чтобы опыт пересиливал букву, чтобы он был в тебе хозяин и чтобы жена была такая же опытная, как и сам, чтобы в мире еще потерпела бы все нужды и пережила все скорби. Так много, много чтобы видели оба, вот тогда совершится на них Христос в обители своей. Трудно в миру приобрести спасение, наипаче в настоящее время. Все следят за тем, кто ищет спасения, как за каким-то разбойником, и все стремятся его осмеять. Храм есть прибежище и всё тут утешение, а тут-то как духовенство вообще в настоящее время не духовной жизни, наипаче следят, кто ищет бисера и смотрят с каким-то удивлением, как будто пришли сделать святотатство. Но чего нам об этом печалиться? Ведь Сам Спаситель сказал: «возьми крест свой и следуй за Мной». Мы не к духовенству идем, а в храм Божий! Ну, да нужно подумать – худой, да Батюшка. У нас искушения, а у него и поготову, потому что там у него шурин на балах, а теща-то у него кокетничала, а жена много денег на платья извела, и гостей-то у него предстоит много к завтраку. А всё же почитать нужно его! Он есть батюшка – наш молитвенник. Так и в монастыре они поставлены на спасение и пошли спасаться, то есть какой-нибудь помещик послал своего раба за горохом, а он принес ему редьки, чтобы он с ним доспел? Однако наказал бы!

Кто в миру неученый, а жизнь толкнула на спасение, тот по всей вероятности больше получит дарования; что ни делает, да успеет! Вот по поводу этому пример. Было бы у одного хозяина нанять два работника, а два бы прибежали со стороны и проработали во славу. Хозяин долго помнил бы и давал и спасибо. Те двое-то наняты и позваны были, и эти-то прибежали во славу – они и получат тем более, что не были к делу приставлены, а совершили более тех, которые были призваны. Не один раз я видел как гонят, где собравшись во имя Господа беседу ведут, то есть живут как по-братски от любви Божией и любят не по одной букве, а по слову Спасителя; и не выкапывают в человеке, то есть не находят никаких ошибок, а находят только сами в себе, беседуют о любви и как соединиться со Святыми Тайнами и петь разные псалмы и читать по главе из Евангелия, хотя за это будете изгнаны и будут вас подозревать. Потому что они-то (гонящие) чины заслужили по букве, а от Господа далеко отстоят и духовный орган для них как заграничный язык. Будем стараться и молиться, чтобы Господь нас не рассеял! Они же требуют от нас то, чего сами не поймут. Мы не будем Бога просить, чтобы их Бог наказал. Сам Господь укажет им путь – истину. Смех их обратится по слову Спасителя в плач. Не будем смотреть на разные их поношения: «слуха зла да не убоимся», «станем продолжать петь псалмы и любить друг друга всем сердцем» – по слову Апостола: «приветствуйте друг друга святым лобзанием». Только не нужно делаться всем большими, нужно слушать и внимать одного, кто нас ведет в путь истинный; а то как бы враг нас не рассеял и не посеял в нас ничтожную ерунду.

Вообще бояться станем прелести всяких видений. Не будем верить сновидениям кроме Божией Матери и Креста. Много-много враг представляет всяких кляуз и много показывает за братом недостатков; иногда и скажет брату вовсе устами чужими на брата, будто как на самом деле тот брат говорил, а тот даже и не думал этого. Вот тут-то нужно осторожно в духовной жизни. Враг так наклевещет как есть на самом деле, и что же потом получится – даже до смерти не хотят друг друга видеть и при кончине простить. Вот тогда и получится великий неурожай в поле – хозяин не насыплет в житницу, а мы во спасение. Как дыроватый мешок не сохранит в себе жита, так и мы, ежели не будем друг друга прощать, а будем замечать в другом ошибки, сами же находиться к нему во злобе, то есть судить. Нам бы надо со смирением за ним заметить ошибки, да уласкать его, как мать сердитое дитя: она все примеря, приберет и всяким обманом и ласками не даст ему кричать.

Хорошо бы и нам найти пример с этой матери. Найти и обласкать падшего, а наипаче быть самому осторожным и, прошедши все опыты, быть близко к Богу и показать свой пример, и не от одной буквы, а быть на деле самому.

Ах, как враг хитрый ловит вообще спасающихся: в одно прекрасное время ехал я зимой, был мороз в тридцать градусов, враг и научил меня: «Сними шляпу и молись на долине за лошадьми, ведь все делатели, что не делают, да успеют». Я действительно снял шапку и давай молиться, а потом мне стало казаться в очах, будто Бог очень близко. Что же получилось? Голову простудил, потом захворал, был сильный жар, 39 градусов. Вот я тут поработал, а когда пришел в себя, за это много молился и постовал. Молиться можно на долине, но не снимая шапки в 30 градусов мороза.

Кто спасается и ищет Господа не от какой-нибудь корысти, того, какое бы то ни было искушение приведет не на грех, а на опыт. Нужно только после этого искушения больше прибавить силы и с рассуждением действовать. Не особенно забиваться и попадать к небу, а понемножку, как тебе на сердце придет, а не как ревнитель. Нужно быть осторожным и помнить Бога, когда работаешь, наипаче ловишь рыбу, помышлять об учениках Господа, которые также раскидывали сети. Когда пашешь – помышлять, что труд есть во спасение. Нужно читать изредка молитвы Богородице, а в густом лесу помышлять о пустыне, где спасались прежние отцы. На жатве думать вообще о делателях добрых дел, тружениках Божиих. Когда один едешь или идешь, то нужно соображать, что все пустынники были одиноки. Ежели же нагнала тебя толпа, то помышляй, что за Господом за Самим шли тысячи слушателей слова Его. Хотя все мы как человеки грешны, но создание и образ Божий. Наипаче ежели какие страсти плотские, то воображай картину в очах своих – Крест Господен и громко на врага кричи: «Пойдем со мной на крест, ты был как ангел и предстань одесную, а я тогда буду святой и оба не будем мучиться, а то ты и меня мучаешь, и себя».

Когда никого не видно, то громко открикивайся от врага: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного и молитвами Богородицы сохрани меня». А если видишь, что около тебя кто-нибудь близко, то тайно духом возноси молитву Иисусову. Затем причащайся как можно чаще и ходи в храм, какие бы ни были батюшки. Считай батюшек хорошими, потому что

ты как спасающийся – тебя враг искушает, а у него тоже семейство и он тоже человек. Ему бы надо было поступить в исправники, а он пошел в батюшки. Ведь он бы рад спросить, да нет у нас таких живых людей дать ему благой совет. В настоящее время кто может совет дать, так они в уголочки позагнаны.

Вот еще как враг завистлив к тем, кто ищет Господа и кого он ничем не может искусить – он прямо посылает болезнь. Кто молится земными поклонами – у тех заболевает спина, у странников – ноги и все по наваждению вражьему; постников давит такая жажда, что ни выскажешь, на смиренных посылает из женского пола с какими-нибудь неудовольствиями, на несеребролюбивых наводит будто завтра умрет с голоду, у тех, кто крестится, отнимается рука, нередко мутятся глаза, иногда делаются судороги. В ночное время тем более велит поспать враг, а то явит треск, разный страх и всякие всяческие. То явит милость, что видит все и всяким вражеским своим хитрым наваждением, а наипаче в лесу он старается всеми силами победить. На трудолюбивых старается нагнать леность. Как это все – победить!

На все нужно бить: молиться немного, но ударять себя, когда никого нет, крепко правильно и физически, чтобы даже пол дрожал, только стараться, чтобы никто не видел – тогда это все будет здорово и пройдет, и будешь опытен и примешь все это с радостью, потому что тебя враг научил, а не искусил – наипаче еще научил любить Бога. Вот тебе и враг! Хвать, хвать, а пользы нет. Возьми в пример худого еврея: обманывал, обманывал – глядишь доспелся расторгуй (разорился), так и враг трудился да не над тем.

Вся жизнь моя была болезни. Всякую весну я по сорок ночей не спал. Сон будто как забытье, так и проводил все время с 15 лет до 38 лет. Вот что там более меня толкнуло на новую жизнь. Медицина мне не помогала, со мной ночами бывало как с маленьким, мочился в постели. Киевские сродники исцелили, и Симеон Праведный Верхотурский дал силы познать путь истины и уврачевал болезнь бессонницы. Очень трудно было все это пережить, а делать нужно было, но все-таки Господь помогал работать, и никого не нанимал, трудился сам, ночи с пашней мало спал.

Когда я стал ходить по святым местам, то стал чувствовать наслаждение в другом мире. Ходил временно не всегда по святым местам; испытывал много чего; видел, как Богу служат в обители святой, и думал, что в миру кто делает со страхом и благословением Божиим тоже участник даже и больший, потому что Сам Самодержец Царь крестьянином живет, питается от его рук трудящихся, и все птицы крестьянином пользуются, даже мышь и та им питается. Всякое дыхание да хвалит Господа и молитва все за крестьянина – только бы он не сквернословил! Велик, велик есть крестьянин перед Господом: он никаких балов не понимает, он в театре редко бывает, он только помнит: Сам Господь подать нес и нам велел – Божий трудовик! У него вместо органов коса в руках; вместо увеселений – соха у сердца; вместо пышной одежды какой-нибудь твердый армячок; вместо тройки лихой какая-нибудь усталая лошадка. Он едет и вспоминает от души ко Господу: «донеси меня с этой долины в свое прибежище или до города». Вот тут-то на нем Христос! а сам пешечком со слезами. Он здесь со Христом, а там уже давно на нем пребывает рай, то есть он заготовил Житницу Божию. Нередко приходится со словами Бога умолить и Фрола, и Лавра помянуть, а все же-таки с Богом и тут ему радость! А без Бога хотя и на тройке мчаться, а уныния полный экипаж.

Что им завидовать! у них как у худого еврея какой-нибудь гнилой товар, да подкрашен или подлажен. Хвать, а его и нет, то есть деньги заплатил, а пользы не получил. Вот их радость – как надежды на весенний лед. У них едет только пышное платье, а душа во мраке. Но действительно не у каждого так бывает: «порфира не погубит, а рубище не вознесет», но на все нужно умение и опыт. Всегда нужно себя в одежде унижать и считать себя низким, но не на словах, а духом действительно. Бриллианты тоже Божие создание и золото украшение Царицы Небесной – бисер чтимый, но только нужно суметь его сохранить. Мы одеваемся в жемчуг – делаемся выше городов, подымаем дух – и рождается порок гордости и непокорности ко всему. А вы знаете, кто у нас не покорился? Один сатана! Он трепетал, он не спал и сроду не кушал, а вы знаете, где он находится? Нужны только унижение и любовь – в том и радость заключается!

Любовь – большая цифра! пророчества прекратятся и знания умолкнут, а любовь никогда. Не так как строго говорится, а маленько, маленько сохраним – остальное все приложится. Не нужно добиваться почета и учения, а следить и искать Господа и все ученые послушают глагол твоих или изречения твоего. Мне пришлось много бывать у архиереев, много я беседовал с ними, вот всячески испытывали. Придешь с сокрушенною душою и смиренным сердцем – их учение остается ничтожным и слушают простые слова твои, потому что ты придешь не с простым

духом, а от милости Божией. Ты одно изречешь слово, а они нарисуют себе целую картину, только бы ты шел не ради гнусной корысти. Они, хотя и хотят испытать и ищут что-нибудь, но ты как не с простыми – словами, то есть в страхе – вот тут-то у них замирают уста и они противоречить не могут.

Так я много бывал в духовных академиях: в Киевской, в Московской, Казанской и более в Петербургской.

В настоящее время, в такую смуту 1907 года действительно на всех не повлияешь. И Сам Господь не на всех повлиял и про некоторых заготовил ад и тьму, которые есть следят за Господом, с теми пришлось мне побеседовать по поводу всей смуты. Я больше беседовал с ними о любви, но они много изумлялись о любви более из опыта, которая пережита мною.

Так нужно быть на всё приготовленным и не в научном настроении духа. Если не будешь искать корысти нигде и стремиться, как бы утешить, призовешь Господа душевно, то и бесы вострепещут от тебя, и больные выздоровеют, только бы все делать не от гнусной корысти. А будешь искать каких-нибудь случаев для брюха, для славы, для сребролюбия, то не получишь ни здесь ни там, то есть ни небесного ни земного, а будешь стараться, действительно Господь даст в чем нуждаешься и получишь, что тебе надо. Враг же сатана всегда ждет и ищет случая, как бы искусить, и говорит, побеседуй погромче для своей славы и покрасноречь для брюха! И ах – сатана как лиса, сверток много, много. Все это пережито мною! Нет, не нужно просить и беседовать для славы своей – это будет только беспокойство – не дадут и не получишь, не приобретешь ни в земное наслаждение, ни в небесную радость.

Если будешь себе приобретать, то не украсишь ни храм, ни себя, а будешь живой мертвец, как в Евангелии говорится. Вот ученость для благочестия – ничего! То есть я не критикую букву – учиться надо, но к Богу взывать ученому не приходится. Он все на букве прошел и не приходится ему к Богу взывать. Буква запутала ему голову и свила ноги, и не может он по стопам Спасителя ходить. Действительно есть и ходят по стопам Спасителя, но только очень помешало им настоящее время. Спутана вся Россия и не признает в ней паства своего пастыря, то есть на родине надо любить родину и в ней поставленного Батюшку-Царя – Помазанника Божия.

Много, много я кое-где бывал: бывал у сановников и офицеров и князей даже, пришлось Романовское поколение видеть и быть у Батюшки Царя. Везде нужны подготовка и смирение и любовь. Вот и я ценю, что в любви пребывает Христос, то есть неотходно есть на тебе благодать – только бы не искоренилась любовь, а она никогда не искоренится, если ставить себя невысоко, а любить побольше. Все ученые и знатные бояре и князья слушают от любви слово правды, потому что если в тебе любовь есть – ложь не приблизится.

Не так как пишется, но на деле-то попасть к Высокопоставленным нужно быть очень осторожным и приготовленным ко всему, тогда от веры твоей повлияет на них Господь своею красотой. Они встрепещут и твое простое слово примут за самое высокое образование, потому что в них скажется особенно чего не опишешь, то есть повлияет Сам Господь своею благодатью. Я грешный тут бывал то высказать не могу, у всех и вся и много кое-чего видел. Одно главное: кто живет со Христом нищий и убогий, у того радость больше его хаты, а и во дворцах и у Высокопоставленных, как Бога нет, уныние больше хижин. Действительно много и среди аристократов таких, что благодати выше дворцов и умению к благочестию. Которые умеют себя унизить, у тех и благодать выше дворцов, не добиваются сей славы, а добиваются высшей благодати им и скорби как овсяная плева для ветра. А которые ждут от Царя почестей и награды, а сами не заслужили – у них фундамент-то на песке. Вода пришла и все унесло, то есть маленькая ошибка, а они уже то давятся, то стреляются, то напиваются, потому что они не искали небесной славы, а искали земного удовольствия. Бога и то купили в магазине – изумруд. А он-то, изумруд, у них заржавел, и ржавчина послужила свидетелем. Кто Богу и Царю служил и не искал славы, трудился – заслуга. Не спал день и ночь, делал правду, служил Богу и уноровлял Батюшке Царю, на того и гора упадет – его не задавит, перенесет все с радостию и получит наслаждение даже больше старого. Вспомнил еще один опыт и испытание в моей жизни. Ходил в Петров пост на острова и там собирал лыко; таскал больше чем за полверсты в озеро мочить. Хлеба кушал малость, а оводов и комаров от себя не отгонял. В пять часов вечера я снимал рубашку, клал сто поклонов и творил Иисусову молитву. Враг-ненавистник очень много этому позавидовал, напустил уныние, даже ненудовольствия сделались. Едва-едва смог перенесть, но понял я, что ему досадил. Потом сам еще ошибся и его оклеветал, но тогда-то он меня вторично донял, то есть больше еще научил к опыту и остался нечестивый осмеянный со своими хитростями. Его роль была богохульство, а оно произошло от просимого мною чуда. Так вот, не советую просить чудес

или подвиги большие брать, а брать подвиги по мере. Я действительно получил пользу от оводов и комаров, цифра неписанная, и научился всякому терпению, вообще ударам или изнурению тела. Придется если на мягком спать, то и хорошо в интеллигентном обществе, а в поле на кочке и слаще, и березонька под боком и зорьку не проспишь и на все это опыт. Еще в петровские ночи я пахал, оводов тоже не убирал с себя – пускай покушают тело и попьют дурную кровь. Я размышлял: и они Божие создание, так и я сотворен Богом. Кабы Бог не дал лета, не было бы и комаров. Ах, какой у мужика труд золотой и он делает все с рассуждением. Вот и комаров-то покормит и то во Славу Божию. Мужичок мудреный и опытный. Душа живая у него и пережито им много. Однако жалко, что у него ум спит, потому что он не был в гимназии. Не известно однако, что бы с ним было, кабы поучился. Одно известно, учение в Боге и в Боге в храме и в храме соединяться с Господом, принимать Святые Тайны три раза в год. Если все это сохранить в себе, то будут на тебя нападки, преследования разные и вообще будут священники пытать, на все нужна сила и Бог даст дарование – их буква останется дешевой ценой.

Когда в храме священник, то нужно его почитать; если же с барышнями танцует, то напоминай себе, что это не он, а бес за него, а он где-то у Престола сам служит. А видишь, что он сладкие обеды собрал и кумушек-голубушек созвал, то это потому, что у него свояченица барышня и шурин кавалер, а жене-то батюшковой и жалко их, он же Христовый все же батюшка и не сам, а пожалел их, так и представляй в очах картину.

Хочу еще поговорить о сомнении. Я нашел много людей сомневающихся в себе с 16 лет и до 33 и мне пришлось беседовать по поводу сомнения. И так это сомнение доходит до такой глубины в забытье, что представляется в конце концов, что даже не достоин в храм ходить, Святые Тайны принимать и на иконы, то есть на лик Божий взирать. Тут такая глубина, что и разобраться совсем невозможно. В святых Житиях сказано: нужно себя везде и повсюду проверять и исследовать. Действительно, нужно всегда себя проверять, я с этим согласен, только в середину точки зрения, а не до крайностей. От крайностей человек помышляет, например, что в нем нет любви истинной. Я люблю не от сердца, а вижу у человека недостаток в чем-нибудь и жалею, а любовь далеко от меня отстоит, я недостоин любить и Бог не дал мне любви, как брат, например, любит. Что же получается? А выходит, что на Бога приносят хулу, что Он не дал любви. После этого отражается, что человек считает себя действительно недостойным. В таком случае не нужно думать о себе, что во мне любви нет, а просить наипаче Всевышнего, чтобы Он наказал мне любовь истинную и научил. Так Он научит! Можно и помышлять иногда, что не отбери у меня, Господи, любовь чистую и люблю довольно, и пускай она, любовь, во мне торжествует во славу Христа и уповать на Высшие Силы. А больше добиваться любви до крайности нельзя! А какую Бог дал, такая пусть и будет! И так нельзя никому советовать, что «люби более», на все надо присматриваться строго, потому что человек любит искренней душою, а враг хитрый по этому поводу и представит картину: «ты еще не учился любить, не достоин грешник, любят не так, а ты люби одного Бога, ходи с поникшей головой, не радуйся!»

Нет, Бог веселых от рая не отказал, а наипаче их возлюбил, но только веселиться нужно во Господа. Вот еще враг хитрый задает такие фразы и научает: «пустынники молились и постились, и Сам Господь 40-дневный пост нес, а ты что за человек, за молитвенник и за постник, попостуй и соединись с Господом». Вот мы и начинаем пестовать и молиться недели, не спрося ни у какого старца, а сами от себя. Что же получится? Получится самомнение и в глазах картина, что из подвижников подвижник и будет видение и голос от иконы и потом что же? Враг так сумеет подойти с божественной стороны, что и срисовать никак невозможно. С большого поста, от физической усталости заболевает спина и нервы расстраиваются, и не хочет человек разговаривать ни с кем. Все кажутся в очах его из грешников, нередко голова кружится, от слабости падают на пол и часто становятся ненормальными. Вот где нас добил враг, где нам поставил сети: в посте, в молитве доспел нас чудотворцами и явилась у нас на все прелесть. Тут-то мы и забыли и дни и часы и Евангельское слово отстоит далеко от нас. Нужно брать пример самый легкий, с животных, с лошадей. Посмотри: если на сытой лошади поедешь, она не убьет; на голодной – устанет; держись середины, тогда не убьет, не пристанет, а как раз добежит до станка. Так и молиться надо немного, а думать побольше, наипаче в Великий Пост помышлять: «помяни мя, Господи, во Царствии Твоем».

Духом удаляться будто как в пустыню. Наипаче Иисусову молитву творить: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного». Куда идешь или едешь, как это сохранишь в себе, будешь ты у Бога и схимник и иеросхимонах. Иеросхимонах заставлен молиться, а ты сделаешь это по своей воле и Святые Тайны примешь дважды в великое говение. Так и в

храме нужно стоять, когда придет радость молиться, если же леность придет, ударять себя в грудь, обзывать, оболгать сердце ленивым, а вообще стыдиться не нужно в храме, потому что дом молитвы. Ведь какой-нибудь торговец если бы стал лениться отвешивать товар, то не убыл бы из корзины и не прибыл бы в карман. Не остаться бы и нам, то есть не выйти бы нам с дырявым мешком, в котором не сохранилось чего положено было. И не нужно выказывать себя, а вести серединку, тем более молиться лучше. Но кто духовную жизнь ведет, то тем более над тем всегда надругаются. Вот тут-то не надо стыдиться, а делать так, как Бог указывает, так и молиться. А то враг скажет: «не ходи в храм, там над тобой смеются псаломщики, дьякон и все священники, весь мир соблазняет, молись дома по 200 поклонов». Храм есть ковчег, как он не будет соблазнять врага, потому что там отпускаются в Храме грехи.

В одно прекрасное время проникла мне мысль и глубоко запала в сердце. Как говорится по слову Апостола Павла, «кто устроит храм, того адовы врата не одолеют никогда». Вот я стал неотступно Царицу Небесную просить и пришлось мне физически поработать, не один раз приходилось, крепко обнявши голову, глубоко, глубоко подумать по поводу храма. Сам я человек безграмотный, а главное без средств, а храм уже в сердце перед очами предстоит. Как это устроить? а главное молившись Царице Небесной, чтобы она дала мне сил и не упасть духом и надеяться на Его щедрую милость, и под покров Царицы Небесной. Легко сказать: «дай на храм 20 тысяч», а как их дать и где взять? Надо подумать, сообщиться с Господом, да побеседовать с Ним, попросить Его, чтобы Он не отринул своею милостивою щедростью и оказал мне свою радость. Говорить стану кратко о благодетелях: если подробно начать, то это будет слишком длинно. Так недаром говорит Святое Писание, что за Богом молитва не пропадет, а за Царем служба. И вот Божья радость совершилась на мне, грешном. Я простой мужичок, когда вообще благодетелей искал, ехал из Тобольской губернии с одним рублем, посматривая по дороге на Каме, как господа лепешки валят в воду, а у меня и чайку нет на закладку. Как это было пережить. Приезжаю в Петербург. Все равно как слепой по дороге, так и я в Петербурге. Пришел первое в Александре-Невскую Лавру поклониться мощам и за крыльцом у меня большой мешок с черным бельем. Отслужил молебен сиротский за 3 копейки и 2 копейки на свечку.

Выхожу из Александре-Невской Лавры, спрашиваю некоего епископа духовной академии Сергия. Полиция подошла: «какой ты есть епископу друг, ты хулиган, приятель». По милости Божией пробежал задними воротами, разыскал швейцара с помощью привратников. Швейцар оказал мне милость, дав в шею; я стал перед ним на колени, он что-то особенное понял во мне и доложил епископу; епископ призвал меня, увидел и вот мы стали беседовать тогда. Рассказывал мне о Петербурге, знакомил с улицами и прочим, а потом с Высокопоставленными, а там дошло и до Батюшки Царя, который оказал мне милость, понял меня и дал денег на храм. Я с радостью поехал домой и обратился к священникам о постройке нового храма. Враг же как ненавистник добрых дел, еще не успел я доехать, всех соблазнил. Я им оказываю помощь в постройке храма, а они ищут меня в пагубной ереси обвинить и такую чушь порят, даже нельзя высказать и на ум не придет. Вот сколь враг силен яму копать человеку и добрые дела в ничто ставить. Обвиняют меня как поборника самых низких и грязных сект, и архиерей всячески восстает. Куда трудно любовь разобрать. Как человек не был на опыте. По поводу жалости – это прямое естество. Да, – и это жалость. Пожалей и это жалость. А любовь это такая златница, что ей никто не может цены описать. Она дороже всего созданного Самим Господом чего бы не было на свете, но только мало ее понимают. Хотя и понимают любовь, но не как златница чистая. Кто понимает сию златницу любви, то этот человек такой премудрый, что самого Соломона научит. Многие – все мы беседуем о любви, но только слыхали о ней, сами же далеко отстоим от любви. Она пребывает наипаче у опытных людей, а сама по себе она не придет к тому человеку, который человек в покое и живется ему хорошо, хотя он и батюшка. Ведь батюшка двояко есть – есть наемник паствы, а есть такой, что сама жизнь его толкнула быть истинным пастырем и он старается служить Богу – наемник же на него всячески доносит и критикует. У избранников Божиих есть совершенная любовь, можно сходить послушать, будут сказывать не из книги, а из опыта, поэтому любовь даром не достают. Тут-то и мешает враг, всячески старается, как бы человек не захватил любовь, а это ему, врагу, самая есть загвоздка. Ведь любовь это своего рода миллионщик духовной жизни – даже сметы нет. Вообще любовь живет в изгнанниках, которые пережили все, всяческое, а жалость у всех есть.

О любви даже трудно беседовать, нужно с опытным. А кто на опыте не бывал, тот перевернет ее всячески. Вообще где есть избранные в духовных беседах, те более понимают любовь и беседуют по Новому Завету и живут единогласно, единым духом. Вот в них есть

искренняя любовь и они молятся день и ночь вместе друг за друга. Вот у них-то и пребывает несметная златница любви. Вот, братья, поберегитесь врагов и, сестры, подумайте о любви – златнице чистой. Петь нужно более псалмы и духовные песни. Враг злодей ищет всех удобных случаев – батюшек науськивает: «поборники – они других сект, не братство у них», а то семейных всячески восстанавливает. Но не будем бояться слуха зла, будем продолжать во Господе, будем петь Ему и славить Христа, наипаче будем любить храм и причащаться почаще.

Григорий Распутин. Мои мысли и размышления

(Петроград, 1915 год)
Краткое описание путешествия по святым местам
и вызванные им размышления по религиозным вопросам

Что завтра? Ты наш руководитель, Боже.
Сколько в жизни путей тернистых!
Святые места – опыт жизни, неизменный кладезь премудрости.

В Киево-Печерской Лавре

Я прибыл в Святую Лавру из Питера и назову светом Питер, но свет этот гонитель мыслей на суетный мир, а в Лавре свет светит тишины.

Когда опускают Матерь Божию и пение раздается «Под Твою милость прибегаем», то замирает душа и от юности вспомнишь свою суету сует и пойдешь в пещеры и видишь простоту: нет ни злата, ни сребра, дышит одна тишина и почивают угодники Божий в простоте без серебряных рак, только простые дешевые гробики. И помянешь свое излишество, которое гнетет и гнет, и ведет в скуку. Поневоле помянешь о суете жизни.

Горе метущимся и несть конца. Господи, избави меня от друзей, – и бес ничто. Бес в друге, а друг – суета.

И увидел пещеры дивные, чудеса чудес. Как их Бог благословил, как же нам не верить, поневоле вздохнешь. Оне в диком камне. Сама Рука Божия творила их, и укрывались там искони от нашествия единородцев.

Тяжелые воспоминания о мучителях иноплеменниках, но в настоящее время большее мучение – брат на брата и как не познают своя своих. Поэтому и мучения более тяжелые. Обида берет. Поэтому я уверен, что венцы будут ближе к Лицу Божию от этих мучителей в настоящее время (1911 г.).

Тех мучили инородцы, а теперь сами себя, наипаче батьки – батьков, монахи – монахов и вот Слово Божие на нас: брат на брата и сын на отца – конец приближается.

И увидел Иова в пещерах Печерских, где его конурочка тесная-претесная и несет ароматом благоухания.

И за что несет? Очень просто: за то, что не избрал себе чертог, а возлег в яслях убогих и терпеливо и покойно перенес свою тесноту, а нам хотя бы в простоте и в роскоши перенестись духом в его тесную конурочку и попросить его молитв, и Господь не откажет его святым молитвам и мы будем участниками с ним Одесную Отца, а высказать о его терпении невозможно: сами книги не вместят.

В Почаевской Лавре

Дивная Почаевская Лавра. Что меня удивило? Во-первых, увидел я людей Божиих и возрадовался богомольнцам очень, что нашел я истинных поклонников, тут явился страх в душе и наука искания Бога, как они собирают жемчуг истинный, а потом увидел и Матерь Божию и объял меня страх и трепет и получил тишину и заметил в себе кротость. После всякой святыни прибавляется дорогой жемчуг смирения.

И вот я вступил в Собор» и обуял меня страх и трепет. И помянул суету земную. Дивные чудеса. Где сама Матерь Божия ступила своим следом, там истекает источник сквозь каменную скалу вниз пещеры и там все берут воду с верой, и нельзя, чтоб не поверить.

О, какие мы счастливые русские люди и не ценим и не знаем цены чудесам! Горе Православным христианам, что мы не хотим их посмотреть и лень съездить и ездим за границу смотреть разные горы, но ведь мы смотрим на них, как на роскошь, а не как на Божие создание.

По Черному морю

Что могу сказать о своей тишине? Как только отправился из Одессы по Черному морю – тишина на море и душа с морем ликует и спит тишиной, видно блистают маленькие валочки, как златница и нечего более искать. Вот пример Божий: насколько душа человека драгоценна, разве она не жемчужина? Что и море для нее?

Без всякого усилия утешает море. Когда утром встанешь и волны говорят и плещут, и радуют. И солнце на море блистает, словно тихо, тихо поднимается и в то время душа человека забывает все человечество и смотрит на блеск солнца, и радость у человека возгорается и в душе ощущается книга жизни – неописуемая красота! Море пробуждает от сна сует, очень много думается, само по себе, безо всякого усилия.

Море пространно, а ум еще более пространен. Человеческой премудрости нет конца. Невместима всем философам.

Еще величайшая красота, когда солнце падает на море и закатывается и лучи его сияют. Кто может оценить светозарные лучи, они греют и ласкают душу и целебно утешают. Солнце по минутам уходит за горы, душа человека немного поскорбит о его дивных светозарных лучах...

Смеркается...

О, какая становится тишина... Нет даже звука птицы, и от раздумья человек начинает ходить по палубе, невольно вспоминает детство и всю суету и сравнивает ту свою тишину с суетным миром и тихо беседует с собой и желает с кем-нибудь отвести душу (скуку), нагнанную на него от его врагов...

Тихая ночь на море и заснем спокойно от разного раздумья, от глубоких впечатлений... Христово море. На тебе дивные чудеса. Самим Богом посещено и чудесами сотворено.

Виднеются берега и блистают деревца, как не порадоваться? Где не видно было ни кустика, ни листочка, там вдруг виднеются берега, и подъезжаем и смотрим на природу Божию и хвалим Господа за Его Создание и красоту природы, которую не описать человеческим умом и философией.

Забили волны на море – сделалась тревога в душе. Человек потеряет образ сознания, ходит, как в тумане... Боже, дай тишину душевную!

На море временная болезнь, на берегу же всегда такая волна.

На море всем видна болезнь, а на берегу никому неизвестна – бес душу смущает.

Совесть – волна, но какие бы ни были на море волны, оне утихнут, а совесть только от доброго дела погаснет.

На берегу больше хвораешь.

О, какой обман, беда – скажут ей и взглянут и увидят... Совесть всем без языка говорит про свой недостаток, всем надо поглядеть на нее, тут никакой грех не утаим и в землю не закопаем. А всякий грех все равно, что пушечный выстрел – все узнают...

Краткое описание Константинополя

Что могу сказать своим маленьким человеческим умом про великий чудный Софийский собор, первый во всем свете.

Как облако на горе, так и Софийский собор, первый во всем свете.

Как облако на горе, так и Софийский храм. О горе! Как Господь гневается на нашу гордость, что передал святыню нечестивым туркам и допустил Свой Лик на посмешище и поругание – в нем курят. Господи, услыши и возврати, пусть храм будет ковчегом! По преданию говорится, что именно из-за гордости был отнят храм у Православных, ибо не признавали сего ковчега, имели дом гуляния и роскоши. Господь прогневался на долгое время и повелел кощунствовать над Своей Святыней. Обождем. Господь смилуется и вернет ее с похвалой, почувствуем и покаемся.

В ней сохранились невредимые места, оне означают Спасителя (в алтаре) и Матерь Божию (на выходе из храма). В храме 300 паникадил. Дивные чудеса, где султан вскочил на трупы убитых воинов, полна церковь православных и вот конь копытом о колонну ударился и вырвал очень большой кусок у колонны и это сохранилось до сих пор и где султан рукой оперся о колонну и теперь видна его рука на колонне в диком камне, очень ясно обозначено пять перстов и вся ладонь руки.

Это великое чудо! И вот поэтому вернется храм в руки православия, тут Бог творит чудеса и велит покаяться.

Достиг тут же монастыря Феодора Студита, в нем очень много сохранилось живописи и православных икон. Матерь Божия Знамения и много других – прямо умиротворяет душу христианина.

Келия Феодора Студита исповедная до сих пор сохранилась, темная и призывающая к покаянию – действительно подвижник Божий. Господь по грехам нашим дал жилище Православных на посмешище, но души православной ничто не касается.

Всего лишить могут – и жилища, а души никогда. Заслуги земные потоптали и над трудами православных надругались и сделали его посмешищем, а терпением его украсили небеса. Поэтому нам пример, что лишение земное – утеха небес.

Просить Бога надо, чтобы дал терпение, а потеря земного – это великий подвиг. За потерю земного и награда большая, чем если сам подашь.

Сам подашь – это от своей воли, а тут лишают, скорбишь и Царствие Божие скорбями наследуешь. Бог всем поможет перенести потери с терпением и за это сделает наследником Отца Небесного.

Тут же в Константинополе, в том же храме сохранилась кафедра Иоанна Златоустаго и мощи св. Ефрема, хранятся другие воспоминания.

Между ними колонна, к которой Спасителя приковывали. Подумаешь, что везде страдания показывают:

Боже, какие мы грешные. Все для нас страдания. Вспоминаешь, как давно проповедовал Златоуст и видится все, как сейчас, будто слышится патриарший звук и иконка сохранена на его кафедре.

И Роман Сладкопевец там же.

Боже, сколько сотворено чудес!

В честь двенадцати апостолов построен храм огромный, который превратили в мечеть. Тут не сохранилось ничего, ни икон, ни воспоминаний, а только известно, что в храме всех апостолов совершилось поругание над святыней.

О греческих церквах описывать не буду, дивная старина!

Есть в Константинополе церковь, где Андрей Христа ради юродивый молился и видел Матерь Божию. На том месте я был, но сохранилась только маленькая стена и развалины и небольшой садик, а подальше греческая церковь.

Замирает душа от трогательных событий, как Божия Матерь охраняла на воздухе всех и молилась за всех, да и теперь в день Покрова Ея забота миловать и утешать.

Она своих подвижников учит молиться и является к своим праведникам и грешникам и слушает прошения всех к Ней, Матушка, приносимые. Она все наши нужды знает и мы получаем все, о чем Она Господа просит. Ея прошение ко Господу всегда до Него доходит.

Привезена одна колонна из Рима в Константинополь в тысячу пудов – это большое чудо, все не описать, очень многого не написал про Константинополь.

В дальнейшем

Доехали до Метелены, небольшой городок, где Павел Апостол проповедовал и тут же 30 мучеников, в которых он зажег огонь веры, они уверовали во Христа и до сих пор это место напоминает, что тут проповедь живая.

Городок красив, у моря над водой в горах. Здесь залив Архипелага и дивная красота берегов, чудные горы.

Боже, веди нас к своим стопам, чем далее, тем более встречаем душеспасительных мест. Можно понять, что недаром русский человек все свои копейки собирает и стремится посмотреть эти места, где творятся чудеса.

Я много встретил народа, но особенно в третьем классе много истинных христиан, страдают и молятся постоянно, читают акафисты утром и вечером, смотришь и не устаешь.

И видел болгарок, истинно понимающих Царство Божие, прямо жен-мироносиц, любящих Христа.

Я вот убедился, что платье у турок такое же, как у христиан и евреев. Можно ожидать исполнения слова Божия над нами, что будет единая Православная Церковь, невзирая на кажущееся различие одежды.

Сначала уничтожили это различие, а потом и на веру перейдет, трудно понять все это. Сначала на одежду прельстятся все инородцы, а потом у них будет единая Церковь.

Смирна расположена на малоазиатском берегу в конце громадного залива – Смирского. В Смирне есть несколько красивых греческих храмов. Один из них на том месте, где Самаритянка беседовала с Яковом при Спасителе и уверовала в Него.

Какие события хранятся у турок, как разобраться, что все у турок, вся древность, что можно на это сказать, как не то, что лучше да будет у них единый с нами дух и Единая Православная Церковь. В Смирне кроме храма, который заложила своей проповедью Самаринтянка, по имени Фетинья, есть еще храм на том месте, где Матерь Божия проповедовала. Тут же находятся мощи Георгия Победоносца (часть ноги) и мощи св. Косьмы Безсребренника.

Дальше проехали мимо острова Метелена, где находился еп. Григорий (память 5-го ноября). Очень ясна проповедь святителей: так и светится в сердцах Православных.

В Смирне есть гора, на которой был цирк, где замучены ученик Иоанна Богослова и много других с ними. Где только нет мучеников за Христа? Все, значит, венцы, кровью достигались.

Недалеко от Смирны сохранились развалины древнего города Эфеса. В Эфесе долго жил Иоанн Богослов-апостол и закончил здесь свое Евангелие, всей Премудрости глубина, посему самый проток у моря много пробудит к жизни ото сна.

Здесь временно пребывала Матерь Божия и собирался 3-й Собор. В Эфесе первым Епископом был апостол Тимофей, ученик апостола Павла. Оба мученически скончались. А также здесь жил и Иоанн Златоуст. Около Эфеса много сохранилось пещер. В пещеры ехать нужно лошадьми.

Дивный путь этот учит смотреть на себя, как ты преуспеваешь и соработник ли ты сих мест. Хотя бы бисеринку посеять истины и за это оживем, только бы не работа вражья, не обуял бы сатана, не закинул бы своих сетей художника, в которых мы не знаем, как нам разобраться.

Недалеко есть также остров Хиос, где замучен Исидор в III веке. Все места освященные. Боже, освяти нас единокупно с ними, сжалься над нами! Остров Патмос. Здесь был заключен Иоанн Богослов и здесь же он написал Евангелие и Апокалипсис. На месте пребывания евангелиста Иоанна Богослова теперь стоит православный греческий монастырь и весь остров населен христианами. Иоанн молится о своих богомольцах, и сделались мы его поспешниками. Выехали в Средиземное море, пароход нигде не пристает. Боже, сколько апостолы по этим берегам зажгли веры! Без конца сделали любителей Христа и за это повсюду мученики и по эту и по ту сторону Средиземного моря, а греки со своей философией возгордились. Господь прогневался и передал туркам все труды апостолов.

В настоящее время как у греков все епископы грамотные и боголепие соблюдают, но нищеты духа нет, а народ только и идет за нищетой духа, толпами пойдет за ней, потому что боголепие высоко, а нищета духа выше. Без нищеты епископ заплачет, если креста не дадут, а если она есть в нем, то и худая ряса приятна – и за худой рясой пойдет толпа. Этому я очевидец – простите, я со многими епископами очень знаком – да спасет их Господь за их единение.

А почему теперь уходят в разные вероисповедания? Потому что в храме духа нет, а буквы много – храм пуст. А в настоящее время, когда о. Иоанн (Кронштадтский) служил, то в храме дух нищеты был и тысячи шли к нему за нищетой духовной.

И теперь есть, да мало таких служителей, есть епископы, да боятся, как бы не отличили простых монахов, более святых, а не тех, которые в миру жир нажили – этим трудно подвизаться – давит их лень. Конечно, у Бога все возможно, есть некоторые толстые монахи, которые родились такими, – ведь здоровье дар, в некоторых из них тоже есть искра Божия – я не про них говорю.

Нет лучше, когда едешь в Иерусалим, видишь берега святые, где апостолы спасались, ходили по этим берегам и не раз переправлялись здесь по этому месту с берега на берег, из города в город. Подумаешь, что и народ едет со страхом и так легко здесь молиться. Видишь, как здесь о всех путешественниках апостолы молились, потому и на море легко молиться, что Бог премудростью там кормит и млеком питает.

Город Родос, утопающий во всевозможных садах. Какая там благодать в Средиземном море. Чего там нет в Родосе? и зелени, и цветов в феврале месяце. Как там Господь греет и всегда плодоносный год. Велика Божия милость на месте сем.

Кипр посетила Матерь Божия. На о. Кипре много святыни, старинных подвижников и остатки мощей. Там множество монастырей мужских и женских.

Прошли город Мерсину. Все места посещены чудесными событиями, поневоле возрадуется душа.

В пяти часах езды от Бейрута могила Ионы-пророка, который был у кита во чреве и был им выкинут в Средиземное море. Какие дивные пророчества совершались у него, чтобы обличить безумных, которые не знали, что творили, для них достаточно было своего безумства, но Господу было угодно послать к ним пророков и вот эти безумцы верили и делались подвижниками, а мы все знаем, где Святая Святых, но уши свои крепко затыкаем, чтобы не слышать, и очи закрываем, чтобы не видеть, и сами себе говорим: «еще есть время – впереди много годов, тысячу раз спасемся!»

Город Триполис стоит у моря, кругом часть Ливанских гор, а больше нет ничего. Крепость, как у нас Петропавловская. Горы Ливанские располагают к благочестию.

Бейрут расположен над морем, весь погружен в зелень. Боже, везде источник жизни. Георгий Победоносец в этом городе сокрушил змия, на этом месте колодец и турецкая молельня, озеро заросло травой. Горе, как Бог гневается на православных, подумать нужно, как у турок неприятно, а Бог им дал всю святыню. Вот пример того, когда мы получаем от Господа какое-либо боголепие и его потопчем, то сделается у нас пустота, святыня не у места.

Великий подвижник и чудотворец Божий, дай сил узреть твою красоту!

Боже, творяй чудеса, какие воспоминания, какие чудеса по всей земле творятся, о Твоем угождении, Господи, попросим и помолим Тебя: не оставь нас ленивых, надежда наша на Тебя и упование, увесели нас, Господи, Твоими молитвами!

Яффа, где жил пророк Илья. И на том месте, где молился пророк, внизу горы – пещера. Тут монастырь греческий. Я очевидец всех этих мест, там сходил огонь и тут же не было дождя. Много в городе Яффе сотворено Ильей чуда.

Я видел его строгий вид на его иконе к нам, грешным, и когда мы смотрели, то вселился в нас трепет ко всему доброму, Боже.

Илья, славный, умоли Христа, ведь ты нам подобен, и Господь услышит, и мы усердно просим тебя, умоли Христа, чтобы Он нас полюбил и умилосердился над нами, дал нам вечное блаженство. Отсюда можно совершить путешествие в Назарет.

Вот Яффская долина необъятной красоты захватила рай. Нет на свете мудрее этого места. Как говорится в церкви про изобилие плодов земных, то вот здесь оно и есть. Даже невероятно, что можно и на земле встретить необъятный рай красоты. Пусть у кого и горе будет или потеря земного сокровища – я уверен, что скорби, как дым ветром, пронесет от одного изобилия, которым Бог светит на этих местах. Освети истинным сиянием и Своей милостью нас, грешных.

Иерусалим

Окончил путешествие, прибыл в святой град Иерусалим переднею дорогою.

При переходе от великой волны в земной рай тишины – первым делом отслужили молебен. Впечатление радости я не могу здесь описать, чернила бессильны – невозможно, да и слезы у всякого поклонника с радостью протекут.

С одной стороны всегда «да воскреснет Бог» поет душа радостно, а с другой стороны великие скорби Господни вспоминает. Господь здесь страдал. О, как видишь Матерь Божию у Креста. Все это живо себе представляешь, и как за нас так пришлось Ему в Аттике поскорбеть.

О, Господи, идешь и подумаешь и явится скорбь, и видишь – ходят такие же люди, как тогда, носят плащи и странная на них одежда прежнего завета, как сейчас, все так и было. И вот слезы текут, дни те подходят, наступил Великий Пост – выйдешь из храма, а в храмах этих великие события совершались и Сам Спаситель пролил слезы.

Что реку о такой минуте, когда подходил ко Гробу Христа!

Так я чувствовал, что Гроб – гроб любви и такое чувство в себе имел, что всех готов обласкать и такая любовь к людям, что все люди кажутся святыми, потому что любовь не видит за людьми никаких недостатков. Тут у гроба видишь духовным сердцем всех людей своих любящих и они дома чувствуют себя отрадно.

Сколько тысяч с Ним воскреснет посетителей. И какой народ? Все простачки, которые сокрушаются – их по морю Бог заставил любить Себя разным страхом, они постятся, их пища – одни сухарики, даже не видят, как спасаются. Боже, что я могу сказать о Гробе? Только скажу в душе моей: Господи. Ты Сам воскреси из глубины греховной в Чертог Твой Вечный Живота!

О, какое впечатление производит Голгофа! Тут же в храме Воскресения, где Царица Небесная стояла, на том месте сделана круглая чаша и с этого места Матерь Божия смотрела на высоту Голгофы и плакала, когда Господа распинали на Кресте. Как взглянешь на место, где Матерь Божия стояла, поневоле слезы потекут и видишь перед собой, как все это было.

Боже, какое деяние совершилось: и сняли тело и положили вниз. Какая тут грусть и какой плач, на месте где тело лежало! Боже, Боже, за что это? Боже, не будем более грешить, спаси нас Своим страданием!

Повели нас на Патриарший Двор, стали умывать ноги. Боже, какая восстает в уме картина. Умывают ноги, утирают полотенцем, и полились слезы у верующих, все изумлены глубиной поучения, как нас учат смиряться. Что я здесь еще опишу? Боже, смири нас – мы Твои.

Вот усадили нас рядами и поставили старого Завета кувшины иудейские: так в душе и восстает Тайная Вечеря – беседа: с нее начались великие события и был первый намек ученикам о расставании с Ним. Велики страдания, велика любовь Твоя за нас. Сокровище наше, не гневайся на нас – мы не можем быть без Тебя.

Повели нас ночевать. Но потом пели у гроба акафисты на Голгофе. Боже, какая отрада! Так сердце трепещет от умиления и слез. Потом утром в 12 часов – обедня и запели Пасху. Тут я посмотрел вокруг и сказал: Рай земной, не отступи от меня, будь во мне!

Тут в пещере Воскресения крест царя Константина и матери его Елены, которые, как говорится в истории, нашли три креста и Господь указал, на котором Он был распят.

Запели все «Кресту Твоему поклоняемся...» Крест Твой во ограждении чудес послужил. Крест с нами, яко и Бог Спас.

Еще в храме Воскресения против арабского алтаря могила Никодима, который строил гроб себе, а положил Господа. Вот он ранее делал добрые дела и уподобился великого таланта.

Никогда не бойся делать добро, всегда попадешь в честь – бес так устраивает, чтобы ты был Фарисей, а не уподобился и не был, как Никодим – вот вся роль беса. Но делай, делай и венец твой и покой получишь.

Сколько в храме Воскресения престолов! Всех языков престолы христиан, все на разных языках молятся.

Не могу всего описать, многое рассказывают, как когда не поверили и затворили храм и стали у фоба католики, а разини армяне на улице, на паперти в колонну Благодать сошла и один турка плюнул в колонну, и там зубы его остались и видать, как Бог наказует неверующих.

Боже, спаси и помози.

Повели нас к Успению, где гроб Царицы Небесной, шли мы дорогой, и вели нас кавасы с факелами и толпа народа со страхом и разные прокаженные по дороге – все; как бывало во времена Спасителя и прокаженные также кричат «подайте паричку».

Видели дом Иуды и Пилата, они недалеко друг от друга – соседи и теперь о Пилате неизвестно, а Иуда – пример всех недостатков. Достигли с толпой пещеры Божией Матери и вся толпа запела: «В Рождестве девство сохранила еси, во Успении мира не оставила...» – тропарь и песню Богородице, и прикладывались к Ее фобу и все пели и наслаждались Ее радостью, что Господь Ее Тело взял к Себе.

Посмотрели и опять представили себе, что здесь было, где Небесная Сила взяла Пречистое Тело Ее. Господи, не оставь нерадивых!

Тут же у Нее в пещере и Иосиф похоронен, как говорится в истории, здесь старец почивает. Великий Старче! Моли Бога о нас!

Повели нас к красным воротам, где Господа в последний раз осудили! О, как посмотришь, что такое суд! Кто ежели страдал, всякий про него скажет: нет, – вот за то его и преследуют: ах, мне-то еще мало этого, но за то, за что говорят, теперь невинен, а ранее софешил: но Господь ни теперь, ни прежде не фешил.

Достигли Гефсимании, где Господь нередко беседовал со своими учениками до Его тяжелых воздыханий и молений о Чаше Смертной. Поклонились недостойные тому месту, где мы Его окровавленными слезами оплаканы и облиты Его кровью! Как посмотришь, что мы здесь на том самом месте, где Он молился, вся толпа всколыхнулась, кто плачет, кто глубоко вздыхает, у всякого слезы текут. Камень этот в стене и теперь облит кровью Спасителя, вот это место поневоле научит молиться. Его подвиг у верующих всегда перед глазами, а когда видишь то место, где Спаситель стоял, и знаешь, что в Гефсиманском саду слезы Божий текли реками, то боязно ступить на землю, всякий камышек свят – описать этого невозможно. Боже, спаси и помилуй нас в Сердце Своем.

Тут же видим, где ученики спали на камнях, и Господь приходил их будить не раз, а мы почиваем вечно во сне и во зле. Господи, пробуди нас! Пошли выше и слышим звон колоколов.

О благодати великой субботы

О какое ожидание благодатного огня, как томятся все богомольцы до крестного хода! Более суток ожидают этого благодатного огня. Многие плачут, а арабы хлопают в ладоши, скачут и что-то поют в исступлении, кругом войска и турецкие кавасы. Приходит главная минута: Патриарх раздевается, остается в одном белье и входит в Кувуклию, где гроб Христов.

Народ со слезами и с сильным напряжением ожидает, когда Патриарх выйдет с огнем... Вот он выскакивает, неся огонь и бежит в храм Воскресения, зажигает свечи неугасимые, а потом выходит к народу и от пучка свеч зажигают свечи и поклонники с большим рвением все вне себя от радости и не чувствуют утомления, жгут свечи пучками – тридцать три свечи. В лице поклонников пылает чрезвычайная радость, но большой шум по всему храму. Во всех частях храма и во всех приделах люди набрались радости и наполнились благодатью вместе с зажиганием свеч от благодатного огня. Некоторые повезли огонь домой, а другие только обожгли свечи, до трех раз зажигали и гасили. Дивное событие совершилось и совершается. Боже, дай память, чтобы не забыть такое обновление.

Как приятно быть во Святой Земле, не посетить ее с верой нельзя, там можно пробыть хоть немного, три месяца и то увидишь всю Святыню. А в три месяца не осмотришь, то хоть год проживешь, ничего не увидишь, ничего не узнаешь, а узнаешь, да не оценишь. Святыня любит страх. Для Иерусалима нужно побывать везде раз только: посетить все места и оценить. Дома при своих работах и трудах, перенестись духом ко Гробу и ко прочим местам Святыни. Первый раз непонятная для тебя радость является, а во второй раз начнем хулить и безверье в нас вкоренится. Кто не бывал, попросит тебя, съезди за послушание и расскажи ему с трепетом, как много ошибок там для молодых послушников и послушниц. Монахиням бывает очень трудно, лучше бы их не отпускали, громадный соблазн, очень враг завидует и из них делаются многие приживалками и торговками святыни, бегают, говорят «у нас батька святой» и записывают вас.

Вино продают «ракичку на паричку» и пьют его потому что дешево. Это более делают чернички Афонские «келлиоты», потому нельзя черничкам туда ездить, большая часть их помимо Иерусалима живет, объяснять не полагается, а кто был там, тот знает.

Побывал на Иордане, пели тропарь «Во Иордане крещающуся...» и кондак и погрузились в воды Иорданские. Поглядели на пустыню Иорданскую, где спасалась Мария Египетская. На том месте, где Господь крестился, все погружаются в воду и думают о разрешении грехов. Большая вера у толпы. Множество наций с трепетом бегут на Иордань для избавления от грехов. Господи, как душа ищет покоя, ей и расстояние нипочем. Много тысяч из конца в конец земли переносится телом и душой, чтоб очищение найти. Боже, очисти нас в Своих водах Иорданских! Тут и Мертвое море посмотрели, наказание Божие на нем, объял нас страх и ужас. Как Господь разгневался на беззаконие людей, виднеются одни воды, никакое животное, ни насекомое не живет в них, а уж рыбы совсем нет, и смотрим, и плачем. Горе нам! Бог города не пожалел. Господи, пощади нас, постереги на день Суда Твоего!

В этой же пустыне послал Бог Елисею благодать. Место, где Илья был взят на небо, указать невозможно. Вся пустыня Иорданская полна событиями. Растительности в ней мало. И речка небольшая, обросла кустарником и мелким лесом, купальни нет, просто с берега купаются.

В окрестностях много монастырей. Как Иоанн Предтеча и другие подвижники из библейских сказаний совершали подвиги постом и безмолвием, так и потом около Иордана жили иноки, только греки все искалечили, но сама пустыня в сердце остается.

Монастырь Герасима. Тут преподобный Герасим питался неизвестно чем и жил со зверями. Греки приветливые, но не сохраняют событий, которые здесь были, не обращают внимания на библейскую сторону. Здесь каждый камешек освящен святыней, а многим и этого говорить не могу: верою всякая душа живится.

В Иерихоне дом Закхея, о котором говорится в Евангелии. Там нашли раскопки – пол мозаичный, найденный одним академиком из Пантелеймоновского монастыря – я с ним знаком. Смотришь эти места – совсем все как было и представляешь себе, будто вчера здесь толпился народ и Господь снимал тяготу связи земной. Действительно, народ не даром толпился, это видно и чувство говорит, что как прежде мир теснился, чтобы получить от Бога дар и получал – так и теперь.

В Иорданской же пустыне есть источник пророка Елисея, но кавас туда нас не повел и рассердился.

Тут же смоква Евангельская – эта смоква – наши грехи неочищенные, и мы не хотим очиститься и не боимся Бога и слов Его.

Сорокадневный монастырь находится на высокой горе, где искушал бес Господа. Дивный храм и в нем келейнка, в которой помешается тот камень, на котором Господа искушал бес, и к нему прикладываются. Действительно, сокрушается дух о Божественном страдании. Он хочет нас искупить от лукавого и теперь тут же, где Его искушение было, продают и «ракичку» дешево, по-нашему водку. Вот бес хитрый, как он всех ловит.

Неподалеку монастырь Георгия Хозевита, а затем лавра Саввы в горах в пустынном месте над пропастью. Бегут источники, много костей открыто, есть кости особенные, благодатные. В некоторых местах над пропастью чувствуешь, что здесь спасались подвижники. На пути оттуда гостиница доброго Самаритянина, но теперь ею заведуют турки и воды не дают.

Мамврийский дуб! Велика доброта и любовь под Мамврийским дубом. Здесь Авраам приветствовал хлебом и солью Господа, который явился в виде трех странников, а теперь эта Троица славится и изображается. А Сарра и Авраам служат примером своей доброты. Как приятно разделить пищу со странником. Здесь заключается Премудрость в том, что – явил Себя Господь в Троице за ласковый привет Аврааму и Сарре и всему их семейству. Припали к дереву, поклонились ему, отслужили молебен. Половина дуба посохла от великой древности, от многих тысяч лет, а есть несколько частей древа, которые по суду Божию зеленеют – эти доброта Божия и будет она вовеки зеленеть и славить Бога. Так и хочется делать добро, так в этом древе доброта и зеленеет, да не изгладится память о нем, что Господь посетил этот дуб и останется в памяти у всякого христианина.

По этой же дороге находятся Соломоновы пруды, где поили его скот, и по его премудрости они так устроены, что вода в них совсем не высыхает, хотя и немного ее.

Вифания на пути к Иордану близ Иерихона. Пробыли на том месте, видели камень и прикладывались к нему, где Иисус сказал Марфе – «о многом печешься, а малое на потребу». Слова эти сильно влияют на этом месте. Тут храм построен и как места эти ласкают и зовут душу в небесный чертог! Неподалеку отсюда – могила Лазаря – так же глубока, как воскресенье его звучало в Евангелии.

Едешь мимо этих мест, вздохнешь и подумаешь: «Боже, воскреси мою душу ото бездны греховной. Твое воскресение по всей земле представляет себе всякий человек и переносится туда духом, – оно доступно всем верующим». Подумаем, сколько там дивных событий и как мы должны чувствовать воскресение Лазаря для всех и по всей земле.

В Яффе апостол Петр воскресил Тавифу. Побывали в пещере, где он ее воскресил и так ее пещера ласкает с любовью русского паломника: и видится апостол Петр и его энергичная молитва ко Господу. Тут же на берегу развалины ковчега, говорят турки. Ковчег – пример спасенья для христиан, и слова праведного Ноя над нами сбываются... Наше спасение Церковь, и всякий, кто услышит клик Ноя, – да спасется! Мать наша – Церковь!

В Вифлееме громадный храм, много в нем престолов и наций и всяких удобств, но для русских паломников всегда одни неудобства. Зато когда увидишь ясли Самого Спасителя – забудешь усталость и многие разные интриги. Приклонились к Его яслям, и не верится от радости, что Бог милость Свою явил к нам. Где родился Христос – поклонились и где положили Его, то место тоже облобызали странники и паломники и у всех радость в лице! Тут же Ирод избил младенцев. Какое зло и зависть повлияли на него, что он решился в своем народе убить младенцев и не постыдился насмешек своих близких и не сжалился над детьми. Сколь коварна зависть. Тут и пещера всех избитых младенцев, много тысяч числа их. Русские паломники с ужасом посмотрели на Иродово зло и на его коварную зависть, а о младенцах невинных, чьи косточки лежат здесь – поплакали! Каково было матерям с ними расставаться! Зло и зависть до сих пор в нас, между большим и более великим и интрига царствует в короне, а правда как былинка в осеннюю ночь ожидает восхода солнца, как солнце взойдет, так правду найдут.

В том же храме то место, где ангел известил Иосифа, когда Ирод стал замышлять избить младенцев. Мы приложились, и все русские паломники с любовью обласкали это место и глядели на ту ж самую лестницу, закованную решеткой, по которой Иосиф выходил, чтобы совершить далее бегство в Египет. Мы с любовью и верой посмотрели вслед этой лестнице, куда Иосиф вышел из Храма Вифлеемского, на тернистый путь в бегство.

По дороге в Вифлеем, недалеко от города находится могила Рахили, которая «плачет о детях своих» и не хочет утешиться.

Из Вифлеема пошли за город и дошли до пещеры пастухов, где ангел возвестил радость пастухам и где пели «Слава в вышних Богу». Пели все паломники и поклонились иконе, на которой изображен ангел, возвещавший великую радость. Пропели Пасху, был второй день

праздника. Пещерка порадовала нас, потому что в ней дивное мудрование волхвов, о которых учит история.

Господи, в нас недостает премудрости, умудряй нас. Твоя власть как тогда, так и теперь.

Еще надо помнить в Иерусалиме недалеко от Красного хода маленький храм Анны Богоприимицы и в нем пещеру, где похоронены косточки великого старца Симеона Богоприимца. Как в его пещере отрадно! Как его Господь увенчал. Какое дивное событие с ним было, когда он не поверил изречению пророков и хотел вычеркнуть, что Господь родится от Девы, а ангел удержал его руку, поэтому он утопил свое кольцо в море. Какие события и явления! Сами пророки не верили в его рождение!

И вот, чтобы облегчить его неверие, рыба схватила его кольцо в море и попалась рыбаку, рыбак ее на рынок принес, а послушник купил рыбу, принес ее домой и нашел в ней кольцо, которое отнес Симеону. Симеон и сказал: «Воистину Сын Божий родится» – и про себя проговорил: «когда увидят очи мои спасение мое, тогда отдам дух мой ко Господу» – и так, тогда и скончался, когда увидел Господа.

Приложились к премудронаписанной иконе, где изображена рыбка. Когда ехали на пароходе, на обратном пути опять приблизились к тому месту, где кит выбросил пророка Иону, и запели пасхальную песню «яко от Кита Иона, воскрес сей от гроба». Вся толпа народа смотрела на то место, где совершилось событие чуда. Там маленький каменный столбик и яма неглубокая четырехугольная, пароход стоял полсуток против этого места.

Крестный монастырь самый древний из всех. В нем показывают место, где росло древо, то самое, на котором был распят Христос и которое посажено было праведным Лотом. Короче всего сказать, что когда Лот выведен был из Содома, то был искушен соблазном и вот Господь через одного старца благословил его посадить три головешки и поливать их водой. Три головешки были им посажены, и он носил воду с Иордана и поливал их. Господь услышал молитву его – из одной головешки выросло дерево. Есть изображение этого дерева на иконах и как Лот поливает и сажает его, – все это в пещере изображено. Как Господь даже грешников прославляет. Сама Церковь воспевает это древо, из него Крест был сделан, на котором распят Христос.

Как увенчал Господь праведного Лота, он и раньше был праведен, а потом пал в великий разврат, но покаялся. Вот первое спасение – если ради Бога кто живет, то хотя искусит его сатана, все-таки спасется, только бы не из корысти, а кто из корысти, тот Иуды брат будет.

В доме Иокима и Анны нашли мозаику – лань приклонила главу к ногам их.

Господи, все животные им покорены. Много разных народов и все умные в своем духе, но веры у всех и во всех нациях мало и любви нет. С ними очень нужно быть ласковыми, они не понимают, но на любовь твою смотрят как на диковину. И вот в то время, как мы указыванем на небо, они с любовью смотрят и в лице у них делается перемена и сейчас говорят о пророках. Очень много умных, а веры в них нет, с ними очень нужно говорить, но не о вере, а о любви, спаси их Бог. Критиковать и указывать на свою веру, как она высока – не надо, а надо сперва расположить их, а потом и сеять осторожно и кротко свою веру, но на это годы нужны. Надо показать пример любви и иметь любовь яркую, вот тогда будут христиане, как в первые года и миссия христианская будет не за деньги служить, а по доброте. Они очень понимают, когда говоришь, и удивительно на них слова отражаются – сейчас садятся кругом и смотрят на тебя. Надо обязательно знать язык их и характер их наций, а всего короче – любовь к Богу иметь, как к другу, а то хоть и постимся, а не умеем с Богом беседовать, то и на людей не подействуем. Как колокол без серебра плохо звучит, так и неопытный всегда только портит.

Насколько один маленький кусочек хлеба дороже для человека большого корабля. А сколько денег на корабли надо. Кто уразумеет, тот и разумеет.

Действительно, много народа едет на пароходе, несколько сотен и в этой толпе рассадник веры, только многих бес запутал, но в ней много золота и жемчуга – тайная поддержка государства. Всякий в своем уголке имеет духовную силу, расскажут юношам про Иерусалим, в этих юношах явится страх и полюбят Родину и Царя. Я уверен, если больше веры будет, никакой варвар не подточит корень ее. Надо обратить побольше внимания на паломников – возить их подешевле и так устроить, чтобы миссия не брала с них денег за кипяток, номера, за барак и раз в день давали бы кушать и не возили бы как скот в трюмах, иногда до семисот вместе, а в этом году 500, менее чем всегда. А то с паломниками обращаются как со скотом, а деньги отдай и за кипяток, и за бараки, и за все.

Паломники ради святыни едут, но много им приходится терпеть. Богатым очень хорошо. И денег много, и номер хороший. Да, надо постараться, чтобы посвободнее возили бедных

паломников, очень они поддерживают Россию верой простой, расскажут своим про Гроб Христа – это ничем не оценимая для простого народа великая доброта!

Необходимы обители для простого люда, пусть они ведут себя, как братия. Бог им судия, но есть посреди них движимые Духом Святым и молитвенники. Устав монастырский очень влияет на христианина и служит великой поддержкой для государства.

Простячок поклонится святыне и пойдет по селам, расскажет с верой о службе и о уставе монастырском на своем простом языке, видно, что он говорит правду, и вот простота его вселит в семействе любовь к Богу и юноши выслушают старика и будут помнить его слова, когда пойдут на военную службу. Вселится в них любовь, будут любить монастырь, а в нем самая родина любви и это правда на самом деле, что кто поносит монастырь, тот и все остальное поносит, а устав монастырский учит любить.

Вот еще большое событие – Пасха католиков в Иерусалиме. Я был очевидцем и сравнивал их Пасху с нашей – у них неделей раньше она была. Что же сказать про их Пасху? У нас все, даже неправославные радуются, в лицах играет свет и видно, что все твари веселятся, а у них в основном самом храме никакой отрады нет, точно кто умер и нет оживления: выходят, а видно, что нет у них в душе Пасхи, как у избранников, а будни. Какое же может быть сравнение с Пасхой Православия. Совсем это другое. Ой, мы счастливые православные. Никакую веру нельзя сравнить с православной. У других есть ловкость – даже торгуют святыней, а видно, что у них нет ни в чем отрады, вот обман, когда даже в Пасху служат и то лица мрачные, поэтому и доказывать можно смело, что если душа не рада, то и лицо не светло – вообще мрак, – а у православных, когда зазвонят и идешь в храм, то и ногами Пасху хвалишь, даже вещи и те в очах светлеют. Я не берусь судить, а только рассуждаю и сравниваю католическую пасху с нашей, как я видел во Святом Граде служили Пасху у Греков, а премудрости глубину не берусь судить!

Я чувствовал, как у нас ликуют православные, какая у нас величина счастия и хотелось бы, чтобы нашу веру не унижали, а она без весны цветет над праведниками, для примера указать можно на о. Иоанна Кронштадтского и сколько у нас светил – тысяча мужей Божиих.

Из дневника Пуришкевича об убийстве Распутина

19 ноября 1916 года.

Владимир Митрофанович **Пуришкевич** (1870–1920)

Сегодня я провел день в глубочайших душевных переживаниях. За много лет впервые я испытал чувство нравственного удовлетворения и сознания честно и мужественно выполненного долга: я говорил в Государственной думе о современном состоянии России; я обратился к правительству с требованием открыть Государю истину на положение вещей и без ужимок лукавых царедворцев предупредить Монарха о грозящей России опасности со стороны темных сил, коими кишит русский тыл, – сил, готовых использовать и переложить на Царя ответственность за малейшую ошибку, неудачу и промах его правительства в делах внутреннего управления в эти бесконечно тяжелые годы бранных испытаний, ниспосланных России Всевышним.

А мало ли этих ошибок, когда правительство наше всё сплошь калейдоскоп бездарности, эгоизма, погони за карьерой; лиц, забывших о родине и помнящих только о своих интересах, живущих одним лишь сегодняшним днем.

Как мне бесконечно жаль Государя, вечно мятущегося в поисках людей, способных занять место у кормила власти, и не находящего таковых; и как жалки мне те, которые, не взвешивая своих сил и опыта в это ответственное время, дерзают соглашаться занимать посты управления, движимые честолюбием и не проникнутые сознанием ответственности за каждый свой шаг на занимаемых постах.

В течение двух с половиной лет войны я был политическим мертвецом: я молчал; и в дни случайных наездов в Петроград, посещая Государственную думу, сидел на заседаниях ее простым зрителем, человеком без всякой политической окраски. Я полагал, как и полагаю сейчас, что все домашние распри должны быть забыты в минуты войны, что все партийные оттенки должны быть затушеваны в интересах того великого общего дела, которого требует от всех своих граждан, по призыву Царя, многострадальная Россия; и только сегодня, да, только сегодня, я позволил себе нарушить мой обет молчания и нарушил его не для политической борьбы, не для сведения счетов с партиями других убеждений, а только для того, чтобы дать возможность докатиться к подножию трона тем думам русских народных масс и той горечи обиды великого русского фронта, которые накопляются и растут с каждым днем на всем протяжении России, не видящей исхода из положения, в которое ее поставили царские министры, обратившиеся в марионеток, нити от коих прочно забрал в руки Григорий Распутин и Императрица Александра Федоровна, этот злой гений России и Царя, оставшаяся немкой на русском престоле и чуждая стране и народу, которые должны были стать для нее предметом забот, любви и попечения.

Тяжело записывать эти строки, но дневник не терпит лжи: живой свидетель настроений русской армии от первых дней войны, великой войны, я с чувством глубочайшей горечи наблюдал день ото дня упадок авторитета и обаяния царского имени в войсковых частях, и, увы! не только среди офицерской, но и в толще солдатской среды, и причина тому одна – Григорий Распутин.

Его роковое влияние на Царя через посредство Царицы и нежелание Государя избавить себя и Россию от участия этого грязного, развратного и продажного мужика, в вершении государственных дел, толкающих Россию в пропасть, откуда нет возврата.

Боже мой! что застилает глаза Государя? что не дает ему видеть творящееся вокруг? Как жалки его министры, скрывающие истину и под давлением себялюбивых интересов играющие судьбами династии! Когда этому конец, и будет ли?

Что заставляет молчать русских сановников и лиц, приближенных Царю при Дворе?

Трусость. Да, только одна беспредельная трусость и боязнь утратить свое положение, и в жертву этому приносят интересы России.

Они боятся сказать Государю правду.

Яснее чем когда-либо понял я это 3-го ноября, когда, возвращаясь с поездом моим с Румынского фронта, я был приглашен Государем в Могилеве к обеду и делал доклад Ему о настроениях наших армий в районе Рени, Браилова и Галаца.

Помню, как сейчас, перед обедом блестящую и шумливую толпу великих князей и генералов, поджидавших вместе со мною выхода Государя к столу и делившихся впечатлениями военных событий и событий внутренней жизни России. Один за другим они подходили и заговаривали со мною: Вы делаете доклад Царю? Вы будете освещать ему положение дел? Скажите ему о Штюрмере. Укажите на пагубную роль Распутина. Обратите его внимание на разлагающее влияние того и другого на страну. Не жалейте красок. Государь вам верит, и ваши слова могут оказать на него соответствующее впечатление.

Слушаюсь, Ваше Высочество! Хорошо, генерал! – отвечал я то одному, то другому – направо и налево, а в душе у меня становилось с каждым мгновением всё тяжелее и печальнее: как, думал я, неужели мне, проводящему всю войну на фронте и живущему одними только военными интересами наших армий, приходится сказать Государю о том, о чем ежедневно ваш долг говорить ему, ибо вы в курсе всего того, что проделывает Распутин и его присные над Россией, прикрываясь именем Государя и убивая любовь и уважение к нему в глазах народа.

Почему вы молчите? Вы, ежедневно видящие Государя, имеющие доступ к нему, ему близкие. Почему толкаете на путь откровений меня, приглашенного Царем для других целей и столь далекого сейчас от событий внутренней жизни России и от политики, которую проводят в ней калифы на час, ее появляющиеся и лопающиеся, как мыльные пузыри, бездарные министры.

«Трусы!» – думал я тогда, «Трусы!» – убежденно повторяю я и сейчас.

Жалкие себялюбцы, всё получившие от Царя, а неспособные даже оградить его от последствий того пагубного тумана, который застлал его духовные очи и лишил его возможности в чаду придворной лести и правительственной лжи правильно разбираться в истинных настроениях его встревоженного народа.

И вот я сказал, и тогда ему в ставке и сейчас в Государственной думе, на всю Россию горькую истину и как верный, неподкупный слуга его, принеся в жертву интересам родины личные мои интересы, осветил ту правду, которая от него скрывалась, но которую видела и видит вся скорбная Россия.

Да, я выразил то, несомненно, что чувствуют лучшие русские люди, без различия партии, направления и убеждений. Я это понял, когда сходил с трибуны Государственной думы после моей двухчасовой речи.

Я это понял из того потока приветствий, рукопожатий и неподдельного восторга, который сквозил на всех лицах и обступившей меня после моей речи толпы, – толпы, состоявшей из представителей всех классов общества, ибо Таврический дворец в день 19-го ноября был переполнен тем, что называют цветом нации в смысле культурности, общественного и официального положения.

Я знаю, что ни одного фальшивого звука не было в моей речи. Я чувствую, что в ней не сквозила хамская наглость Гучкова, но что вся, проникнутая чувством верноподданнейшей любви, она должна показать Государю, что вся Россия, от крайнего правого крыла до представителей левых партий, не лишенных государственного смысла, одинаково оценивают создавшееся положение и одинаково смотрят на тот ужас, который представляет собою Распутин в качестве неугасимой лампады в царских покоях.

Да, всё, что находилось сегодня в Таврическом дворце, на скамьях, внизу и на хорах, все это были мои единомышленники, и только три–четыре человека на всю Государственную думу с Марковым[42] и Замысловским[43] во главе остались чуждыми тем чувствам, которыми жили мы, взывавшие к Государю и просившие у него избавить и себя и Россию от той новой казни египетской, какую представляет собою Распутин.

Но что нужды? Кому больше, чем самим себе, вредят эти патриоты казенного образца, готовые встать на запятки ко всякой власти и любовно пестуемые людьми типа Протопопова, Штюрмера, Воейкова и компании, знающими им цену, а вернее, расценивающими их в тот или другой момент жизни государства, сообразно обстановке и обстоятельствам.

---

[42] **В.Э.:** Николай Евгеньевич Марков (1866–1945), один из вождей черносотенцев, после революции жил в Германии, поддерживал Гитлера.

[43] **В.Э.:** Это тот же Георгий Георгиевич Замысловский (1872–1920, сын историка), который писал «Умученные от жидов» {JEWS1}.

Когда я выходил из Таврического дворца, уставший, истомленный и обессилевший от рукопожатий и приветствий, меня нагнал в Екатерининской зале Кауфман-Туркестанский, состоящий главным уполномоченным Красного Креста при ставке Государя и отъезжающий завтра в ставку, и, обнявши меня, сказал, что распорядился доставить себе один экземпляр стенограммы моей речи, каковую повезет Государю и лично передаст Ему.

Возвратившись домой, узнал дома от жены любопытную подробность.

После окончания моей речи к ней, сидевшей на хорах, подходило много дам высшего петроградского круга и аристократии, просивших передать мне сочувствие по поводу всего мною сказанного, и в числе этих дам подошла баронесса Икскюль фон Гильденбант, одна из самых ярых поклонниц Распутина, в салоне коей он постоянно бывает запросто, как свой человек, и просила жену мою также принять и от нее по адресу моему горячий привет и «восхищение» всем мною сказанным и вместе с тем просить меня в один из ближайших дней не отказать отобедать у нее вместе с некоторыми ее друзьями.

Мы долго хохотали над этим приглашением, цель которого для меня сразу стала ясной: почтенная баронесса, очевидно, хотела свести меня с Распутиным, будучи уверенной, что и я поддамся его гипнозу и после свидания с ним окажусь его фанатичным поклонником.

20 ноября.

Сегодня весь день я буквально не имел покоя, сидя дома и работая у своего письменного стола: телефон мой трещал с утра до вечера, знакомые и незнакомые лица выражали сочувствие всему мною сказанному вчера; и должен признаться, что степень этого сочувствия поднялась до такого градуса, что дальнейшее пребывание у себя в кабинете мне сделалось невыносимым; нет положения более глупого, по-моему, чем молчаливо выслушивать похвалы себе, не смея перебить говорящего и разливающегося соловьем в твою пользу.

Бесконечное число лиц заносило мне сегодня свои визитные карточки в знак сочувствия.

Среди них была масса от членов Государственного Совета и, что мне особенно дорого, от старика графа С.Д. Шереметева, которого я привык любить и уважать наравне с покойным близким мне А.А. Нарышкиным, ибо оба они рыцари без страха и упрека.

Из звонивших по телефону меня заинтриговал один собеседник, назвавшийся князем Юсуповым, графом Сумароковым-Эльстон.

После обычных приветствий он, не удовлетворившись этим, просил разрешения побывать у меня в один из ближайших дней, по возможности скорее, для выяснения некоторых вопросов, связанных, как он сказал, с ролью Распутина при Дворце, о чем по телефону говорить «неудобно». Я просил его заехать завтра, в 9 час. утра. Любопытно узнать, о чем он хочет говорить и что ему нужно?

21 ноября.

Сегодня, ровно в 9 ч. утра, ко мне приехал князь Юсупов. Это молодой человек лет 30 в форме пажа, выполняющий, очевидно, военный ценз на звание офицера.

Мне он очень понравился и внешностью, в которой сквозит непередаваемое изящество и порода, и, главным образом, духовной выдержкой. Это, очевидно, человек большой воли и характера, качества, мало присущие русским людям, в особенности аристократической среды.

Он просидел у меня более двух часов.

«Ваша речь не принесет тех результатов, которые вы ожидаете», – заявил он мне сразу. «Государь не любит, когда давят на его волю, и значение Распутина, надо думать, не только не уменьшится, но, наоборот, окрепнет, благодаря его безраздельному влиянию на Александру Федоровну, управляющую фактически сейчас государством, ибо Государь занят в ставке военными операциями».

«Что же делать?» – заметил я. Он загадочно улыбнулся и, пристально посмотрев мне в глаза немигающим взглядом, процедил сквозь зубы: «Устранить Распутина». Я засмеялся.

«Хорошо сказать, – заметил я, – а кто возьмется за это, когда в России нет решительных людей, а правительство, которое могло бы это выполнить само и выполнить искусно, держится Распутиным и бережет его как зеницу ока».

«Да, – ответил Юсупов, – на правительство рассчитывать нельзя, а люди все-таки в России найдутся». – «Вы думаете?» – «Я в этом уверен! И один из них перед вами». Я вскочил и зашагал по комнате.

«Послушайте, князь, этим не шутят. Вы мне сказали то, что давным-давно сидит гвоздем в моей голове. Я понимаю не хуже вашего, что одними думскими речами горю не помочь, но утопающий хватается за соломинку, и я за нее схватился. Выход, о котором вы говорите, не представляется для меня неожиданным, больше того, несколько лет тому назад, при жизни покойного В.А. Дедюлина, бывшего, как вы знаете, дворцовым комендантом, я специально ездил к нему в Царское Село, состоял с ним в близких отношениях, исключительно затем, чтобы убедить его в необходимости немедленно ликвидировать Распутина, создав для этого подходящую обстановку, ибо уже и тогда мне было ясно, что Распутин является роковым человеком для Династии и, естественно, для России.

Феликс **Юсупов** в форме Пажеского корпуса

«И что же?» – спросил Юсупов.

«Как видите, ничего: Распутин жив и по сей день. Дедюлин, очевидно, не дерзнул взяться за это дело, ибо ужас положения в том, что масса высших сановников наших, типа Саблеров, Раевых, Добровольских, Протопоповых, Штюрмеров, Воейковых, строят свою карьеру на Распутиных, и малейшая оплошность лица, которое пожелало бы избавить Россию от этой язвы, стоило бы головы инициатору, с одной стороны, и, с другой, – содействовала бы вящему укреплению значения при Дворе этого гада.

«Вы правы, – заметил Юсупов. – Знаете ли вы, что Распутин охраняется сыщиками, поставленными со стороны трех учреждений?»

«Что вы!»

«Да, да. Его охраняют шпики от Министерства Императорского Двора, по желанию Императрицы, шпики от Министерства Внутренних Дел и шпики от... отгадайте от кого еще?» «Не сумею вам сказать!» «Не удивляйтесь!.. и шпики от банков».

Я усмехнулся. «Князь», заметил я, «я перестал удивляться чему бы то ни было в России. Я ничего не ищу, ничего не добиваюсь, и если вы согласны принять участие в деле окончательного избавления России от Распутина, то вот вам моя рука, обсудимте все возможности этой операции и возьмемся за ее выполнение, если найдем еще несколько подходящих лиц, не привлекая к делу никого из слуг в целях соблюдения тайны».

«Двоих я могу уже вам указать», – с живостью заметил Юсупов, пожимая мне руку. «Если вы свободны сегодня, приезжайте ко мне, они у меня будут, и вы с ними познакомитесь. Мы обсудим вопрос, и если четырех нас окажется мало, то подыщем еще кого-либо из наших друзей, а я вам сообщу мой план, исполнимость коего будет находиться в прямой зависимости от степени душевного спокойствия Григория Ефимовича и желания его посетить мой дом вечером в один из ближайших дней». На этом мы расстались.

22 ноября.

Вчера вечером я был у Юсупова. Я приехал в 8 час., когда он был еще один.

Через полчаса вошел молодой офицер Преображенского полка поручик С.[44], показавшийся мне человеком мало подвижным, но энергичным, а еще через 10 минут не вошел, а влетел в комнату высокий статный красавец, в котором я немедленно узнал Великого Князя Дмитрия Павловича.

Мы познакомились друг с другом и, не откладывая дела в долгий ящик, принялись за обсуждение вопроса о способе ликвидации Распутина.

Выяснилось, что Распутин давно ищет случая познакомиться с молодой графиней П., известной петроградской красавицей, бывающей в доме Юсуповых.

«Графини сейчас в Петрограде нет, – заявил нам хозяин Ф.Ф. Юсупов, – она в Крыму и в Петроград даже не собирается, но при последнем посещении моем Распутина я заявил ему, что графиня на днях возвращается в Петроград, где будет несколько дней, и что если он, Распутин, хочет, то я моту его с нею познакомить у себя в доме в тот вечер, когда графиня будет у моих родных.

Распутин с восторгом принял это предложение и просил заблаговременно только предупредить его о дне, когда у нас будет графиня, дабы в свою очередь устроиться так, чтобы в этот день «она», т.е. Императрица, не позвала бы его в Царское Село.

---

[44] Иван Сухотин – *В.Э.*

Вы видите, господа, – добавил Юсупов, – что при этом условии покончить с Распутиным не составит труда; вопрос лишь в том, каким способом от него избавиться, как обезопасить себя от слежки шпиков, дабы подозрения после смерти Распутина не пали на нас, и куда девать его труп».

После продолжительного обсуждения поставленных Юсуповым вопросов мы пришли к единогласному заключению необходимости покончить с Распутиным только путем отравления его, ибо местоположение дворца Юсуповых на Мойке, как раз против полицейского участка, расположенного по ту сторону реки, исключало возможность стрельбы из револьвера, хотя бы и в стенах подвального этажа, в коем помещалась столовая молодого Юсупова, куда он предполагал провести Распутина, привезя его к себе во дворец в намеченный день.

Вместе с тем стало совершенно очевидным, что четырех лиц недостаточно для удачного выполнения намеченной операции, ввиду нежелания нашего привлекать к делу кого-либо из прислуги и необходимости иметь своего верного шофера, без коего всё дело казалось нам неосуществимым.

Я предложил взять в качестве такового старшего врача моего отряда, работавшего в течение двух лет со мною на войне, д-ра С.С. Лазаверта. Предложение мое было принято, и, побеседовав на тему о политическом положении России еще с полчаса, мы расстались, уговорившись собраться 24 ноября в 10 часов вечера в моем поезде, стоявшем на товарной станции Варшавского вокзала, откуда я намеревался, пополнив мой отряд Красного Креста всем необходимым, в средних числах декабря двинуться на Румынский фронт,[45] в Яссы, для работы в районе наших армий этого фронта.

24 ноября.

Сегодня я провел весь день в разъездах с д-ром Лазавертом, озабочиваясь пополнением моего поезда всем необходимым перед отъездом его на фронт.

Был в главном управлении Креста, где царит обычная бестолочь и занимаются интригами, орденами и писанием бумаг в ущерб живому делу.

В 12 час. дня заехал к принцу Александру Петровичу Ольденбургскому, у которого завтракал после обычного доклада, от принца проехал в Государственную думу.

Как бесконечно глубоко я уважаю этого благородного, чистого и честного, самоотверженно служащего святому делу помощи раненым старика.

Он напоминает мне моего отца и по характеру и по темпераменту, я отношусь к нему с сыновней преданностью и любовью и знаю, что он в свою очередь также меня любит и глубоко мне верит.

Да, он горяч, он вспыльчив, он подвержен вспышкам минутного гнева, толкающего его иногда на безрассудные решения, в коих он потом сам первый кается и готов извиниться перед всяким, кого незаслуженно обидел, как бы ни был мал тот, который стал жертвой его внезапного гнева, – но он весь чистота, весь кристалл, его благородная душа ищет только добра и блага. Я не знаю, что было бы с санитарным делом на фронте, если бы принц А.П. Ольденбургский по временам не исправлял бы властно и не карал бы жестоко тех, которые в личных интересах и в погоне за чином или орденом принимают все меры к сокрытию санитарных безобразий и недочетов в деле помощи раненым и больным солдатам, – недочетов, которые так ярко и выпукло бросаются в глаза всякому, кто вникает в наше военно-санитарное дело при посещении нашего западного и восточного фронтов.

Конечно, вокруг принца целая орава недостойных людей: взяточников, проходимцев, карьеристов, изучивших его слабые стороны и подыгрывающихся под них.

Многое из того, что делает, в силу дурных советов яйца выеденного не стоит, хотя и обходится в большие деньги, но всё это пустяки сравнительно с тою пользою, которую приносит фронту этот глубокий старик, вечно кипящий юношеским пылом и молодою энергией, бесконечно добрый в душе, о чем свидетельствует одна только его старческая улыбка, когда в редкие

---

[45] Пуришкевич был дворянином из Бессарабии, так что Румынский фронт был наиболее близким к его дому – *В.Э.* – Румыния вступила в войну на стороне Антанты после долгих торгов, когда ей удалось добиться обещания после войны передать ей Трансильванию (входившую в состав Венгерской части Австро-Венгрии). Но почти сразу после вступления в войну румынские войска были разбиты и половина страны оккупирована державами оси; вторую половину оккупировала Россия, пытаясь спасти положение и открыв Румынский фронт.

минуты он видит, что начатое им дело, порученное честному человеку, приносит желанные плоды.

Сегодня у меня было пренеприятное столкновение во время доклада у принца с главным инспектором санитарной части северного фронта Двукраевым, правою рукою Евдокимова, дорожащего этим типом молодого, но из ранних.

Вот, признаться, тройка, которую я давно сбросил бы с Тарпейской скалы: Евдокимова, главного медицинского инспектора, и двух его присяжных – Гюбенета западного фронта и Двукраева северного; сколько зла приносят они нашим армиям – и не перечесть, а самое главное и ужасное зло – это вечное их стремление скрыть истину и ставить палки в колеса учреждениям Красного Креста, работающим на фронте, ибо им кажется, что каждый отряд не их ведомства, работающий в наших армиях, эвакуирующий и питающий раненых, является живым укором их деятельности, свидетельствуя о малой ее продуктивности и слабой постановке.

Мое столкновение с Двукраевым на этой почве закончилось тем, что я обозвал его профессиональным лгуном при принце, за что Двукраев вызвал меня на дуэль, предусмотрительно оговорившись, что будет драться по окончании войны, и что теперь не время.

Я в ответ только засмеялся ему в глаза и заявил, что своих слов обратно не беру, а советую ему больше думать о наших раненых, чем о способах скорейшего получения новых орденов, которые сыплются на него дождем, за доклады о фиктивном благополучии санитарной части на вверенном ему северном фронте. Принц остановил дальнейший обмен любезностей между нами, сухо распрощавшись с Двукраевым, и мы пошли завтракать.

Что будет дальше – не знаю, по всем вероятиям, Двукраев постарается воспретить мне въезд на северный фронт в район действующих армий, ибо я, по его мнению, вижу то, что видеть мне не полагается, и не могу согласиться с системой прикрывать безобразия и работать под девизом: «Всё обстоит благополучно».

Только в восемь часов вечера приехал я к себе на поезде, на Варшавский вокзал, и прошел в вагон-библиотеку, чтобы распорядиться и приготовить всё нужное к нашему совещанию, начало которого назначено было мною сегодня на 10 часов.

Отпустив санитаров и шоферов из поезда, спустив шторы в вагоне-библиотеке, я стал ждать.

Ровно в 10 часов в автомобиле Дмитрия Павловича приехал он сам с Юсуповым и поручиком С.

Я познакомил их с д-ром Лазавертом, и мы приступили сообща к дальнейшему обсуждению нашего плана, причем князь Юсупов показал нам полученный им от В. Маклакова цианистый калий как в кристаликах, так и в распущенном уже виде в небольшой склянке, которую он в течение всего пребывания своего в вагоне то и дело взбалтывал.

Заседание наше длилось около двух часов, и мы сообща выработали следующий план: в назначенный день или, вернее, ночь мы все собираемся у Юсупова ровно в 12 часов ночи. В половине первого, приготовив всё, что нужно, в столовой у Юсупова, помещающейся в нижнем этаже его дворца, мы поднимаемся наверх, в его кабинет, откуда он, Юсупов, выезжает к 1 ч. ночи за Распутиным на Гороховую в моем автомобиле, имея шофером д-ра Лазаверта.

Привезя Распутина к себе, Юсупов проводит его прямо в столовую, подъехав к ней со двора, причем шофер должен вплотную подогнать автомобиль к входной двери с таким расчетом, чтобы с открытием дверцы автомобиля силуэты выходящих из него не были бы видны сквозь решетку на улицу кому-либо из проходящей публики как по эту сторону Мойки, так и по ту, где в № 61 находится полицейский участок и помимо всего могут прогуливаться шпики, ибо нам неизвестно, уведомляет ли всегда и уведомит ли на этот раз также Распутин своих телохранителей, где он проводит добрую половину ночи.

По приезде Распутина в дом Юсупова д-р Лазаверт, скинув с себя шоферские доспехи, по витой лестнице, ведущей от входа мимо столовой в гостиную князя, присоединяется к нам, и мы, т.е. Дмитрий Павлович, я, С. и Лазаверт, становимся наверху у витой лестницы на всякий случай, дабы оказать помощь находящемуся внизу, в столовой, Юсупову в случае необходимости, если бы внезапно дело пошло не так, как нужно.

После смерти Распутина, которая, по нашим соображениям, должна была бы наступить через десять–пятнадцать минут по его прибытии во дворец и в зависимости от дозы выпитого им в мадере яду, князь Юсупов подымается наверх к нам, после чего мы все спускаемся обратно в столовую и, сложив в узел возможно большее из одежды Распутина, передаем это поручику С., который, облачившись в распутинскую шубу (С. по комплекции и росту в шубе может быть

принят шпиками, коих мы все-таки опасались, за Распутина, прикрыв лицо поднятым воротником) и взяв узелок вещей Распутина, выходит с великим князем во двор и садится в автомобиль, на коем доктор Лазаверт опять за шофера; автомобиль направляется к моему поезду на Варшавский вокзал, где к этому времени в моем классном вагоне должна быть жарко затоплена печь, в каковой моя жена и жена д-ра Лазаверта должны сжечь всё то из одежды Распутина, что привезут С. с великим князем.

Вслед засим Лазаверт и его пассажиры погружают мой автомобиль на платформу, входящую в состав поезда, и засим пешком или на извозчиках отправляются на Невский во дворец великого князя Сергея Александровича; откуда, сев в автомобиль великого князя Дмитрия Павловича, возвращаются уже в этом автомобиле на Мойку, во дворец Юсупова, и опять-таки со двора, подъехав вплотную к дому, поднимаются в гостиную, где князь Юсупов и я должны поджидать их возвращения.

Вслед засим, спустившись все вместе в столовую, мы обворачиваем труп в какую-либо подходящую материю и, уложив мумию в крытый автомобиль великого князя, отвозим его в заранее намеченное место и бросим в воду, привязав к телу цепями двухпудовые гири, дабы труп не всплыл случайно на поверхность через какую-либо прорубь, хотя это представлялось нам едва ли возможным, ибо вследствие жестоких морозов всё в Петрограде и его окрестностях – реки, речки и каналы – были покрыты толстым слоем льда, и приходилось подумать и подыскать место, свободное от ледяной коры, куда мы могли бы опустить труп убитого Распутина. На этом закончилось наше заседание.

Для дальнейшей разработки деталей мы решили собраться 1-го декабря вновь у меня в поезде, также в 10 час. вечера; до этого времени сделать основательную рекогносцировку в окрестностях Петрограда тех мест, которые могли оказаться подходящими для погребения в воде Распутина, причем я взялся объехать окрестности с д-ром Лазавертом в качестве шофера на своем автомобиле, а Юсупов на автомобиле великого князя, управлять коим взялся Дмитрий Павлович, дабы даже в этих поездах не прибегать к помощи наших шоферов-солдат.

В 12 часов ночи мы распрощались друг с другом и разъехались по домам, причем я взял на себя еще поручение купить цепи и гири на Александровском рынке для задуманного предприятия.

26 ноября.

Сегодняшний день опять калейдоскоп впечатлений и, по обыкновению, с самого утра.

Сижу и разбираюсь в корреспонденции – звонок, подают пакет от председателя совета правой фракции профессора Левашова. Вскрываю: бумага с просьбою, чтобы я вернулся в лоно правой фракции, в коей я занимал место члена совета, до 18-го ноября и из коей вышел накануне моей думской речи; мотив – в столь тяжелые времена такие люди, как я, особенно ценны для фракции.

Прочел я бумагу, свернул ее, спрятал, и мне стало бесконечно больно, горько и обидно.

Я понял между строк этого письма причину, заставившую г-на Левашова, Маркова и компанию обратиться ко всем с призывом и просьбой о моем возвращении.

Дело донельзя просто: эти господа увидели, что речь моя в Думе 19-го ноября была отражением всего того, что думает и чувствует вся честная Россия, все в ней государственно настроенные умы без различия партий и направлений.

Марковы, Замысловские и Левашовы поняли, что их тройка пресмыкающихся пред всякой властью, какою бы она ни была, осталось одинокою в России; что правые в России не с ними, а со мною; что я являюсь выразителем желаний и чаяний русского народа, а не они, лижущие сапоги Протопопова и ставшие его горячими поклонниками с момента, когда этот проходимец стал, на горе Царя и России, министром внутренних дел и благосклонно улыбнулся их бездарному органу «Земщине», не способной подняться до критики власти и искательно смотрящей в руку министра внутренних дел, подкармливающего ее из государственного сундука в размере, зависящем от степени преданности и низкопоклонства ее писак министру внутренних дел и его политике.

Как мне памятно последнее заседание фракции перед моей речью, заседание 18 ноября в нашей фракционной комнате 36 в Государственной думе, где я конспективно изложил всю мою речь фракции и просил сделать мне честь говорить в Думе от ее имени, в чем мне было отказано.

По лицам сидевших я видел, что три четверти – мои горячие сторонники; но разве фракция у нас свободна в выражении своих взглядов; она в большей своей части терроризована Марко-

вым, который вкупе с Замысловским не дают ей думать самостоятельно и честно, по-своему обращая, в особенности крестьян, в какое-то думское быдло, а в редкие моменты, когда даже это быдло возмущается и хочет думать по-своему, угрожают членам Думы тем, что в случае неугодного для правительства голосования Думы по тому или другому вопросу последняя будет разогнана и ответственность за ее разгон ляжет на членов нашей фракции, которые своими голосами дали перевес голосующим в Думе несогласно с видами правительства, и крестьянство, опасаясь сделать ли ложный шаг или даже просто лишиться звания члена Думы, покоряется марковским доводам и становится игрушкой его услужающей правительству роли. А в результате что?

А то в результате, что левые и кадеты получают в руки новый козырь, чтоб дискредитировать правых в России, говорят не без оснований народу: «Поглядите, люди добрые! Кто они, эти правые! Губернатор крадет на местах – они его прикрывают, полагая, что это способ сберечь престиж власти, деятельность коей видна всем, с нею соприкасающимся. Министр, подлец, толкает Россию к гибели, обманывает Государя на каждом шагу, и это на местах все видят, а они кадят министру и расточают ему фимиам тем гуще, чем свободнее, по собственному усмотрению распоряжается этот министр десятимиллионным фондом.

Нет, мне такая политика так называемых правых ориентации, так сказать, собственного кармана, мне она глубоко омерзительна, и я совершенно не способен мириться с тем, чтобы марали мне мои государственные идеалы люди, в представлении коих Россия олицетворяется шитым мундиром говорящего от ее имени подлеца на любом ответственном министерском посту, добравшегося до власти, обманувшего Государя, и распоряжающегося государственным сундуком; таких господ я, как правый, по моему глубокому разумению, обязан безжалостно разоблачать, и это разоблачение всей честной Россией будет пониматься не как попытка дискредитировать власть, а как намерение оздоровить ее в корне и сделать неповадным для других недостойных тянуть к кормилу государственного корабля. Вот мысли, которые вихрем крутились у меня в голове сего дня, после прочтения пригласительной бумаги фракции вернуться в ее лоно.

Само собою разумеется, я оставлю этот призыв без ответа. С гг. Марковым, Замысловским и Левашовым мне не по пути.

Нам не столковаться всё равно ни в будущем, ни в особенности сейчас, в тяжелые годы войны, когда нужно прилагать все усилия к духовному объединению русских граждан, вне всякой зависимости от того, какой они нации и религии, а ставя в упор только каждому вопрос: «Любишь ли ты Россию и Государя, и хочешь ли ты искренно победы нашего оружия над упорным и сильным врагом?»

Гг. Марковым и Замысловским, в их политических, партийных шорах, не подняться выше своей уездной колокольни в тот день, когда на Россию нужно глядеть с колокольни Ивана Великого и суметь многое забыть, простить и со многим, во имя любви к общей родине, душевно примириться...

Около 12 ч. дня ко мне позвонили по телефону из дворца великого князя Кирилла Владимировича и передали, что Его Высочество просит меня заехать к нему сегодня по важному делу около 2-х часов.

Я ответил, что буду, и решил поехать, хотя великий князь Кирилл, как и оба милые его братья, всегда внушали мне чувство глубочайшего отвращения, вместе с их матерью великой княгиней Марией Павловной, имени коей я не мог слышать хладнокровно на фронте в течение всего моего пребывания там с первых дней войны.

Я чувствую, что Владимировичи и их мамаша, оставшаяся закоренелой немкой и германофилкой, не только вредят нашим армиям на фронте, но и беспрестанно подкатываются под Государя, прикрываясь идейными мотивами блага России.

Они не оставили мысли о том, что корона России когда-нибудь может перейти к их линии, и не забыть мне рассказа Ивана Григорьевича Щегловитова о том, что в бытность его министром юстиции к нему однажды разлетелся великий князь Борис Владимирович с целью выяснения вопроса: имеют ли по законам Российской империи право на престолонаследие они, Владимировичи,[46] а если не имеют, то почему?

---

[46] **В.Э.:** «Владимировичи» – внуки Александра II через его третьего сына Владимира. Первый сын Николай (наследник) умер молодым от менингита, поэтому наследовал второй сын Александр (III). Владимировичи могли бы наследовать престол, если бы закончилось потомство Александра III. Два его

Щегловитов, ставший после этого разговора с великим князем Борисом предметом их самой жестокой ненависти и получивший от них кличку Ваньки Каина, разъяснил великому князю, что прав у них на престолонаследие нет вследствие того, что Великая Княгиня Мария Павловна, мать их, осталась и после брака своего лютеранкой.

Борис уехал несолоно хлебавши, но через некоторое время представил в распоряжение Щегловитова документ, из коего явствовало, что великая княгиня Мария Павловна из лютеранки уже обратилась в православную...

В два часа дня я входил в подъезд дворца великого князя Кирилла на улице Глинки и через несколько минут был им принят.

Официальным мотивом приглашения меня, как я понял из первых слов его разговора, было желание его жены Виктории Федоровны, милейшей и умнейшей женщины, родной сестры Румынской королевы Марии, дать мне несколько поручений к Румынской королеве ввиду отъезда моего с санитарным поездом на Румынский фронт через Яссы; но, в сущности, это было лишь претекстом для нашего свидания со стороны великого князя, а хотелось ему, видимо, другого: он желал, по-видимому, освещения с моей стороны настроения тех общественных групп, в которых я вращаюсь, а попутно ему хотелось раскусить, отношусь ли я лично отрицательно лишь к правительству Императора или же оппозиционность моя подымается выше.

По-видимому, мое направление его не удовлетворило: он понял, что со мной рассуждать и осуждать Государя не приходится, и очень быстро прекратил тот разговор, который сам начал в этой области.

Я прошел с ним к Виктории Федоровне и, посидев у нее ¼ часа, обещал направить к ней мою жену, которой великая княгиня хотела поручить сделать некоторые закупки для Румынской королевы.

Выходя из дворца великого князя, я, под впечатлением нашего с ним разговора, вынес твердое убеждение, что они вместе с Гучковым и Родзянко затевают что-то недопустимое, с моей точки зрения, в отношении Государя, но что именно – я так и не мог себе уяснить.

28 ноября.

Сговорившись по телефону с Юсуповым, заехал к нему сегодня в 1 час дня, дабы вместе с ним осмотреть то помещение в нижнем этаже его дворца, которое должно стать ареной нашего действия в день ликвидации Распутина.

Подъехал я с главного подъезда и прошел в кабинет князя сквозь невероятный строй челяди, толпящейся у него в передней.

«Послушайте, князь, – говорю ему, – неужели вся эта орава так и останется сидеть в передней с ливрейным арапом во главе в предстоящую нам ночь распутинского раута?»

Он засмеялся. «Нет, – говорит, – успокойтесь, останутся лишь два дежурных на главном подъезде, а всё остальное будет отпущено вместе с арапом».

Мы прошли с Юсуповым в столовую, помещающуюся, как я сказал, в полуподвале его дворца. Там работали люди, проводившие электричество. Столовая имеет вид пока еще довольно растерзанный: в ней идет полный ремонт, но помещение это для приема дорогого гостя крайне удобное, глухое, и мне думается, сужу по толщине стен, что если бы даже пришлось здесь стрелять, то звук от выстрела не был бы слышен на улице, ибо окна, их два в комнате, крайне малы и находятся почти на уровне тротуара.

После осмотра помещения мы поднялись вновь наверх, в гостиную князя, и через четверть часа я поехал в Государственную думу с целью повидаться с В.А. Маклаковым, более тесное участие коего в нашем предприятии казалось нам с Юсуповым полезным, хотя Юсупов и полагал, что Маклаков не согласится на активную роль.

Поймав Маклакова в Думе, я, как говорится, сразу взял быка за рога и, усевшись с ним рядом у бюста Императора Александра II, заявил ему, что для успеха нашего дела нас мало, и что

сына (младшие братья Николая II) к описываемому времени действительно умерли без потомства; оставался третий брат Михаил (будет убит в 1918), но он женился морганатическим браком в 1912 году и «вышел из игры». Так что в случае гибели Николая II и царевича Алексея вопрос действительно вставал о Владимировичах. Один из них – Кирилл, упомянутый здесь, – и провозгласил себя императором в 1924 году в эмиграции. Однако к тому времени вопрос о «правах на престол» оказался уже так запутанным, что выжившие Романовы уже не могли придти к единому мнению.

крайне желательно его участие как в нашем последнем совещании по этому вопросу, так и в выполнении намеченного плана.

Маклаков на меня воззрился, впился в меня взглядом и после продолжительного молчания заявил, что едва ли он может быть полезен, как активный деятель, в самой ликвидации Распутина, но что после таковой, если что-либо у нас выйдет негладко и мы попадемся, он не только готов помочь нам юридическим советом, но и охотно выступить нашим защитником на суде, если дело дойдет до такового.

Вместе с тем, прозондировав у меня приблизительный день, когда мы должны осуществить намеченное, он как-то радостно объявил мне, что даже независимо своей воли лишен возможности стать более тесным соучастником нашим, ибо к этому времени должен выехать в Москву, где ему придется пробыть около недели.

«Но вот о чем я вас горячо прошу, – с живостью добавил он, – если дело удастся, не откажите немедленно послать мне срочную телеграмму, хотя бы такого содержания: «Когда приезжаете?» Я пойму, что Распутина уже не существует и что Россия может вздохнуть свободно».

Я вздохнул. «Типичный кадет», – подумал я, но мне ничего не оставалось другого, как согласиться на его просьбу, и мы расстались.

29 ноября.

Всё утро провел в хлопотах; сначала ездил в Александровский рынок с женой на извозчике покупать гири и цепи, каковые с большими предосторожностями мы свезли на поезде и разместили частью в аптеке, а частью за книгами в вагоне-библиотеке, во избежание любопытства нашей поездной прислуги.

Затем в 1 час дня, после завтрака, я выехал с Лазавертом на моем автомобиле осматривать окрестности Петрограда, согласно решения нашего последнего совещания.

Лазаверт сел за шофера, и мы прокатались без малого четыре часа по жестокому морозу, всматриваясь в каждую прорубь Невы, речонок и болот под Петроградом и оценивая степень их пригодности для намеченного дела.

В начале шестого, продрогшие и иззябшие, возвратились мы домой и еле отогрелись большими дозами *tincturae coniaci*.[47] В сущности, из всего нами осмотренного подходящими, по-моему, оказались лишь два места: одно – плохо освещаемый по ночам канал, идущий от Фонтанки к Царскосельскому вокзалу, в каковом канале есть небольшая прорубь, и другое – за пределами города на старой Невке у моста, ведущего к островам.

Интересно знать, что высмотрели Юсупов с великим князем и не привлекли ли их внимание эти же проруби?

30 ноября.

Видел доспехи, приобретенные д-ром Лазавертом сегодня за 600 руб. по моему поручению: шоферская доха, нечто в роде папахи с наушниками, и шоферские перчатки.

Лазаверт облачался во всё это при мне и выглядит типичным шофером – хлыщеватым и нахальным. Всё купленное он свез до времени в гостиницу «Асторию», в которой живет в дни наших наездов в Петроград.

1 декабря.

Сейчас 1 час ночи. Только что из поезда моего уехали великий князь, Юсупов и поручик С. Мы намечали дальнейшие детали задуманного. Юсупов и я хотели бы приблизить момент его осуществления и закончить всё не позже 12 декабря; но, оказывается, у великого князя Дмитрия Павловича все вечера вплоть до 16 декабря разобраны, а на вечер, который, по словам Юсупова, был более всего подходящим для выполнения нашего плана, у Дмитрия Павловича была назначена какая-то пирушка с офицерами-однополчанами и ни отменить ее, ни перенести на другой срок великий князь не мог, т.к., оказывается, сам назначил день этого собрания и какая-либо перемена его могла бы вызвать толки.

Из слов Юсупова я понял, что Распутин проявляет чрезвычайное нетерпение скорее познакомиться с интересующей его дамой и сам напоминает и торопит его по телефону не откладывать дела в долгий ящик.

---

[47] Коньяком – *В.Э.*

Юсупов был на днях у Распутина и сообщил ему, что заранее уведомит о дне свидания, но что сейчас еще в точности определить этот день не может, ибо графиня, интересующая Григория Ефимовича, еще не приехала и проедет в Царское Село через Петроград не раньше средних чисел декабря.

«Я заезжал к Распутину, – заявил сам Юсупов, – главным образом, для того, чтобы уяснить себе вопрос: оповещает ли вообще Распутин, выезжая в свои ночные похождения, шпиков о месте своего пребывания по ночам и, в частности, намерен ли он уведомить их о том, что будет у меня».

«К сожалению, – добавил князь, – этот вопрос остается для меня и посейчас открытым, ибо ни сам Распутин, ни его любимая секретарша, фрейлина Головина,[48] почти круглые сутки проводящая у него в квартире, определенного ответа мне не дали».

«Как он к вам относится, Феликс? – спросил Юсупова великий князь. – Вы пользуетесь его доверием?»

Юсупов рассмеялся: «О, вполне! Я вне подозрения. Я ему очень нравлюсь. Он сетует, что я не занимаю административного поста, и обещает сделать из меня большого государственного человека».

«Ну и вы?..» – многозначительно взглянув на Юсупова и затягиваясь папиросой, кинул ему великий князь. «Я? – потупившись, опустив ресницы и приняв иронически томный вид, ответил Юсупов. – Я скромно заявил ему, что чувствую себя слишком малым, неопытным и неподготовленным для службы на административном поприще, но что я донельзя польщен столь лестным обо мне мнением известного своею проницательностью Григория Ефимовича». Мы все рассмеялись.

«*C'est ravissant, mais c'est vraiment ravissant*»[49], – несколько раз воскликнул великий князь.

Перед самым концом нашего совещания нами было решено в целях отвести подозрения шпиков, если таковые будут уведомлены Распутиным о месте его пребывания в вечер посещения им Юсуповского дворца, еще сделать следующее: Распутин, как известно, постоянно кутит по ночам в «Вилла Рода» с женщинами легкого поведения; в этом учреждении он считается завсегдатаем, своим человеком и хорошо известен всей прислуге; посему нами было решено, чтобы в момент, когда великий князь с поручиком С. отправятся после смерти Распутина на вокзал в мой поезд сжигать там одежду убитого, поручик С. из телефонной будки Варшавского вокзала позвонил в «Вилла Родэ», вызвал заведующего этим учреждением и спросил: прибыл ли уже Григорий Ефимович? здесь ли он? и в каком кабинете?

Дождавшись ответа, само собою разумеется, должен был последовать отрицательный, С. кладет трубку, но предварительно, как бы про себя, у трубки и так, чтобы его слышал заведующий «Вилла Рода», произносит: «Ага! так его еще нет? Ну, значит, сейчас приедет!»

Проделать это мы признали необходимым на случай, если бы нити исчезновения Распутина привели бы сыск ко дворцу Юсупова.

У нас был готовый ответ: да, Распутин был здесь, провел с нами часть вечера, а затем заявил, что едет в «Вилла Рода». Естественно, что судебные власти обратились бы к администрации «Вилла Родэ» с вопросом: был ли здесь Распутин, и сразу выяснилось бы, что его здесь ожидали, что о нем осведомлялись, что спрашивали, когда он приедет, и если Распутин не приехал, а исчез, то это вина не наша, а самого Григория Ефимовича, который, очевидно, избрал себе сотоварищем для кутежа человека, ни нам, ни полиции не известного...

Расходясь, мы решили назначить выполнение нашего плана в ночь с 16 на 17-е декабря и, во избежание могущих возникнуть подозрений, собраться еще лишь один раз опять у Юсупова 13 или 14-го декабря, сговорившись между собою по телефону словами: «Ваня приехал».

4 декабря.

Сегодня утром получил записку от редактора «Исторического Вестника», милейшего Б.Б. Глинского, с просьбой непременно прибыть на заседание об-ва «Русской Государственной Карты», коего я состою председателем, а он товарищем председателя.

Заседание состоится завтра, в 8 ½ час., в экономическом клубе на Самсониевской. Я ответил Глинскому, что непременно буду.

---

[48] **В.Э.:** Т.е. невеста убитого брата Феликса – «Муня».

[49] **В.Э.:** Это прекрасно, это действительно восхитительно.

Невольно при чтении записки Глинского припомнилась мне история возникновения этого об-ва, мною созданного при обстановке в высшей степени трудной.

Бог мой! С какими муками рождаются в России чистые, хорошие, национальные, патриотические учреждения. Попробуй начать что-либо кадеты, русская власть, из боязни прослыть ретроградом, дает жизнь самым нелепым, самым антигосударственным учреждениям и организациям, а постучись к этой же власти правый, которого вообще труднее раскачать к деятельности, чем левого, и, кроме препон, препятствий и палок в колеса, такой правый ничего другого у правительства не найдет. Стоит вдуматься в то, что проделывают с народом, перевоспитывая его на свой лад хотя бы «лигой образования», ее учебниками, ее учителями, кадеты. Эта вреднейшая партия в России, этот вечно тлеющий очаг русской революции. И что же? Борется ли с этим правительство? Ничего подобного! А если и борется, то только мертвыми циркулярами министерства просвещения; живой воды от него не жди, а между тем в характере народного образования в государстве таятся зерна как его расцвета, так и его гибели; зато с каким остервенением взялась русская правящая власть кромсать и калечить устав созданного мною Филаретовского об-ва народного образования, целью коего я наметил активную борьбу делом, а не словом с растлевателями лиги образования, для которых образование народа не есть цель, а лишь средство к достижению преступной цели – революционизации народных масс. И так всегда, всюду и во всем. Чего стоило мне проведение устава об-ва «Русской Государственной Карты» после победоносной войны?

Казалось бы, что может быть более патриотичного, более отвечающего моменту! ан нет! Месяцы проходили в канцелярской волоките, и правительственное *veto* дамокловым мечом повисло над моим проектом, а между тем вся Германия покрыта сетью об-в подобных тому, которое я задумал, хотя там они неизмеримо менее необходимы, чем у нас в России, ибо германское правительство и, в частности, министерство иностранных дел в Германии, национальны, а наши правители и зевсы, восседающие на Мойке со времени Нессельроде, за редкими исключениями, давно забыли о том, какой они национальности и чьи интересы представляют, заботясь лишь о красоте стиля, *a la* Горчаков, своих ног и дипломатических бумаг, художественно выполняемых на французском языке не без перцу билибинского остроумия.

Россия и русские интересы у них на заднем плане, и любой англичанин или немец, а сейчас уже и японец, подкурив русскому дипломату как следует, могут обвести его вокруг своего пальца и заставить поступиться насущнейшими интересами и потребностями России в любой момент.

Как сейчас помню мой визит к Штюрмеру на острова летом (он жил в Елагином дворце по должности премьер-министра) в один из моих приездов в Петроград с фронта.

Штюрмер принял меня дружески, но скривил невероятную рожу, когда я ему объяснил, с нужною осторожностью, чтобы не задеть нашего министерства иностранных дел, цель и задачи проектируемого мною об-ва.

«Германия, – заявил я Штюрмеру, – покрыта сетью аналогичных учреждений; задача каждого из них нарисовать народу карту будущих границ Германии с севера, юга, востока и запада, в случае победоносного окончания ею войны».

«Общество, которое я создаю и в которое войдут писатели, ученые, публицисты, профессора всех партий и направлений, будет также иметь целью нарисовать русскому народу будущую карту России и обосновать исторически, географически и этнографически ее возможные границы, дабы в момент заключения нами мира русский народ понимал бы, чего он имеет право требовать, а русская дипломатия могла бы в своих притязаниях на ту или другую территорию опираться на волю русского народа, принесшего столь большие жертвы отечеству в годину брани и имеющего, в силу этого, нравственное право быть сознательным вдохновителем русской дипломатии, которая, опираясь на волю народную, может говорить тверже на мирном конгрессе, увереннее и с тою властностью, которая должна быть присуща представителям России».

Штюрмер слушал меня и, когда я кончил, заявил: «Конечно, В.М,, это об-во не может принести вреда, хотя явится как бы органом контроля в момент мирных переговоров наших над дипломатическим ведомством, мною возглавляемым, но и существенной пользы от такого общества я не вижу. Дело в том, добавил он мне многозначительно, что я, как министр иностранных дел, вызвал уже к себе профессора Дмитрия Ивановича Иловайского и просил его набросать мне схему наших территориальных приобретений на западе, дабы явиться во всеоружии в дни мирных переговоров».

Как ни серьезен был предмет нашего разговора, но при упоминании имени Д.И. Иловайского, которому Штюрмер уготовил место нимфы Эгерии при своей особе по иностранным

делам, я не мог не улыбнуться. И в самом деле, можно ли себе представить роль, более жалкую роли русского уполномоченного на будущем мирном конгрессе, натасканного 80-летним Д.И. Иловайским, почти впавшим уже в детство от преклонных лет и, естественно, совершенно неспособного ориентироваться в современной европейской конъюнктуре и в той роли, которую должна занять Россия как славянская держава среди народов Европы по окончании мировой войны.

Мы расстались со Штюрмером холоднее, чем встретились, и лишь несколько месяцев спустя, благодаря содействию товарища моего по думе и моего приятеля министра внутренних дел А.Н. Хвостова, я добился утверждения устава моего об-ва «Государственной Карты», которое и оказалось в высшей степени жизненным, заинтересовав собою виднейших представителей нашей общественной и политической мысли всех направлений.

Вот что припомнилось мне при чтении приглашения Глинского приехать завтра на заседание общества...

Весь день ездил по делам снабжения моего поезда, который должен прибыть в Румынию в блестящем виде, ибо, говорят, наша армия там нуждается решительно во всем.

Достал: сапоги для солдат, благодаря содействию принца Ольденбургского; ценнейшие медикаменты, которые передали мне американцы; массу белья, раздобытого графиней Мусин-Пушкиной, и, наконец, приобрел еще для вагона-библиотеки целую серию русских и иностранных классиков и библиотеки для солдат, которые раздам по полкам нашим воинам на чужбине.

Возвратился домой поздно невероятно уставшим, но бесконечно счастливым удачей всех моих в этой области начинаний.

Вечером, по обыкновению, читал оды Горация в подлиннике, в коих каждый раз нахожу всё новые и новые красоты. Он положительно никогда, мне кажется, не способен прискучить! Что за прелесть, например, ода:

Odi profanum vulgos et arceo[50], или: *O navis referent in mare te novi fluctus*[51]!

Какая жалость, что латинский язык, этот язык богов, в таком загоне в нашей средней школе!

5 декабря.

Утром заехал, как всегда, в Государственную думу получить почту, ибо если просрочить два–три дня, то набирается столько писем со всей России, что не успеваешь в них толком разобраться и подчас дельное пробегаешь не с должным вниманием.

Разговорился с членом Государственной думы графом Капнистом, шедшим на заседание какой-то думской комиссии.

По обыкновению, вопрос коснулся того, что составляет сейчас ужас России – политики Протопопова.

«Нет, граф, – заметил я, – я все-таки удивляюсь не тому, что Протопопову предложен был пост министра внутренних дел, а тому, что он его принял, ведь как-никак он кажется человек с мозгами и должен же понимать, что не ему с его административным опытом вести в такое время управление русского государственного корабля».

«Вы плохо его знаете, – заметил с живостью Капнист. – Во-первых, он крайне самонадеян, а во-вторых, честолюбив. Представьте, что он мне сказал на днях в ответ на мой ему попрек, что он не у места».

«Да, – говорит, – тебе хорошо говорить; ты граф, ты Капнист, ты богат, у тебя деньги куры не клюют, тебе нечего искать и не к чему стремиться; а я в юности давал уроки по полтиннику за час, и для меня пост министра внутренних дел то положение, в котором ты не нуждаешься».

«А! – добавил Капнист, – как вам нравится такая идеология?» Я пожал плечами: «Пошляк! Считающий, по-видимому, что министерские посты должны быть уделом пробивающих себе дорогу, вне зависимости от их талантов, и что они должны являться компенсацией некогда судьбою обойденным».

Днем заезжал на Мойку в склад белья Императрицы, находящийся в ведении жены военного министра Сухомлиновой. Дело в том, что в головных отрядах моих на фронте устраива-

---

[50] Ненавижу грубых дураков и прогоняю – *В.Э.*

[51] О, лодка, возвращенная на море, тебе там новая волна – *В.Э.*

ются бани для солдат и поэтому, сколько белья ни возьми из Петрограда, всё его оказывается мало.

Я не выношу Сухомлинову, эту, по-моему, международную авантюристку типа Марии Тарновской; но дело прежде всего, и, как говорится, с паршивой овцы хоть шерсти клок.

Полгода тому назад сестра моя, работавшая в складе Императрицы в Зимнем дворце и отказавшаяся от работы только после того, как разговорным языком там стал почти исключительно немецкий, посоветовала мне обратиться к заведующей складом, княжне Оболенской с просьбой дать мне известное количество белья.

Я последовал ее совету и, по указанию княжны Оболенской, послал телеграмму Императрице Александре Федоровне, в коей изложил мою просьбу, но, как и следовало ожидать (я рассчитывал, что дело обойдется без Императрицы и ограничится простым распоряжением Оболенской), Александра Федоровна, которая меня терпеть не может, в просьбе моей отказала, о чем я и получил ответ через графа Ростовцева.

Ответ очень обидный, ибо в нем было сказано, что Императрица своими курьерами посылает периодически белье в армию.

Я мысленно назвал себя дураком за то, что обратился, хотя и не для себя, с просьбою к Александре Федоровне: курьеры, которые действительно развозят белье по армиям, но раздают его тыловым армейским учреждениям, которые по горло всем снабжены в ущерб босому и голому фронту, снабжением исключительно коего я занимаюсь, рассылая и развозя медикаменты, белье, сапоги, табак и книги по окопам.

У Сухомлиновой на мойке работает целый муравейник девиц и дам. Работа, видимо, спорится, но что скверно, так это то, что тут же, в качестве адъютантов, неведомо для каких поручений, примостилось NN-ное количество тыловых прапоров ускоренного выпуска из богатых семейств всяких званий; всё это ходит в защитных френчах, пороху никогда не нюхало и нюхать не будет.

По временам в этот склад в кургузой тужурке, петанлерчиком, чином сходит военный министр Сухомлинов, находящийся, очевидно, сужу по манере обращения с ним его жены, в бесконечном ей подчинении и решительно на всё смотрящий ее глазами.

Раздобыв белья у Сухомлиновой, проехал к принцу Ольденбургскому по весьма важному вопросу: русская армия в последнее время на всех фронтах несла большие потери от немецких удушливых газов; я выяснил на фронте одну из причин этого ужасного явления: она заключается в том, что почтенное интендантство наше периодически посылает в полки противогазовые маски Зелинского в обрез, т.е. по числу солдат в полку, не давая возможности полкам иметь хотя бы самый минимальный излишек масок, в качестве запаса.

В результате получается следующее: полк в составе 4000 штыков получил сегодня, допустим, 4000 предохранительных масок, которые и поступили как предмет обмундирования ко всем рядовым, на завтра бой, полк потерял на поле сражения треть или четверть своего состава. Через неделю пришло пополнение, снабдить его масками полк не может, а на просьбу о снабжении полкового командира сверху, справившись по своим ведомостям, отвечают, не считаясь с боевою деятельностью полка за это время: «Ваш полк такого-то числа снабжен полностью противогазовыми масками и дать больше сейчас не можем иначе, как в ущерб другим частям». Сегодня пришла бумага, а завтра немцы, выпустив ядовитые газы, истребляют пришедшее в полк пополнение, не имеющее масок.

Принц А.П. Ольденбургский отнесся в высшей степени сочувственно к изложенному мною, обещал исхлопотать мне для раздачи, где нужно, на фронте 25˙000 масок Зелинского и, независимо от того, указать интендантству, чтобы впредь в полки посылалось масок с расчетом на пополнение каждого полка.

Лишь в 7 часов я возвратился домой, пообедал и в 8 ½ час. входил на заседание об-ва «Русской Государственной Карты». Глинский хотел мне как председателю общества уступить председательство на заседании, но я отказался. Как человек слишком определенных политических взглядов, называемых крайними правыми, я не люблю отпугивать своею особою от создаваемых мною учреждений людей умных, полезных, но недостаточно политически мужественных: и посему, выполняя всю черную работу в том деле, которое я создаю, я первое место и казовую роль всегда предоставлю людям, которые хотят и могут работать, но политическая окраска коих не столь определенна и ярка, как моя; и, чуждый мелкого честолюбия, я вижу, как дело, мною созданное, двигается, не отпугивая, а притягивая к себе других полезных и нужных людей.

Сегодня, ввиду соединенного собрания секций общества по Персидской, Турецкой, Австрийской и Германской границам, собралось очень много народу. Я застал А.А. Башмакова, Д.И. Вертуна, профессора Ф.И. Успенского, профессора Жилина, А.Ф. Васильева и много незнакомых мне лиц статских и военных в генеральских погонах, фамилии коих я так и не узнал. Дело в том, что председателями секций кооптируются в каждую нужные люди, активные работники и знатоки вопроса, и упомнить всех представляется затруднительным.

Заседание затянулось. Было крайне интересным, но чего я не люблю, так это привычек некоторых из наших знатоков произносить длинные речи по вопросам, ясным для всех присутствующих, с исключительною целью блеснуть своею осведомленностью.

Удивительно создан русский человек, средний русский человек, делающий историю России; он никогда не может добиться положительных, реальных результатов, предпринимая что-либо, ибо всего ему мало, и он вечно вдается в крайности. В России нет лучшего способа провалить какое-нибудь дело, прочно и хорошо поставленное и твердо обоснованное, как предложить нечто большее тому, что намечено к осуществлению. Толпа, и даже не простая, а интеллигентная толпа, непременно ухватится за «благодетеля», внесшего свой корректив в разумное осуществимое, но в сравнительно скромное предложение, и всё пойдет к черту.

Вот уж действительно *le mieux* у нас в России *est l'ennemi du mal*.[52] И Гракхи с первых же шагов были бы забросаны у нас каменьями. Стоило послушать только, что говорил сегодня на заседании известный славянофил, дядька Черномор, как я его называю, длиннобородый А.Ф. Васильев, чтобы понять, до каких абсурдов можно довести дело, отдай мы его в руки ученым теоретикам славянофильского лагеря. Когда Васильев заговорил о будущих русских границах на западе и стал проводить нашу с Австрией в будущем пограничную межу, и я и многие из присутствующих буквально не могли удержаться от смеха, хотя он каждое территориальное приобретение наше старался так или иначе обосновать либо исторически, либо географически, либо этнографически.

«Афанасий Васильевич! – говорю я ему, – ведь вы рисуете прямо фантастические границы, нужно дать такую карту, которая была бы приятна русскому народу, но и приемлема для Европы и признана нашими союзниками, а ведь на то, что вы рисуете, может пойти только сумасшедший из них».

Он на меня воззрился: «Что нам, – говорит, – Европа, ведь и здесь живут славяне, ведь и это исконное наше», – и тычет пальцем по карте.

Председателю после часовой речи Васильева с трудом удалось остановить фонтан его политического блудословия и фантастических славянских грез, после чего заседание опять вошло в русло продуманного обсуждения наших пограничных линий на востоке и западе по проекту карт, составленных специалистами из числа членов общества.

В 12 часов ночи, до окончания заседания, я покинул его и возвратился домой.

7 декабря.

Начались заседания экстренного съезда объединенного дворянства.

Цель занятий: выработка и поднесение всеподданнейшего адреса Государю, с указанием на грозную опасность, которой подвергается и династия, и Россия, вследствие влияния на все органы государственного управления безответственных темных сил, т.е. иначе говоря, Распутина и всей его придворной чиновно-бюрократической клики. Жить становится с каждым днем всё более и более невыносимо.

Государь совершенно не видит или не хочет видеть той пропасти, в которую толкает Родину его злой гений – Александра Федоровна.

Я вслушиваюсь в речи дворян на собрании, которое чрезвычайно многолюдно, ибо вернулся в лоно обратно объединенного дворянства целый рад губерний, отделившихся было раньше, вследствие принципиальных разногласий с советом объединенного дворянства по вопросам политического характера, и мне становится понятным всё более и более, что адрес дворянства будет проникнут и чувством глубокой верноподданнейшей преданности, и чувством достойной смелости, исключающей возможность звуков холопского раболепия и попытки затушевать горькую действительность.

Речи дворян на собрании полны достоинства, проникнуты глубочайшею скорбью и забвением всяких личных интересов сословия, считающего своим нравственным долгом в это тяжелое

[52] Лучший есть враг зла.

время сказать царю правду без обиняков, ту правду, которую видит и знает весь русский народ, но которую от Царя скрывают льстецы, лицемеры и придворные холопы в расшитых золотом мундирах.

Председательствует на собрании князь Куракин, умный, дельный и проникнутый глубоким патриотизмом человек.

Диссонансов в речах почти не слышется; стушевались обычные типы, столь примелькавшиеся на очередных заседаниях объединенного дворянства, почитающие гвоздем его работы объединительный дворянский обед у Конгана или у Медведя. Не видно ни астраханского дворянина Сергеева, ни болтуна дворянина Павлова: они исчезли, стушевались, им здесь сегодня не место, ибо дворянство не просит ничего для себя, не говорит о своих нуждах и сословных интересах, а как первое сословие Империи идет к царю от имени Его народа с целью оберечь самого Царя, как первую святыню русской государственности.

Я редко видал большее единодушие, чем наблюдаемое мною на знаменательном, историческом сегодняшнем съезде.

Граф А.А. Бобринский, этот осторожный политик, тонкий, умный и честный придворный человек, и проницательный В.И. Гурко говорят одинаковым языком со скромным дворянином из далекого медвежьего угла России, приехавшим с накопившимся чувством душевной боли и горечи.

Да, дворянство не умерло, как ни хоронят его перья газетных писак кадетского лагеря, и не может быть того, чтобы Царь не внял голосу своих слуг, с риском для себя идущих к Нему с горькими словами не прикрашенной верноподданнической правды.

Редкие голоса протеста общему настроению вызывают гадливое чувство к говорящим, которые, очевидно, и в данное время хотят что-либо заполучить для себя, подыгрываясь к тем темным силам, против которых ополчается дворянство в полном единении со всем русским народом.

Речь сенатора Охотникова, выступившего в такой роли порицателя дворянских настроений, встречена была глубоким молчанием собрания, раскусившего, что в Охотникове говорит холоп, а не верноподданный честный царский слуга.

Я слушал его, когда он говорил, и знал этого «финансиста» по акцизу и многие темные стороны его деятельности в прошлом, с омерзением вглядывался в эту бритую физиономию, поучавшую дворянство понятиям долга, чести и верноподданнейшей преданности.

Превосходно говорил В. Гурко, не без позы, но дельно гр. Олсуфьев и гр. Мусин-Пушкин. Во время перерыва я записался, намереваясь также коснуться некоторых положений проекта адреса, составленного специальной комиссией из членов совета объединенного дворянства и представителей губерний.

В конце речи своей я хотел переименовать лиц, которые могли бы с честью в данное время занять ответственные министерские посты; но В. Гурко, которому я сообщил о своем намерении, испуганно схватил меня за рукав и стал просить, Боже упаси, этого не делать: «Ведь вы знаете, результаты получатся как раз обратные: Государь подумает, что мы его хотим учить, и перечисленные вами лица, вместо того чтобы стать у власти, сразу попадут в разряд политических мертвецов с похоронами по первому разряду. Вы знаете, Царь терпеть не может указаний; ради Бога, в интересах дела, откажитесь от своего намерения».

Я согласился с ним и, подойдя к председательскому столу, вычеркнул свою фамилию из списка ораторов.

После незначительных прений, после перерыва проект всеподданнейшего адреса, прочтенный князем Куракиным под гром аплодисментов, не смолкавших по крайней мере пять минут в зале, был с самыми небольшими изменениями принят всем собранием, голосовавшим по губерниям, и дворяне стали расходиться молча с сознанием честно исполненного большого патриотического долга.

Во время самого голосования адреса внимание мое привлекла одна фигура, нравственная физиономия коей стала предо мною на этом собрании во весь свой неприглядный рост. Эта фигура Новоскольского, Курской губ., предводителя дворянства, блестящего современного поэта-памфлетиста Мятлева.[53]

---

[53] **В.Э.:** Мятлев Владимир Петрович (1866 –1933≤?) – внук поэта Ивана Петровича Мятлева (1796–1844), жил в имении Голубино Новосокольского уезда Курской губернии.

Кто из проживающих в Петрограде, посещающих великосветские салоны и гостиницы, не списывал порою там для себя того или другого модного стихотворения Мятлева, затрагивавшего всегда очень зло и остроумно русские общественные и политические болячки и не щадившего в своих стихотворениях даже Царя. «Как... вы не читали последнего стихотворения Мятлева?» – удивленно спрашивают вас обыкновенно X, Y, Z, и немедленно кто-либо из присутствующих в салоне вынимает из записной книжки клочок бумаги с последним из произведений поэта, преимущественно памфлетического характера.

«Вот, – говорят вам, – спишите для себя», – и вы тут же списываете стихотворение, которое ходит по рукам анонимкой и облетает не только весь Петроград в кратчайший срок, но весьма быстро и всю Россию.

Резко и зло бичует сатира Мятлева всё то, что считает достойным своего внимания, выставляя порою в крайне смешном виде и не щадя самого Императора.

Последнее обстоятельство всегда меня донельзя раздражало, ибо, по моему крайнему разумению, Царь не может фигурировать в сатирических произведениях, как бы талантливы они ни были, ибо это затрагивает престиж того, кто в глазах народа должен стоять на высоком пьедестале и чье имя не может трепаться в балагане. Так думал я раньше, так думаю и сейчас.

Дерзкий и наглый человек, думал я о Мятлеве в то время, как окружающие меня при чтении его произведений произносили: «Как ловко пишет, или отделал, бестия, ну и смельчак!» И вот сегодня, на дворянском съезде, я увидел, что из себя в нравственном смысле представляет этот «смельчак», поэт Мятлев: явившись на съезд в роли курского губернского предводителя, ввиду отсутствия милейшего князя Л.И. Дундукова-Изъединова, Мятлев, почувствовав, что принятие адреса Курскою губернией делает его более всего ответственным за голосование, вследствие занятого им случайно положения стал прилагать все усилия к тому, чтобы курское дворянство высказалось против принятия адреса, отредактированного специальной комиссией дворянского съезда, ибо, по мнению его, Мятлева, дворянство таким языком Царю говорить не может.

Я положительно ушам своим не верил, видя его мятущимся среди своих дворян и упрашивающим их не присоединяться к другим губерниям, единодушно высказавшимся за адрес.

«Так вот ты кто? – с гадливым чувством повторял себе я, – из-за угла, анонимно в памфлетах высмеивать Царя и трепать его имя ты считаешь возможным, а здесь возвысить свой голос со всем дворянством открыто, честно и прямо не по тебе. Холоп, – думал я, – дрожащий за свои камергерские штаны и боящийся утерять свой камергерский ключ, и когда? в такое время!..»

9 декабря.

В городе передаются опять самые фантастические слухи о переменах на высших правительственных постах. Сегодня заезжал в Думу, где по рукам уже ходит телеграмма, посланная, как говорят, Распутиным Императрице Александре Федоровне, пребывающей в ставке; апокриф ли эта телеграмма или действительно существует такая, но из уст в уста передается ее текст: «Пока Дума думает да гадает, у Бога всё готово: первым будет Иван, вторым назначим Степана». Объясняют это так: Щегловитов намечается Распутиным на пост премьера и Белецкий министром внутренних дел. Так ли это или нет, увидим в ближайшем будущем. Всё может быть, ибо каждый день приносит нам всё новые и новые сюрпризы.

Александра Федоровна распоряжается Россией, как своим будуаром, но назначаемые на министерские посты, благодаря ей и Распутину, люди чувствуют себя настолько не прочно, что даже не переезжают на казенные квартиры, а остаются на своих частных.

Наше время напоминает страницы царствования Павла Петровича: никто не может быть уверен в завтрашнем дне, и люди, взысканные милостью сегодня, завтра могут очутиться на улице.

Я не в состоянии без боли видеть всё это и мысленно задаю себе вопрос: «Неужели Государь не в силах заточить в монастырь женщину, которая губит Его и Россию, являясь злым гением русского народа и династии Романовых. Неужели Государь не видит, куда она толкает нас? Как дискредитирует она монархический принцип и позорит самое себя, будучи, в чем я уверен, чистой в отношениях своих к Распутину, который сумел околдовать ее лишь на религиозной почве». А что говорят! «Царь с Егорием, а Царица с Григорием» – вот что собственными ушами я слышал вчера в группе молодых солдат, проезжая по Загородному, мимо казарм Семеновского полка. Каково это слышать нам, монархистам, а можно ли наказать пошляка, балагура, говорящего вслух о том, что молча с горечью наблюдают все.

Боже мой! чем бы я ни занимался, где бы я ни был, с кем бы я ни был, о чем бы я ни говорил, – червем точит меня мысль везде и всюду: жив он – этот позор России, каждый час можно ожидать какой-либо новой неожиданности, каждый день он марает всё более и более Царя и его семью. Уже грязная клевета черни касается на этой почве чистых и непорочных Великих Княжен – Царских дочерей, а этот гад, этот хлыст забирает что день, то больше и больше силы, назначая и смещая русских сановников и обделывая через шарлатанов вроде Симоновича и князя Михаила Андронникова свои грязные денежные дела.

Всё то чистое и честное, что по временам дерзает возвысить свой голос у царского трона против него, подвергается немедленной немилости и опале. Нет того административного поста, как бы высок он ни был, который гарантировал бы безопасность вельмож, дерзнувшее указать Царю на недопустимость дальнейшего влияния Распутина на ход русской политики и государственных дел. Где честнейший и благороднейший А.Д. Самарин, занимавший пост обер-прокурора святейшего синода? Он уволен. Он оказался не на месте, ибо не мог мириться с ролью исполнителя распутинской воли; не мог терпеть на епископских постах монахов вроде Варнавы, Мардария и Путяты, и на место его посажен через Распутина какой-то директор женских курсов Раев, темная и совершенно неизвестная личность, а в помощники ему для вершения дел церкви теми же путями прошел юродивый князь Жевахов, вся заслуга коего в том, что он успел понравиться Елизавете Федоровне своею брошюркой о святителе Иосафе Горленко, доводящемся Жевахову каким-то дальним родственником по отцовской или материнской линии.

Где начальник дворцовой канцелярии князь Владимир Орлов? Он высказался против Распутина и должен был немедленно покинуть Двор.

Где генерал В.Ф. Джунковский? Его постигла та же участь, несмотря на тесную близость его к Царю.

Где фрейлины княжны Орбелиани и Тютчева, бывшая столько лет воспитательницей великих княжен?

Их нет при Дворе, ибо они дерзнули поднять свой голос против Распутина.

В силе лишь тот, кому покровительствует этот гад, и само собою разумеется, первое место поэтому при дворе занимают Месалина Анна Вырубова и прощелыга-аферист дворцовый комендант Владимир Воейков.

Государь подпал совершенно под влияние своей супруги; он считает вмешательством в свои семейные дела всякое напоминание ему со стороны вернейших и честнейших его слуг о тлетворной роли Распутина при Дворе. Бог мой, как я понимал при чтении воспоминаний Бисмарка его ненависть к Императрице – жене Вильгельма I.

Бывший министром путей сообщения Рухлов мне как-то говорил, что, когда однажды он во время своего доклада в Царском Селе Царю коснулся имени Распутина в связи с каким-то вопросом, Государь немедленно перестал его слушать, стал барабанить пальцами по столу и, обернувшись лицом к саду, начал напряженно смотреть в окно.

Рухлов тотчас же понял, что дальнейший разговор в этом направлении может для него плохо окончиться, и, прервав доклад по поднятому вопросу, связанному с именем Распутина, перешел к другому.

Честность, порядочность, идейность, самоотверженность сейчас не ставятся ни в грош, и у власти могут находиться лишь те, которые в лучшем случае способны закрыть глаза на всё проделываемое Распутиным и готовы беспрекословно исполнять приказания его чудовищно безграмотных записок, рассылаемых день за днем в огромном количестве по всем ведомствам и административным учреждениям Петрограда, начиная от министров и кончая мелкими чиновниками.

Неисполнение воли Распутина, излагаемой в ультимативном тоне, влечет за собою в ближайшем будущем месть хлыста строптивому чиновнику и назначение на его место другого, послушного, податливого и не способного сопротивляться его воле.

Императрица Александра Федоровна, глядящая на всё, на всех, и на вся глазами Распутина, делит служащих во всех правительственных учреждениях на две группы: «наши» и «не наши».

Первая поощряется всеми мерами, вторую исподволь сплавляют, замещая опрастанные места «нашими».

Принц А.П. Ольденбургекий рассказывал на днях, на что он напоролся в ставке, куда ездил с докладом к Государю; прибыв в Могилев, он пожелал быть принятым молодой Императрицей, проживающей в дни пребывания своего в Могилеве не во дворце с Императором, а в своем поезде на вокзале.

Принц не мог быть принят Царицей, ибо она еще спала, несмотря на сравнительно поздний час.

Осведомившись о причине того, почему Императрица почивает и не больна ли она, принц получил ответ, что Ее величество здорова, но вчера до глубокой ночи занимались с А.С. Вырубовой государственными делами. Заинтересовавшись, что именно сейчас беспокоит Императрицу, старик-принц узнал, что Александра Федоровна с фрейлиной Вырубовой отмечали добрую половину ночи плюсами и минусами по адрес-календарю чинов петроградского бюрократического мира, разделяя их на своих сторонников и на противников.

Честный и благородный принц долго не мог прийти в себя от изумления и горечи, удостоверившись, что сообщенное ему было неоспоримым фактом.

Что ждет нас завтра? Вот вопрос, который вправе поднять всякий, мало-мальски вдумывающийся в причину той политической абракадабры, которая царит сейчас в России. Я лично впереди просвета не вижу никакого, ибо воля Государя скована, а при этом условии не может быть никакой устойчивости в политическом курсе, и это ярко и выпукло понял я из одного факта, сравнительно мелкого, но в высшей степени характерного.

3-го ноября, во время доклада моего Государю в Могилеве обо всем том, чего я свидетелем был на Румынском фронте, в районе Рени, Браилова, Галаца, характеризуя обстановку, я остановился на деятельности адмирала М.М. Веселкина, в течение почти двух лет войны занимавшего крупный военно-административный пост в этом районе, ставшего большим знатоком создавшейся здесь у нас военной обстановки и проявившего недюжинный административный талант и кипучую энергию по снабжению наших войск всем необходимым, что было крайне ценно, т.к. румыны, вступив с нами в союз, перед самым объявлением войны центральным державам, решив, что мы их снабдим нужным, продали с большим для себя барышом решительно всё, что имели как в смысле продовольствия, так и в смысле военного снаряжения... Австрии, рассчитывая, что от нас получат необходимое; в результате этой их финансовой операции у них в Румынии стало хоть шаром покати, и русская армия оказалась в безвыходном положении, которое усугублялось вспыхнувшей вдоль устья Дуная холерой и ужасающим состоянием одноколейного, поляковской постройки, железнодорожного пути по русской территории, совершенно не приспособленного к выполнению задач военного времени и не удовлетворявшего самым минимальным запросам продовольственного, военного, санитарного и перевозочного характера наших армий, которые нуждались, живя в полуодетом, полуобутом и полуголодном состоянии.

Веселкин работал здесь не покладая рук и днем и ночью, вникая решительно во всё, чуждый буквоедства, формализма и канцелярщины; и не один десяток тысяч русских солдат, приезжавших сюда в изможденном от голода виде, был обязан ему духовной и физической поддержкой.

Невероятный ругатель и сквернослов, как большинство русских моряков, но человек бесконечно доброй души и отзывчивый, Веселкин принимал героические меры к снабжению наших армий всем необходимым, а необходима была даже телефонная проволока для связи наших штабов, ибо подлецы-румыны даже всю свою проволоку запродали накануне вступления с нами в союз своим будущим противникам.

Веселкин говорил мне в бытность мою в Рени, что собирается в Могилев к Государю с целью доложить ему о безобразиях всего здесь происходящего вследствие отсутствия нужных мостов через Дунай и неприспособленности железнодорожного пути, каковой может быть приведен в должный вид в кратчайший срок, если наши тыловые инженерные юпитеры за это горячо примутся.

«Без этих мер, – добавил мне Веселкин, – нам на этом фронте успеха не добиться никогда».

Государь Император, бывший в Рени задолго до моего пребывания здесь и видевший работу Веселкина, которого очень любил, оценил ее, что видно из слов его частной телеграммы Императрице, о каковой телеграмме мне передавали в Рени местные почта-телеграфные власти.

Государь телеграфировал Александре Федоровне так: «Видел Мишу Веселкина, он оказывает неоценимые услуги местному краю» и т.д. и т.д. Большая телеграмма Государя Царице, посланная из Рени, была частного характера и была подписана Ники или Нике.

И вот в день доклада моего Государю 3 ноября, когда я описывал обстановку этого фронта и коснулся благотворной деятельности Веселкина, Государь донельзя оживился, был чрезвычайно доволен моею его характеристикой и, перебивая мой доклад, сказал: «Да, да, я давно знаю Веселкина, это прекрасный, дельный администратор, на своем месте, в особенности при данной боевой обстановке, я очень его ценю и крайне им дорожу. Мне приятен ваш отзыв о нем».

Это было 3-го ноября в Могилеве, а 7-го того же ноября произошло следующее в Петрограде: в 11 час. утра я входил в Государственную думу, направляясь в бюджетную комиссию, где происходило заседание.

На пути, в Екатерининском зале, навстречу мне идет морской министр И.К. Григорович; мы здороваемся, и с первых же слов последний спрашивает: «В.М., вы давно с фронта и откуда?»

Едва я успел открыть рот и сказать: «Сегодня, с Румынского», – как Григорович, перебивая меня, хватает сочувственно за плечо и с горечью восклицает: «Да? А бедный-то наш М.М. Веселкин?» «Что такое?» – спрашиваю. «Уволен», – уныло говорит мне Григорович. «Не может быть. Зачем же вы это сделали? – восклицаю я, – когда он там так полезен, так необходим, и Государь, знающий о его работе, самого лестного о нем мнения». Григорович горько усмехнулся.

«В том-то и дело, что уволил его не я и что морское министерство узнало об этом последним, а уволен он прямо со ставки вчера неведомо по каким проискам и за что и на место его уже назначен адмирал Ненюков».

«Послушайте, – говорю, – Иван Константинович, вы мне рассказываете что-то поистине несуразное: ведь Государь еще 3-го ноября мне его хвалил».

«Да, – заметил с ударением Григорович, – но ведь это было 3-го, а сегодня у нас 7-е, и вы знаете лучше, чем кто-либо другой, что у нас в России сейчас оценка личности, в особенности стоящей на административном посту, совершается не по деятельности администратора, а происходит в зависимости от настроений в «сферах».

Я вздохнул, пожал плечами, и мы расстались. Можно ли надеяться на какой-либо «курс» в России при наличности явлений, подобных этому?

10 декабря.

Слыхал сегодня, что главноуполномоченный Красного Креста при ставке Государя Кауфман-Туркестанский уволен со своего места. Увольнение произошло, говорят, на почве распутинских интриг, ибо Императрица Александра Федоровна крайне возмутилась тем, что Кауфман не только сочувственно отозвался Государю о моей речи 19 ноября, но и привез стенограмму ее для прочтения Его Величеству.

11 декабря.

Сегодня заезжал в Думу с целью просить членов Думы осмотреть мой санитарный поезд пред отправлением его на Румынский фронт. Меня неоднократно просили многие из сотоварищей, наслышавшись, как они говорили, хорошего о моих отрядах на фронте, ознакомить их с постановкой у меня дела.

Я пригласил членов Думы пожаловать на Варшавский вокзал в 9 час. утра 17 декабря, когда я вечером собираюсь выехать на фронт.

Выбрал я этот день нарочно, ибо, если в ночь на 17-е удастся благополучно покончить с Распутиным, то не может быть ничего лучшего, как через несколько часов после этого, как ни в чем не бывало, показывать мой поезд большому числу людей, интересующихся делом, и иметь возможность отвлечь свои мысли от кошмара пережитой ночи.

Вопрос лишь в том, выдержат ли мои нервы и смогу ли я поспать хоть несколько часов в те часы ночи, которые останутся мне для сна после кончины Распутина и перед посещением поезда членами Думы?

А поезд мой посмотреть стоит: я с гордостью и удовлетворением смотрю на результат моих хлопот по его снабжению, и мне сладко думать, что всё это я раздам там, на позициях, на чужбине, родным героям: солдату и офицеру, стоящим на страже русской чести и проводящим бессменно третий год войны бок о бок в тесном братском единении друг с другом, неся равные лишения и живя в одинаковых условиях в суровых окопах.

12 декабря.

Сегодня был на заседании совета Главного управления Красного Креста. Вот учреждение, поражающее косностью; толковых всего лишь два или три человека, и среди них Ордин и человечек себе на уме Чаманский, вертящий там всем и играющий первую скрипку, конечно, не без большой выгоды для себя.

Славный председатель Ильин спеленат, как младенец, и на положении не то бонзы, не то далай-ламы, остальные частью статисты, на ролях свадебных генералов, а частью просто

превосходительная шантрапа, привыкшая считать за дело только бумагу под номером и чуждая всякой отзывчивости живому и великому делу милосердия.

Чего стоит одна лишь фигура барона А.Ф. Майндорфа, с которого песок сыплется уже, по-видимому, лет 20 и который тем не менее в совете Креста всё еще на положении активного деятеля.

Просидел я с полчаса, прослушал бесконечные дебаты о том, дать ли или не дать пособие в 40 руб, сестрам X, Y, Z. Меня стошнило от этой деловитости, и я уехал.

13 декабря.

Сегодня утром звонок в телефон: «Ваня приехал», – значит, мы собираемся.

В 10 ч. я был у Юсупова, куда приехал с д-ром Лазавертом. Дмитрий Павлович и поручик С. были уже там. Юсупов доложил нам, что Распутин согласился приехать к нему 16-го вечером и что всё идет в этом отношении превосходно. Мы вновь повторили друг другу выработанный нами план действия, решив, по смерти Распутина, бросить труп его в Старую Невку, где место уединеннее в ночные часы, чем вдоль канала, идущего от Фонтанки к Царскосельскому вокзалу.

В добавление к раньше нами намеченному мы решили поставить большой граммофон в тамбуре, ведущем из гостиной князя, находящейся наверху, к его столовой, куда по приезде прямо должен пройти Распутин, помещающейся, как я уже сказал, в полуподвальном этаже дворца.

Граммофон будет поставлен у витой лестницы рупором к ней, и в момент прибытия Распутина во дворец граммофон будет заведен, ибо хотя граммофон и слабое и приевшееся развлечение, но тем не менее развлечение, игрой его будут достигнуты две цели: во-первых, Распутин может подумать, что собравшееся наверху дамское общество слушает музыку и вследствие этого молодая графиня, знакомства с коей он так жаждет, не может к нему тотчас же сойти, а во-вторых, игра граммофона могла бы заглушить наши голоса, если бы мы прослушали стук подъезжающего автомобиля и продолжали бы громко беседовать между собою наверху.

Закусив и выпив чаю, в 11 час. мы разъехались по домам, причем Юсупов перед самым моим отъездом вынул из письменного стола средней величины двухфунтовую каучуковую гирю, подобную тем, коими делают ручную комнатную гимнастику. «Как вам это нравится?» – спросил он меня. «А для чего вам это?»

«Так, – заметил он многозначительно, – на всякий случай, этот подарочек я получил от В.А. Маклакова; мало ли что не случится!» «Н-нда», – протянул я. Мы распрощались, и я уехал.

14 декабря.

Сегодня, ввиду предстоящего отъезда на фронт, я перевез мою семью в поезд, ибо на время рождественских каникул сыновей моих беру санитарами, а жену мою, прошедшую уже курсы сестер милосердия и всё прошлое лето состоявшею старшею сестрою на одном из головных пунктов моего отряда, беру работать в качестве сестры милосердия на том перевязочно-питательном пункте, который я развернул в Румынии. Переезд их занял у меня сегодня большую половину дня.

После обеда я распрощался окончательно с моею городской квартирой и занял обычное купе в вагоне моего санитарного поезда.

15 декабря.

Д-р Лазаверт, купив кисть и краску защитного цвета, весь день сегодня, облачившись в кожаный фартук, провозился над автомобилем, который будет служить нам завтрашнюю ночь – и привезет высокого гостя.

На всех автомобилях моего отряда большими красными буквами стоит написанный мой девиз: «*semper idem*». Приходится замазывать надпись, ибо в противном случае по этой надписи нити следствия сразу привели бы судебные власти при случайно неудачливом обороте дела к Юсуповскому дворцу и к моему поезду.

К вечеру автомобиль оказался в порядке. Завтра придется лишь поднять на нем верх и заблаговременно отпустить по квартирам в город шоферов под предлогом дать им попрощаться с семьями пред отъездом, назначенным мною на 17 декабря вечером, а в сущности освободиться от их назойливого любопытства и расспросов о том, куда едет д-р Лазаверт поздно ночью, не желая пользоваться их услугами. И без того сегодня, когда он возился у автомобиля, поездная прислуга, окружив его со всех сторон, то и дело спрашивала его, зачем он вымарывает надпись. Лазаверт

очень удачно отбрехался: «Как тронемся в путь, ребята, – сказал он им, – опять надпишем по-старому, и будет так, как было, а завтра ночью еду кутить с... – и он подмигнул, – а потом кататься на острова, и нельзя, чтобы видели автомобиль генерала, т.е. мой, в такой час в неподходящем месте». Любопытные этим удовлетворились и успокоились.

16 декабря.

Сейчас 7 час. вечера. Я весь день не выезжал в город, а сидел и читал у себя в купе, ибо распоряжаться уже нечем – поезд готов к отъезду, а видеть посторонних людей мне противно.

В 8 ½ часов на трамвае поеду на малое заседание городской Думы, где просижу, чтобы убить время, до без четверти 12 ночи, когда к думской каланче должен подъехать Лазаверт, одетый шофером, с пустым автомобилем, и отсюда я, сев в него, поеду во дворец Юсупова.

Я чувствую величайшее спокойствие и самообладание. На всякий случай беру с собою стальной кастет и револьвер мой, великолепную вещь, системы «*Sauvage*», кто знает, может быть, придется действовать либо тем, либо другим.

Не знаю почему, но у меня весь день сегодня вертится в голове стих оды Горация.

Tu ne quaesieris, scire nefas, quern mihi, quern rili Finern di dederint... Leuconoe![54]

Да! Но только там дело шло совсем о другом, а наша Левконоя несколько иного сорта... Да! *scire nefas*! А впрочем, ждать не за горами...

18 декабря.

Глубокая ночь. Вокруг меня полная тишина. Плавно качаясь, уносится вдаль мой поезд. Я еду опять на новую работу, в бесконечно дорогой мне боевой обстановке, на далекой чужбине, в Румынии.

Я не могу заснуть; впечатления и события последних 48 часов вихрем проносятся вновь в моей голове, и кошмарная, на всю жизнь незабываемая ночь 16 декабря встает ярко и выпукло пред моим духовным, взором.

Распутина уже нет. Он убит. Судьбе угодно было, чтобы я, а не кто иной избавил от него Царя и Россию, чтобы он пал от моей руки. Слава Богу, говорю я, слава Богу, что рука великого царя князя Дмитрия Павловича не обагрена этой грязной кровью – он был лишь зрителем, и только.

Чистый, молодой, благородный, царственный юноша, столь близко стоящий к престолу, не может и не должен быть повинным хотя бы и в высокопатриотическом деле, но в деле, связанном, с пролитием, чьей бы то ни было крови, пусть эта кровь будет и кровью Распутина.

Как ни тяжело, но нужно постараться привести в порядок мои мысли и занести в дневник с фотографической точностью весь ход происшедшей драмы, имеющей столь большое историческое значение.

Как ни тяжело, но постараюсь воскресить события и занести их на бумагу.

В половине десятого вечера 16 декабря я покинул мой поезд на Варшавском вокзале и на трамвае отправился в городскую Думу.

Подъезжаю и вижу, что зал неосвещен; швейцар сообщает мне, что заседание не состоялось за неприбытием законного числа гласных, а прибывшие, подождав, разошлись.

«Братец, – говорю, – мне некуда деваться, открой мне кабинет товарища головы, дай бумаги, я напишу здесь несколько писем, пока приедет за мной мой автомобиль». Швейцар исполнил мою просьбу, и я около часу времени провел в писании писем некоторым друзьям.

Без четверти 11, т.е. ровно за час до того времени, как я назначил Лазаверту заехать за мной в Думу, я запечатал последнее письмо и остался в нерешительности того, что мне делать: одеться и выйти на улицу с тем, чтобы там ждать автомобиль, было неудобно и могло вызвать какие-либо подозрения, ибо я был в военной форме и могло показаться странным, что в двенадцатом часу ночи стоит без всякого дела на панели в военной форме озирающаяся фигура.

Я решился оставшееся время провести у телефона и, вызвав приятельницу мою, артистку Н, проболтал с нею до начала двенадцатого.

Дальнейшее пребывание в Думе было, однако, неудобным, и я, одевшись, когда часы на думской каланче пробили четверть двенадцатого, вышел на панель, опустил письма в почтовый ящик и стал гулять по думскому переулку.

---

[54] Не спрашивай, не выпытывай, Лезконоя, нам знать не дано, какой конец уготовили тебе и мне боги!

Погода была мягкая, мороз не превышал 2–3 градуса, и порошил редкий мокроватый снег.

Каждая минута мне представлялась вечностью, и мне казалось, что каждый, проходивший мимо меня, подозрительно меня оглядывает и за мною следит.

Часы пробили половину двенадцатого, пробили три четверти двенадцатого, я положительно не находил себе места; наконец, без десяти минут двенадцать я увидел вдали, со стороны Садовой, яркие огни моего автомобиля, услыхал характерный звук его машины, и через несколько секунд, сделав круг, д-р Лазаверт остановился у панели. «Ты опять опоздал!» – крикнул я ему.

«Виноват, – ответил он искательным, голосом, – заправлял шину, лопнула по дороге».

Я сел в автомобиль рядом с ним и, повернув к Казанскому собору, мы поехали по Мойке.

Автомобиля моего решительно нельзя было узнать с поднятым верхом, он ничем не отличался от других, встречавшихся нам по пути.

Согласно выработанному нами плану, мы должны были подъехать не к главному подъезду Юсуповского дворца, а к тому малому, к которому Юсупов намеревался подвезти и Распутина, для чего требовалось предварительно въехать во двор, отделявшийся от улицы железной решеткой, с двумя парами таких же железных ворот, которые, по уговору, должны были быть к этому часу открытыми.

Подъезжая ко дворцу, однако, видим, что обе пары ворот закрыты; полагая, что еще рано, мы, не уменьшая хода автомобиля, проехали мимо дворца и там, замедлив ход, сделали круг через площадь Мариинского театра и вновь вернулись на Мойку по Прачечному переулку. Ворота оказались опять закрытыми.

Я был вне себя. «Давай к главному подъезду! – крикнул я Лазаверту. – Пройду через парадное, и, когда откроют железные ворота, въедешь и станешь с автомобилем, вон у этого малого входа».

Я позвонил. Двери открыл мне солдат, и я, не сбрасывая шубы, оглянувшись, есть ли еще кто-либо в подъезде (на скамейке сидел еще один человек в солдатской форме, и больше не было никого), повернул в дверь налево и прошел в помещение, занимаемые молодим. Юсуповым.

Вхожу и вижу: в кабинете сидят все трое. «А!! – воскликнули они разом, *vous voila*. – А мы вас уже пять минут как ждем, уже начало первого».

«Могли бы прождать и дольше, – говорю, – если б я не догадался пройти через главный подъезд. Ведь ваши железные ворота к маленькой двери, – обратился я к Юсупову, – и по сию минуту не открыты».

«Не может быть, – воскликнул он, – я сию же минуту распоряжусь», – и с этими словами он вышел.

Я разделся. Через несколько минут в шоферском костюме по лестнице со двора вошел д-р Лазаверт и Юсупов.

Автомобиль был поставлен на условленное место, у маленькой двери во дворе, после чего мы, впятером, прошли из гостиной через небольшой тамбур по витой лестнице вниз в столовую, где и уселись вокруг большого, обильно уснащенного пирожными и всякою снедью чайного стола. Комната эта была совершенно неузнаваема; я видел ее при отделке и изумился умению в такой короткий срок сделать из погреба нечто вроде изящной бомбоньерки.

Вся она была разделена на две половины, из коих одна ближе к камину, в котором ярко и уютно пылал огонь, представляла собою миниатюрную столовую, а другая, задняя, нечто среднее между гостиной и будуаром, с мягкими креслами, с глубоким изящным диваном, перед коим на полу лежала громадная, исключительной белизны, шкура-ковер белого медведя. У стенки под окнами в полумраке был помещен небольшой столик, где на подносе стояло четыре закупоренных бутылки с марсалой, мадерой, хересом и портвейном, а за этими бутылками виднелось несколько темноватого стекла рюмок. На камине, среди ряда художественных старинных вещей, было помещено изумительной работы распятие, кажется мне, выточенное из слоновой кости.

Помещение было сводчатым, в стиле старинных расписных русских палат.

Мы уселись за круглым, чайным, столом, и Юсупов предложил нам выпить по стакану чая и отведать пирожных до тех пор, пока мы не дадим им нужной начинки.

Четверть часа, в продолжение коих мы сидели за столом, показалась мне целою вечностью, между тем особенно спешить было не к чему, так как Распутин предупредил еще раньше Юсупова, что шпики всех категорий покидают его квартиру после 12 ночи, и, следовательно, толкнись Юсупов к Распутину до половины первого, он как раз мог напороться на церберов, охранявших «старца».

Закончив чаепитие, мы постарались придать столу такой вид, как будто его только что покинуло большое общество, вспугнутое от стола прибытием нежданного гостя.

В чашки мы поналивали немного чаю, на тарелочках оставили кусочки пирожного и кекса и набросали немного крошек около помятых несколько чайных салфеток; всё это необходимо было, дабы войдя Распутин почувствовал, что он напугал дамское общество, которое поднялось сразу из столовой в гостиную наверх. Приведя стол в должный вид, мы принялись за два блюда с птифурами. Юсупов передал д-ру Лазаверту несколько камешков с цианистым калием, и последний, надев раздобытые Юсуповым перчатки, стал строгать ножом яд на тарелку, после чего, выбрав все пирожные с розовым кремом (а они были лишь двух сортов; с розовым и шоколадным кремом) и отделив их верхнюю половину, густо насыпал в каждое яду, после чего, наложив на них снятые верхушки, придал им должный вид. По изготовлении розовых пирожных мы перемешали их на тарелках с коричневыми, шоколадными, разрезали два розовых на части и, придав им откусанный вид, положили к некоторым приборам.

Засим Лазаверт бросил перчатки в камин, мы встали из-за стола и, придав некоторый беспорядок еще и стульям, решили подняться уже наверх. Но, помню как сейчас, в эту минуту сильно задымил камин, в комнате стало сразу угарно, и пришлось провозиться по крайней мере еще десять минут с очисткой в ней воздуха. Наконец, всё оказалось в порядке.

Мы поднялись в гостиную. Юсупов вынул из письменного стола и передал Дмитрию Павловичу и мне по склянке с цианистым калием, в растворенном виде, каковым мы должны были наполнить до половины две из четырех рюмок, стоявших внизу, в столовой, за бутылками, через двадцать минут после отъезда Юсупова за Распутиным.

Лазаверт облачился в свой шоферской костюм. Юсупов надел штатскую шубу, поднял воротник и, попрощавшись с нами, вышел.

Шум автомобиля дал нам знать, что они уехали, и мы молча принялись расхаживать по гостиной и тамбуру у лестницы вниз.

Было тридцать пять минут первого. Поручик С. пошел проверить, в порядке ли граммофон и наложена ли пластинка; всё было на месте.

Я вынул из кармана отдавливавший его мой тяжелый «соваж» и положил его на стол Юсупова.

Время шло мучительно долго. Говорить не хотелось. Мы изредка лишь перебрасывались отдельными словами и, посоветовавшись о том, можно ли курить и не дойдет ли дым сигары или папиросы вниз (Распутин не хотел, чтобы сегодня, в день его посещения, у князя Юсупова были гости-мужчины), стали усиленно затягиваться сигарой, а С. и Дмитрий Павлович папиросами.

Без четверти час великий князь и я, спустившись в столовую, налили цианистый калий, как было условлено, в две рюмки, причем Дмитрий Павлович выразил опасение, как бы Феликс Юсупов, угощая Распутина пирожными, не съел бы второпях розового и, наливая вино в рюмки, не взял бы по ошибке рюмки с ядом. «Этого не случится, – заметил я уверенно великому князю, – Юсупов отличается, как я вижу, громадным, самообладанием и хладнокровием».

Исполнив свое дело, мы вновь поднялись наверх, чутко прислушиваясь к малейшим звукам, доходившим, с улицы. «Едут!» – полушепотом, заявил я вдруг, отходя от окна. Поручик С. кинулся к граммофону, и через несколько секунд раздался звук американского марша «Янки-дудль», который и посейчас, по временам, преследует меня.

Еще мгновение – слышим сухой стук автомобиля уже во дворе, хлопающуюся дверцу автомобиля, топот встряхивающих снег ног внизу и голос Распутина: «Куда, милой?» Засим дверь от столовой закрылась за обоими приехавшими, и через несколько минут снизу по лестнице поднялся к нам д-р Лазаверт в своем обыкновенном костюме, снявший и оставивший внизу шоферские доху, папаху и перчатки.

Затаив дыхание, мы прошли в тамбур и стали у перил лестницы, ведущей вниз, друг за другом, в таком порядке: первым, к лестнице я с кастетом, в руках, за мною великий князь, за ним поручик С., последним, д-р. Лазаверт. Мне трудно определить, сколько времени в напряженнейшем ожидании провели мы в застывших позах у лестницы, стараясь не дышать, не двигаться и вслушиваясь буквально в каждый шорох, происходивший внизу, откуда доносились к нам голоса разговаривавших то порою в виде односложных звуков, то в связной речи, но расслышать того, что говорилось, мы не могли; полагаю, что мы простояли у лестницы не менее получаса, бесконечно заводя граммофон, который продолжал играть все тот же «Янки-дудль».

Того, чего мы ожидали, не произошло, а ожидали мы хлопанья пробок и откупоривания Юсуповым бутылок, стоявших, как я уже сказал, внизу. Это должно было стать показателем, что

дело идет на лад и что через несколько минут после этого Распутин окажется трупом. Но... время шло, мирная беседа внизу продолжалась, а собеседники, очевидно, не пили и не ели еще ничего.

Наконец, слышим, дверь снизу открывается. Мы на цыпочках бесшумно кинулись обратно в кабинет Юсупова, куда через минуту вошел и он.

«Представьте себе, господа, – говорит, – ничего не выходит, это животное не пьет и не ест, как я ни предлагаю ему обогреться и не отказываться от моего гостеприимства. Что делать?»

Дмитрий Павлович пожал плечами: «Погодите, Феликс: возвращайтесь обратно, попробуйте еще раз и не оставляйте его одного, не ровен час, он поднимется за вами сюда и увидит картину, которую менее всего ожидает, тогда придется его отпустить с миром или покончить шумно, что чревато последствиями». «А как его настроение?» – спрашиваю я у Юсупова. «Н-не важное, – протягивая, отвечает последний, – можете себе представить, он как будто что-то предчувствует».

«Ну, идите, идите, Феликс! – заторопил Юсупова великий князь. – Время уходит».

Юсупов опять спустился вниз, а мы вновь заняли в том же порядке свои места у лестницы.

Прошло еще добрых полчаса донельзя мучительно уходившего для нас времени, когда, наконец, нам ясно послышалось хлопанье одной за другой двух пробок, звон рюмок, после чего говорившие до этого внизу собеседники вдруг замолкли.

«Пьют, – прошептал мне над самым ухом Дмитрий Павлович, – ну, теперь уже ждать недолго!»

Мы застыли в своих позах, спустившись еще на несколько ступеней по лестнице вниз. Но... прошло еще четверть часа, а мирный разговор и даже порою смех внизу не прекращались.

«Ничего не понимаю», – разведя руками и обернувшись к Великому князю, прошептал я ему. – Что он, заколдован, что ли, что на него даже цианистый калий не действует!» Дмитрий Павлович пожал плечами.

«Погодите, слышите, вот, кажется, уже внизу что-то неладно!» И действительно, как будто послышался оттуда стон. Но это оказалось аберрацией слуха, и через минуту снизу опять послышалось мирное журчание речи одного из собеседников и односложные слова, по-видимому, со стороны другого.

Мы поднялись по лестнице вверх и всею группою вновь прошли в кабинет, куда через две или три минуты неслышно вошел опять Юсупов, расстроенный и бледный: «Нет, – говорит, – невозможно! Представьте себе, он выпил две рюмки с ядом, съел несколько розовых пирожных, и, как видите, ничего, решительно ничего, а прошло уже после этого минут, по крайней мере, пятнадцать! Ума не приложу, как нам быть, тем более что он уже забеспокоился, почему графиня не выходит к нему так долго, и я с трудом, ему объяснил, что ей трудно исчезнуть незаметно, ибо там наверху гостей не много, но что, по всем вероятиям, минут через десять она уже сойдет; он сидит теперь на диване мрачным, и, как я вижу, действие яда сказывается на нем лишь в том, что у него беспрестанная отрыжка и некоторое слюнотечение». «Господа, что вы посоветуете мне?» – закончил Юсупов. «Возвращайтесь обратно, – заметили мы ему, – яд должен, наконец, сделать свое дело, а если тем не менее действие его окажется безрезультатным, поднимайтесь к нам по прошествии пяти минут обратно, и мы решим, как покончить с ним, ибо время уходит, теперь глубокая ночь, и утро может нас застать с трупом Распутина в вашем дворце». Юсупов медленно вышел и прошел вниз. В это время я обратил внимание на то, что доктора Лазаверта нет среди нас. Еще несколько раньше я заметил, что этот крепчайшего телосложения человек чувствует себя от волнения положительно дурно: он то нервно шагал по кабинету, апоплексически краснея и в изнеможении опускаясь в глубокие кресла под окном, то хватался за голову, обводя нас всех блуждающим взглядом.

«Что с вами, доктор?» – спросил я его.

«Мне дурно! – ответил полушепотом. – У меня чрезвычайно напряжены нервы. Мне кажется, я не выдержу. Я никогда не думал, что я так мало способен держать себя в руках. Поверите ли, меня сейчас может повалить пятилетний ребенок».

Я крайне удивился, ибо за всё время пребывания в моем отряде д-ра Лазаверта, неоднократно работавшего на передовых позициях не только под орудийным, но и под пулеметным огнем неприятеля, за что он был награжден двумя Георгиевскими крестами, он проявил себя человеком большой выдержки, самообладания и несомненного мужества.

«Да, – подумал я, – храбрость там одно, а здесь совсем другое».

«Где Лазаверт?» – спросил я поруч. С. по уходе Юсупова. «Не знаю, – ответил последний, – должно быть, у автомобиля!»

«Странно», – подумал я и намеревался уже спуститься за ним, как вдруг увидел его бледным, осунувшимся, входящим в дверь кабинета.

«Доктор, что с вами?» – воскликнул я.

«Мне стало дурно, – прошептал он, – я сошел вниз к автомобилю и упал в обморок, к счастью, ничком, снег охладил мне голову, и только благодаря этому я пришел в себя. Мне стыдно, В.М., но я решительно ни к чему не гожусь».

«Доктор, доктор, – проходя в это время мимо нас и качая головой, промолвил Дмитрий Павлович, – вот не сказал бы!»

«Ваше Высочество! – разводя руками и как бы извиняясь, ответил Лазаверт. – Виноват не я, а моя комплекция». Мы оставили Лазаверта в покое, предоставив его самому себе, и стали ждать.

Через минут пять Юсупов появился в кабинете в третий раз. «Господа, – заявил он нам скороговоркой, – положение всё то же: яд на него или не действует, или ни к черту не годится; время уходит, ждать больше нельзя; решим, что делать. Но нужно решать скорее, ибо гад выражает крайнее нетерпение тому, что графиня не приходит, и уже подозрительно относится ко мне».

«Ну что ж, – ответил великий князь, – бросим на сегодня, отпустим его с миром, может быть, удастся сплавить его как-нибудь иначе в другое время и при других условиях».

«Ни за что! – воскликнул я. – Неужели вы не понимаете, Ваше Высочество, что, выпущенный сегодня, он ускользает навсегда, ибо разве он поедет к Юсупову завтра, если поймет, что сегодня был им обманут. Живым Распутин отсюда, – отчеканивая каждое слово, полушепотом продолжал я, – выйти не может, не должен и не выйдет».

«Но как же быть?» – заметил Дмитрий Павлович. «Если нельзя ядом, – ответил я ему, – нужно пойти ва-банк, в открытую, спуститься нам или всем вместе, или предоставьте мне это одному, я его уложу либо из моего «соважа», либо размозжу ему череп кастетом. Что вы скажете на это?»

«Да, – заметил Юсупов, – если вы ставите вопрос так, то, конечно, придется остановиться на одном из этих двух способов».

После минутного совещания мы решили спуститься вниз всем и предоставить мне уложить его кастетом, а Лазаверту на всякий случай Юсупов в руки всунул свою каучуковую гирю, хотя первый и заявил ему, что он едва ли будет в состоянии что-либо сделать, ибо так слаб, что еле передвигает ноги.

Приняв это решение, мы гуськом (со мною во главе), осторожно двинулись к лестнице и уже спустились было к пятой ступеньке, когда внезапно Дмитрий Павлович, взяв меня за плечо, прошептал мне на ухо: «*Attendez moment*!» – и, поднявшись вновь назад, отвел в сторону Юсупова. Я, С. и Лазаверт прошли обратно в кабинет, куда немедленно вслед за нами вернулись Дмитрий Павлович и Юсупов, который мне сказал:

«В.М., вы ничего не будете иметь против того, чтобы я его застрелил, будь что будет? Это и скорее и проще».

«Пожалуйста, – ответил я, – вопрос не в том, кто с ним покончит, а в том, чтобы покончить и непременно этой ночью».

Не успел я произнести эти слова, как Юсупов быстрым, решительным шагом подошел к своему письменному столу и, достав из ящика его браунинг небольшого формата, быстро повернулся и твердыми шагами направился по лестнице вниз.

Мы молча кинулись вслед за ним и стали на старые позиции, поняв, что сейчас уже ждать придется недолго.

Действительно, не прошло и пяти минут с момента ухода Юсупова, как после двух или трех отрывочных фраз, произнесенных разговаривавшими внизу, раздался глухой звук выстрела, вслед затем мы услышали продолжительное... А-а-а! и звук грузно падающего на пол тела.

Не медля ни одной секунды, все мы, стоявшие наверху, не сошли, а буквально кубарем слетели по перилам лестницы вниз, толкнувши стремительно своим напором дверь столовой; она открылась, но кто-то из нас зацепил штепсель, отчего электричество в комнате сразу потухло.

Ощупью, ошарив стенку у входа, мы зажгли свет, и нам представилась следующая картина: перед диваном в части комнаты, в гостиной, на шкуре белого медведя лежал умирающий Григорий Распутин, а над ним, держа револьвер в правой руке, заложенной за спину, совершенно спокойным стоял Юсупов, с чувством непередаваемой гадливости вглядываясь в лицо им убитого «старца».

Крови не было видно; очевидно, было внутреннее кровоизлияние, и пуля попала Распутину в грудь, но, по всем вероятиям, не вышла.

Первым заговорил великий князь, обратившись ко мне: «Нужно снять его поскорее с ковра, на всякий случай, и положить на каменные плиты пола, ибо, чего доброго, просочится кровь и замарает шкуру, давайте снимем его оттуда».

Дмитрий Павлович взял убитого за плечи, я поднял его за ноги, и мы бережно уложили его на пол ногами к уличным окнам и головою к лестнице, через которую вошли.

На ковре не оказалось ни единой капли крови, он был только немного примят упавшим телом.

Молча окружили мы затем труп убитого, которого я сейчас увидел в первый раз в жизни и которого знал до этой минуты только по фотографиям, из коих одну большую карточку, где Распутин был изображен в кругу своих поклонников из среды петроградской придворной аристократии за чайным столом, полученную мною от командира 3-го стрелк. гвард. полка генерала А.П. Усова, я переснял в большом количестве экземпляров и с оскорбительною надписью для его поклонников, коих фамилии подписал на карточках, раздал в конце ноября членам Государственной думы и разослал по редакциям всех петроградских газет.

Сейчас я стоял над этим трупом, и меня волновали самые разнообразные и глубокие чувства; но первым из них, как теперь помню, было чувство глубочайшего изумления перед тем, как мог такой, на вид совершенно обыденный и отвратительный, типа Силена или Сатира, мужик влиять на судьбы России и на ход жизни великого народа, страна коего в сущности представляет часть света, а не государство.

Чем околдовал ты, негодяй, думал я, и Царя, и Царицу? Как завладел ты Царем до такой степени, что твоя воля стала его волею, что ты был фактическим самодержавцем в России, обратив помазанника Божьего в послушного, беспрекословного исполнителя твоей злонамеренной воли и твоих хищнических аппетитов. И, стоя здесь, над этим трупом, я невольно припомнил рассказ Юсупова о том, чем угощал Царя, через посредство своего приятеля тибетского лекаря Бадмаева, Распутин.

«Зачем ты, Феликс, – сказал как-то раз Распутин Юсупову, – не бываешь у Бадмаева, нужный он человек, полезный человек, ты иди к нему, милой, больно хорошо он лечит травочкой, всё только травочкой своею.

Даст он тебе махонькую, ма-ахонькую рюмочку настойки из травушки своей, и у-ух! как бабы тебе захочется, а есть у него и другая настоечка, и того меньше рюмочку даст он тебе, попьешь ты этой настоечки в час, когда на душе у тебя смутно, и сразу тебе всё пустяком покажется, и сам сделаешься ты такой добренькой, до-обренькой, такой глу-упенькой, и будет всё равным-равно».

Не этой ли настойкою, думал я, стоя над трупом Распутина, угощал ты в последнее время постоянно русского Царя, отдавшего бразды правления над великой Россией и над своим народом Змею Горынычу, – роковой для России женщине, супруге своей Александре Федоровне, возомнившей себя второю Екатериною Великою, а тебя, Государь, приравнявшею к Петру III и не постеснявшейся в письме своем к Великой Княгине Виктории Федоровне написать ей, что бывают моменты в истории жизни народов, когда при слабоволии законных их правителей женщины берутся за кормило правления государством, ведомым по уклону мужскою рукою, и что Россия такие примеры знает...

Я стоял над Распутиным, впившись в него глазами. Он не был еще мертв: он дышал, он агонизировал.

Правой рукою своею прикрывал он оба глаза и до половины свой длинный ноздреватый нос, левая рука его была вытянута вдоль тела; грудь его изредка высоко подымалась, и тело подергивали судороги. Он был шикарно, но по-мужицки одет: в прекрасных сапогах, в бархатных навыпуск брюках, в шелковой богато расшитой шелками, цвета крем, рубахе, подпоясанной малиновым с кистями толстым шелковым шнурком.

Длинная черная борода его была тщательно расчесана и как будто блестела или лоснилась даже от каких-то специй.

Не знаю, сколько времени простоял я здесь; в конце концов раздался голос Юсупова: «Ну-с, господа, идемте наверх, нужно кончать начатое!» Мы вышли из столовой, погасив в ней электричество и притворив слегка двери.

В гостиной, поочередно, поздравив Юсупова с тем, что на его долю выпала высокая честь освобождения России от Распутина, мы заторопились окончанием нашего дела. Был уже четвер-

тый час ночи, и приходилось спешить. Поручик С. наскоро облачился поверх своей военной шинели в шикарную меховую шубу Распутина, надел его боты и взял в руки его перчатки; вслед за ним Лазаверт, уже несколько оправившийся и как будто успокоившийся, облачился в шоферское одеяние, и оба они, предводительствуемые великим князем Дмитрием Павловичем, сели на автомобиль и уехали на вокзал к моему поезду с тем, чтобы сжечь одежду Распутина в моем классном вагоне, где к этому часу должна была топиться печь, после чего им полагалось на извозчике доехать до дворца великого князя и оттуда на его автомобиле приехать за телом Распутина в Юсуповский дворец.

Мы с Феликсом Юсуповым остались вдвоем, и то ненадолго, он через тамбур прошел на половину своих родителей, коих в Петрограде, как кажется, в это время не было, а я, закурив сигару, стал медленно прохаживаться у него в кабинете наверху в ожидании возвращения уехавших соучастников, с коими предполагалось вместе увязать труп в какую-либо материю и перетащить в автомобиль великого князя.

Не могу определить, долго ли продолжалось мое одиночество, знаю только, что я чувствовал себя совершенно спокойным и даже удовлетворенным, но твердо помню, как какая-то внутренняя сила толкнула меня к письменному столу Юсупова, на котором лежал вынутый из кармана мой «соваж», как я взял его и положил обратно в правый карман брюк и как вслед засим под давлением той же неведомой силы я вышел из кабинета, дверь от коего в тамбур была закрыта, и очутился в тамбуре совершенно без всякой цели.

Не успел я войти в этот тамбур, как мне послышались чьи-то шаги уже внизу у самой лестницы, затем до меня долетел звук открывающейся в столовую, где лежал Распутин, двери, которую вошедший, по-видимому, не прикрыл.

«Кто бы это мог быть?» – подумал я, но мысль моя не успела еще дать себе ответа на заданный вопрос, как вдруг снизу раздался дикий, нечеловеческий крик, показавшийся мне криком Юсупова: «Пуришкевич, стреляйте, стреляйте, он жив! Он убегает!»

«А-а-а!..» – и снизу стремглав бросился вверх по лестнице кричавший, оказавшийся Юсуповым; на нем буквально не было лица; прекрасные большие голубые глаза его еще увеличились и были навыкате; он в полубессознательном состоянии, не видя почти меня, с обезумевшим взглядом, кинулся к выходной двери на главный коридор и пробежал на половину своих родителей, куда я его видел уходившим, как я уже сказал, перед отъездом на вокзал великого князя и поручика С.

Одну секунду я остался оторопевшим, но до меня совершенно ясно стали доноситься снизу чьи-то быстрые грузные шаги, пробиравшиеся к выходной двери во двор, т.е. к тому подъезду, от которого недавно отъехал автомобиль.

Медлить было нельзя ни одно мгновение, и я, не растерявшись, выхватил из кармана мой «соваж», поставил его на «*feu*» и бегом спустился по лестнице.

То, что я увидел внизу, могло бы показаться сном, если бы не было ужасной для нас действительностью: Григорий Распутин, которого я полчаса тому назад созерцал при последнем издыхании, лежащим на каменном полу столовой, переваливаясь с боку на бок, быстро бежал по рыхлому снегу во дворе дворца вдоль железной решетки, выходившей на улицу, в том самом костюме, в котором я видел его сейчас почти бездыханным.

Первое мгновение я не мог поверить своим глазам, но громкий крик его в ночной тишине на бегу: «Феликс, Феликс, всё скажу царице...» – убедил меня, что это он, что это Григорий Распутин, что он может уйти благодаря своей феноменальной живучести, что еще несколько мгновений, и он очутится за вторыми железными воротами на улице, где, не называя себя, обратится к первому, случайно встретившемуся прохожему с просьбою спасти его, т.к. на его жизнь покушаются в этом дворце, и... всё пропало. Естественно, что ему помогут, не зная, кого спасают, он очутится дома на Гороховой, и мы раскрыты. Я бросился за ним вдогонку и выстрелил. В ночной тиши чрезвычайно громкий звук моего револьвера пронесся в воздухе – промах!

Распутин поддал ходу; я выстрелил вторично на бегу – и... опять промахнулся.

Не могу передать того чувства бешенства, которое я испытал против самого себя в эту минуту.

Стрелок, более чем приличный, практиковавшийся в тире на Семеновском плацу беспрестанно и попадавший в небольшие мишени, я оказался сегодня не способным уложить человека в 20 шагах.

Мгновения шли... Распутин подбегал уже к воротам, тогда я остановился, изо всех сил укусил себя за кисть левой руки, чтоб заставить себя сосредоточиться, и выстрелом (в третий раз) попал ему в спину. Он остановился, тогда я, уже тщательнее прицелившись, стоя на том же месте, дал четвертый выстрел, попавший ему, как кажется, в голову, ибо он снопом упал ничком в снег и задергал головой. Я подбежал к нему и изо всей силы ударил его ногою в висок. Он лежал с далеко вытянутыми вперед руками, скребя снег и как будто бы желая ползти вперед на брюхе; но продвигаться он уже не мог и только лязгал и скрежетал зубами.

Я был уверен, что сейчас его песня действительно спета и что больше ему не встать.

Простояв над ним минуты две и убедившись в том, что сторожить его дольше бесполезно, я быстрыми шагами направился обратно через ту же маленькую дверь во дворец, но помню ясно, что в промежуток моей стрельбы по Распутину по панели на улице прошло два человека, из коих второй, услышав выстрел, кинулся в сторону от решетки и побежал.

«Что делать? Что делать?» – твердил я себе вслух, пройдя в гостиную. Я один, Юсупов невменяем; прислуга в дело не посвящена, труп лежит там у ворот, каждую минуту может быть замечен случайным прохожим, и пойдет история. Мне самому не втащить его, ибо одна мысль о возможности прикоснуться к Григорию Распутину вызывала во мне отвращение и гадливое чувство, но медлить было нельзя.

Нет, решил я, раз дело пошло не так, как мы рассчитывали сначала, то и дальше должно пойти своим путем. Положим, выстрела Юсупова в комнатах прислуга могла не слышать, но нельзя допустить мысли, чтобы два солдата, сидящие в передней у главного входа, не могли бы услыхать четырех громчайших выстрелов во дворе из моего «соважа», и я быстрыми шагами направился через тамбур к главному подъезду.

При виде меня два сидевшие там солдата сразу вскочили. «Ребята, – обратился к ним, – я убил...» При этих словах они как-то вплотную придвинулись ко мне, как бы желая меня схватить. «...Я убил, – повторил я, – убил Гришку Распутина, врага России и Царя». При последних моих словах один из солдат, взволновавшись до последней степени, бросился меня целовать, а другой промолвил: «Слава Богу, давно следовало!»

«Друзья! – заявил я. – Князь Феликс Феликсович и я надеемся на полное ваше молчание. Вы понимаете, что, раскройся дело, Царица нас за это не похвалит. Сумеете ли вы молчать?»

«Ваше превосходительство! – с укоризной обратились ко мне оба. – Мы русские люди, не извольте сомневаться, выдавать не станем».

Я обнял и поцеловал того и другого и попросил их немедленно оттащить труп Распутина от решетки во дворе и втянуть его в маленькую переднюю, что находилась у лестницы перед входом в столовую.

Распорядившись этим и узнав, куда прошел Юсупов, я направился к нему, чтоб его успокоить.

Я застал его в ярко освещенной уборной, наклонившимся над умывальной чашкой, он держался руками за голову и без конца отплевывался.

«Голубчик! Что с вами, успокойтесь, его уже больше нет! Я с ним покончил! Идем со мной, милый, к вам в кабинет». Испытывавший, очевидно, тошноту, Юсупов посмотрел на меня блуждающим взглядом, но повиновался, и я, обняв его за талию, бережно повел на его половину.

Он шел, всё время повторяя: «Феликс, Феликс, Феликс, Феликс...» Очевидно, что-то произошло между ним и Распутиным в те короткие мгновения, когда он спустился к мнимому мертвецу в столовую, и это случившееся сильно запечатлелось в его мозгу.

Мы проходили через тамбур как раз в то время, когда солдаты Юсупова втаскивали труп в переднюю там у лестницы, внизу.

Юсупов, увидев, над кем они возятся, выскользнул от меня, бросился в свой кабинет, схватил с письменного стола резиновую гирю, данную ему Маклаковым, и, повернувшись обратно, бросился вниз по лестнице, к трупу Распутина. Он, отравлявший его и видевший, что яд не действует, стрелявший в него и увидевший, что и пуля его не взяла, очевидно, не хотел верить в то, что Распутин уже мертвое тело, и, подбежав к нему, стал изо всей силы бить его двухфунтовой резиной по виску, с каким-то диким остервенением и в совершенно неестественном возбуждении.

Я, стоявший наверху у перил лестницы, в первое мгновение ничего не понял и оторопел, тем более что, и к моему глубочайшему изумлению, Распутин даже и теперь еще, казалось, подавал признаки жизни!

Перевернутый лицом вверх, он хрипел, и мне совершенно ясно было видно сверху, как у него закатился зрачок правого, открытого глаза, как будто глядевшего на меня бессмысленно, но ужасно (этот глаз я и сейчас вижу перед собой).

Но вслед за сим я пришел в себя и крикнул солдатам скорее оттащить Юсупова от убитого, ибо он может забрызгать кровью и себя и всё вокруг и в случае обысков следственная власть, даже без полицейских собак, по следам крови раскроет дело.

Солдаты повиновались, но им стоило чрезвычайных усилий оттянуть Юсупова, который как бы механически, но с остервенением, всё более и более возраставшим, колотил Распутина по виску.

Наконец князя оттащили. Оба солдата под руки подняли его наверх и всего сплошь забрызганного кровью опрометчиво усадили на глубокий кожаный диван в кабинете.

На него было страшно смотреть, до такой степени ужасен был его вид и со стороны внешней, но и со стороны внутренней, с блуждающим, взглядом, с подергивавшимся лицом и бессмысленно повторявшим: «Феликс, Феликс, Феликс, Феликс...»

Я приказал солдатам поскорее достать где-нибудь материи, обернуть ею плотнее труп с головы до ног и туго связать его спеленатого веревкой.

Один из них принялся за исполнение моего приказания, а другого я позвал через несколько минут наверх и, услышав от него, что стоявший на посту, на углу Прачешного и Максимилиановского переулков, городовой, приходивший осведомляться о том, почему здесь стрельба, через полчаса будет сменен другим и должен будет доложить своему начальству обо всем происшедшем в его районе во время его дежурства, приказал позвать его к себе.

Через десять минут городовой был введен солдатом в кабинет. Я быстро окинул его взглядом с ног до головы и сразу понял, что это тип служаки старого закала и что я допустил ошибку, позвав его сюда; но делать было нечего, приходилось считаться со случившимся.

«Служивый! – обратился я к нему. – Это ты заходил несколько времени тому назад, справиться о том, что случилось и почему стреляют?»

«Так точно, ваше превосходительство!» – ответил он мне. «Ты меня знаешь?»

«Так точно, – ответил он вновь, – знаю». «Кто же я такой?»

«Член Государственной думы Владимир Митрофанович Пуришкевич!»

«Верно! – заметил я. – А этот барин тебе знаком?» – указал я на сидевшего в том же состоянии князя Юсупова. «И их знаю», – ответил мне городовой. «Кто это?»

«Его сиятельство князь Юсупов!»

«Верно! Послушай, братец, – продолжал я, положив руку ему на плечо. – Ответь мне по совести: ты любишь батюшку Царя и мать Россию; ты хочешь победы русскому оружию над немцем?»

«Так точно, ваше превосходительство, – ответил он. – Люблю Царя и Отечество и хочу победы русскому оружию».

«А знаешь ли ты, – продолжал я, – кто злейший враг Царя и России, кто мешает нам воевать, кто нам сажает Штюрмеров и всяких немцев в правители, кто Царицу в руки забрал и через нее расправляется с Россией?» Лицо городового сразу оживилось. «Так точно, – говорит, – знаю, Гришка Распутин!» «Ну, братец, его уже нет: мы его убили и стреляли сейчас по нем. Ты слышал; но можешь сказать, если тебя спросят – знать не знаю и ведать не ведаю! Сумеешь ли ты нас не выдать и молчать?»

Он призадумался. «Так что, ваше превосходительство, если спросят меня не под присягою, то ничего не скажу, а коли на присягу поведут, тут делать нечего, раскрою всю правду. Грех соврать будет».

Я понял, что всякие разговоры не приведут ни к чему, и, узнав от него, что дежурство его кончается через полчаса и что полицмейстером этого района является полковник Григорьев, человек, насколько я знал, очень порядочный и хорошей семьи, я отпустил его с миром, решив положиться на судьбу в дальнейшем. Вошел солдат и доложил мне, что труп уже упакован. Я спустился посмотреть: тело было плотно запеленато в какую-то синюю материю; мне показалось даже, что это была оконная занавеска, туго перевязанная веревкой; голова была закрыта.

Теперь я увидел, что Распутин – несомненный труп и ожить уже не может.

Делать было нечего, приходилось терпеливо дожидаться возвращения великого князя, Лазаверта и поручика С., и я, поднявшись в последний раз в кабинет Юсупова и передав его в руки слуг с просьбою помочь ему немедленно обмыться, переодеться с ног до головы и переобуться, сел в кресло и стал ждать.

Минут через пять послышался стук автомобиля, и великий князь со своими спутниками быстро поднялись по лестнице со двора в кабинет.

Дмитр. Павлов, был почти в веселом настроении; но, взглянув на меня, понял, что что-то случилось.

Озираясь вокруг, спросил он меня, я в двух словах разъяснил приехавшим, в чем дело, прося торопиться, но последняя просьба моя была излишней: они сами поняли, что медлить было нельзя ни одной минуты, и мы, поручив Юсупова попечениям одного из его солдат, втянули труп Распутина в автомобиль великого князя, туда же положили две двухпудовые гири и цепи, привезенные мною в квартиру Юсупова этой ночью, и, усевшись в автомобиль, двинулись к месту условленного потопления трупа убитого.

Теперь шофером был великий князь, рядом с ним поместился поруч. С., а в карету сели с правой стороны д-р Лазаверт, с левой я, а на трупе уместился второй солдат из слуг Юсупова, коего мы решили взять с целью помочь нам сбросить в прорубь тяжелое тело.

Уже в пути я заметил, что в карете оказались и шуба Распутина, и его боты. «Почему это не сожжено в поезде, – спросил я д-ра Лазаверта, – как было условлено, и вы всё это привезли обратно?»

«Потому, – ответил он, – что шуба целиком в печь не влезла, само собою разумеется, а ваша жена сочла невозможным заняться распариванием и разрезыванием этой шубы на части и сжиганием ее по кускам. У нее даже на этой почве вышло столкновение с Дмитр. Павловичем, и шубу, и боты так и пришлось привезти обратно. Мы сожгли его верхнюю поддевку, перчатки и, не помню, еще что-то».

«Шубу и калоши придется выбросить с трупом в воду», – добавил он.

«А вы протелефонировали, господа, – спросил я его вновь, – в «Вилла Родэ», согласно уговору?» «Да, конечно, ответил он, – это сделано!» Мы замолкли и в таком состоянии продолжали наш путь. Автомобиль по городу шел сравнительно медленно. Час был очень поздний, и великий князь, очевидно, опасался быстрою ездою возбудить какие-либо подозрения полиции.

Окна автомобиля были спущены. Свежий морозный воздух бодряще действовал на меня. Я был совершенно покоен, несмотря на всё пережитое, но мысли одна за другой, все вертевшиеся вокруг Распутина и его прошлого, и тех усилий, которые употреблялись даже членами императорской фамилии для избавления Царя от этого гада, мысли отчетливые и ясные и картины этой борьбы против Распутина вихрем проносились в моей голове.

Я вспомнил мое посещение великого князя Николая Михайловича в начале ноября, тотчас же по возвращении моем с фронта, – посещение, опять-таки связанное с именем Распутина. Я вспомнил, как редактор «Историч. вестника» Глинский, позвонив мне по телефону, передал приглашение велик. кн. Николая Михайловича приехать к нему в любой день и час, когда мне это будет удобно; вспомнил, как я боролся с самим собой: ехать или не ехать, ибо велик. кн. Николай Михайлович, в своих исторических трудах выставлявший в крайне неприглядном виде своих царственных дедов и прадедов и маравший их, мне казался крайне несимпатичным.

Но я решился, назначил день моего визита и поехал. Меня встретил в кабинете дряхлеющий лев в генерал-адьютантских погонах, говоривший почему-то с восточным акцентом и с первых же слов остановившийся на ужасном положении, в которое поставлена Россия и династия Романовых, благодаря исключительному влиянию на царя, через Александру Федоровну, Распутина.

Я поразился откровенности великого князя, с которым познакомился лишь сейчас, в момент, когда к нему вошел; но, видимо, у него в душе накипело слишком много, и он хотел проверить себя и свое настроение по настроению других русских людей, иных взглядов даже и направлений, чем его собственное (я узнал потом от Юсупова, который у него завтракал в этот день, что через два часа после моего визита у него был с визитом Бурцев).

Он говорил сам почти всё время, не останавливаясь, изредка вопросительно взглядывая на меня, отвечавшего ему либо одобрительным наклонением головы, либо коротким «да», «верно», «конечно, так».

«Вы знаете, В.М., – говорил великий князь, – что почти вся наша семья Романовых подала Государю записку о Распутине, прося взять бразды правления над Россией в свои руки и прекратить вмешательство в государственные дела Императрицы Александры Федоровны, во всем инспирируемой этим хлыстом; из записки, как и следовало ожидать, конечно, ничего не вышло. Я ее даже не подписал, ибо видел ее бесцельность и понял, что записка специальная

только по этому вопросу не даст результатов для дела, а приведет к плачевным результатам для подписавших.

Я сделал иначе: получив серьезное поручение от Государя и выполнив его, я написал доклад по существу порученного мне дела, и в этом докладе ярко и выпукло, но как бы между прочим указал на весь ужас современных общественных настроений России, с которыми хорошо знаком, – настроений, являющихся следствием распутинского над Россией «радения» и вмешательства во все дела чужой народу и России царской жены.

Написав доклад, – продолжал великий князь, – я в бытность Государя в Петрограде попросил его назначить мне день для личного и устного ему его изложения, добавив Царю: «Боюсь, однако, что после моего доклада ты прикажешь арестовать меня и выслать подальше от столицы с казаками».

«Разве доклад так страшен у тебя? – ответил мне Государь, назначая день. – Ну, что делать, прослушаем, надеюсь, всё обойдется мирно». И я ему доложил, а в результате – ко мне немилость, опала и полное охлаждение. Хотите, – закончив рассказ, обратился великий князь, – я вам прочту этот доклад?» Я выразил желание его послушать, и Николай Михайлович прочел мне небольшую, но очень сильно и резко написанную записку, в коей обращалось внимание Государя на то, что в случае дальнейшего вмешательства Александры Федоровны и Распутина в государственные дела династии грозит гибель, а Российской империи – катастрофа.

Я вспомнил, что, когда великий князь кончил чтение записки, я несколько минут под впечатлением прослушанного сидел как загипнотизированный и пришел в себя только после того, как великий князь, предлагая мне сигару, добавил: «Вы знаете, этот доклад я представил Императрице Марии Федоровне, находящейся в Киеве, через князя Шервашидзе, и хотите знать о нем мнение матери-Царицы – вот оно», – и, порывшись в бумагах, великий князь дал прочесть мне телеграмму. В ней стояло только три слова французскими буквами и подпись: «*bravo! bravo! bravo! – Marie*». «Но осторожный Шервашидзе, – добавил великий князь, – по-видимому, боялся оставить среди бумаг старой Царицы столь компрометантную бумагу, как моя записка, и вот при этом письме ко мне (Николай Михайлович протянул мне письмо Шервашидзе), выражающем опасение, что я могу остаться без нужного для меня документа, возвратил мне мою записку, вызвавшую столь яркое сочувствие и одобрение мне со стороны Царицы-матери...»

Вот что припомнилось мне сейчас в карете, когда в ногах моих лежал бездыханный труп «старца», которого мы увозили к месту его вечного упокоения.

Я выглянул в окошко. Мы выехали уже за город, о чем говорили окружающие дома и бесконечные заборы. Освещение вокруг было крайне скудное. Дорога стала скверной, попадались ухабы, на которых лежавшее у наших ног тело подпрыгивало, несмотря на сидевшего на нем солдата, и я чувствовал, как по мне пробегала нервная дрожь всякий раз, когда на ухабе моего колена касался мягкий и еще не успевший, несмотря на мороз, окончательно застыть отвратительный для меня труп.

Наконец вдали показался мост, с которого мы должны были сбросить в прорубь тело Распутина.

Дмитрий Павлович замедлил ход, въехал на мост с левой стороны и остановился у перил.

Яркие фонари автомобиля на одно мгновение ударили снопом своего света в сторожевую будку, находившуюся на той стороне моста справа, но вслед за сим великий князь потушил огонь, и даль очутилась во мраке. Мотор машины продолжал стучать на месте.

Бесшумно, с возможною быстротой открыв дверцы автомобиля, я вскочил наружу и встал у самых перил; за мною последовали солдат и д-р Лазаверт; к нам подоспел сидевший рядом с великим князем поруч. С., и мы вчетвером (Дмитрий Павлович стоял перед машиной настороже), раскачав труп Распутина, с силою бросили его в прорубь, бывшую у самого моста; позабыв привязать к трупу цепями гири, каковые побросали вслед за трупом впопыхах одну за другою, а цепи засунули в шубу убитого, каковую также бросили в ту же прорубь. Засим, обшарив впотьмах автомобиль и найдя в нем один из ботов Распутина, д-р Лазаверт швырнул его также с моста.

Всё это было делом не более двух–трех минут, после чего в автомобиль сели д-р Лазаверт, поручик С. и солдат, а я уместился рядом с Дмитрием Павловичем, и мы, зажгя опять огни в автомобиле, двинулись через мост дальше.

Как мы не были замечены на мосту, представляется мне и по сей день донельзя удивительным, ибо, проезжая мимо будки, мы заметили около нее сторожа, который, однако, спал крепким сном и не проснулся, по-видимому, даже в тот момент, когда, въехав на мост с трупом, мы

внезапно осветили его будку и направили свет фонарей и на него самого. Проехав мост, великий князь пустил автомобиль быстрее, но машина была у него не в порядке, мотор давал перебои, и приходилось даже несколько раз останавливаться, ибо машина не хотела двигаться вперед.

Д-р Лазаверт в таких случаях соскакивал, возился у свечек автомобиля, прочищал их, и мы кое-как вновь пускались в путь. Последняя починка и остановка случилась с нами на Каменноостровском проспекте, почти насупротив Петропавловской крепости, где, починившись, мы двинулись уже скорее и благополучно прибыли во дворец Сергея Александровича, где проживал Дмитрий Павлович.

По дороге я рассказал великому князю обо всем, что произошло во дворце Юсупова в часы, когда Дмитрий Павлович уехал сжигать вещи убитого, и, закончив свой рассказ, сказал ему: «А вы знаете, Дмитрий Павлович! Я считаю большой ошибкой с нашей стороны то, что мы кинули труп в воду, а не оставили его где-нибудь на виду. Мне кажется, что могут появиться лже-Распутины, т.к. это ремесло довольно выгодное».

«Может быть, вы и правы, – заметил великий князь, – но ведь сделанного не переделаешь».

Въехав в ворота дворца, мы, выходя из автомобиля, к крайнему изумлению нашему, нашли в нем второй незамеченный нами бот Распутина и усмотрели на ковре, устилавшем автомобиль, пятна просочившейся крови убитого.

Великий князь приказал своей прислуге, встретившей нас у крыльца и производившей на меня впечатление посвященной во все дела, сжечь ковер и калошу Распутина, после чего поручик С., д-р Лазаверт и я распрощались с Дмитрием Павловичем и, выйдя из дворца, на двух извозчиках отправились на Варшавский вокзал, поручик С. забрать оттуда свою жену, которая в течение этой ночи находилась у моей жены, а я и д-р Лазаверт уснуть в течение тех нескольких часов, которые оставались нам до посещения моего поезда с целью его осмотра членами Государственной думы, которые должны были прибыть на вокзал в 9 час. утра. Был уже 6-й час утра, когда, рассчитавшись с извозчиком на мосту Варшавского вокзала, мы пробрались к своему вагону, нас никто не заметил, всё вокруг спало мертвым сном.

В коридоре вагона при виде нас мелькнула белая сестринская косынка моей жены, ожидавшей нашего возвращения, и мы бесшумно проскользнули каждый в свое купе, где я тотчас же заснул, не раздеваясь!

Еще не было половины девятого в день 17 декабря, когда, кто бы сказал, свежие и бодрые, несмотря на проведенную ночь, мы с доктором Лазавертом, расставив дневальных санитаров у вагонов, стали поджидать думских гостей; они явились в начале десятого с А.И. Шингаревым как врачом во главе, и детальнейший осмотр поезда длился почти до полудня, причем оба мы давали гостям все нужные разъяснения, характеризуя работу наших отрядов.

В начале первого члены Государственной думы уехали, а я, сев на автомобиль, заехал к матери попрощаться, в Государственную думу послать телеграмму в Москву В. Маклакову «Когда приезжаете?» – обозначавшую, как было обусловлено, что Распутин убит.

Из Государственной думы я проехал во дворец принца Ольденбургского с целью увидеть управляющего его канцелярией генерала Кочергина и, наконец, в четвертом часу, заехал еще на Инженерную, в Главное управление Креста, чтобы встретиться с управляющим его делами – Чаманским.

Все эти визиты, изыскивая для них предлог, я, не нуждавшийся уже решительно ни в чем для поезда, делал с единственной целью для того, чтобы меня сегодня, с самого раннего утра, видели за обычным делом посторонние мне люди разнообразных профессий и классов общества и могли бы, если бы понадобилось, удостоверить, что я был таким же сегодня, каким они меня знали всегда.

В пятом часу вечера я возвратился на поезд, погрузил и второй мой автомобиль, отдав распоряжение в своей канцелярии добиться у администрации дороги отхода моего поезда не позже 8 часов вечера, но едва я успел уже у себя в поезде сесть за стол со всем персоналом моего отряда, как слышу, подъезжает автомобиль и поруч. С., выйдя из него, направляется ко мне.

Мы прошли в мое купе, где С. передал мне просьбу Дмитрия Павловича немедленно приехать к нему во дворец. Я сел с ним в автомобиль, и мы поехали. Во дворце я застал, кроме хозяина, еще и Юсупова, оба они были чрезвычайно взволнованы, пили чашку за чашкой черный кофе и коньяк, заявив, что не ложились спать вовсе этой ночью и что день провели донельзя тревожно, ибо Императрица Александра Федоровна уже осведомлена об исчезновении и даже смерти Распутина и называет нас виновниками его убийства.

Фрейлина Головина, секретарша Распутина, сообщила, куда поехал Григорий Ефимович вечером, вся полиция и всё сыскное отделение уже поставлены на ноги в целях разыскать труп убитого и найти все нити этого дела.

«Я, – заметил мне Юсупов, – должен был из-за этого гада застрелить одну из лучших моих собак и уложить ее на том месте во дворе, где снег окрасился кровью убитого вами «старца».

Сделал я это на случай, если наши шерлоки холмсы, попав на верный след исчезнувшего Распутина, пожелают анализировать кровь или прибегнуть к полицейским собакам. Я, – закончил он, – всю оставшуюся часть ночи провел с моими солдатами над приведением дома в порядок, а теперь, как видите, В.М., мы сочиняем письмо Александре Федоровне с Дмитрием Павловичем, которое и надеемся сегодня же ей доставить».

Я принял участие в дальнейшем изложении этого письма, которое мы и закончили часа через полтора после моего прибытия.

Когда письмо было закончено и запечатано, Дмитрий Павлович вышел из кабинета отправить его по назначению, хотя мы все трое чувствовали некоторую неловкость друг перед другом, ибо всё в письме написанное было умело продуманной ложью и изображало нас в виде незаслуженно оскорбленной добродетели.

Воспользовавшись его уходом, я спросил Юсупова: «Скажите, князь, что произошло у вас с Распутиным в те немногие минуты, когда вы в последний раз спустились в столовую, откуда мы ушли все вместе, как вы помните, оставив его, казалось, при последнем издыхании на холодном полу?»

Юсупов болезненно усмехнулся: «Произошло то, – ответил он мне, – чего я не забуду во всю мою жизнь: спустившись в столовую, я застал Распутина на том же месте, я взял его руку, чтобы прощупать пульс, – мне показалось, что пульса не было, тогда я приложил ладонь к сердцу – оно не билось; но вдруг, можете себе представить мой ужас, Распутин медленно открывает во всю ширь один свой сатанинский глаз, вслед за ним другой, впивается в меня взглядом непередаваемого напряжения и ненависти и со словами: «Феликс! Феликс! Феликс!» вскакивает сразу с целью меня схватить, я отскочил с поспешностью, с какой только мог, а что дальше было, не помню».

В эту минуту возвращается великий князь Дмитрий Павлович, и я, попрощавшись и обнявшись с ним, Юсуповым и поручиком С., уехал в автомобиле великого князя обратно в поезд, а в 10 час. вечера двинулся в путь на фронт, покинув русскую столицу, которую предполагали покинуть на следующий день и Дмитрий Павлович и Юсупов, собиравшийся к жене в Крым, в Кореиз. Таков был ход событий всего происшедшего с вечера 16 декабря по вечер 17-го...

*

Светает. Я дописываю эти строки при первых проблесках зарождающегося зимнего дня.

Еще темно, но я чувствую, что день уже близок. Я не могу заснуть. Вихрем проносится в разгоряченном мозгу моем рой быстро сменяющих одна другую мыслей. Я не могу забыться; я думаю о будущем, не мелком, не личном; нет, а о будущем того великого края, который дороже мне семьи и жизни, – края, который зову Родиной.

Боже мой! Как темно грядущее в эти тяжелые годы ниспосланных нам рукою Всевышнего бранных испытаний!

Вынесем ли мы всю тяжесть бремени духовной непогоды или обессилим и, уставшие и измученные, веру в себя потерявшие, утратим и то место в мире, которое занимали мы в течение многих веков нашего исторического существования?

Кто скажет? кто ответит? кто сдернет завесу и рассеет туман, застилающий грядущие дали?

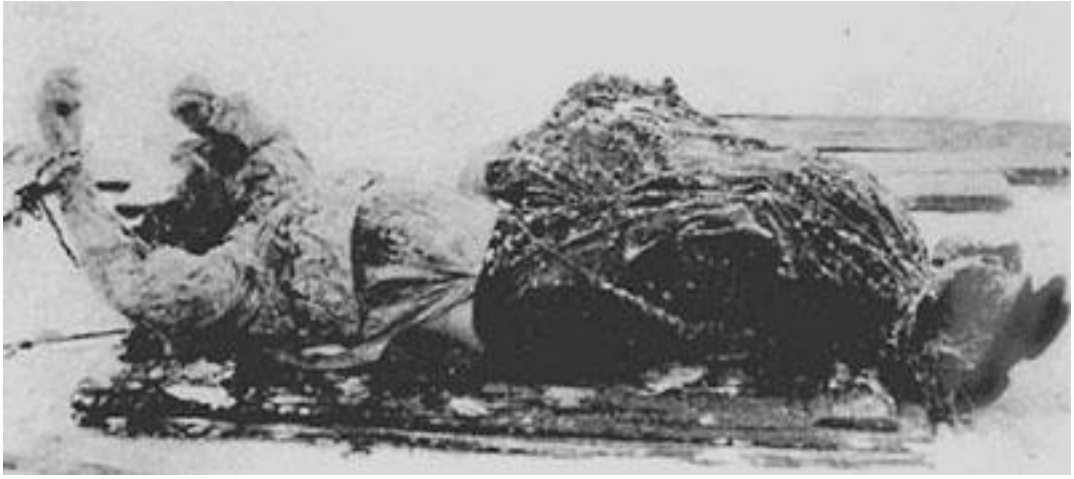
Великий ли народ, способный в русле национальной реки пробивать себе путь вперед, поглощая в водах своих другие племена и мелкие народы, или? или для нас всё кончено, и мы, изжившиеся, измельчавшие и растленные ходом времени, обречены стать лишь ареною борьбы между собою других племен, других народов, почитающих славянство низшею расою, способною лишь утучнять чужие поля стран, шествующих по костям его к свету, к знанию и к мировому господству, коего нам достичь судьбой не дано?!

Кто скажет? кто ответит? кто предречет поток событий в густом молочном тумане просыпающегося дня?..

18 декабря 1916 года.

В пути.

Материал из книги: Житие блудного старца Гришки Распутина. М. 1990 г.[55]



Труп Распутина после извлечения из воды. Видно, что он был замотан в занавеску (верхнюю часть тела уже размотали для опознания). Видны веревки, которыми он был перевязан. Видно, что он был не в шубе, а в рубашке (она задрана на животе).

[55] Мною взят из сайта www.zaistinu.ru – *В.Э.*

Послесловие редактора

В настоящее время в русской печати и русских сайтах Интернета ведется довольно оживленная дискуссия вокруг личности Распутина и его убийства. Существует весьма активная «партия», добивающаяся канонизации, т.е. объявления святыми царя Ивана Грозного и Григория Распутина; официальная православная церковь на это отвечает отказом, мотивируя это тем, что жизнь этих людей не может быть образцом для подражания. В материалах упомянутой «партии» убийство Распутина изображается как ритуальное и совершенное «масонами». Матрена Распутина у них – загипнотизированная своим мужем-масоном женщина, клевещущая на своего отца. В «партии» же геев и лесбиянок убийство оправдывается, Распутин изображается бисексуалом, который приставал к юному Юсупову, из-за чего тот и убил своего преследователя.

Мы не будем вдаваться в распри всех этих партий, ограничившись знакомством с определенными сочинениями как с историческими документами.

Но один вопрос мне все же хотелось бы здесь оценить. Это вопрос о том, какова вероятность, что Григорий Распутин был бисексуалом. Был ли он «старцем», фанатично преданным религии и (больше или меньше) «грешивший» с женщинами, или он «грешил» также и с мужчинами (или хотя бы испытывал к ним влечение)?

На этот вопрос все-таки приходится отвечать: «вероятно, да». Фанатичное увлечение религией «не падает с неба». Она практически всегда является ответной реакцией на собственное внутреннее ощущение «греховности». Нормальный, уравновешенный мужчина, чувствующий тягу к женщинам и внутренне расценивающий это влечение как вполне нормальное и естественное явление, не почувствует необходимости ударяться в странствия, неистово молиться «о спасении» (спасении от чего?), покидать семью, чтобы отправляться в монастырь...

Зато такое поведение становится вполне естественным, если мужчина испытывает влечение к другим мужчинам или юношам, что резко осуждается окружающим обществом и церковью. Тогда есть от чего «спасаться», есть причина для горячих молитв об этом «спасении», есть причина для отправления в монастырь в душевных муках, причина для странствий по всему свету, оставляя жену дома одну...

Ясно, что у Распутина какая-то причина для такого поведения была, раз он так себя вел. Что это за причина? В принципе возможны и другие варианты, но все-таки наиболее вероятная причина – внутренняя гомосексуальность. По документам не ясно, до какой степени это внутреннее влечение реализовывалось в жизни (может быть, в весьма незначительной мере). Но то обстоятельство, что инициатором убийства Распутина выступил гомосексуальный князь Юсупов, что основными участниками были гомосексуальные великий князь Дмитрий Павлович и поручик Сухотин, которые лишь привлекли к делу Пуришкевича, согласившегося по политическим причинам, и далее доктора Лазаверта, – это обстоятельство указывает, что в основе своей убийство Распутина было все-таки «сведением гомосексуальных счетов». Возможно, Юсупов возненавидел Распутина после того, как Распутин (по религиозным соображениям) отверг «любовь» Юсупова, когда князь точно знал, что Распутин на самом деле гомосексуален.

В наиболее серьезных теориях, разъясняющих природу гомосексуализма, различаются «врожденный» и «приобретенный» гомосексуализм. Врожденные гомосексуалисты – это, во-первых, мужчины, которые по гормонам на самом деле женщины и ведут себя как женщины; и, во-вторых, женщины, которые по гормонам на самом деле мужчины и ведут себя как мужчины. Первые (женоподобные мужчины) совращают мужчин; вторые (мужеподобные женщины) соблазняют женщин. Именно эти «врожденные гомосексуалисты» обычно являются инициаторами связи и активной в ней стороной (в смысле установления отношений).

Очевидно, что князь Юсупов принадлежал к первой категории (т.е., по гормонам внутренней секреции был женщиной, вопреки внешним признакам). Женоподобен уже на вид, он охотно переодевался в женщину; ему эта роль нравилась. В согласии со своими гормонами он соблазнял мужчин, а в случае отвержения испытывал те же чувства, что и отвергнутая женщина – обиду и жажду мести.

Распутин же, хотя, видимо, и испытывал гомосексуальные влечения (возможно, приобретенные в детстве или в раннем юношестве в результате какого-нибудь пагубного опыта, в

котором он не был инициатором), – Распутин всё же не был по гормонам женщиной и не вел себя как женщина. Мужчин он, по-видимому, не соблазнял, а соблазны «врожденных гомосексуалистов», таких, как Юсупов, отвергал, по крайней мере в большинстве случаев.

Обида Юсупова после отвержения его притязаний Распутиным, видимо, увеличивалась во много раз от сознания того, что он – князь, обладатель одного из самых больших состояний в России, а Распутин – всего лишь крестьянин! Простой мужик отверг любовь князя! Как это можно стерпеть?!

Ход убийства Распутина современному искушенному читателю представляется весьма наивным и любительским. Даже после всего, что описал Пуришкевич, Распутин всё еще был жив (сам Пуришкевич отмечает, что, несмотря на мороз, «труп» Распутина не застыл в машине по пути до проруби). В легких Распутина потом была найдена вода, следовательно, он утонул, и был еще жив, когда его бросили в воду.[56] Современный профессиональный «киллер» просто сделал бы «контрольный выстрел» в голову.

Насчет странного иммунитета Распутина к цианистому калию можно выдвинуть два предположения. Еще в советское время я читала одну статью об убийстве Распутина, автор которой утверждал, что цианистый калий вступает в реакцию (кажется, точно не помню) с сахаром и нейтрализуется. Поэтому яд в сладких пирожных и в сладком же вине был уничтожен, прежде чем его употребил Распутин. Вторая версия могла бы состоять в том, что при покупке цианистого калия будущих убийц Распутина просто обманули, подсунув им «куклу». Пуришкевич не указывает точно, где и как они приобрели этот яд.[57] Некоторые источники говорят, что перед убийством и в ходе его заговорщики, чтобы подбодрить себя, употребляли алкоголь. Если они были полупьяны, то нечего и удивляться постоянным промахам при стрельбе и тому, что забыли даже гири привязать к телу, оставили ботинок на льду у проруби, не видели спящего сторожа и т.п.[58]

---

[56] **В.Э.:** Так писали многие источники, доступные в 2004 году. Однако сегодняшняя Википедия цитирует заключение судмедэксперта профессора Д.Н. Косоротова: «При вскрытии найдены весьма многочисленные повреждения, из которых многие были причинены уже посмертно. Вся правая сторона головы была раздроблена, сплющена вследствие ушиба трупа при падении с моста [так думал эксперт; на самом деле это Юсупов бил труп Распутина гирей]. Смерть последовала от обильного кровотечения вследствие огнестрельной раны в живот. Выстрел произведен был, по моему заключению, почти в упор, слева направо, через желудок и печень с раздроблением этой последней в правой половине [это первый выстрел Юсупова]. Кровотечение было весьма обильное. На трупе имелась также огнестрельная рана в спину, в области позвоночника, с раздроблением правой почки [это третий выстрел Пуришкевича], и еще рана в упор, в лоб, вероятно, уже умиравшему или умершему [это четвертый выстрел Пуришкевича]. Грудные органы были целы и исследовались поверхностно, но никаких следов смерти от утопления не было. Легкие не были вздуты, и в дыхательных путях не было ни воды, ни пенистой жидкости. В воду Распутин был брошен уже мертвым». Это заключение судмедэксперта находится в полном согласии с рассказом Пуришкевича. Но в настоящее время (2014.04) в Википедии стоит глупая статья о Распутине, что-то болтающая о каких-то противоречиях между рассказом Пуришкевича и материалами следствия – и при этом анонимный автор Википедии не в состоянии даже точно пересказать ни Пуришкевича, ни материалы следствия. (Например, пишет: «не было выстрела в сердце, о котором единогласно утверждали убийцы», однако Пуришкевич НЕ говорил такого; автор Википедии утверждает, что на трупе не было веревок, когда тут же рядом на фотографии они видны; утверждает, что Распутин был одет в шубу, когда на фотографии он в рубашке, а Пуришкевич говорит, что шубу они бросили в реку вслед за трупом, и, естественно, в материалах полиции она должна была упоминаться – но НЕ как надетая на тело – и т.д.). Википедия упоминает в качестве убийцы английского шпиона Освальда Рейнера, а Интернет кишит утверждениями, будто это он и убил Распутина, даже что он и доктор Лазоверт – одно и то же лицо, и подобными глупостями. В этом мутном потоке глупостей нужно помнить, что рассказ Пуришкевича (полностью согласный с материалами полицейского следствия) есть наиболее достоверный источник об убийстве Распутина.

[57] **В.Э.:** Пуришкевич написал: «*князь Юсупов показал нам полученный им от В. Маклакова цианистый калий как в кристаликах, так и в распущенном уже виде в небольшой склянке, которую он в течение всего пребывания своего в вагоне то и дело взбалтывал*». Василий Алексеевич Маклаков, адвокат (в т.ч. защитник Бейлиса {JEWS1}), депутат Думы был сыном известного практикующего врача. Так что яд, скорее всего, поступил по медицинским, а не криминальным каналам. (Хотя в медицине цианистый калий не применяется, а применяется в золотодобывающей и подобной промышленности).

[58] **В.Э.:** Это Вайра Элса комментирует некоторые (не приведенные в ее издании) интернетовские источники. Но рассказ Пуришкевича (уже признанный нами единственным достоверным рассказом об убийстве Распутина), не говорит ни о каких многочисленных выстрелах по Распутину. (Телевизионный

Такими мне представляются наиболее вероятные закулисные обстоятельства этого дела.

Вайра Элса

27 марта 2004 года

Послесловие в Векордии

Итак, Матрена Распутина нарисовала одну картину о своем отце, императорской семье, Вырубовой и т.д. – а Пуришкевич нарисовал другую картину этих же вещей. А нам чему верить – как же было на самом деле.

Можно довольно уверенно сказать, что слухи и сплетни вокруг Распутина, его влияния на Императрицу и пагубности этого влияния были преувеличены. (Слухи всегда преувеличены, это вытекает из самой природы людской).

Но «невинная» картина, нарисованная Матреной Распутиной, видимо, тоже не соответствует действительности. Почему, например, с Ириной Александровной (женой Юсупова, племянницей царя[59]) Распутин поехал встречаться ночью, а не днем? (Считая это естественным!).

Если Вырубова (которую больше всех обвиняли в сексуальных связях с Распутиным), если она действительно была девственницей, как свидетельствует «товарищ прокурора» Руднев из Чрезвычайной следственной комиссии марта 1917 года, то и вправду выходит, что тот кружок аристократических дам, который окружал Распутина, действительно занимался в основном чаепитием.

Влияние Аликс на Николая Второго и ее вмешательство в государственные дела, несомненно, имело место. Жены всегда вмешиваются в дела мужей и пытаются их направлять, «куда следует», если не встречают решительного отпора. А Николай Второй при его просто патологической нерешительности, такого отпора, конечно, не давал. Прогерманская ориентация Александры Федоровны, разумеется, была чистым вымыслом, и действительности не соответствовала.

Валдис Эгле

19 апреля 2014 года

фильм РЕН ТВ 2011 года «Странное дело №5. Распутин – исповедь падшего ангела» (автор – Наталья Давыденок) – фильм просто исключительный по своей глупости – например, говорит о 15 выстрелах, якобы произведенных по мистически «живучему» Распутину). На самом деле Распутина поразили три пули (и по рассказу Пуришкевича и по заключению судмедэксперта Косоротова). Первые два раза Пуришкевич, стреляя на бегу, промахнулся. Также нет никакой «тайны» ни с ботинком, ни со сторожем.

[59] Ирина была дочерью сестры царя.

Научно-популярное издание
«Мысли об Истине»
Выпуск № 82
Сформирован 3 ноября 2017 года

Все читатели приглашаются принять участие в создании альманаха МОИ и присылать свои статьи и заметки для этого издания по адресу: Marina.Olegovna@gmail.com. Если присланные материалы будут соответствовать направлению Альманаха и минимальным требованиям информативности и корректности, то они будут опубликованы в нашем издании.

Основной вид существования Альманаха МОИ – в виде PDF-файлов в Вашем компьютере. Держите все выпуски МОИ в одной папке. Скачать PDF-ы можно с разных мест в Интернете, и не важно, откуда номер скачан. В Интернете нет одной фиксированной резиденции МОИ.

Содержание

Матрена Распутина. Распутин 2
Предисловие редактора 3
Предисловие в Векордии 3
От издателя 4
Матрена Распутина. «Распутин. Почему?» 8
Предисловие автора 8
Глава 1. Падучая звезда 10
Глава 2. Ночь души и женитьба 19
Глава 3. Странник 24
Глава 4. Опять дома 29
Глава 5. Новый Содом 35
Глава 6. Новоявленный 37
Глава 7. Николай Второй 44
Глава 8. Царица Александра Федоровна 48
Глава 9. Николай, Александра и вера 51
Глава 10. Божий человек Григорий Ефимович 54
Глава 11. Рождение наследника и интриги старого двора 56
Глава 12. Чудо 60
Глава 13. Домашние хлопоты 63
Глава 14. У Сазоновых 67
Глава 15. Вырубова 71
Глава 16. Гороховая, 64 76
Глава 17. Феликс, князь Содома 80
Глава 18. Распутин и плоть 86
Глава 19. Ужин во дворце 94
Глава 20. Черная полоса 97
Глава 21. Отставленный и призванный 102
Глава 22. Распутин – политик без политики 105
Глава 23. Замысел убийства Распутина 109
Глава 24. Удар ножом 112
Глава 25. Это – ночь 117
Глава 26. Напасти 122
Глава 27. Поиски виноватого 126

Глава 28. Смерть рядом 130
Глава 29. Убийство 135
Глава 30. После Распутина 138
Предисловие редактора 143
Записи Матрены Распутиной на отдельных листах 143
* Приложения * 154
Анжелика Сафьянова. Сказка наших дней 154
Григорий Распутин. Житие опытного странника 163
Григорий Распутин. Мои мысли и размышления 170
Из дневника Пуришкевича об убийстве Распутина 180
Послесловие редактора 215
Послесловие в Векордии 217
Содержание 218